

Антология украинской мысли

И. Г. Михневич

СОЧИНЕНИЯ

Киев, НПУ им. М. Драгоманова
Мелитополь, МГПУ им. Б. Хмельницкого

УДК 141.(477)
ББК 83.3(4Укр)
М 69

Серия основана в 2007 г.
Редколлегия серии «Антология украинской мысли»

Лазарев Ф. В. (председатель), д-р филос. наук;
Кривега Л. Д. (заместитель), д-р филос. наук;
Мозговая Н. Г., д-р филос. наук;
Волков А. Г., д-р филос. наук;
Сиднев Л. Н., д-р филос. наук;
Молодыченко В. В., д-р филос. наук;
Суходуб Т. Д., к. филос. наук;
Филиппенко Н. Г., к. филос. наук.

Редакторы издания Н. Г. Мозговая, А. Г. Волков,
автор вступительной статьи **Г. И. Волянка**, Н. Г. Мозговая.

М 69 **Михневич И. Г.** Сочинения / ред. Мозговая Н. Г., Волков А. Г., авт. вступ. ст. Волянка Г. И., Мозговая Н. Г., указат. Туренко В. Э. – Киев: НПУ им. М. Драгоманова; Мелитополь: МГПУ им. Б.Хмельницкого, 2014. – (Серия «Антология украинской мысли»). – 336 с.

ISBN 978-617-7055-31-9

В том сочинений украинского философа, профессора Киевской духовной академии и Ришельевского лицея в г. Одессе, Михневича Иосифа Григорьевича, вошли наиболее известные его сочинения – «Об успехах греческих философов в теоретическом и практическом отношениях», «Опыт постепенного изложения системы Шеллинга, рассматриваемый в связи с системами других германских философов», а также небольшие работы по логике и истории образования.

Издание предназначено для специалистов в сфере гуманитарных наук, а также всех, кто интересуется историей отечественной философии.

ISBN 978-617-7055-31-9

УДК 141.(477)
ББК 83.3(4Укр)
© Михневич И. Г., 2014
© **Волянка Г. И.**, Мозговая Н. Г.,
вступительная статья, 2014

И. МИХНЕВИЧ: ФИЛОСОФИЯ – БОЖЕСТВЕННОЕ ОТКРОВЕНИЕ

Вполне очевидно, что рядовому читателю, который незнаком с творчеством представителей киевской духовно-академической философии XIX века, имя Иосифа Григорьевича Михневича ничего не говорит. Но широкому научному философскому сообществу, без сомнения, известно это имя хотя бы в контексте творчества Николая Федоровича Федорова, Николая Ивановича Пирогова или Михаила Петровича Драгоманова. Первого — фундатора русского космизма и философии Общего дела — Михневич учил в Ришельевском лицее в г. Одессе. У второго — знаменитого хирурга и педагога XIX века — долгое время был помощником в Одесском и Киевском учебных округах. С третьим общался, сотрудничая в киевских воскресных школах. Так кто же такой И. Михневич, которого окружали такие яркие и неординарные личности?

Родился Иосиф Григорьевич Михневич в апреле 1809 года в семье священника в с. Локачи (Владимирского уезда Волынской губернии). Закончил Волынскую семинарию, магистр 6 курса (1829-1833) Киевской духовной академии (далее — КДА), однокурсник П. Авсенева. С 1833 года — бакалавр кафедры истории философии КДА. Этот период его жизни совпал по времени с открытием в Киеве Университета Св. Владимира, куда он был приглашен на должность профессора философии из КДА Ор. Новицким. На его место и пришел И. Михневич. В это же время (1833) профессор философии КДА Н. Карпов получил назначение в Санкт-Петербургскую духовную академию.

Следует подчеркнуть, что это было наиболее благоприятное время для расцвета молодых талантов, поскольку ректором КДА был тогда знаменитый Иннокентий Борисов. Выбор же И. Михневича на место Ор. Новицкого говорит о том, что Михневич в то время был единственным достойным претендентом, который мог возглавить кафедру истории философии в КДА. С 1836 года Михневич — экстраординарный профессор КДА, а с 1839-го — профессор философии Ришельевского лицея в Одессе¹.

В те времена преподавательская работа в светских учебных заведениях давала значительно больше материальных благ, чем в духовных. Поэтому преподаватели духовных академий с большой охотой шли работать в светские учебные заведения, где они пользовались большим уважением, поскольку в первых получали более серьезное фило-

¹ Михневич Иосиф Григорьевич (некролог) // Киевская старина. — 1885. — № 12. — С. 759.

софское образование. В светские институции перешли и другие преподаватели КДА — С. Гогоцкий и П. Юркевич.

В Ришельевском лицее И. Михневич проработал 20 лет, читая там все философские дисциплины — историю философии, логику, психологию и эстетику¹. Ришельевский лицей был открыт в 1817 году как среднее учебное заведение для детей аристократии и богатого купечества. Лицей был назван в честь Новороссийского генерал-губернатора А. Ришелье. Кстати, частым гостем лицейстов в 1823-1824 гг. был А. Пушкин, в лицее обучался будущий польский поэт А. Мицкевич.

Следует подчеркнуть, что И. Михневич переходит в Ришельевский лицей в 1839-м. А с 1837 года, в соответствии с новым уставом, лицей был реорганизован в высшее учебное заведение университетского типа. До этого времени он приравнялся по уровню преподавания к классическим гимназиям дореволюционной России. В реорганизованном лицее существовало два отделения: физико-математическое и юридическое, а с 1842 года открывается и камеральное отделение — первое в России².

Камеральное отделение в Ришельевском лицее было открыто при кафедре сельского хозяйства и готовило специалистов в области естественных и хозяйственных наук. Кроме узкоспециализированных дисциплин, в лицее читались и нормативные курсы — догматического и нравственного богословия, церковной истории, русской словесности, общей и русской истории, французского и немецкого языков. Из философских дисциплин преподавались история философии и общий курс философии. В состав последнего входили психология, логика и эстетика, причем история философии читалась на 1-м курсе, а логика с психологией и эстетикой — на 2-м. Эти и другие подробности учебного процесса прописаны с особой тщательностью самим же И. Михневичем в его труде «Исторический обзор 40-летия Ришельевского лицея с 1817 по 1857 год»³. Эта работа является одним из первых исследований по истории Ришельевского лицея, а ныне — Одесского национального университета им. И. И. Мечникова. В ней сделан всеобъемлющий анализ всех структурных единиц и подразделений лицея, начиная от внешней характеристики его помещений, описи книжного фонда библиотеки, материального обеспечения различных подразделений и оканчивая перечислением всех преподавателей с подробным анализом их научной и учебной деятельности, а также списком выпускников лицея за 40 лет его существования. При этом о себе Михневич

¹ Там же.

² Михневич И. Г. Исторический обзор 40-летия Ришельевского лицея с 1817 по 1857 год / И. Г. Михневич. — Одесса: В типографии Л. Нитчл., 1857. — С. 52-53.

³ Там же. — 200 с.

упоминает лишь один раз в списке инспекторов, хотя лицею он посвятил 20 лет своей жизни.

Известный поэт и переводчик Петр Вайнберг, в прошлом лицеист, спустя много лет вспоминал лекции И. Михневича следующим образом: «...то время, в которое воспитанники лицея сходились в аудиторию слушать живое слово любимого профессора, его ясное, серьезное и захватывающее изложение, было самым лучшим временем в их студенческой жизни»¹.

Философские взгляды И. Михневича изложены в следующих его работах: «Об успехах греческих философов в теоретическом и практическом отношениях (1839), «О достоинстве философии, ее действительном бытии, содержании и частях»(1840), «Задача философии» (1842), «Опыт постепенного развития деятельности мышления, как руководства для первоначального преподавания логики» (1847), «Опыт постепенного изложения системы Шеллинга, рассматриваемый в связи с системами других германских философов» (1850).

Как видим, Михневич оставил небольшое философское наследие, а точнее — руководство к логике и четыре статьи философского содержания. Первая и последняя работы посвящены рассмотрению проблем, носящих историко-философский характер, вторая и третья — рассматривают проблемы предмета, метода, задачи и преимущества философии в сравнении с другими науками.

Согласно Г. Шпету, Михневич, как и его однокурсник по КДА Авсенеv, симпатизировал шеллингианству². Но при этом, если И. Михневичу были присущи романтические мотивы в творчестве Шеллинга, то П. Авсенеv больше тяготел к мистическим мотивам в творчестве данного представителя немецкой классической философии XIX в.

Подчеркнем, что среди философов как прошлого, так и настоящего не существует единой точки зрения относительно принадлежности И. Михневича к той или иной философской традиции. По мнению церковного историка XIX в. А. Никольского, Михневич более всего тяготел к философской системе Фихте. Церковный историк аргументировал свою мысль тем, что Михневич, давая дефиницию философии, определяет ее так же, как и Фихте, то есть как науку о сознании³.

Не нужно забывать, что философия Фихте не пользовалась в России особой популярностью, что было обусловлено, прежде всего, тем,

¹ Михневич Иосиф Григорьевич (некролог) // Киевская старина. — 1885. — №12. — С. 760.

² Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии / Г.Г. Шпет // Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г. Очерки истории русской философии. — Свердловск, 1991. — С. 409.

³ Никольский А. Русская духовно-академическая философия, как предшественница славянофильства и университетской философии в России / А. Никольская // Вера и разум. — 1907. — № 20. — С. 204.

что, во-первых, система философии Фихте была насквозь пронизана идеями немецкого национализма, и, во-вторых, абстрактный схематизм гносеологических конструкций Фихте отпугивал представителей как академической, так и университетской философии (и не только их).

Д. Чижевский в своих «Очерках...» подчеркивал, что значительное влияние на формирование мировоззрения Михневича сыграл Гегель. «Влияние Гегеля, — писал Чижевский, — особенно его историзма, было у некоторых из упомянутых мыслителей... Но более значительное влияние — у некоторых из воспитанников Киевской академии, особенно у... Михневича»¹.

У В. Зеньковского же мы находим следующие суждения по поводу философских воззрений Михневича: «К Киевской школе принадлежал еще и И. Г. Михневич, ставший преподавателем лицея в Одессе, давший очень ясное изложение Шеллинга, склонявшийся отчасти к Гегелю»².

Самым интересным является то, что каждый из вышеназванных исследователей прав по-своему. В произведениях И. Михневича чувствуется влияние и Шеллинга, и Фихте, и Гегеля, но при этом взгляды представителей немецкого идеализма трансформировались в творчестве мыслителя сквозь призму отечественной философской традиции, сквозь призму ценностных ориентаций христианско-православной духовной традиции.

У современных исследователей, а именно у В. Горского, находим интересную мысль, что у И. Михневича мы «наблюдаем начало перерождения с философии Шеллинга на восприятие идей гегелевской философии»³.

Какой же смысл И. Михневич вкладывал в предмет философии?

Прежде всего, мыслитель придерживался формального определения философии как такой науки, которая изучает все, включая и то, что есть во всем, то есть всеобщие начала, первоначальные формы, вечные законы и цели. Михневич считал, что в настоящее время способность постигать всеобщие начала предметов, или, другими словами, способность философствовать, может быть реализована лишь с помощью Откровения, поскольку только Божественное Откровение раскрывает для философии таинственную область метафизического мира. Можно сказать, что философия скорее подчиняется Открове-

¹ Чижевський Д. Нариси з історії філософії на Україні / Д. Чижевський. — К.: Вид-во «Орій» при УКСП «Кобза», 1992. — С. 101.

² Зеньковский В.В. История русской философии. В 2 томах / В.В. Зеньковский. — Ростов-на-Дону, 1999. — Т. I. — С. 361.

³ Горський В.С. Історія української філософії. Курс лекцій / В.С.Горський. — К.: Наукова думка, 1996. — С. 135.

нию, не теряя при этом своей самостоятельности. Философ считал, что если бы человечество искало ответы на все вопросы только с помощью Божественного Откровения, то тем самым Откровение превратилось бы в книгу, которая удовлетворяла бы лишь человеческое любопытство. В действительности же, Откровение служит моральному усовершенствованию человечества. Мыслитель подчеркивал, что наш разум требует умения выстраивать мысли в логической последовательности в соответствии с математическим порядком и гармонией, а это умение присуще только философии как науке, которая исследует природу нашего духа.

По глубокому убеждению И. Михневича, людской дух и душа всегда были в центре внимания философии. В частности, древним грекам были известны такие же способности души, что и сегодня современникам, а именно: духовность, простота, свобода, бессмертие. Они имели определенные знания о тех же силах души, что и мы сегодня: о чувствах, рассудке, разуме, воле. Но истинное единство души и тела для языческой (древнегреческой) философии осталось неизвестным, поскольку переселение душ в другие тела древние греки считали вполне возможным, а вот соединение души с тем же телом считали невозможным. Поэтому, по мнению Михневича, для языческой философии было характерным ограниченное понимание сущности идеи бессмертия души. Конечно же, продолжает мыслитель, существовала вера в будущую жизнь и в прошлом, но она понималась однобоко, поскольку, соединяя человека с Богом, древние философы не могли соединить его сущность с Божественной сущностью, и вследствие этого человек растворялся в Боге, как капля воды в океане. Еще меньше, продолжает Михневич, древним грекам были известны пути достижения вечного блаженства. Чтобы отыскать потерянный путь к небу, древним предлагались различные способы: у Сократа — это богоподобие, у Платона — это гармония сил души и покорение низменных сил высшим силам, у стоиков — следование судьбе, у неоплатоников — отрешение от плоти. В этом контексте Г. Шпет писал, что «понимание историзма как метода можно приписать и Михневичу, потому что едва ли было простой случайностью, что Михневич, столь близкий Новицкому, для решения *теоретического вопроса чем сила ума (выделено Г.Шпетом,— авт.)*, воспользовался таким блестящим приемом, как сопоставление языческой (греческой) философии и христианской»¹.

Естественно, что Михневич не отрицал при этом благоприятного влияния философии на этическую жизнь древних греков. Но это влияние, считал Михневич, было весьма ограничено, так как людской

¹ Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии / Г.Г. Шпет // Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г. Очерки истории русской философии. — Свердловск, 1991. — С. 434.

разум не мог постигнуть все разнообразие мира в его состояниях и на всех ступенях развития. По глубококому убеждению мыслителя, будущее от разума скрыто, прошлое — темно, а настоящее — довольно прерывисто. Михневич приходит к выводу, что во времена господства языческой философии человечество пребывало в состоянии душевной болезни. Природный разум не в состоянии был спасти человечество. Выход существовал только один — это принятие разумом Божественного Откровения. Но тогда возникает другой вопрос: что теперь должен делать разум? Если в Божественном слове открывается то, что до этого было скрыто, то над чем теперь должна работать философия? Существует ли предмет, которым сейчас должна заниматься философия? Есть, утверждает И. Михневич.

Мыслитель считает, что наиболее важным для нас объектом познания является сам человек. Кроме философии не существует ни одной науки, которая бы исследовала этот предмет во всей его полноте. Откровение объясняет нам лишь темные стороны людского естества. Оно помогает разуму лучше увидеть их, глубже исследовать и познать. Божий Промысел лишь облегчает деятельность людского разума. Человеку же дано Божье слово, в котором содержатся вечные истины, требующие от человека глубокого познания как самого себя, так и мира Бога. «Одно только, — писал Михневич, — никогда не должно забываться ею — у нее теперь два закона: закон неписанный, природный, закон ума, и закон писанный, положительный, Закон Откровения. Философ должен теперь, так сказать, поминутно справляться с тем и другим законом. Оставаясь при одном из них, он или разрушит все для своей философии, или уничтожит саму философию. Только та философия вводит в святилище истинной мудрости, которая происходит из ума, нисколько не удаляясь от Откровения»¹.

Как подчеркивал в своих «Очерках...» Д. Чижевский, «в каждом определении философии, которое он давал (*Михневич, — авт.*), встречаем и признание источником философии мира идей разума, и признание значения исторического развития философской мысли. Более решительно, чем Новицкий, признает он роль божественного откровения как источника познания»².

Вопрос о соотношении философии и религии И. Михневич рассматривал с теистических позиций, утверждая, что слепой является та вера, в которой нет знания, но и недальновидно то знание, в котором нет веры. Мыслитель был уверен, что философия всегда была, есть и

¹ Михневич И.Г. Об успехах греческих философов в теоретическом и практическом отношениях / И.Г. Михневич // Журнал Министерства народного просвещения. — 1839. — Ч. 24 (июль). — С. 166.

² Чижевський Д. Нариси з історії філософії на Україні / Д. Чижевський. — К.: Вид-во «Орія» при УКСП «Кобза», 1992. — С. 101.

будет пребывать в тесном единстве с религией. И то, чего не может разум, открывается в Божьем слове, а чего не может совершить человек, то совершает Бог.

Появлению философии, считал Михневич, предшествует развитие мыслительной деятельности во всех сферах человеческой жизни. Это относится к материальной сфере промышленности, общественным отношениям и общественным институтам, к науке и искусству. И только затем появляется у человечества потребность познать причины и законы всего сущего. Это и есть, считал Михневич, просветление истиной — когда человек творит науку за наукой и наконец-то создает рациональную науку наук — философию.

Таким образом, человечество, прежде чем достичь философских вершин в осознании сущности всего мироздания, должно пройти все ступени своего развития и достичь полноты самосознания. «Философия, — делает вывод Михневич, — это наука о сознании как со стороны подлежательной (субъективной), так и со стороны подлежательной (объективной). Это наука о предмете и природе нашего сознания, о главных ее актах, которые открываются нам в познании мира, человека и Бога; это наука, которая основывается на идеях и ограничивается исследованием возможной, необходимой и безусловной стороны вещей»¹. Это наука о сознании, которая рассматривается с трех сторон: а) со стороны субъекта сознания; б) со стороны внутренней активности сознания, которое раскрывается в мышлении; в) со стороны внешней деятельности, которая раскрывается в сознании.

Михневич далее выводит и три составляющие философии: 1) психологию, которая изучает субъект сознания; 2) логику с этикой и эстетикой, которые изучают законы и формы мышления, а также волю и чувства; 3) метафизику, которая имеет своим предметом познания надчувственное, то есть идеальную метафизическую сторону вещей. Эти главные составные философии, в свою очередь, делятся уже на более частные: теологию, космологию, антропологию, которые являются составными частями метафизики; идеологию, эстетику, этику, которые являются составными частями антропологии².

Особенно большое внимание философ уделяет логике и этике. В своей работе «Опыт постепенного развития деятельности мышления, как руководства для первоначального преподавания логики», написанной в 1847 году и опубликованной в Одессе, мы находим следующее видение предмета логики и основных законов мышления.

¹ Михневич И.Г. О достоинстве философии, ее действительном бытии, содержании и частях / И.Г. Михневич // Журнал Министерства народного просвещения. — 1839. — Ч. 24 (июль). — С. 123.

² Михневич И.Г. Задача философии./ И.Г. Михневич // Журнал Министерства народного просвещения. — 1842. — № 6. — Ч.34. — С. 67-86.

Прежде всего, Михневич считает, что логика, как наука, до сих пор не определилась относительно своего предмета: одни ученые уверяют, что главным предметом ее исследований являются законы и формы чистого мышления, другие — сам процесс познания. Уклон делается или в практическую, или теоретическую сферу. Этот факт привел к тому, что логику рассматривают или как науку, которая исследует правила мышления и тогда она учит мыслить, или как науку, которая занимается чистой теорией развития человеческого мышления. Михневич же считал, что логика, как наука о мышлении, прежде всего, должна обратить внимание на следующие стороны человеческого мышления: а) на его форму, то есть на то, что нам показывает как именно мышление возникает и существует, а также какое содержание мы вкладываем в законы и формы мышления; б) на его содержание, то есть на составные элементы мышления, а они бывают как внутренние, то есть чисто логические, так и внешние, то есть онтологические; в) на взаимосвязь между формой и содержанием мышления, причем способом их единства выступает метод, а формой — система.

Таким образом, делает вывод профессор, логика должна быть: 1) аналитикой формы мышления; 2) аналитикой содержания мышления; 3) архитектоникой, в которую входят методология и систематика.

Относительно законов мышления, то Михневич основным законом мышления считает закон противоречия и именно с него начинает анализ логических законов. «Утверждение и отрицание — *противоположности*. Совмещение противоположностей в *одном действии* мышления — это *противоречие* (здесь и далее выделено И. Михневичем, — авт.)»¹. Философ разделяет противоречащие понятия и суждения на явные и скрытые. Для первых характерным является совместимость утверждения и отрицания, и профессор называет их отрицательными или чисто логическими, а для других совместимыми являются противоположные утверждения, и он их называет положительными или опытными.

Мы видим, что под отрицательными или чисто логическими противоречиями Михневич понимает контрадикторные понятия или суждения ($A — O$, $E — I$), а под положительными или опытными — контрарные ($A — E$). Степень же совместимости или несовместимости положительных понятий или суждений, считает Михневич, определяется только опытом, именно поэтому профессор и называет их опытными. «И отрицательное, и положительнопротиворечия *уничтожают* предмет мышления и делают *невозможным* образование мыслей.

¹ Михневич И.Г. Опыт постепенного развития главных действий мышления как руководство для первоначального преподавания логики / И.Г. Михневич. — Одесса, 1847. — С. 26.

...Как препятствие мышлению, противоречие *противно* природе нашей мыслящей души. Она требует не противоречия, а *согласия* в мыслях. Это требование составляет основной закон мышления, известный под названием *закона противоречия*»¹. И. Михневич следующим образом формулирует основной закон мышления: «Нельзя совмещать противоположные мысли в *одном* и *том же* предмете, в *одно* и *то же* время, с *одной* и *той же* стороны»². Свою позицию ученый обосновывает тем, что доказывает, что наше мышление по своей природе направлено на образование, а не на уничтожение мыслей. Поэтому попытка избежать противоречия является естественным требованием нашего мышления и выражается в основном законе мышления. Как мы видим, мыслителя не столько интересует само по себе противоречие, сколько возможность его преодоления. Эта же мысль подчеркивается и современными исследователями творчества И. Михневича: «Противоречие подается философом как мгновение в мыслительном процессе, которое обязательно будет преодолено мыслительной природой души. Актуализация души в системе логики как раз и стала гарантией преодоления всех противоречий. Для украинского романтического мышления вообще был характерен поиск форм уравнивания и снятия противоречий»³.

Далее Михневич подчеркивает, что то, что является соизмеримым в предмете, составляет его особенность: «Эта особенность не позволяет предмету быть одновременно тем и другим, следовательно, заставляет его быть всегда одним и тем же, производит то, что называется *тождеством* предметов. ...Таким образом, с *особным* существованием предметов неразрывно связано их *тождество*»⁴. Уничтожение тождества предметов всегда сопровождается смешиванием представлений об этих предметах, так как по своей природе мышление всегда требует их различения: «Это требование составляет *второй основной закон* мышления, известный под названием *закона тождества*»⁵. Этот закон мыслитель формулирует следующим образом: «Это есть *то, что есть*, а не *что-либо другое*» или «всякая вещь есть *именно та* вещь, а не та и другая», или «всякая вещь *равна самой себе*, а не другой»⁶. Таким образом, если нарушение закона противоречия приводит к не-

¹ Там же. – С. 28.

² Там же. – С. 29.

³ Бовсунівська Т. Йосип Міхневич і становлення українського романтичного мислення (до 190-річчя від дня народження) / Т. Бовсунівська // Філософська думка. – 1999. – №3. – С. 59.

⁴ Михневич И.Г. Опыт постепенного развития главных действий мышления как руководство для первоначального преподавания логики / И.Г. Михневич. – Одесса, 1847. – С. 29-30.

⁵ Там же. – С. 30.

⁶ Там же. – С. 31.

возможности рождения мыслей, то нарушение закона тождества — к образованию содержательно пустых мыслей. Не существует, считает профессор, другого способа выражения наших мыслей о предмете, кроме как утверждение и отрицание. Последняя мысль выражает третий основной закон мышления — закон исключенного третьего или же средний закон, который ученый формулирует следующим образом: «Это есть *то или другое*, но нельзя быть ему *ни тем, ни другим*, равно как нельзя быть одновременно *и тем, и другим*»¹.

Таким образом, система логики Михневича «характеризует не логику развертывания форм бытия, а содержание его становления, то есть, она является логикой содержания, логикой семантических сдвигов и соединений»². Если нечто всегда есть либо то, либо другое и при этом не может быть одновременно ни то, ни другое, то для этого должна существовать причина. Это означает, что утверждение и отрицание всегда должны иметь свое основание. «Основание — это такое начало, которым определяется наше мышление по отношению к известному предмету, становясь или решительно утвердительным, или решительноотрицательным»³. Профессор считал, что необходимость поиска основания в наших раздумьях лежит в природе мыслящей души, которая всегда стремится иметь точные и ясные мысли о предмете. Отсюда вытекает четвертый основной закон мышления, то есть закон достаточного основания. Михневич формулирует его следующим образом: «утверждение и отрицание должны иметь свое *основание*» или «ничего не заключай без *достаточного основания*»⁴. Таким образом, закон достаточного основания ставит следующее требование перед мышлением: всегда останавливаться в процессе познания на чем-то одном и не позволять себе переходить от одной крайности к другой. Выполнение этого закона приведет к выполнению требований всех остальных законов: «Ведь если кто-то утверждает свое представление на таком основании, из которого видит, что он представляет вещь тем, чем она есть, тот не станет одного и того же утверждать и отрицать (закон противоречия), не станет одной и той же вещи представлять той и другой (закон тождества), не станет уклоняться как от утверждения, так и от отрицания (закон исключения третьего). Но для твердой опоры мысли, не допускающей в мышлении никакого колебания, необходимо достаточное основание, потому-то этот закон и на-

¹ Там же. — С. 32.

² Бовсунівська Т. Йосип Міхневич і становлення українського романтичного мислення (до 190-річчя від дня народження) / Т. Бовсунівська // Філософська думка. — 1999. — №3. — С. 59.

³ Михневич И.Г. Опыт постепенного развития главных действий мышления, как руководство для первоначального преподавания логики / И.Г. Михневич. — Одесса, 1847. — С. 33.

⁴ Там же. — С. 34.

зван законом достаточного основания. Впрочем, могут быть различные степени этой достаточности, которые производят и различные степени убеждений: степень очевидности, достоверности и вероятности»¹.

Таким образом, «в области логики И. Михневич сделал попытку соединить сенсуалистический и рационалистический подходы; справедливее было бы сказать об использовании им аутентично-синтетического метода познания с целью каталогизации сферы логики»². Также необходимо отметить, что свою основную работу по логике — «Опыт постепенного развития главных действий мышления, как руководство для первоначального преподавания логики» И. Михневич издал в Одессе. Это было время, когда он покинул профессорство в КДА и начал преподавательскую деятельность в Ришельевском лицее. Теперь, будучи преподавателем светского учебного заведения, Михневич логику рассматривает в русле филологически-ориентированного учебного заведения. Для мыслителя логика должна быть не философской, а словесной пропедевтикой, хотя до этого профессор неоднократно высказывал противоположную мысль, что логика — это все-таки философская пропедевтика.

Касаясь такой составной философии, как этика, Михневич считал, что эта наука должна полностью основываться на Божественном Откровении, а не выискивать новые способы морального усовершенствования человечества. Однако этика должна иметь и свою специфику, поскольку она делится на: 1) аналитику, 2) теорию деятельности, 3) учение о добродетели и системе обязанностей.

Что же, с точки зрения И. Михневича, изучает метафизика?

Метафизика или идеология, как ее иногда называет профессор, должна, во-первых, раскрывать природу и особенности бесконечного бытия; во-вторых — раскрывать природу и особенности конечных вещей — материальных и духовных; и, наконец, указывать способ и меру выявления бесконечных идей в конечных вещах. Потому метафизика должна состоять из следующих разделов: 1) соматологии, 2) пневматологии, 3) космологии. Соматология и пневматология должны отыскивать в конечном бытии вещей два начала: материальное и духовное, раскрывать их взаимосвязь. Космология должна заниматься, по мнению Михневича, изучением: а) сферы неорганического мира, б) сферы органического мира, где идея истины трансформируется в идею прекрасного; в) духовно-этической сферы, где идеи добра находят свое воплощение в свободе.

¹ Там же. — С. 35.

² Бовсунівська Т. Йосип Міхневич і становлення українського романтичного мислення (до 190-річчя від дня народження) / Т. Бовсунівська // Філософська думка. — 1999. — №3. — С. 58.

ИДЕЯ ФИЛОСОФИИ

Анализируя философские взгляды талантливого воспитанника КДА, сегодня мало кто из исследователей обращает внимание на тот факт, что И. Михневич был, по сути, крестным отцом оригинальной философской системы своего ученика Николая Федоровича Федорова (1828-1903).

Теперь же мы обратимся к тем событиям из жизни Н. Федорова — одного из основоположников философии русского космизма, автора «Проекта общего дела», которые происходили с ним во время учебы в Ришельевском лицее с 1849-го по 1851 год, где в эти же годы преподавал философию профессор лицея И. Михневич.

Среди современных исследователей биографии и творчества Н. Федорова практически документально изучено пребывание мыслителя в более чем в 20 городах Российской империи. Без сомнения, этот список со временем будет продлен. Но при этом удивляет один факт: если тамбовский, рязанский, воронежский, липецкий, подольский, пензенский, ашхабадский периоды жизни мыслителя уже давно стали объектом пристального изучения исследователей творчества Н. Федорова, то одесский период в этих исследованиях и по сей день выглядит неким «белым пятном».

Как известно, в 1849 г. Н. Федоров успешно окончил тамбовскую гимназию и с августа этого же года стал студентом камерального отделения Ришельевского лицея в Одессе. Кстати, в «Истории русской философии» В. Зеньковский ошибочно полагал, что Федоров был студентом юридического, а не камерального отделения, и на протяжении трех, а не двух лет¹.

Поскольку И. Михневич в лицее был единственным профессором философии, его не мог не слушать лицеист Н. Федоров. Об этом, кстати, бегло упоминает в своих очерках по истории философии в Украине Д. Чижевский². Есть все основания утверждать, что кроме лекций И. Михневича по истории философии и общего ее курса, будущий основоположник «Философии общего дела» слушал и вышеупомянутую знаменитую речь профессора, прочитанную им на торжественном собрании Ришельевского лицея и посвященную окончанию 1849-1850 академического года. Эта речь в 1850 году была издана в Одессе отдельной брошюрой³. Как мы увидим ниже, она содержала некоторые

¹ См.: Зеньковский В.В. История русской философии. В 2 томах / В.В. Зеньковский. — Ростов-на-Дону, 1999. — Т. II. — С. 148.

² Чижевський Д. Нариси з історії філософії на Україні / Д. Чижевський. — К.: Вид-во «Орієн» при УКСП «Кобза», 1992. — С. 105.

³ Михневич И.Г. Опыт простого изложения системы Шеллинга, рассматриваемой в связи с системами других германских философов (речь, прочитанная на торжественном собрании Ришельевского лицея по случаю окончания 1849-1850 академического года). — Одесса: В типографии Л. Нитчл., 1850. — 55 с.

идеи, созвучные дальнейшим положениям «Проекта общего дела» основоположника русского космизма. Конечно же, утверждать наличие идейных совпадений и параллелей в творческом наследии И. Михневича и Н. Федорова не составило бы особого труда, если бы мы могли подтвердить это совпадение текстуальным признанием самого Федорова. Такое подтверждение мы находим, к примеру, в текстах В. Соловьева по отношению к его университетскому учителю — П. Юркевичу. Но если этого не случилось, то наши суждения пока что остаются только гипотетическими.

Теперь мы кратко остановимся на ключевых идеях философии И. Михневича, которые, как мы считаем, созвучны аналогичным идеям Н. Федорова.

Прежде всего, следует отметить, что для всех вышеперечисленных работ философа характерна христианско-антропологическая направленность. В принципе, по-другому быть и не могло — как воспитанник и профессор высшего православного учебного заведения России, Михневич, из-за своих мировоззренческих взглядов, мог преподавать философию лишь в рамках христианско-православной традиции, что он успешно и делал.

Питая же симпатии к Шеллингу, причем к Шеллингу-романтику, Михневич и лекции свои читал в этом же ключе. В частности, в одной из своих ранних работ «Об успехах греческих философов в теоретическом и практическом отношениях»¹ он, анализируя взгляды античных философов, обращает внимание на ценностный аспект природы. Он ставит вопрос о ее «темной стороне», враждебности к человеку, злой природе, сближении человека с природой, силе, которая его возносит и господствует над природой, то есть, о разуме². Конечно, за этими положениями просматривается как шеллингианское единство духа и природы, так и их полярность. Однако тезис о злой природе, неразумная слепота которой является причиной разрушения и смерти, вскоре станет одной из ключевых идей в творчестве Н. Федорова. Оба философа хорошо понимали факт разъединения духа и природы как проявление феномена отчуждения, который в XIX веке был, у представителей западноевропейской философии, объектом пристального изучения. Речь идет об отчуждении человека от природы, от самого себя и общества. Проблему отчуждения, как знаток немецкой классической философии, активно изучает Михневич. В этом же ключе Федоров

¹ Михневич И.Г. Об успехах греческих философов в теоретическом и практическом отношениях / И.Г. Михневич // Журнал Министерства народного просвещения. — 1839. — Ч. 24. — С. 129-166.

² Там же. — С. 129-145.

поднимает вопрос о «братстве и причинах небратского состояния мира»¹.

Справедливости ради отметим также различия во взглядах двух мыслителей относительно проблемы отчуждения в сфере духа и природы. Если Михневич только фиксирует эту полярность среди оппозиции «знание — вера», «человек — мир», то Федоров эту полярность конкретизирует и придает ей социальную окраску. Оппозиция «дух — природа» выступает у него как разорванное противостояние ученых и неученых, теоретиков и практиков, мысли и дела. По глубокому убеждению Н. Федорова, такое противостояние необходимо преодолеть, чтобы вновь восстановить единство человеческого рода. Михневич также выступает за единство противоположностей². Идея синтетизма преобладает даже в его работе по логике³.

Каким же образом И. Михневичу и Н. Федорову представляется возможным объединение противоположности духа и природы, ученых и практиков?

Ответ на этот вопрос мы находим в уже упоминаемой нами выше ранней работе И. Михневича «Об успехах греческих философов в теоретическом и практическом отношениях». Объясняя отчужденность духа от природы, философ отмечает, что дух ограничивается, во-первых, Откровением, и, во-вторых, и это для нас является очень важным, — делами⁴. Дело является проводником, с помощью которого дух входит в природу. Проблема деятельности (дела) рассматривается Михневичем и в других его работах⁵, в частности, в уже упомянутой выше работе «Опыт простого изложения системы Шеллинга, рассматриваемой в связи с системами других германских философов»⁶. В этой работе Михневич демонстрирует полную солидарность с Шеллингом относительно крайней неудовлетворенности последнего взаимной оторванностью теоретического и практического разума у Канта. По

¹ Федоров Н. Ф. Сочинения / Н. Ф. Федоров. — М.: Мысль, 1982. — С. 53.

² Михневич И.Г. Об успехах греческих философов в теоретическом и практическом отношениях / И.Г. Михневич // Журнал Министерства народного просвещения. — 1839. — Ч. 24. — С. 160.

³ См.: Михневич И.Г. Опыт постепенного развития главных действий мышления, как руководство для первоначального преподавания логики. — Одесса: В городской типографии, 1847. — 116 с.

⁴ Михневич И.Г. Об успехах греческих философов в теоретическом и практическом отношениях / И.Г. Михневич // Журнал Министерства народного просвещения. — 1839. — Ч. 24. — С. 164.

⁵ Михневич И.Г. О достоинстве философии, ее действительном бытии, содержании и частях / И.Г. Михневич // Журнал Министерства народного просвещения. — 1840. — Ч. 25. — С.121-122.

⁶ Михневич И.Г. Опыт простого изложения системы Шеллинга, рассматриваемой в связи с системами других германских философов (речь, прочитанная на торжественном собрании Ришельевского лицея по случаю окончания 1849-1850 академического года). — Одесса: В типографии Л. Нитчл., 1850. — С. 34.

мнению Михневича, этот дуализм затруднился снять и Фихте, который, исходя из единственного начала — «Я», вынужден был прийти к метафизическому эгоизму. Эгоизм оценивался Михневичем, а позже — Федоровым, крайне негативно. Профессор следующим образом характеризует эгоизм: это «попытка ослабить все связи души с миром — местом первого ее назначения, и с Верховным Существом — виновником ее последней судьбы, это означает дать мышлению ума ложное направление и покрыть мраком смерти все, чему Всемогущим Творцом дана полнота жизни и обилие действующих сил»¹.

Анализируя подход Шеллинга к проблеме снятия дуализма духа и природы, теоретического и практического разума и преодоления метафизического эгоизма, что делает природу чуждой и вражеской силой, И. Михневич демонстрирует свое видение выхода из данной проблемной ситуации. Его не удовлетворяет ответ немецкого идеалиста, что «...бытие и сознание, вещь и идея — это два полюса одного центра, поэтому в своем безусловном начале они тождественны»². Он перестает спрашивать, в чем или в ком олицетворяется этот общий центр, это абсолютное начало, в лоне которого природа есть дух, а дух — природа? Если это начало есть абсолют (так считал Шеллинг), который пронизывает и природу, и дух, тогда немецкий философ — пантеист, что, по мнению Михневича, не совсем хорошо. Поэтому он везде подчеркивает необходимость признания трансцендентного Бога.

Каким образом, по мнению И. Михневича, осуществляется одушевление природы и снятие ее враждебности и отчужденности? В связи с этим считаем необходимым обратить особое внимание на идею, которую провозглашает И. Михневич и которая является центральной в творчестве Н. Федорова, — идею оживления мертвого вещества, в частности — идею воскрешения тел предков.

Идея воскрешения в плоти оставалась в центре внимания И. Михневича на всем протяжении его преподавательской деятельности, что и неудивительно, принимая во внимание его следование духовно-православной традиции. Так, анализируя мировоззрение древних греков, он подчеркивал, что «...человек был для себя непонятной загадкой. Не говоря о тех, которые то низводили его в класс материальных вещей, образуя и саму его душу из той же грубой материи, из какой составлено его тело, то превращали его в чистого духа, признавая тело человека чем-то неестественным или случайным. Даже те из философов, которые правильно понимали двойственную природу человека, только наполовину понимали соединение в человеке двух начал — духовного и вещественного. Настоящий союз души и тела для

¹ Там же. — С.23-24.

² Там же. — С.31.

них казался никогда и ни в каком виде не восстанавливаемым после болезненного расторжения в минуты смерти. Переселение душ в другие тела они представляли возможным, а о новом соединении той же души с тем же телом никто и не думал»¹. Академический учитель И. Михневича по КДА профессор философии И. Скворцов в последних заметках своего дневника (1861) также писал созвучные Федорову мысли: «Нужно полагать, что наши тела не пропадают, хотя смешиваются с элементами, телами животных и растений. Каким образом? Должно быть такое бессмертное семя в нашем теле, внутреннее облачение души, с которым она отходит из тела. Это семя привлечет из области стихий свойственные себе части, хотя и не все те, какие прежде составляли тело того или другого человека. Животворящая сила сообщится душе и ее внутреннему или ближайшему облачению, а потом и всему составу, извлеченному из стихий. Таким образом, мертвенное будет проникнуто силой бессмертия»².

В этом контексте хотелось бы подчеркнуть еще один интересный факт. Непосредственный начальник И. Михневича по работе в Одесском и Киевском учебных округах — Н. Пирогов — после смерти был забальзамирован и помещен в подготовленный мавзолей в собственной усадьбе с. Вишня под Винницей. Не повлиял ли и тут И. Михневич на такое решение Н. Пирогова? Ответ на этот вопрос остается загадкой.

Рассуждая в русле ортодоксального догмата воскрешения в плоти, И. Михневич вынужден под этим углом рассматривать и более общие вопросы, в частности, об одушевлении и оживлении природы, как это было конкретно изложено у Шеллинга.

Возвратимся же к работе Михневича о философии Шеллинга, где он обращает внимание на размышления философа об упорядоченности природы всеобщим началом и, размышляя о сущности этого всеобщего, приводит его цитату: «Это общее, как начало всех частных, беспрестанно действует, обращая в живые существа землю, воздух и воду. Но это оживление, имеющее свою поэзию, есть только или видоизменение элементов материи, или совершенное их претворение»³. Согласно Шеллингу, видоизменение вещества есть действие самой природы. Михневич же, следуя христианской традиции, дополняет Шеллинга, утверждая, что претворение требует Творца. Причем под Творцом он пони-

¹ Михневич И.Г. Об успехах греческих философов в теоретическом и практическом отношении / И.Г. Михневич // Журнал Министерства народного просвещения. — 1839. — Ч. 24. — С. 151.

² Скворцов И. М. Дневник протоиерея / И. М. Скворцов // Труды КДА. — 1864. — Кн. 4. — С. 486.

³ Михневич И.Г. Опыт простого изложения системы Шеллинга, рассматриваемой в связи с системами других германских философов (речь, прочитанная на торжественном собрании Ришельевского лицея по случаю окончания 1849-1850 академического года). — Одесса: В типографии Л. Нитчл., 1850. — С. 30.

мает как Бога, так и Его подобие, то есть, человека. И далее И. Михневич склоняется к мысли, что «общее», или Бог, как источник одухотворения природы, реализуется через дела отдельных людей, в этом-то и заключается одухотворяющая и воскрешающая сила природы.

Мы знаем, что у Н. Федорова «всеобщее» выступает средством преодоления отчуждения, но он рассматривает его как общее дело людей, которые выполняют свое предназначение, данное им Христом, — воскрешение и вознесение. Это дело ученых и неученых, теоретиков и практиков. Цель всеобщего воскрешения «...может быть достигнута не «уничтожением» вещественной стороны мироздания, не преумножением его ресурсов, а объединенным и усовершенствованным развитием природы всех вещественных и духовных сил. Но развитием не в процессе несвободной эволюции, а в свободном и волевом процессе регуляции разумных и моральных существ, работающих вместе для общего дела»¹. Такое общее дело возможно только после преодоления «небратского» состояния современного общества, которое изменится благодаря достижению единства с прошлыми поколениями, то есть, благодаря воскрешению предков.

Учитывая то, что Н. Федоров в течение последующих тридцати лет не излагал письменно своих взглядов и лишь после 1878 года, выполняя просьбу Ф. Достоевского, начал описывать свою систему, но при этом оставил без ответа вопрос о времени ее возникновения. В этом отношении некоторый свет проливают лишь его эстетические и философские фрагменты. Как известно, написаны они были после 1900 года, то есть, в конце жизни. Эти фрагменты представляют для нас большой интерес, поскольку проливают некоторый свет как на идеи, которые сам Федоров считал исходными началами своего учения, так и на то время, когда эти идеи возникли².

В частности, в девятом фрагменте речь идет об основополагающей идее преодоления противоречия между эгоизмом и альтруизмом, пятидесятидвухлетний юбилей которой Н. Федоров отмечал в 1903 году. Разрешение антиномии эгоизма (тех, которые убивают) и альтруизма (тех, кого убивают) возможно только возвращением жизни первым вторыми, то есть, воскрешением последних.

— Пятьдесят два года исполнилось со времени рождения этой мысли, — пишет Н. Федоров, — плана, который мне казался и, кажется, наиболее величественным и одновременно самым простым, естественным, не надуманным, а самой природой рожденным! Мысль, что через

¹ Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: В 4 т. — М.: Издат. группа «Прогресс», 1995. — Т. II. — С. 182.

² Федоров Н.Ф. Эстетические и философские фрагменты / Н.Ф. Федоров // Сочинения. — М.: Мысль, 1982. — С. 623-637.

нас, через умные существа, природа достигнет полноты самосознания и самоуправления, воссоздаст все разрушенное и уничтоженное ее же все еще существующей слепотой и тем самым выполнит волю Бога, становясь подобием Его, Творца своего, — может ли быть эта мысль неестественной?!»¹

У нас нет сомнения, что приведенная выше основополагающая идея проекта Н. Федорова является хорошо известной и не требует каких-либо комментариев, но обратим внимание на некоторые обстоятельства ее возникновения. Сам Н. Федоров в восьмом фрагменте пишет, что эта основополагающая идея возникла осенью 1851 года, еще до выхода в мир автобиографической повести Л. Толстого «Детство» (она увидела свет в 1852 году), в которой имелись мысли, созвучные настроениям Н. Федорова в те годы². Год появления вышеназванной идеи оценивается автором среди всех предыдущих лет как «наименее неблагоприятный». Но одновременно этот же год, продолжает автор, для всех, кто хоть немного был знаком с обстоятельствами его жизни, был «наиболее неблагоприятным»³. Каковы же эти трагические обстоятельства?

Этот год был «наименее неблагоприятный» для идейных находок будущего мыслителя. Он успешно окончил второй курс лицея, стал студентом третьего, показал блестящие способности, переосмыслил многие идеи, созвучные его детским и юношеским переживаниям.

Почему же этот год был и «наиболее неблагоприятный»? Какое отношение имела к нему антиномия убийственного эгоизма и бессильного альтруизма, о которой пишет Н. Федоров в выше цитированном фрагменте?

На основании нескольких десятков лет поисковой архивной работы, современный исследователь творческой лаборатории — С. Семенова — документально установила, что обстоятельства этого года были связаны с печальными событиями в жизни юноши, а именно — со смертью его родного дяди, попечителя Константина Ивановича Гагарина — человека мягкого и доброго. Именно он оплачивал обучение в Ришельевском лицее Н. Федорова и его старшего брата Александра, который учился в этом же лицее на физико-математическом отделении. Братья, будучи незаконнорожденными детьми князя Гагарина, с детства были лишены отцовской любви и ласки. Они были записаны в купеческое сословие, то есть, фактически не были приняты в княжескую семью и получили фамилию, производную от имени их крестного отца Федора Карловича Белявского. Детские переживания

¹ Там же. — С. 633–634.

² Там же. — С. 632.

³ Там же. — С. 634.

будущего автора «Философии общего дела» не отличались радужностью, а, скорее, наоборот.

«С детских лет, — писал Н. Федоров, — сохранились у меня три воспоминания: видел я черный-пречерный хлеб, которым (говорили при мне) питались крестьяне в какой-то, вероятно, голодный год. Слышал с детства объяснение войны (на мой вопрос о ней), которое привело меня в страшное недоумение: на войне люди стреляют друг в друга! Наконец, узнал я о том, что есть и неродные, чужие, и о том, что сами родные — не родные, а чужие»¹.

По всей видимости, убийственный эгоизм родственников и вообще людей с детства глубоко отбилась в душе Н. Федорова. Светлым пятном на темном фоне общего эгоизма был только его дядя К. Гагарин, человек, несомненно, альтруистический. И вот в 1851 году Константин Иванович умирает. Братья теряют материальную поддержку (они вынуждены были оставить лицей). Потеря настолько ошеломила Н. Федорова, что он на всю дальнейшую жизнь проникся прекрасной идеей воскрешения предков, навеянной в юношеские годы учебы в лицее лекциями по философии замечательного киевского профессора Иосифа Григорьевича Михневича.

Несомненно, что И. Михневич повлиял на мировоззрение Н. Федорова и других федоровцев, которые идею воскрешения умерших смогли внедрить даже в идеологию большевизма. Между прочим, активными федоровцами были К. Циолковский (космическая ракета создается им с целью переселения воскресших умерших на другие планеты), А. Чижевский, А. Богданов, А. Луначарский, А. Гастев и даже архитектор К. Мельников, который проектировал стеклянный саркофаг В. Ленину. Именно по инициативе федоровцев был забальзамирован вождь пролетариата, которого планировали воскресить одним из первых в новом большевистском государстве. Мы, к сожалению, за отсутствием фактического подтверждения, можем лишь предполагать, что И. Михневич вел беседы о воскрешении и с Н. Пироговым — своим непосредственным начальником по образовательной ниве. Подлинно известно, что незадолго до смерти, Пирогов с интересом читал книгу «О бальзамировании», которую ему прислал его бывший ученик профессор Д. Выводцев. В своем же завещании хирург просил забальзамировать свое тело и поместить в подготовленный им мавзолей в собственной усадьбе Вишня под Винницей, где оно сохраняется по сей день.

¹ Цит. по: Семенова С. Г. Николай Федорович Федоров / С. Г. Семенова. — М.: «Раритет», 1994. — С. 20.

Много физических, интеллектуальных и нравственных сил потратил И. Михневич, трудясь на административно-образовательной ниве. Речь пойдет о его сотрудничестве с Н. Пироговым и Н. Драгомановым.

Дело в том, что вначале 1850 гг. правительство, напуганное революциями в Европе, внедряет строжайшие меры по преподаванию гуманитарных наук и фактически запрещает преподавание философии в светских учебных заведениях. Преподаватели философии были уволены или переведены на другие кафедры и должности. Среди философских дисциплин остались только логика и психология, но и их чтение было поручено профессорам богословия, которые работали по учебной программе, разработанной в Московской духовной семинарии и утвержденной Святейшим Синодом. Не обошли эти репрессии и Ришельевский лицей, а конкретно — И. Михневича. В силу вышеназванных причин он был переведен на административный пост — на должность инспектора лицея. Одновременно он был советником правления лицея, членом Одесского общества истории и древностей, а также в течение 20 лет издавал «Новороссийский календарь».

Встреча И. Михневича с Н. Пироговым произошла осенью 1856 года. Именно в это время Николаю Ивановичу Пирогову — знаменитому хирургу, участнику Севастопольской обороны, не менее известному педагогу и общественному деятелю было предложено царем Николаем II возглавить должность попечителя Одесского учебного округа. В октябре 1856 года ученый навсегда покидает свою кафедру в Медико-хирургической академии и переезжает в Одессу.

Следует подчеркнуть, что в середине XIX века Одесса была мощным научным и культурным центром не только Новороссийского края, но и всей Российской империи. В состав Одесского учебного округа входили учебные заведения Херсонской, Екатеринославской, Таврической и Бессарабской губерний, а также двух городов — Одессы и Таганрога.

За один год и десять месяцев своего кураторства (до июля 1858 года) Н. Пирогов при активном содействии И. Михневича смог сделать много полезного и необходимого для улучшения учебного процесса в образовательных учреждениях Одесского округа. Много усилий приложили Пирогов и Михневич по реформированию Ришельевского лицея в Новороссийский университет. В то время в Новороссийском крае, наиболее отдаленном от центра и огромном по размерам, университет был крайне необходим. Преподавательский состав лицея полностью соответствовал уровню подготовки учителей, врачей, агрономов и других специалистов, необходимых для развития южных районов Российской империи.

В 1857 году вся общественность Одессы и Новороссийского края отметила 40-летие Ришельевского лицея. По поручению ученого совета лицея И. Михневич пишет нами уже упомянутый выше «Исторический обзор 40-летия Ришельевского лицея с 1817 по 1857 год», который увидел свет в мае того же года. В приложении к данному «Историческому обзору...» Михневич размещает полный текст речи Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического, за время ректорства которого в КДА (1830-1840гг.), Михневич прошел путь от студента до профессора академии. На этом же праздновании присутствовали, в качестве почетных гостей, одесский генерал-губернатор князь Н. Воронцов и министр народного образования князь П. Ширинский-Шихматов. Да, да, именно тот самый, который ввел наиболее суровые санкции относительно запрета преподавания философии в системе университетского образования, повторив слова А. Шишкова, что «польза от философии не доказана, а вот вред — очевиден».

Следует подчеркнуть, что сотрудничество И. Михневича и Н. Пирогова не ограничивалось лишь Ришельевским лицеем, это сотрудничество было не менее плодотворным и в совместной научной работе в городском Товариществе истории и древностей г. Одессы. Известно, что с момента основания этого Товарищества И. Михневич был его секретарем¹. Научной деятельностью Товарищества чрезвычайно интересовался Н. Пирогов, который в ноябре 1856 года был единогласно избран его действительным членом, а в мае 1857 — вице-президентом. С этого момента его заседания проходили под руководством Н. Пирогова, поскольку президент Товарищества — генерал-губернатор А. Строганов — не интересовался подобными делами.

Больше года Пирогов тщательно изучал работу Товарищества и в феврале 1858 года выступил на его заседании с обстоятельным докладом, в котором четко сформулировал цели и задачи научного сообщества. Он отмечал, что Новороссийский край, как никакой другой, обязан собирать и знакомить ученый мир с археологическими сокровищами края, что и является главным предназначением Товарищества. Просветительская деятельность Н. Пирогова в Одесском учебном округе вызвала восхищение у его единомышленников и решительное сопротивление у его противников. Позже Пирогов в переписке с И. Бертенсоном вспоминал, что «начались столкновения моих убеждений со взглядами представителей других структур власти за свободу мыслей и слов в делах научных и общественных»².

¹ См.: Михневич Иосиф Григорьевич (некролог) // Киевская старина. — 1885. — №12. — С. 761.

² Пирогов Н. Письмо к И.В. Бертенсону от 27 декабря 1880 г. / Н. Пирогов // Избранные педагогические сочинения. — М.: Педагогика, 1985. — С. 490.

Одесский генерал-губернатор А. Строганов обвинил непокорного попечителя в свободомыслии и подрыве авторитета местной власти. Несмотря на это, Пирогова не только не сняли с занимаемой должности, но перевели, за указом Александра II, на более почетную должность попечителя Киевским учебным округом, в состав которого входили Киевская, Волынская, Подольская, Черниговская и Полтавская губернии. Позже Н. Пирогов вспоминал, что ему «было предложено другое место — попечителя Киевским округом в самый критический момент, — в начале разворачивания польского восстания. В Киеве начались... новые трудности и столкновения»¹.

Через некоторое время, по приглашению Н. Пирогова, в Киев из Одессы приехал И. Михневич с новым назначением на должность помощника попечителя Киевским учебным округом. На протяжении многих лет эту должность (с 1842 по 1858) занимал Н. Юзефович (1802-1889), довольно-таки одиозная фигура в просветительской жизни Украины того времени.

За долгие годы учебные заведения округа впервые увидели в лице Н. Пирогова настоящего руководителя, высокообразованного и гуманного, честного и бескомпромиссного человека. Он был полной противоположностью своих предшественников, и отношения с подчиненными строил на основе доверия и уважения. Ученый объединил вокруг себя передовых профессоров, учителей, студентов, общественных деятелей, увлеченных одной общей целью — облегчить и перестроить образовательную систему в округе. К этим людям принадлежал и И. Михневич, на плечах которого лежал весь груз подготовительной, второстепенной и одновременно наиболее кропотливой работы по перестройке народного образования во всем Юго-Западном крае.

В Киеве к этому времени возникла чрезвычайно сложная ситуация, которая была вызвана сложным составом и особенными настроениями различных слоев населения города. В 30-50-х гг. XIX века в средних и высших прослойках городского населения Киева значительно доминировал польский элемент: в городе жило много польских помещиков, в государственных канцеляриях и судах наиболее важные должности занимали тоже поляки. В Университете Св. Владимира большую часть студентов составляли поляки, которые к тому же принадлежали к семьям зажиточных дворян. И если «русские студенты, — как вспоминал адъюнкт Киевского университета Н. Ренненкампф, — одушевлялись главным образом западноевропейским просвещением и помыслами о реформах в своей внутренней жизни, то студенты-поляки, как и все прочее польское общество, жило исключительно национальными целями и надеждами; сама свобода и европейская культура имела для них

¹ Там же.

цену единственно как средство и знамя для достижения национальных задач»¹.

М. Драгоманов, характеризуя политическую обстановку того времени в Киеве, писал, что «приехав на правый берег Днепра в Киев, я увидел, что поляки тут — аристократия, а не народ, и я был ошеломлен тем, что даже студенты-поляки бьют своих слуг и ходят в костелы, где старательно выстаивают на коленях (мы, студенты «русские» или «православные», все были завзятыми демократами, а в религии — атеистами). Вместе с тем, мне бросилась в глаза нетерпимость поляков по отношению к русским, а особенно к малороссам или украинцам»².

В этих сложных условиях руководство Киевского учебного округа с неподдельным уважением относилось к представителям всех национальностей. По этому поводу Н. Пирогов в своей речи при прощании со студентами Университета Св. Владимира провозгласил те незыблемые нравственные начала, в соответствии с которыми ученый строил свои отношения со студенчеством: «Не различая ваших национальностей перед лицом науки, я никогда не мечтал о слитии вас в одно целое, избегал раздражать самолюбие и навязывать вам такие убеждения, которых у вас не могло быть, потому что гнушался притворством и двуличием»³.

Впервые на территории Российской империи осенью 1859 года в Киеве были открыты воскресные школы. Инициаторами их открытия выступили студенты Университета Св. Владимира: М. Драгоманов, К. Шейковский, А. Свидницкий, Ф. Вороной. В Центральном государственном историческом архиве Украины в Киеве находится редчайший документ — прошение студентов Университета Св. Владимира от 14 сентября 1859 года на имя попечителя Киевского учебного округа о позволении открыть на Подоле воскресные школы. В этом документе студенты пишут следующее: «Желая помочь мальчикам ремесленного класса получить начальное образование, мы, нижеподписавшиеся, покорно просим Вашего позволения открыть нам в помещении Киевоподольского дворянского училища бесплатную воскресную школу. В школе будут преподаваться следующие предметы: Закон Божий, русская и славянская грамота, русское письмо и арифметика»⁴.

¹ Ренненкампф Н. Киевская университетская старина / Н. Ренненкампф // 3 іменем Святого Володимира. — У 2 кн. — Кн.2. — К.: Заповіт, 1994. — С. 71-72.

² Драгоманов М.П. Автобиографическая заметка / М.П. Драгоманов // Драгоманов М.П. Літературно-публіцистичні праці у двох томах. — Т.1. — К.: Наукова думка, 1970. — С. 43.

³ Пирогов Н.И. Речь при прощании со студентами Университета Св. Владимира / Н.И. Пирогов // 3 іменем Святого Володимира. — У 2 кн. — Кн. 2. — К.: Заповіт, 1994. — С. 92.

⁴ Прощение студентов Университета Св. Владимира // Центральный государственный исторический архив Украины. — Ф. 707. — Оп.25. — Д.352. — Л.1.

Под документом стоит 17 подписей, среди них есть и подпись М. Драгоманова.

Н. Пирогов и И. Михневич поддержали прошение студентов перед министром просвещения Российской империи, указав, что главной целью воскресных школ является распространение письменности среди простого народа. «Первая русская воскресная школа, — вспоминал позже Н.Пирогов, была открыта мною в Киеве при подольском училище, в 1859 году. ...За организацию воскресных школ первыми принялись малороссы, ревнивые ценители Кулиша и Шевченко... Я положительно был убежден, что осуществление идеи воскресных школ как нельзя более соответствует жизненной потребности края. Для меня было весьма знаменательно, что в учителя предлагали себя одни только истинные малороссы и ни один поляк; я надеялся, что самым верным и самым нравственным средством против польской пропаганды (о существовании которой в крае никто не сомневался) послужит пропаганда русско-малороссийская... Я сам, помощник попечителя (И. Михневича, — авт.) и многие посетители различных сословий и ведомств были почти каждое воскресенье, во время учения, в школе. Итак, первая воскресная школа и началась, и развивалась на моих глазах»¹.

И действительно, первая воскресная школа открылась 11 октября 1859 года в помещении Киевского уездного дворянского училища (позже — прогимназии) на Подоле, на углу улиц Константиновской и Хоревой (сейчас ул. Константиновская, 9/6, — авт.) под руководством штатного смотрителя уездного училища И. Слепушкина. Занятия в школе проходили по воскресеньям и в праздничные дни с 11.00 до 14.00. Всех учеников, в зависимости от уровня их знаний (возрастом от 12 до 30 лет) распределили на два класса: нижний, который состоял из двух отделений, и высший. Изучали в воскресной школе грамоту, арифметику, письмо, рисование, черчение. Ученикам выдавали бумагу, карандаши, учебники, аспидные доски. Работала небольшая библиотека. Содержалась школа на добровольные пожертвования граждан города, преподавателей университета и на выручки студентов с платных музыкальных вечеров. Число учеников в подольской воскресной школе составило 149 человек.

Интересным является и тот факт, что инициативу студентов Университета Св. Владимира сразу же поддержали студенты КДА. В частности, к вышеназванному прошению студентов от 14 сентября 1859 года прилагается письменное согласие студента КДА, священника Василия Кузнецова, что он «имеет честь объявить о том, что согласен давать уроки по Закону Божьему в бесплатной воскресной школе, ко-

¹ Пирогов Н.И. О воскресных школах / Н.И. Пирогов // З іменем Святого Володимира. — У 2 кн. — Кн.2. — К.: Заповіт, 1994. — С.94-95.

торуую вскоре имеют намерение открыть студенты Университета Св. Владимира с позволения своего начальства»¹. В документе, датированном 16 октября 1859 года, мы находим разрешение митрополита Киевского, в котором сказано, что «позволено читать студенту Академии Василию Кузнецову Закон Божий по воскресным дням в новообразованной при Киевоподольском уездном дворянском училище воскресной школе»². Разрешение было направлено руководству Киевского учебного округа, и в нем митрополит обязывался уведомить правление академии о почетной миссии студента В. Кузнецова. Также среди документов в Центральном государственном историческом архиве Украины в Киеве есть обращение Киевского учебного округа к митрополиту Киевскому с прошением назначить в новообразованные воскресные школы «законоучителей, которые могли бы бесплатно взять на себя миссию наставления учеников в истинах веры, ...поскольку в открытых в Киеве бесплатных воскресных школах число учеников значительно выросло, и преподаватели этих школ пытаются получить позволение на открытие еще двух новых воскресных школ: одной на Кадетской улице в помещении Фундуклеевского училища, другой — на Печерске в помещении приходского училища. Так как воскресные школы предназначены для бедных слоев общества, которые не имеют ни времени, ни денег посещать уездные и приходские училища, а преподаванием одной только грамоты невозможно достичь просветительской цели простого народа, потому необходимым является их напутствие в истинах нашей православной веры, что невозможно осуществить без преподавания Закона Божьего»³.

При активной поддержке и содействии руководителей Киевского учебного округа Н. Пирогова и И. Михневича в Киеве на протяжении года было открыто семь воскресных школ. По аналогии с киевскими, начали открываться воскресные школы в Петербурге, Москве, Одессе, Харькове, а к середине 1862 года воскресные школы существовали в 90 городах России. Их общее количество достигло в России — 300, а в Украине — 80⁴.

Идею создания воскресных школ с большой радостью встретил Т. Шевченко. Находясь в августе 1859 года у своего приятеля в Киеве, художника Подольского уездного училища А. Сенчилло-Стефановского, он встретился с будущими организаторами воскресных школ. В 1860 году Шевченко из Петербурга в Киев прислал

¹ Прошение студентов Университета Св. Владимира // Центральный государственный исторический архив Украины. — Ф.707. — Оп.25. — Д.352. — Л. 4.

² Там же. — Л. 19.

³ Там же. — Л. 78.

⁴ См.: Шевченко Л. М.І. Пирогов в Україні / Л. Шевченко. — К.: Рідний край, 1996. — С. 49-51.

50 экземпляров «Кобзаря» для продажи на пользу воскресных школ, а также специально для воскресных школ написал «Букварь южнорусский», который также отправил в Киев.

В Киеве 1861 года студенты-украинцы делились по принадлежности к Подольской, Новоостроевской и Печерской воскресным школам. «В Подольской школе писал известный украинский историк и литературовед 20-х гг. XIX в. И. Житецкий, учительствовало 17 университетских студентов и 1 студент из духовной академии (кажется, Анатолий Свидницкий); среди учителей наиболее энергичными были К.В. Шейковский, М.П. Драгоманов, Ф.Я. Вороной, бр. Степановичи; в Новоостроевской школе работали А.И. Стоянов, П.П. Чубинский, В. Торский, бр. Синегубы, И. Касяненко и др. Была еще и третья воскресная школа, так называемая «славянофильская», на Печерске. Там объединились некоторые украинцы и россияне: А.С. Шашкевич, Н.С. Тумасов, В.М. Юзефович. Печерскими «россиянами», по воспоминаниям Шашкевича и других, были владимирские бурсаки, выгнанные с 4-го курса Киевской духовной академии»¹. И. Михневич активно поддерживал стремление учителей воскресных школ обучать учеников родному языку. Из-за отсутствия учебников на украинском языке (были только буквари и учебники по математике) украинцам приходилось, как и так называемым космополитам, обучать на русском языке. «Практика, — писал М. Драгоманов, — поставила перед нами первый из украинских вопросов: на каком языке учить в школах? Мы решили этот вопрос так, что обучали на русском и украинском, только, конечно, больше на первом, поскольку на нем было больше книг. Вскоре, кроме нашей школы, возникла вторая (новоостроевская), где собрались принципиальные украинофилы с Правобережья и черниговцы. ...Скоро наших подолян новоостроевцы стали называть космополитами, а себя — украинцами, хотя на деле и они не больше наших обучали своих учеников по-украински. Но спор между нами носил характер более теоретический, так как, когда новоостроевцы говорили нам, что неукраинская школа больше деморализует, чем учит народ, мы признавали, что наука все-таки наука, и пока украинской литературы и учености практически не существует, то необходимо использовать хотя бы русский язык»². Хотя языком преподавания в киевских воскресных школах, вследствие отсутствия украинских учебников, был русский, однако в разъяснениях учебного материала преимущественно употреблялся украинский. В мае 1860 года-

¹ Житецкий І. Київська громада 60-х років / І. Житецький // З іменем Святого Володи-мира. — У 2 кн. — Кн.2. — К.: Заповіт, 1994. — С. 122.

² Драгоманов М. Австроруські спомини / М. Драгоманов // Драгоманов М.П. Літературно-публіцистичні праці у двох томах. — Т.2. — К.: Наукова думка, 1970. — С. 156.

Министерство образования приказало исключить из программ воскресных школ географию, историю и природоведение, а также разрешило использовать только те учебники, которые уже были апробированы Ученым комитетом. Эти события были следствием того, что супруга киевского генерал-губернатора кн. Васильчикова не хотела мириться с тем, что Н. Пирогов, без ее ведома и патроната, открывал в городе воскресные школы. Она доложила в соответствующие инстанции Министерства просвещения, что в воскресных школах преподается история украинским языком. Этот факт стал последней каплей, которая привела Н. Пирогова к освобождению занимаемой им должности попечителя Киевским учебным округом. Васильчиков обратился с конфиденциальным письмом к министру образования Е. Ковальскому, в котором обвинил Н. Пирогова в его неспособности возглавлять Киевский учебный округ, и 13 марта 1861 года указом царя Александра II Н. Пирогов был освобожден с занимаемой должности «в связи с ухудшением здоровья».

В статье «О воскресных школах» Н. Пирогов писал: «Причиной тревоги было, однако же, и тут только одно недоразумение. Истории в киевских воскресных школах, кроме священной, никто и никогда не учил, а ученики, упражняясь в чтении, читали иногда и исторические отрывки, в которых, по заведенному для всякого чтения порядку, все непонятное должно было объясняться учителем. Кто знает, как велики неразвитость и непонимание народонаселения, тот, наверное, согласится, что без объяснительного чтения киевские воскресные школы распространяли бы в народе не грамотность, а механическое заучивание звуков и слов. Влиятельное лицо, присутствуя однажды при таком объяснении чтений, и приняло его за преподавание истории»¹.

Таким образом, небывалое распространение сети воскресных школ обуславливалось процессом украинского национального возрождения, кратковременный расцвет которого выпал на 50-60-е гг. XIX века. Но уже в 1863-м, после издания известного циркуляра министра внутренних дел Валуева, наступил запрет употребления украинского языка и, соответственно, изданий на украинском языке. Позже М. Драгоманов писал: «Пирогов слишком либерально относился к полякам-студентам, но при этом утверждал, что только самостоятельная деятельность и самоорганизация малорусской общины (сам Пирогов — великоросс) сможет по праву и с успехом бороться против полонизма в западно-русинском крае. ...Так начался в России на украинской почве расцвет народной педагогики и народной педагогической литературы,

¹ Пирогов Н.И. О воскресных школах / Н.И. Пирогов // З іменем Святого Володимира. – У 2 кн. – Кн.2. – К.: Заповіт, 1994. – С.96.

расцвет, которому сочувствовала вся сколько-нибудь имевшая силу великорусская журналистика в России»¹.

После отставки Н. Пирогов под своим председательством создает Комитет по выработке «Правил о проступках и наказания учеников». В состав Комитета вошли И. Михневич, два директора киевских гимназий, два инспектора гимназий, инспектор государственных училищ, два профессора Киевского университета — В. Шульгин и С. Гогоцкий. Заседания комитета продолжались более трех недель. Пирогов сразу же выступил за полную отмену телесных наказаний. Однако большинство членов Комитета были против этого решения. Под влиянием обстоятельств Пирогов был вынужден согласиться с мнением большинства. К сожалению, не сохранилось документальных свидетельств о том, какую позицию в этом вопросе занимал Михневич. Но «Правила о проступках и наказаниях учеников» хотя и не отменяли полностью розги, но имели положительное значение тем, что устанавливали суровый порядок в системе наказаний учеников за проступки. Теперь же, чтобы применить розги, необходимо было иметь при закрытом голосовании $\frac{3}{4}$ голосов членов педагогического совета.

4 апреля 1861 года общественность Киевского учебного округа в честь Н. Пирогова устроила прощальный обед, на котором присутствовали 120 человек. Открыл этот прощальный банкет помощник попечителя И. Михневич. «Ваша деятельность, — подчеркнул он в своей речи, — была настолько прямой, открытой, гласной, что говорить о ней, значит выражать в словах то, что живо воплощено в мыслях и сердце всех и каждого из нас. И что не только в нашем небольшом обществе, но и во всех уголках России и за ее пределами приобрело такое же признание, как и Ваше славное имя. Плоды этой деятельности настолько благотворительны и значимы, что представляют собой предмет постоянных благодарных воспоминаний о Вас не только у нас, но и у будущих поколений и займут лучшие страницы в истории отечественного образования»².

После отставки Н. Пирогова с должности попечителя Киевского учебного округа в марте 1861 года (указом царя Александра II) и назначения на эту должность барона А. Николаи, обязанности попечителя округа временно выполнял И. Михневич. Как позже вспоминал известный киевский педагог и общественный деятель Н. Чалый, «во времена кураторства Пирогова и после его отставки, а также еще при двух других попечителях (А. Николаи, Ф. Витте), Иосиф Григорьевич неукоснительно соблюдал принципы Николая Ивановича. И если хоть что-нибудь еще оставалось в гимназиях от реформ Пирогова, то этим

¹ Драгоманов М. Антракт з історії українофільства (1863-1872) / М. Драгоманов // Драгоманов М. Вибране. — К.: Либідь, 1991. — С. 206.

² Прощание Киевского учебного округа с Н.И. Пироговым. — К., 1861. — С. 11.

мы обязаны только Михневичу. Кроме учебно-воспитательной деятельности, он оставил о себе добрую память своим гуманным отношением с подчиненными. Кто не помнит этого простого и человеческого отношения ко всем, кто обращался к нему по служебным или частным вопросам?»¹ И далее Н. Чалый с юмором вспоминал, что «едва ли не единственным человеком в учебном округе, который остался недоволен обходительным обращением Михневича, был эконом учительской квартиры при Второй киевской гимназии штабс-капитан Ильин. Был у него одиннадцатилетний сын, который, насмотревшись на пожары в Киеве, захотел поближе поглядеть на это зрелище. Он подпалил дрова, а сам спрятался в квартире, сел на подоконник и стал ждать, когда дрова разгорятся. К счастью, дворник увидел дым и успел потушить пожар»². Позже штабс-капитан Ильин жаловался Чалому: «Извините, но какой он начальник? Прихожу к нему после содеянного баловства, а он ко мне очень вежливо обращается с предложением, чтобы я сядил. Боже мой! Да на что это похоже? Этого я не понимаю. Если я виноват, то нечего со мной носиться. Необходимо было так меня прогнать, чтобы в пот бросило. А он — прошу садиться. Ну что это за начальник? Извините, но я этого не понимаю!»³ Дальнейшая судьба И. Михневича после отъезда из Киева была связана с педагогической деятельностью в Варшавском учебном округе, но ее подробности и сегодня остаются абсолютно не известными, поскольку все документы хранятся в архивах Польши.

Став триумфом, фраза «короля играет его окружение» несколько корректируется личностью И. Михневича. Действительно, его окружали яркие личности, его уважали и ценили. При этом сам он оставался скромным и достойным человеком, который без личного пиара честно и скромно выполнял свою работу, в том числе и по благотворно-конструктивному духовному влиянию на окружающих его талантливых личностей. Вполне вероятно, что именно благодаря И. Михневичу, Н. Федоров стал творцом известной философской доктрины, которая многим поколениям дарила и продолжает дарить надежду. Благотворительные и значащие плоды образовательной деятельности Н. Пирогова также выросли не без помощи духовного влияния И. Михневича, как и яркие достижения М. Драгоманова. Так происходит потому, что в отношениях культурных и образованных людей, все играют на пользу общему делу. Никто не претендует на королевский лик, потому и выигрывают все.

Г. Волюнка

Н. Мозговая

¹ Чалый Н. Вторая киевская гимназия / Н. Чалый // Киевская старина. – 1900. – Т. LXX, июль-август. – С. 77.

² Там же. – С. 78.

³ Там же. – С. 77.

О ДОСТОИНСТВЕ ФИЛОСОФИИ, ЕЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОМ БЫТИИ, СОДЕРЖАНИИ И ЧАСТЯХ¹

I. Достоинство и важность философии

Наука, к которой я приступаю с вами, *философия*. При одном ее названии в вашем уме возникает понятие о ней, как о науке высокой и весьма важной. И действительно, мудрость — цель всех стремлений человеческого ума, а философия, или наука любомудрия, берет на себя долг вести нас к этой цели. Следовательно, она важна не только как всякая наука, но и должна, по справедливости, пользоваться правом первенства среди наук. С другой стороны, философия видимо возвышается над другими науками своим объемом. Каждая наука в необъятной области бытия и знания, заключающей в себе бесчисленные сферы предметов с их чрезвычайно разнообразными сторонами, имеет, так сказать, только свой участок, которым она владеет, но ей не принадлежит право удельного владения в беспредельном царстве природы. И, однако, потеря этого права для нее большое приобретение, потому что, выходя, таким образом, из круга прочих наук, она становится выше их. Не ограничиваясь, подобно им, той или другой сферой бытия, она охватывает, с известной стороны, все. Не останавливаясь на тех или других законах явлений, она касается, в известном отношении, всех. Не сосредоточивая своего внимания на том или другом ряде вещей, она обращает его на все. И то, что есть *во всем*, то есть всеобщие начала, первоначальные формы, вечные законы и последние цели — вот ее предмет. Тогда как другие науки раздробляют Вселенную на части, и одна устремляет свой взор к небу, а другая ограничивает его Землей, философия не знает этого дробления. Она до того расширяет свое зрение, что хочет охватить всю целость творимого и творящего. Поэтому она может быть названа, в известном смысле, *всеобъемлющей* наукой. Эта ее всеобъемлемость и одновременно возвышенность были причиной того, что некоторые из древних философов выводили ее из круга обыкновенных человеческих наук, признавая ее достоянием богов. Платон говорил о своей диалектике, той же философии, что «она свойственна одним богам, а из людей никто не обрел этой мудрости, потому что ее предмет — вечная истина — неизменяемое добро, или, что то же, Бог, которому она и принадлежит»². Человеческая философия, по его мнению, — только слабая тень, неточное подражание Божественной философии.

¹ Вступительная лекция, прочитанная студентам Ришельевского лицея.

² Plato's *Timaeus*. — London, 1888. — S. 44-73.

II. Действительное бытие философии, как науки, доказываемое:

а) Со стороны ее предмета

Но не говорит ли всеобъемлемость философии в пользу того невыгодного на ее счет мнения, что все науки, вместе взятые, ни что иное, как философия, а философии в особом смысле, то есть как отдельной науки, имеющей свой особый предмет, нет? Может, это такая наука, которая только собирает и приводит к общим итогам частные содержания наук? Нет! Философия, вникая в те сферы предметов, над исследованием которых трудятся другие науки, замечает в них и обращает в свою собственность только то, чего не достигает взор людей, останапливающих на так называемых вторых началах. Она исчерпывает то, чего не исчерпали другие науки, изучает то, чего не усмотрели телескопы и микроскопы, потому что это лежит не на поверхности вещей, а глубоко в их основе, составляя постоянную и неизменную опору всех случайностей. Светило мудрости, зажженное самим Богом на тверди умственного мира, разливает свои лучи по всей сфере человеческих знаний. Опытные же науки, как призмы, собирающие его лучи, отражающиеся то в том, то в другом ряде предметов, следят только за проявлением этого невещественного света. А что такое этот свет сам в себе? Какой его первоначальный исток? Как зарождаются яркие его лучи и какова первобытная их природа? Входят эти и подобные им вопросы в состав какой-либо другой науки? Между тем, они составляют предмет любознательности, свойственной каждому, и философия, занимаясь решением этих, не принадлежащих другой науке, вопросов, становится отдельной наукой, имеющей свое собственное, только ей свойственное содержание. Вместе с тем она получает характер, явно отличающий ее от других наук. Одно дело наблюдать отражение и действие лучей света, другое — рассуждать о самом свете. Одно дело — мыслить и познавать, другое — вникать в природу мышления и познания. Иное начало, закон и цель всех родов и видов существ, а философия есть такая наука, которая пытается охватить всю целостность предметов, дойти до последних оснований всего существующего и раскрыть глубину нашего духа, где самим Творцом положено основание всем нашим мыслям, желаниям и действиям.

б) Со стороны способа познания

Эти попытки философии составляют такую задачу, на которую, можно сказать без преувеличения, не отважится ни одна из наук. Но

возможно ли решение этой великой задачи? Есть ли к тому средства и способ? Охватить всю целость предметов, дойти до последних оснований вещей, проникнуть в глубину человеческого духа — можно только для ума всеобъемлющего, бесконечного, а попытки умов конечных здесь, по-видимому, напрасны.

Да, но не дело философиизнать все так, чтобы это знание совмещало в себе все роды возможных для человека познаний. Понятно, что такая наука, заменяющая собою все возможные науки, невозможна. Философия должна знать все как все, то есть не по частям, а в целом. Вникая в систему мироздания, она обращает внимание только на главные ее начала. Рассматривая природу вещей, она следит только за развитием общей всем им жизни. Ее рассмотрению подлежит вся область бытия, но только со стороны своей основы, связи, порядка и гармонии. Эта область не так широка и многообъемлюща, чтобы конечный ум не мог познать ее. Очевидно, что такой способ познания вещей оставляет в области бытия еще многое не познанным, но, тем не менее, он доставляет нам познание о том, что образуется из всего нами зримого и познаваемого, то есть познание о всей целости вещей и ее коренных силах, основных законах и конечных целях. Для философии, как науки о безусловном и всеобщем, этого достаточно. Ей не нужно перебирать вещи одну после другой, преследовать явления одно за другим и замечать все временные и местные изменения природы. Это сделают за нее другие науки, разделившие огромную область предметов по участкам и знающие свой участок, так сказать, вдоль и поперек. Что на земле и в земле — знает географ, ботаник, геолог; что на небе и под небом — известно физику и астроному; что в нашем теле, то подлежит исследованию физиолога; что в человеческих обществах, то составляет предмет занятий историка, статистика, правоведа, политика. Правда, на все это обращает свой взор и философ, но смотрит он своими глазами и с той точки зрения, с которой представляется вся совокупность вещей в своих больших размерах. Он видит все, но как тот, кто с вершины горы окидывает своим взглядом бесконечную долину, усеянную бесчисленными и разнообразными предметами, то есть его взор не простирается до частных, не вникает в подробности.

в) Со стороны способности познавать

Но и при таком ограничении философского способа познания вещей, это познание для многих все еще кажется превышающим человеческое понимание. Есть люди, которые не хотят признать в человеке такую способность, которая могла бы простираť свое ведение до того,

чтобы в состоянии была постичь внутреннюю, невидимую природу вещей. Конечно, такая способность — верх разумности, но о действительном ее бытии в человеке ясно говорят нам и история, и опыт. Из истории видно, что народы, сознававшие себя и свое назначение, не только не довольствовались преданиями предков, но и не удовлетворялись теми познаниями, которые собирал для них внешний и внутренний опыт. Они искали в видимом невидимого, в являемом — сокровенного, в конечном — бесконечного. Опыты мыслящих людей показывают, что как только человек перестает увлекаться низшими потребностями чувств и ставит себя перед внутренним зеркалом самоведения, то в эти редкие минуты жизни в нем пробуждается не только стремление проникнуть в основу бытия, узнать корень и начало всего существующего... Появляются такие мысли, которые, подобно светлым звездам, озаряют сокрытую от нас темную сторону вещей. Это стремление души к познанию первоначального и безусловного, соединенное с некоторым удовлетворением, есть, без сомнения, следствие существующей в нас способности познавать это безусловное, или способности философствовать. Как бы мы ни назвали эту способность — умом или как-то иначе — несомненно только то, что она в нас есть. Растение имеет стремление к росту, потому что в нем есть способность расти, птица имеет способность к полету, потому что в ней есть способность летать. Подобным образом и человек, если стремится к чему-либо, то вследствие врожденной ему способности к этому стремлению.

В настоящее время способность постигать первые основания и начала вещей, или способность философствовать, тем удобнее может действовать и тем скорее может достигать своей цели, что верховное начало всего открыло нам себя через свое Слово в полном свете. Нашему уму уже не нужно искать первого виновника Вселенной, как это делали языческие философы, а ясное познание первого начала само собою укажет нам природу, свойства и действия вторых начал. Потому-то философия теперь охотно подчиняет себя откровению, которое раскрыло перед ней таинственную область оснований и начал. Но и при этой подчиненности она остается самостоятельной наукой, потому что и теперь предъявляет ей свои требования, которые она должна удовлетворять. И после озарения человека сверхъестественным светом, природа его ума осталась с теми же свойствами и при тех же потребностях. Главное свойство ума — любознательность, а необходимая его потребность — отчетливость познаний. Умناш и теперь, при вззрении на удивительное разнообразие вещей, спрашивает, как спрашивал некогда: откуда, почему и для чего? Но искать ответы на все его вопросы в божественном откровении значило бы делать Откровение такой книгой, которая удовлетворяет человеческую любознательность,

между тем как преимущественная его цель — нравственное улучшение человечества. Ум наш и теперь требует умения располагать мысли в логической стройности и систематическом порядке, а это умение составляет только философия, как наука, исследующая природу нашего духа. Мало ли существует требований ума, которые должна удовлетворять философия и которые ее существование в кругу человеческих наук и при настоящем положении вещей делают необходимым?

г) Со стороны возможности философии иметь свою систему

Здесь я бы мог прекратить мои общие рассуждения о философии и перейти к вопросам более частным, но ни одна, можно сказать, наука не подвержена столь многим недоразумениям и столь несправедливым порицаниям, как философия, так что всякая речь о ней обращается мало-помалу в длинную апологию и незаметно принимает полемический тон. Среди многих невыгодных мнений об этой науке есть одно, на которое считаю нужным обратить внимание, потому что оно направлено против доказываемого нами действительного бытия философии, как науки. Говорят, «будто бы философия не имеет системы, подобной системам других наук, и потому это наука без системы». С первого взгляда это мнение кажется справедливым. Философия не имеет одной постоянной и неизменной системы, это неоспоримо. Но не та же участь и других наук? Какая отрасль человеческих знаний так счастлива, чтобы в ней все было исследовано, взвешено и приведено в такое стройное и совершенное целое, которое не требовало бы никаких изменений и улучшений? Правда, другие науки изменяются не так быстро и не в такой мере, как философия, где чередование систем простирается до совершенного их уничтожения, так что ни на одну из них нельзя указать, как на представительницу философских познаний. Всякая последующая система замещает собою системы, предшествовавшие ей, и потом, в свою очередь, уступает свое место другой. Но это быстрое появление систем, каким невыгодным оно ни кажется, — отрадное явление в умственном мире, признак и доказательство умственного развития и возвышения. Желать одной постоянной и, так сказать, всемирной системы, значило бы желать застоя умов, нисколько не соответствующего природе нашего духа, которому свойственно двигаться вперед. Между тем, нельзя сказать, чтобы эти постоянные перемены не оставляли после себя чего-либо неизменного: системы философов появляются и исчезают, а познанные их творцами истины остаются в истории человеческого ума, из которой можно извлечь полную систему философии, ни в чем не уступающую системам других

наук. Только для этого нужна мудрость пчелы, умеющей претворять разнородные соки в один правильный состав.

III. Содержание философии

Теперь я могу надеяться, что право философии на степень науки, многими незаконно у нее оспариваемое, мною, по возможности, подержано и доказано. Поэтому смело приступаю к показанию ее содержания и частей, этих существенных принадлежностей всякой науки.

Какой собственный предмет философии? Ответ на этот вопрос, кажется, будет состоять в повторении того, что сказано выше, где мы отчасти коснулись предмета философии. Но мы говорили там об этом ненамеренно и как бы мимоходом, довольствуясь чертами слишком общими и довольно неопределенными, между тем как эта главная и существенная сторона науки должна быть нами представлена в полном свете. Но чтобы в полной мере удовлетворить этому долгу, считаю нужным обратиться к началу философии и показать ее происхождение, потому что предмет науки нигде нам так ясно не представляется, как в ее первоначальном источнике.

Итак, откуда происходит философия? Появлению философии, как во всем человечестве, так и в каждом частном лице, обычно предшествует развитие всех видов разумной деятельности.

Во-первых, своим появлением философию предворяют художественность и промышленность. На первом шагу жизни, при первом развитии сознания, человек легко понимает, что мир со своими силами и стихиями противостоит его желаниям. Поэтому в самом начале он ищет то, что избавляет его от вреда и доставляет пользу, заботится и промышленяет о здоровой пище, выгодной одежде и удобном жилье. Таким образом, появляются в человеческом роде искусства и промыслы: история находит их в ближайшем потомстве Адама.

Во-вторых, своим появлением философию предворяют общественность и гражданственность. Человек чувствует, что при всем старании доставить себе пользу и избежать вреда он мало преуспевает в этом. Он сознает, что главной причиной его неуспешности выступает его неустроенное состояние, в котором только тот безопаснее и счастливее, кто сильнее других. Это сознание — следствие проявившейся в нем идеи правды, которая, открываясь ему все больше и больше, дает, наконец, возможность и средства преобразовать свое первобытное состояние, переведя так называемую внеобщественную жизнь в политическую, общественную. Таким образом, мало-помалу возникают искусства, появляется гражданственность. Мы застаем ее уже у народов первобытного Востока.

В-третьих, философию своим появлением предваряет изящная искусственность. При первом воззрении на изящную природу, человек поражен красотой и изяществом ее форм. Но от частого повторения одних и тех же впечатлений, сильные ощущения мало-помалу уступают место слабым, и человек становится равнодушным к красоте природы. Между тем, это равнодушие к действительно прекрасному заставляет его искать прекрасное в воображаемом. Он находит его во врожденной ему идее красоты, которая, давая ему созерцать себя, предоставляет ему средства восполнять природу искусством и таким образом делать прекрасное еще прекраснее. Отсюда получают свое бытие изящная поэзия и изящные искусства.

Наконец, после того, как человек заметит полезное и вредное действие предметов, увидит их совершенства и недостатки, а также найдет средства избавиться от вреда и восполнить недостатки, ему необходимо будет знать, почему полезное — полезно, вредное — вредно, хорошее — хорошо и худое — худо? Что такое то, в чем он нашел больше, чем могла предоставить ему обычная действительность? То есть, естественно знать причины и законы явлений, с основными их началами или идеями. Стремление к этому знанию есть, так сказать, первый просвет идеи истины, при постепенном прояснении которой человек создает одну за другой науки и, наконец, созидает науку наук — *философию*.

Таким образом, философический элемент в ряду развития элементов человеческой природы приходит последним, и философия, понимаемая в строгом смысле слова, явилась тогда, когда восточное человечество прошло все степени своего развития и достигло полноты самосознания в своем новом племени — греческом народе. Отсюда видно, что источником философии выступает сознание, прошедшее главные степени своего развития и обращающее их в предмет своего исследования. Это обращение сознания на самого себя и есть собственно философия. Следовательно, собственный предмет философии — это сознание. Определяя эту науку, можно сказать, что она — *наука о сознании*.

По-видимому, это делает философию наукой *чисто подлежащей* (субъективной). Но, вникая в природу нашего сознания, находим в нем и *предлежащую* сторону (предметную, объективную). Что же такое сознание? Сознание, как видно из этимологического анализа этого слова, такая сила нашего духа, которая не может довольствоваться односторонним знанием, а хочет знать одно с другим: человека — с окружающей его природой, тварь — с ее Творцом, явления — с их причинами, действия — с их силами и так далее. Поэтому у греков оно известно под названием *συν-εἶδος*. Римляне обозначали его словом

con-scientia, а мы называем эту силу души *со-знанием, со-ведением, со-вестью*, желая выразить то ее свойство, по которому она действует так, что сознанием познаваемого предмета всегда соединяется в ней знание познающего субъекта и наоборот — знание познающего субъекта никогда не бывает без знания познаваемого предмета. Стремясь таким образом соединить в своем ведении все с собою и себя со всем, сознание действует в трех главных актах: в стремлении от себя к себе, или от я к не-я — от человека к миру; в стремлении от не-себя к себе, или от не-я к я — от мира к человеку и в стремлении от того и другого — от мира и человека, к первой вине всего — Богу. Поэтому оно имеет сторону не только подлежательную, раскрывающуюся в мышлении, но и подлежательную, обнаруживающуюся в познании. Следовательно, философия, занимаясь нашим сознанием, не становится из-за этого наукой чисто подлежательной. Ее исследованию подлежит двоякая сторона сознания: *подлежательная*, внутренняя природа сознания с его субъектом — душой, и *предлежательная*, внешняя деятельность сознания с ее предметами — миром, человеком и Богом.

Второй частью своего содержания философия прикасается к другим наукам, которые также занимаются изучением мира и человека. Но в этом своем соприкосновении она не смешивается ни с одной из них. Есть два способа познания вещей: *способ умозрительный*, выступающий из идей, и *способ эмпирический* — выступающий из опыта. Их бытие основано на том, что все видимое нами — это проявленная мысль Божья, а потому может быть рассмотрено как мысль, идея или ноумен, как проявление мысли или феномен. Эти два способа познания вещей резко отличаются друг от друга, потому что один представляет возможную, необходимую и безусловную сторону вещей, а другой показывает их действительные, случайные, условные свойства. Следовательно, философия, следуя преимущественно одному из них, а именно — умозрительному способу, ни в коем случае не смешивается с другими науками, которые придерживаются эмпирического способа. Один и тот же предмет могут рассматривать философ, историк, физик, астроном... Но философ, изучая, например, человека, спрашивает: чем он, по своей природе, может и должен быть, а историк говорит только о человеке, кем он бывает и был. Рассуждая о мире, философ предлагает вопросы о возможном и необходимом бытии мира, а физик, географ, астроном — исследуют только случайное бытие мира. Взгляд философа отличается от взгляда других исследователей природы мира и человека. Следовательно, философия итогда, когда останавливается на предмете, общем с другими науками, остается без примеси посторонних знаний, ей не принадлежащих.

IV. Определение и части философии

Из рассмотрения содержания философии уже видно, что такое философия. В соответствии с тем, что сказано нами о предмете философии, мы можем и должны определить эту науку таким образом: «Философия — это наука о сознании с его подлежательной и подлежательной стороны, то есть, о субъекте и природе нашего сознания, о главных его актах, открывающихся в познании мира, человека и Бога, наука, выступающая из идей и ограничивающаяся исследованием возможной, необходимой и безусловной стороны вещей».

То же, можно сказать, понимали под философией мыслители всех времен, только один представлял ее понятие яснее, другой — темнее. У одного объем философии расширялся, у другого — стеснялся. Из-за того, что на ее предмет смотрели с разных точек зрения, произошло большое различие в определениях этой науки, при котором, однако, все они имеют нечто общее. Философия в каждом из них представляется наукой, исследующей то тот, то другой из главных пунктов, показанных нами в ее определении.

Если же философия должна пониматься так, как мы ее определили, то, *во-первых*, незаконны требования тех, кто хочет сделать философию наукой чисто эмпирической. *Идеальность* — ее неотъемлемое свойство. Она вся должна, так сказать, вращаться около идей, потому что обязана объяснить бытие вещей, возможное и необходимое, должна сказать, таковыми ли вещи могли и должны были быть, какими они нам являются. Это можно видеть не в опытном проявлении вещей, а в идеях, как мыслях творческого ума, представляющих внутреннюю природу вещей.

Во-вторых, несправедливы суждения тех, кто порицает философию за ее *формализм* и *отвлеченность*. Как наука идей, философия не может не быть наукой формальной и отвлеченной, потому что идеи — ни что иное, как формы или образы вещей, представляющиеся нашему сознанию не в вещах, а в отвлеченных понятиях рассудка, как такой способности, которая уясняет идеи, переводя их в понятия.

В-третьих, неправильны заключения тех, кто думает о философии, как о науке, не определенной ни в своем предмете, ни в своих частях. Что касается предмета философии, то он виден из ее определения, а ея части выведутся сами собою, когда разберем это же определение. Философия, по нашему понятию о ней, — наука о сознании, рассматриваемом с трех главных сторон:

- а) со стороны субъекта сознания;
- б) со стороны внутренних действий сознания, открывающихся в мышлении;

в) со стороны внешних действий, проявляющихся в сознании. Отсюда главные ее три части: первая рассматривает субъект сознания, душу — это *психология*. Вторая обращает внимание на внутреннее сознание, на мышление — это *логика*, а третья рассуждает о внешних действиях сознания и имеет своим предметом познание сверхопытной, идеальной, метафизической стороны вещей — это *метафизика*.

Но так как вся область предметов имеет три главные сферы и как бы три главных предмета — Бога, мир и человека, то метафизика, как часть философии, занимающаяся познанием предметов, сама делится на части и состоит из *феологии* (теологии) — науки о Боге, *космологии* — науки о мире и *антропологии* — науки о человеке.

Феология, рассуждающая о едином существе, — единичная наука, но космология и антропология не могут не состоять из частей, потому что в мире и человеке явственно различаются известные стороны. Мир состоит из неорганических, органических и духовных существ, а в человеке есть умственная, или идеальная, чувственная, или эстетическая, и желательная, или нравственная стороны. Таким образом, космология делится на *анорганологию* — науку о неорганическом царстве, *органологию* — науку об органическом царстве, и *пневматологию* — науку о духовном царстве. Антропология состоит из учения об идеях ума — это *идеология*, из учения о законах чувства — *эстетика*, а из учения о законах воли — *ифика*.

Поэтому все части философии могут быть представлены в следующей классификации:

I. Главные части: *психология*, *логика* и *метафизика*.

II. Частные части: *феология*, *космология* и *антропология* (части метафизики).

III. Частнейшие части: *анорганология*, *органология* и *пневматология* (части космологии); *идеология*, *эстетика* и *ифика* (части антропологии).

Но вся эта система со всеми своими частями это часть или извлечение из той огромной системы философии, какую представляет нам история философии. Следовательно, изучающий школьную систему философии непременно должен быть знаком с этим самым обильным источником нужных для него познаний. В круг преподавания философских наук обязательно должна войти и *история философии*, но не как часть школьной системы, а как отдельная наука, пополняющая и

поясняющая школьное изучение философии и вместе с тем знакомящая нас с требованиями и произведениями философствующего ума.

В заключение моих общих замечаний о философии, посредством которых я хотел прояснить эту, не столько саму по себе темную, сколько человеческими усилиями потемненную науку, я должен сказать, что философия, в таком объеме, какой здесь представлен, еще не введена в школы и не существует в системах. Пределы нашего академического года слишком тесны для того, чтобы могли вместить в себя все ее части. Это заставило меня избрать для настоящего чтения философии в этом новом для меня святилище наук, где, впрочем, она издавна преподавалась, только самые главные и нужные части, придав им сообразный с обстоятельствами места и потребностями лиц объем. Избранные для этого части — *психология, логика, эстетика, ифика и история философии*. В их выборе я руководствовался той мыслью, что знать себя и свои обязанности, знать, чему учит психология, разясняя природу души, а также — логика, исследуя законы мысли, эстетика — занимаясь законами чувства, ифика — раскрывая законы воли, — главный долг всякого человека. А знать, как доходили до этого познания и что сделали для нас в этом роде другие, что узнаем из истории философии, — непрременная обязанность занимающегося философией.

Кто сделает надлежащие успехи в познании этих главных отраслей философии, тому уже не трудно будет идти дальше по пути философских изысканий, даже без особого руководителя, при одном собственном старании и усердии. Но и дальнейшие, и ближайшие успехи в этой науке зависят от правильного настроения сил и способностей. А как и чем достигали этой настроенности философствующие умы? Самоуглублением и богомыслием. Так поступали даже языческие философы. Сократ, по историческим свидетельствам, часто простаивал под открытым небом целые сутки, углубившись в свои мысли, меняя свое неподвижное положение только при восходе солнца, чтобы совершить обычную молитву. Тем более это должны делать христианские философы, ведь ближайший источник философии в нашем духе и верховное ее начало в Боге, как источнике мудрости, — углубление в самого себя и обращение к Богу — первая и священная обязанность каждого занимающегося философией. И смело могу сказать, что ваши успехи в познании философии будут возрастать только по мере точного исполнения этой самой важной для вас обязанности.

ЗАДАЧА ФИЛОСОФИИ

Во всякой науке, а тем более в философии, неизбежен вопрос: чему она учит, чем занимается, или, что одно и то же, какова ее задача? Но в решении этого вопроса ни одна из наук не затрудняется так, как философия. Несмотря на все попытки великих умов, она в этом отношении все еще остается неразгаданной и неопределенной наукой. Все известные доселе «введения» в философию, как ни велико их число, не смогли объяснить того, что составляет главное в науке, без чего она не может быть наукой, то есть содержания философии. Оттого многим кажется, что философия — беспредметная наука, и что поэтому она даже не по праву носит название науки. К такому заключению естественно приводят все понятия, существующие издавна и ныне составляемые о ней. Ведь все они, определяя предмет философии, или наводят нашу мысль на те предметы, исследованием которых занимаются прочие науки, или указывают для нее сферу занятий, слишком отвлеченную, представляющую мало интереса для ума и еще меньше — для сердца. Неудивительно, что философия, являясь в таком виде, одним дает повод не признавать ее наукой, а в других поселяет равнодушие, хладнокровие и даже презрение к себе. Такое нерасположение к ней можно было бы еще признать незаслуженным, по крайней мере, можно было бы усомниться в справедливости невыгодных на ее счет отзывов, если бы ее преследовали только люди, не посвященные в таинства науки, или такие, которые, пристрастившись к одной какой-либо отрасли знания, питают нерасположение и равнодушие ко всему, что не вмещается в тесные рамки любимой ими науки. Но когда против нее восстают те великие поборники знания, которые, как наперсники мудрости, вполне постигают истинные требования всякой науки и ищут знания полного, всестороннего, то это уже не нападки, а явный знак того, что упреки, сделанные философии, большей частью справедливы и что она сама в них виновата. Следовательно, это вызывает ее не на бой со своими противниками, а на новую попытку подкрепить замеченную в ней слабую сторону и утвердить за собой оспариваемое у нее право собственности посредством указания и определения такого предмета своих занятий, который принадлежал бы ей одной и, таким образом, делал бы ее, в глазах ее врагов, отдельной и самостоятельной наукой.

В первобытные времена человечества, когда знание только возникло, науке, появившейся под названием «философия» и предварившей своим появлением почти все науки, нетрудно было найти для себя предмет, никому не принадлежащий. Огромная область бытия еще

ником не была исследована. Право собственности, приобретаемое через науку, еще не было развито, и потому всякая вновь появляющаяся наука могла обращать в предмет своих исследований все, что ей ни попадалось, утверждая точку своего зрения там, где ей было угодно. Это случилось и с философией. Все существующее и познаваемое, вся великая система божественного мироздания, то по частям, то в совокупности, привлекала к себе внимание греческих философов. От Фалеса до Сократа вся задача философии состояла из вопросов о начале и происхождении вещей. Сократ добавил к ним вопросы относительно природы, назначения и судьбы человека, а позднейшие греческие философы привнесли в философию несколько взглядов на человеческие познания, основав несколько теорий о природе божественных начал. Судя по этому, нельзя не признать древней греческой философии *всеобъемлющей наукой*, в полном смысле этого слова. В то время она была наукой *обо всем*, и Цицерон весьма хорошо определил ее, назвав ее *знанием божеских и человеческих вещей* (scientia rerum Divinarum et humanarum).

Но в таком виде философия могла существовать только временно. Мало-помалу из ее же недра начали появляться новые науки, которые стали оспаривать у нее право всемирного обладания. Вслед за тем ее обширное царство разделилось на разделы, которые поступили во владение или физика, или естествоиспытателя, или политика, или кого-то другого, посвятившего себя изучению известной частной науки. Наконец, это деление привело к тому, что со времени новой классификации наук, начавшейся в XVI веке, философия не только не могла охватить всего, но доведена была до необходимости выйти из той сферы предметов, где она до сих пор вела свои исследования, передав ее во власть других наук. Они же, обратив в свою собственность область всего существующего и познаваемого, разделив ее между собою, создали отдельные царства, которых уже не вправе была коснуться рука философа. Следовательно, неограниченное *право на все*, которым прежде пользовалась философия, было утрачено. Наряду с тем, ее пределы сжались до того, что почти не было места, на котором могла бы беспрепятственно развернуться свободная деятельность философствующего ума. Таким образом, после реформы наук философии пришлось сойти со своего поприща и даже сложить с себя звание науки.

Между тем, открылось новое, не менее обширное поле для философской деятельности. Прочие науки, еще юные, получив каждая в свою власть известный круг предметов, исследование которого, даже при всей видимой его незначительности, требует долгой работы, векового труда — на первый раз должны были довольствоваться неполным знанием, останавливающимися на низших ступенях, или на так назы-

ваемых *вторичных причинах* (causae secundariae). Пользуясь этой незрелостью наук, философия выделила для себя целую область высших первоначальных причин, последних целей и коренных сил всего существующего. Она нашла для себя новый предмет, который, кроме того, что упрочил ее существование, доставил ей право первенства перед всеми науками, и даже, некоторым образом, сохранил ее первобытную всеобъемлемость. Ведь, став наукой о всеобщих началах, первоначальных формах и последних целях всего, она, в известных отношениях и с известных сторон, стала охватывать собою все. Такое значение получила философия в XVII и XVIII столетиях, и особенно утвердилась в нем в Лейбнице-Вольфианской школе, где понимали ее, как науку о последних причинах всего существующего, а долгом философа было знать первые начала и оригинальные формы вещей (prima principia, originarias formas nosse).

Но и это существование философии не могло быть продолжительным. Оно обуславливалось молодостью и незрелостью других наук. Следовательно, время их совершеннолетия должно быть для философии и временем удаления ее из области так называемых высших начал. Она могла продержаться только до тех пор, пока не проникли сюда прочие науки, пока каждая из них не возвысилась до того, чтобы в состоянии была видеть последние основания исследуемых ею предметов. Но в настоящее время некоторые из наук уже доросли до этой степени совершенства и стали тем, чем до сих пор была философия, то есть знанием последних оснований вещей, приводящим разнообразие фактов к единству идей. Чем же остается теперь быть философии? Когда почти всякая наука становится философией, что же такое сама философия? Ответ на это у многих готов: философии не существовать теперь в виде отдельной науки. Всякий мыслящий человек — философ, и всякая наука, углубляющаяся в свой предмет, — философия. Но, кроме этой философии, как высшего взгляда на вещи, нет и не может быть никакой другой. Какими ни справедливыми кажутся эти заключения, но они довольно поспешны: судя беспристрастно, нужно сказать, что кроме той философии, которая ни что иное, как высшее знание предметов, исследуемых различными частными науками, есть еще философия другого рода. Она нова по своему происхождению, но, тем не менее, действительна и соответствует своему древнему имени. Только теперь эта наука достигает того, чего она искала и к чему стремилась на протяжении многих столетий не только в древнем мире, но и в новом.

Период этой философии начинается со времен Канта. По его идее, она может быть названа наукой ума или умоучением; последователь Канта — Фихте — сделал ее наукословием, а Гегель обратил ее в науку

абсолютного саморазвития мысли или науку сознания. Все эти названия показывают, что означаемая ими философия избрала для себя предметом новую область, отличную от той, в какой она прежде производила свои изыскания. Но эта область, из-за своей новизны, для нас еще туманна. Нужно сильно напрягать умственное зрение, чтобы сквозь мрак германских умов приметить ту точку, на которой теперь утвердилась философия, и с которой уже не сдвинет ее никакая внешняя сила. Это пункт, принадлежащий собственно ей, на котором она является наукой — самостоятельной, чуждой примеси посторонних знаний, тогда как прежде она была то вместилищем всех наук, то их пополнением.

Где же новая область философии и что входит в ее состав? Это не мир существ, сотворенных Богом, потому что познание мира составляет предмет других наук, а философия хочет быть наукой отдельной, неприкосновенной. Но, кроме Божьего мира, возможен ли другой какой-либо мир? Только Бог — Существо творящее, и, следовательно, существуют только Его творения. Но всеблагому Творцу угодно было не только создать твари, но и сообщить им ту силу творчества, которая свойственна только Ему, чтобы в своем творении видеть ближайшее подобие самого себя. Этого божественного дара в высшей степени удостоился человек, как тварь, которую Бог благоволил почитать перед всеми тварями своим образом и подобием, так что, оставаясь тварью, человек стал одновременно и творцом. Произведение этого творца — это вообще *мир человеческого ведения*, который может быть огромен и разнообразен, но, по ограниченности своего творца, он созидается не днями, а веками, и не доведен до такого совершенства, чтобы при взгляде на него можно было сказать: *се вся добра зело!* Этот-то мир, как дело рук человеческих, состоящий из созданных и созидаемых человеческим умом знаний, искусств и наук, и составляет собственный предмет философии. Эта наука, в соответствии с таким своим предназначением, не без причины, почти при самом своем рождении, получила название *любомудрия*, совершенно равносильное названию *любознания*, так как мудрость и знание — синонимические слова.

Но существует ли этот мир знаний так же, как и мир вещей? Имеет ли он такое же подлежательное бытие или ему свойственно одно идеальное, чисто подлежательное существование? И философия, обращающая его в предмет своих исследований, так ли реальна, как и другие науки? Или она, оставив область действительного, теряется в одном воображаемом, и потому не представляет никакого интереса для людей, которые живут преимущественно действительностью? Нет. Мир знаний так же действителен, как и мир вещей, и философия так же реальна, как и другие науки. Знание, как мысль человека, зарожда-

ется и первоначально существует в человеческом уме, подобно тому, как видимые нами вещи первоначально существовали в Божественном уме, как его вечные идеи. Но как идеи Божественного ума отразились во внешности, дали действительное бытие миру вещей, так и мысли человеческого ума производят действительный мир знаний, проявляясь в различных внешних и вещественных формах человеческого слова. Науки, искусства, системы, книги не суть ли мысли человека в материальной форме, и не так ли существуют и познаются нами, как и явления действительной природы, как и вещи, подлежащие нашему внешнему и внутреннему чувству? Следовательно, мир ведения, на котором останавливается теперь философия, и которого не касается уже никакая другая наука, потому что каждая из них есть ведение о чем-либо, тогда как философия — это введение осамом ведении, как бы самосознание наук. Этот мир ведения не мечта ума, не вымысел фантазии, а действительное создание дарованной человеку свыше силы творчества.

Философия долго не попадала на этот предмет, потому что он не существовал в своем настоящем виде. Дабы могла составиться особенная наука о человеческом ведении вообще, нужно было до известной степени развиваться человеческим познанием, что могло быть плодом только вековых творений человеческого ума. Поэтому, почти до наших времен, философия находилась в состоянии младенчества. Только теперь, когда знание человека проявилось в различных внешних формах, ум философа смог углубляться в его основания и извлекать оттуда материалы для своей науки. Плодом прежних его попыток были, большей частью, односторонние взгляды на человеческие познания, порождавшие так называемые скептицизм, идеализм, эмпиризм и другого рода крайности, потому что мир человеческого ведения не являлся еще в такой полноте и гармонии, в какой представляется он и существует ныне. О чем тогда только гадали и что в прежние времена было не более чем предположение, то в настоящее время подтверждено уже многими очевидными фактами. Философия теперь может получить истинный характер науки, которой свойственно объяснять идеи фактами, а факты выводить из идей. Отсюда само собою объясняется позднее происхождение философии, понимаемой в истинном ее смысле. Наука без предмета существовать не может: для философии, как и для всякой другой науки, нужны *данные*, которые пробуждали бы в душе человека способность самосознания и доставляли бы факты для раскрытия и поверки его идей. Потому-то, хотя стремление к философствованию появилось практически одновременно с человечеством и более или менее заметно в каждом народе, однако, как многие народы имели свою самобытную философию, так, быть может,

только настоящему веку принадлежит честь сделать эту науку тем, чем ей следует быть,— наукой человеческого ведения.

Это ведение, составляющее предмет философии, само собою определяет и круг ее занятий. Она должна быть наукой, анализирующей человеческое ведение и углубляющейся в его основания. Этот анализ должен начаться с основы, на которой утверждается и из которой возникает все наше ведение. Потом ему следует перейти к законам, по которым оно образуется, и к формам, в каких оно проявляется. Наконец, он должен проникнуть в главные элементы ведения, как в содержание его многообразных форм. Основа всех наших знаний — *душа* с ее силами и действиями. Их законы и формы, по различию сил действующих и производящих различные роды знаний, делятся на законы и формы ума, или на так называемые *логические* законы, на законы и формы чувства, или *эстетические*, на законы и формы воли, или *нравственные*. Составные же элементы человеческого ведения — главные идеи ума: *идея бесконечного, идея конечного и идея взаимного между ними отношения*, потому что все наши познания — мысли или о бесконечном существе, или о существах конечных, или о связи конечных существ с бесконечным существом.

Следовательно, в соответствии с разделением самого предмета, философия должна заключать в себе три главные науки: науку о душе, или *психологию*; науку о законах и формах мысли, чувства и воли, подразделяющихся на *логику, эстетику и этику*; науку о составных элементах человеческого ведения или о главных идеях ума — *идеологию*, которая и есть собственно *метафизика* (потому что идеи невидимой природе вещей, а вне и выше ее), имеет, следовательно, бытие не физическое, как феномены, а метафизическое, как ноумены. Коренных идей три, а именно: идея бесконечного существа — *Бога*, идея конечных существ — *тел и духов*, и идея соединения бесконечного с конечным, или лучше — идея проявления бесконечного в конечном — *идея мира*. На основании этой тройственности идей, последняя часть философии, известная под названием идеологии или метафизики, должна состоять из учения о Боге — *феологии*, из учения о существах телесных и духовных — *соматологии и пневматологии*, а также из учения о мире вообще — *космологии*. Таким образом, философию должны составлять следующие науки:

I. Психология.

II. Логика, эстетика и этика.

III. Идеология, или метафизика, заключающая в себе феологию, соматологию, пневматологию и космологию.

Этими науками определяется весь круг философских наук. Сюда не вошла только *история философии*, но она, как наука, изучающая фи-

лософию же, не является составной частью этой науки. Это философия философии, которая, как свидетельница действий философствующего ума, хотя и неразлучна с философией, однако существует своим особым образом, не смешиваясь с ее частями и не входя в ее состав.

Кроме того, в одной из этих частей, а именно — в метафизике, философия как будто изменяет самой себе, и из науки человеческого ведения снова обращается в науку бытия, останавливающуюся на Боге, материи, духе и мире. Бытие, рассматриваемое здесь, бытие идеальное, метафизическое, познаваемое из идей. Метафизик, находя в глубине своего духа врожденные идеи всего существующего, развивает это *данное*, заключающееся в нем самом, используя другие *данные*, способствующие правильному раскрытию его идей. Следовательно, он имеет дело главным образом с идеями вещей, а потому его наука остается в пределах того же умственного мира, который составляет собственный предмет философии.

Показанные нами части философии почти все уже существуют. Но одни из них не приведены еще в надлежащую систему и заключаются в одних отрывках, не разработанных и не согласующихся с общей идеей философии. Другие, хотя и получили внешнюю форму, но не соответствуют ей своим внутренним содержанием, а некоторые известны только своими названиями.

Психология, кажется, всех их опередила на пути развития и усовершенствования. Умеренный взгляд новейших германских психологов навел ее на точку зрения, с которой она изучает свой предмет со всех его сторон, получает подробное и верное познание о нем, избегая, с одной стороны, грубого материализма, с другой — отвлеченного формализма, который прежде наполнял ее сухими логическими определениями способностей и сил души, не обращая внимания на многие различные внутренние явления, в которых главным и единственным образом открывается и изучается природа души.

Но другие части философии еще не достигли своей цели. Так, *логика* ведет свой род из времен глубокой древности — от элейских философов (с конца VI столетия до Р. Х.). Известны два ее великих основателя: в древние времена — Аристотель, в новейшие — Кант. Однако она не установила еще понятия о том, что есть главного в науке, то есть о своем содержании. Предметом своих исследований она поставляет то законы и формы чистого мышления, то мышление и познание. Причем ее тон то совершенно практический, то чисто теоретический, потому одни понимают ее как науку, излагающую правила мышления и учащую мыслить, а другие смотрят на нее, как на чистую теорию развития человеческой мысли, приводящую нас к сознанию мыслительной деятельности души.

Эстетика, из-за своего недавнего происхождения¹, еще менее определена в своем содержании. Одни считают ее наукой об изящном вообще, другие обращают ее в теорию изящных искусств, а некоторые принимают ее за одно целое с изящной словесностью. Поэтому она и существует большей частью как наука, не составляющая особой части философии, ее относят скорее к искусствам, особенно к словесным наукам, но не к философии.

Этика если не древнее логики, то, по крайней мере, ее ровесница. Ее отцом признают Сократа, но она возникла еще в школе Пифагора. Первые ее начатки кроются даже в восточной мудрости индийцев, китайцев и персов, но и она, кажется, не нашла еще своей дороги. По крайней мере, с появлением христианства, ей надлежало бы изгнать все лишнее, что было привнесено в нее языческими моралистами только потому, чтобы восполнить недостаток Божественного Откровения, которое они хотели заменить философией. К чему теперь определять ей последнюю цель человека и изобретать средство к ее достижению, когда эта цель ясно указана в Откровении, одновременно со средствами, действительность которых тысячекратно подтверждена в деятельной жизни христиан? Философскому нравоведению нужно теперь остановиться на другом, более свойственном ему предмете, а между тем, оно все еще не выступает из прежней своей колеи и учит нас почти тому же, чему некогда учил своих слушателей Сократ.

Кто вникал в природу и свойства тех сил души, исследованием которых занимаются три вышеупомянутые части философии, тот не мог не заметить серьезного соответствия, совершенной параллели между ними. Ум, чувство и воля — как бы одна сила души, действующая по одним и тем же законам, только в трех различных сферах: познаний, чувствований и желаний. Следовательно, как осуществляется один вид ее деятельности, так должны осуществляться и все прочие виды. Поэтому, как рассматривает законы и формы мысли логика, так, параллельно ей, должна рассматривать законы и формы чувства эстетика, а законы и формы воли — этика. *Логика*, как *наука мысли*, должна обратить внимание на следующие стороны человеческой мысли:

а) на ее *форму*, то есть на то, что показывает, как мысль происходит, образуется и существует, что известно под названием *законов, форм и условий мышления*;

б) на ее *содержание* или *материю*, то есть на *составные элементы* мысли, которые бывают или внутренние — *чисто логические*, или внешние — *онтологические*;

в) на *взаимное отношение формы мысли к содержанию и содержания к форме*, вследствие которого многообразие содержания как

¹ Ее отцом считают *Готтл. Баумгартена*, жившего между 1714 и 1762 годами.

внутреннего, так и внешнего, приводится к единству формы. Способ этого объединения известен под названием *методы*, и форма, в которой получается такое единство, называется *системой*. Следовательно, логика в своем настоящем виде должна быть:

- 1) аналитикой формы мысли;
- 2) аналитикой ее содержания;
- 3) архитектурной, состоящей из методологии и систематики.

Параллельно ей *эстетика*, имеющая своим предметом *чувство* (*αισθησις*), причем не как способность принимать внешние действия предметов и сознавать известные состояния души (в таком виде оно составляет предмет психологии), но как способность наслаждаться изящными предметами, как *эстетическое чувство*, должна также рассмотреть:

а) *формальную сторону* этого чувства, то есть образ его действий, которые оно производит то само от себя, то подвергаясь влиянию рассудка и фантазии, и таким образом, является то просто *эстетическим чувством*, то *вкусом*, то *гением*;

б) *предметную сторону*, то есть предмет эстетического чувства — *изящное* с его видами: *высоким*, *прекрасным* и *комическим*;

в) *взаимное сочетание формы с предметом*, достигаемое в изящных *искусствах*.

Следовательно, эстетика должна заключать в себе:

- 1) аналитику эстетического чувства;
- 2) теорию изящного;
- 3) философскую технологию. Ее части своим назначением и содержанием соответствуют названным нами частям логики.

Таким же образом и *этика*, оставив свои излишние изыскания цели и средств, занявшись исследованием *способов и приемов нравственной деятельности воли*, какие использует человек для достижения указанной ему цели, применяя к ней предложенные средства, должна знакомить нас:

а) с *началами* нравственной деятельности воли, а именно: с действующим началом — *нравственной свободой*, с началом, определяющим деятельность воли, — *нравственным законом*, и с началом, побуждающим волю к деятельности, — *совестью*;

б) с *действиями*, как предметом нравственной деятельности, разделив их на классы, в соответствии с их началами;

в) со *взаимным отношением начал и действий*, которое выражается то как *обязанность* или *долг*, из-за сочетания с законом совести, обязывающей нас к законным действиям, то как *добродетель*, вследствие сочетания с законом свободы, расположенному делать добро.

Поэтому этика должна иметь:

- 1) свою аналитику начал,
- 2) свою теорию действий,
- 3) свою этику, в теснейшем смысле слова, рассуждающую об обязанностях и добродетелях, что ставит ее в совершенную параллель с логикой и эстетикой.

Остающаяся часть философии, которую мы назвали *идеологией* и которая больше известна под названием *метафизики*, кажется, вовсе не соответствует тоном и содержанием своему громкому титулу. Она, большей частью, обращается теперь в безжизненную номенклатуру, мертвую терминологию. Между тем, ей следовало бы, выступив из идеи о бытии вообще, раскрыть сперва природу и свойства бесконечного бытия, потом природу и свойства конечных существ — материальных и духовных, и, наконец, указать способ и меру проявления бесконечных идей в конечных явлениях, составляющих ту совокупность вещей, которая известна под названием мир. Тогда *соматология* и *пневматология* доказали бы нам необходимость в конечном бытии двух начал: материального и духовного, разъяснили бы природу каждого из них и их взаимное отношение, и таким образом предоставили бы нам возможность надлежащим образом понять, определить и оценить учение восточных мудрецов и греческих философов о материи и духах. *Космология* же объяснила бы нам способ происхождения мира вообще и в частности, вывела бы различие его явлений и форм из проявившихся в нем идей, указав нам:

а) на *неорганическое царство*, как на преимущественное выражение идеи истины, в котором все однообразно, неизменно, твердо, как тверд закон, как неизменна истина;

б) на *органическое царство*, как на преимущественное проявление идеи красоты, в котором действует образовательная сила, производящая свои прекрасные формы;

с) на *духовно-нравственное царство*, как на преимущественное отражение идеи добра, в котором главный деятель — свобода, предполагающая добро и стремящаяся к его достижению. Вслед за тем рушились бы сами собою понятия о вечности мира, случае, необходимости, судьбе и всех случайных механических сцеплениях материи, а так называемая мертвая природа ожила бы перед нами, и ее внешние покровы получили бы в наших глазах свое истинное значение, настоящий смысл.

Так, по моему мнению, должна быть выполнена идея философии! Таково должно быть содержание и размер этой науки! Знаю, что не все согласятся со мной. Многим, быть может, не понравится то, что я высказал свои мысли просто и ясно, без германской утонченности, под которой обычно понимают возвышенность взгляда и глубину мысли.

Но я имел в виду светлый русский ум, для которого хорошо то, что просто и ясно. Да и вообще простота и ясность всеми признаются за необходимые условия понятности, а где больше нужно быть понятным, как не там, где хотим сообщить другим свое понятие о предмете, представив им вещь в том свете, в каком видим ее сами?

Что касается моего убеждения в истине сказанного мною о философии, то оно еще более возрастает и укрепляется, когда я представляю себе, что при этом взгляде многое в философии объясняется просто и легко. Древнее название этой науки, которое многие признают неточным и неопределенным, и от которого, по их мнению, происходит запутанность в определении ее содержания, теперь по всем правам должно остаться при ней, потому что лучшего названия ей дать нельзя. Если философия имеет своим предметом мир ведения, то как приличнее ей называться, как не *наукой мудрости* или *любомудрием*, когда истинное знание и мудрость — одно и то же?

Спор о предмете философии и сомнение о научном ее достоинстве могут быть объявлены несуществующими. Если прочие науки представляют ведение о различных, вне нас находящихся предметах, а философия исследует природу самого ведения, и поэтому она — ведение ведения, наука наук, то ясно, что она имеет особый предмет и отдельный образ существования, и что, следовательно, имеет полное право на название науки.

Понятно, наконец, и то, почему философия, понимаемая в строгом смысле, появляется поздно как в человечестве вообще, так, в частности, в каждом народе и каждом особом лице. Как наука умственного ведения, она дочь (дочь) самосознания, а сознание себя обычно следует за сознанием внешних предметов: это луч, озаряющий наш внутренний мир после того, как озарен им внешний мир.

Оканчивая мой беглый взгляд на философию, я чувствую, что мое зрение еще только на поверхности предмета. Но я надеюсь проникнуть глубже, когда стану разрабатывать части этой науки в соответствии с начертанным мной общим планом. Этот труд не скоро может быть приведен к желанному концу, потому что он требует долгого времени и больших усилий. По крайней мере, в своих частях он не представляет больших затруднений и может быть выполнен с успехом.

ОБ УСПЕХАХ ГРЕЧЕСКИХ ФИЛОСОФОВ В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ И ПРАКТИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИЯХ

Для всякого мыслящего человека интересно узнать, какова та сила, с помощью которой он возвышается и властвует над окружающей его природой и которую обычно называют *умом*. Судя по тем противоположным мнениям об этом драгоценном даре природы, какие возникли и господствуют в различных классах людей, надо сказать, что возможное определение степени и назначение пределов естественной деятельности ума становится даже необходимым не только для школы, но и публики. Неимоверные успехи ума в области наук и искусств, на поприще общественной и частной жизни, привели многих к той мысли, что в человеке есть такая сила, для которой при известных средствах возможно все, которая, кроме развития и усовершенствования самой себя, не требует больше ничего. С другой стороны, явные недостатки, грубые погрешности и бесчисленные заблуждения ума вызвали во многих самый мрачный взгляд на природу человека, перед которым теряется все ее достоинство, гаснут последние лучи естественного света. Первые не могут понять цель и необходимость откровенной религии. Ее существование в человеческом роде для них непонятно, и, оставаясь поклонниками своего ума, они питают неверие ко всему, что превосходит их ограниченное понимание. В глазах вторых становится мертвым и бесплодным всякое учение ума, а тем более философия. К чему нам, говорят они, этот тусклый свет луны, когда нас озаряют яркие лучи солнца? Явно, что эти два несогласные между собою мнения — две противоположные крайности, а истина должна быть посередине. Чтобы открыть ее, необходимо познать природу человеческого ума и степень его могущества и силы.

Но настоящее состояние ума нельзя назвать чисто естественным. После того, как учение Божественного Откровения распространилось в человеческом роде, естественный свет конечных умов, так сказать, слился со сверхестественным светом бесконечного ума, и нам трудно теперь с точностью узнать, где действует в нас Бог, а где человек сам собою. Были и есть философы, которые не признают влияние откровенного учения на свой ум и думают, что они действуют самостоятельно. Но сами они признают себя живыми органами и толкователями-господствующими в человеке идей, а эти идеи скрыты в нравах, обычаях, поступках и вообще жизни людей. Следовательно, по их же признанию, они состоят и действуют, сами не сознавая того, под влиянием сверхестественного элемента, так как он проникает и скрепляет всю

настоящую деятельность и жизнь народов. Как бы мы ни заградили храмину (храм) нашей души, в нее будут проникать лучи того света, который в таком обилии разливается теперь по земле. При настоящем положении дел, трудно отделить естественное от сверхъестественного, следовательно, невозможно обозначить пределы и показать степень естественной деятельности ума.

Это побудило меня обратиться к древним временам, когда человеческий ум более или менее действовал сам собою, когда философия не была еще в связи с христианской религией. Основываясь на том, что сделал человеческий ум в эти отдаленные от нас века и какой был результат его действий, можно уже, по крайней мере, предположительно, сделать выводы о свойственном ему могуществе.

Но я выбираю для этого только середину древних времен. Первобытный Восток и Древний Рим служат для меня пределами, ограничивающими мое зрение, но не останавливающими его на себе, потому что мудрость Востока — это не столько произведение человека, сколько откровение Божества, только измененное и отчасти обезображенное действием фантазии: плодов умственной самодеятельности здесь мало. Если и появлялись на Востоке самостоятельные мыслители, особенно у индийцев и китайцев, то все они не были чужды постороннего влияния и не отделялись от всеобщего на то время источника познаний — верований и преданий. Впрочем, я не останавливаюсь на Востоке не потому, что не вижу там собственных действий ума, а потому, что не нахожу средств, которые могут помочь с точностью выделить эти действия в огромной массе восточных преданий. Что касается Рима, то говорить о его философии считаю лишним, потому что римская философия — это растение Эллады, только пересаженное на берега Тибра. Поэтому только на Греции остановим внимание, и только ее мыслителей будем спрашивать, что сделали они и каков был результат их действий, *как далеко простирались их познания и какое влияние имели они на нравственность, религию и саму философию.*

Чувствую, что предпринимаю такой труд, который невольно заставит меня быть судьей всеми уважаемых мужей древности. Анализируя их труды, я должен буду показать как то, что они сделали, так и то, чего они не могли сделать. Может быть, последняя сторона возьмет перевес над первой, так что в результате выйдет больше не сделанного, чем сделанного. В таком случае, да простят мне священные тени великих мужей, да не осудят меня те, кто привык видеть в этих корифеях древней мудрости только великое и необыкновенное. При всем уважении к их уму и философии, я должен сказать здесь то, что требует от меня долг истины, потому что истина важнее всего. «Amicus Socrates, — сказал некто, — amicus Plato, sed magis amica veritas». С этой любо-

вью к истине приступаю теперь к самому делу, сохраняя все должное уважение к тем лицам, о которых хочу высказать свое неполное, но беспристрастное мнение.

1. Как далеко простирались познания греческих философов

Философия — наука сознания, а в сознании, которое, как свет нашей души, то сосредоточивается в центре нашего духа, то исходит в окружность предметов, вне нас существующих, то возносится к началу, все превышающему и все содержащему, явственно различаются три существенные элементы. Они обозначены у философов следующими именами: *я*, *не-я* и *абсолют*. Они охватывают собою все сущее: *я* означает субъект, сознающий человека; *не-я* — предметы, познаваемые и ограничивающие сознание, мир, а *абсолют* — первоначальную вину сознающего и познаваемого, Бога. Греческие философы каждый из этих элементов сознания пытались раскрыть и объяснить. Представим их попытки.

1. Первая основная истина, на которой держится все наше знание, — истина бытия того Верховного Существа, от которого зависит бытие всех существ, *истина бытия Божьего*. Она была известна ему во все моменты его развития: от первого ионийца до последнего неоплатоника. Все греческие философы в известной мере осознавали ее. Имя *атеиста* или *безбожника*, под которым некоторые из них слынут в истории, указывает только на их неверие в бытие тех богов, которыми наполнены греческие феогонии и «Илиада» Гомера, то есть в бытие народных богов. По крайней мере, из тех мест, на которые ссылаются, когда обвиняют в безбожии некоторых предшественников Сократа, например, Протагора, Диагора, Крития и других, не видно, чтобы они посягали на уничтожение в своем уме мысли о Верховном Существо. Они обычно выражаются языком многобожия¹, следовательно, отвергают только бытие богов многих. Всеобщий, совершенный атеизм — вещь, по крайней мере, недоказанная, сомнительная. Да и сбыточное ли дело, чтобы тогда, как все народы, даже дикие, глубоко убеждены в бытии Божьем, а философы, люди мыслящие, вовсе не сознавали существования Бога?

Но, с другой стороны, неоспорима истина, что многие из них мыслили так, как будто у них не было никакой мысли, никакого сознания о Верховном Существо. Из истории видно, что тогда как все народы, руководимые чувством божественного вездеприсутствия, воздвигали капища в честь богов и приносили им жертвы, философы нередко доходили до такого забвения, что созидали системы, в которых не могло

¹См.: Cicerone T. De natura deorum. — Philadelphia, 1846. — P. 23.

быть места не только сонму богов ложных, но и Богу истинному. Для примера достаточно вспомнить Демокрита и Эпикура, у которых нет места Богу, потому что у первого *необходимость* (*αναγκη*)¹, а у второго *случай* (*τυχη*)² производят все. Эти факты показывают, что истина бытия Божьего, внушаемая нам самим Богом, хотя и сознается нами, но не является нам в том виде, какой хотел бы дать ей рассудок для того, чтобы, так сказать, поместить ее в свои формы. В эти формы вкладывается только то, что утверждается на известном начале, но где вы найдете начало, на котором было бы можно утвердить начало начал? Поэтому рассудок мог строить такие системы, в которых не было Бога, но не потому, что он отвергал истину бытия Божьего, а только потому, что не мог поместить ее в свои тесные рамки. Справедливо можем заметить здесь с Кантом, что все наши доказательства бытия Божьего, в собственном смысле, только *доводы*. Они доводят нас до сознания бытия Божьего, но не заключают в себе таких начал, из которых можно было бы с математической очевидностью сделать вывод о том, что Бог есть. Это происходит от того, что сама истина бытия Божьего— начало всякой очевидности, а такие начала не выводятся логически из начал, а приемлются верой. Рассудок может только приближать их к своим формам, но не в состоянии полностью подчинить себе, поэтому обладание над ними он всегда делит с верой.

Но в познании *природы* и *свойств* того Верховного Существа, бытие которого — больше предмет веры, чем знания, успехи греческих философов были весьма значительны. Лучшие из них постигли виновника всех вещей в такой мере, что их учение нашло полное подтверждение в христианстве. Многие имели надлежащее понятие о духовности божественной природы, а некоторые сквозь тьму многобожия проникали в тот чудный свет, которым озаряется ум при мысли о Божьем единстве. При помощи логических выводов, возводимых на основании врожденной уму идеи Верховного Существа и посредством аналогии, заключающей от видимого к невидимому, они объяснили природу божественных свойств с такой подробностью, что уму почти не оставалось желать ничего больше. Сократ использовал язык многобожия потому, что умы греков в то время еще не были подготовлены к высоким понятиям о Божьем единстве. Он изобразил с его помощью природу божественных свойств в общих, но верных чертах. «Боги, — говорил он своим слушателям, — нематериальны, отличны от мира, все знают, везде присутствуют, самодовольны, всеблаженны»³. Его ученик, Платон, до того возвысился в учении о Боге, что сами отцы

¹ Cicerone T. De fato liber. — Parisiis, 1565.

² Diogen. L. X. 44, 45, 74, 88.

³ Complètes O. Xénophon. Mémoires. — Paris, 1859.

церкви отдавали ему в этом отношении должную справедливость и уважали его за чистоту богомыслия.

Только одно из Божьих свойств никем из философов не было познано — *творчество*. Никто в древнем мире не представлял себе Бога Творцом, лучшие из философов знали его только как образователя (создателя) материи. Это существенное свойство божественной природы для ума было покрыто завесой непроницаемости. Никто не в состоянии был понять истинное отношение Бога к миру и мира к Богу. Философы то сливали бесконечную природу с конечной в одно целое, то удаляли одну от другой на такое расстояние, что почти уничтожали всякое отношение между миром и Богом. Так, у ионийцев чистейший дух заключается в грубой материи и низводится вкруг физических сил природы. У пифагорейцев Бог становится душой, разлитой по всему миру; у Гераклита и стоиков духовное начало практически теряется в вещественной стихии зиждительного огня. Аристотель же превращает Бога в какой-то внемирный центр, к которому все стремится и, стремясь, движется, но который сам остается неподвижен. Поэтому его неподвижный движитель не имеет никакого попечения о мире, тем более, по его же словам¹, он и не знает мира, а сосредоточивает всю свою деятельность в чистом мышлении и логическом сочетании мыслей, так что он ни что иное, как высший логический рассудок. Такие же отвлеченные понятия о Боге и у греко-александрийских философов, которые первую вину всего представляют чем-то совершенно некачественным и даже безымянным. Незнание Бога, как Творца, не позволило самому Платону возвыситься до истинного о Нем понятия: допущением материи, которое сделано вследствие этого недоразумения, он ограничил свободу, независимость и самостоятельность ее основателя.

Таким образом, человеческий ум сам по себе не мог прийти до ясно-го и верного понятия о Боге. Он всегда сознавал, как постоянную и неизменную истину, что Бог — *верховное начало и последний конец всего*. Но это начало он представлял себе то как начало *физическое*, то есть как силу природы или вещественную стихию (у ионийцев), то как начало *математическое*, как единицу численную (у пифагорейцев), то как начало *логическое*, как мыслящую силу (у Аристотеля), то как начало *метафизическое*, как чистую идею (у Платона), то как *чистое начало*, без всяких сказуемых и свойств (у неоплатоников). Между тем, ни одно из этих начал не есть то истинное начало, которого искал ум и которое, поэтому, должно было, наконец, само явить себя в своем Слове.

¹ Aristotle. Metaphysics.— London, 1896

2. Первоначальным и практически главным предметом греческой философии была окружающая нас природа, *видимый мир*. Он был исходной точкой философских поисков древних греков. Первым останавливает на нем свое внимание Фалес, отец греческой философии, и его вопросы передаются потом из уст в уста, из школы в школу. Видимый мир анализируется и, при этом анализе, философствующая мысль греков останавливается то на веществе, из которого он состоит (в Ионийской школе), то на форме, в какой выражается это вещество (в Пифагорейской школе), то на взаимном отношении формы и вещества (в Элейской школе и системах Гераклита, Левкиппа, Демокрита, Эмпедокла и Анаксагора). Наконец, Аристотель увенчивает эти почти трехвековые поиски своим успешным трудом. Его книги представляют богатое собрание разнородных сведений по всем отраслям естествознания, с философическим изъяснением происхождения, цели, устройства и свойств существ, относящихся к различным царствам природы, а сам он является между древними, как лучший знаток законов, причин и явлений видимой нами Вселенной.

Таким образом, видимый мир не оставлял для ума неразрешимой проблемы, но только с одной стороны — *внешней*. Конечно, и эта сторона покрывалась в древности туманом мечтательных теорий, противоречивых гипотез и произвольных толкований. Она не представляла значительных познаний о предметах, подлежащих исследованиям физики. Но мы не вправе из ограниченности познаний древних физиков выводить то всеобщее заключение, что физическое познание мира для человеческого ума вообще невозможно. Древние греки были младенцами в физике, потому что не имели еще тех средств, сближающих человека с природой, какими теперь пользуемся мы. Зато мы далеко ушли от них на пути физических изысканий и со дня на день двигаемся вперед. Так что ту сторону мира, которая подлежит исследованию физики, можем считать постижимой для ума, даже оставленного одним своим естественным силам и при одних собственных, человеческих средствах.

Но есть и другая сторона мира, так сказать, *запространственная* (внепространственная) и *завременная* (вневременная). Учение о ней состоит из метафизических вопросов о *первоначальном происхождении мира вообще, о последнем его конце и его отношении к своей первой вине*. Философствующие умы греков направляли свое стремление и в эту неведомую для ума область, но или обманывались, принимая внешнюю сторону мира за внутреннюю, или терялись в выспренных теориях о начале и конце мира. К тому же они позволяли себе строить мир из таких начал, о которых странно и подумать, чтобы они могли

произвести, не говорю мир, а что-нибудь хотя бы мало-мальски стройное.

Под первую категорию может быть подведено учение о мире *ионийских физиков и перипатетиков*. Взор первых ограничивался пределами видимого горизонта, поэтому они не могли знать, что такое мир вообще, как он начался, для чего и как существует. До общего понятия о мире, как стройном целом, они не доходили, и потому не решились вопросов, касающихся мира вообще. Они изучали малую часть Вселенной, далее которой их понятия не простирались. Однако и в этой части они видели только неделимые вещи, не возвышаясь к их видам и родам. Поэтому вопрос о происхождении мира вообще вкладывался у них, так сказать, в тесную форму вопроса о происхождении мира видимого, ограничиваемого пределами зримого нами горизонта. О происхождении животных и людей они могли составлять только странные гипотезы, так как это выходило из круга их понятий. От взгляда Фалеса на мир вообще недалек был и Аристотель. Он и его последователи объясняют нам только то стихийное перетворение (превращение) вещей, какое ежедневно совершается перед нашими глазами. Они задумываются о том, как рождается, изменяется и разрушается та или другая вещь, а как произошла и к чему предназначена вся совокупность вещей — это не их вопрос. Ведь, по их понятию, мир, понимаемый вообще, вечен. Следовательно, у них и места нет вопросу о первоначальном происхождении мира и его последнем конце.

Другие, сказал я, терялись в выпяренных теориях о начале и конце мира. Это — *Зенон Элейский* со своими последователями, *Гераклит* со своими продолжателями — *стоиками*, и те, которые пересоздали философию Платона и известны под общим названием *неоплатоников*. *Элейская школа* допускала бытие *одного реального*, но до того в нем терялась, что не смогла сказать о нем ничего утвердительного и определенного. Ксенофан Элейский свои нерешительные и противоположные мнения обо всем заключал так: «Никто не поймет того, что я сказал о Боге»¹, то есть о том реальном, которое представляется у него то Богом, то миром, то тем и другим одновременно, то, наконец, ни тем, ни другим. *Гераклит*, которого не понимали лучшие из древних писателей, например, Цицерон, построил такую туманную систему безначального и бесконечного *возникновения* миров, что каждого, читающего ее, она оставляет в недоумении. Стройно течет у него быстрый поток изменений, но откуда берет он свое начало и куда стремится? Какова причина этого нескончаемого чередования миров? Что вращает это быстро движущееся колесо и какая цель его постоянного круговращения? На эти вопросы хотели ответить стоики, последовате-

¹ Sexti Empirici. Adversus mathematicos. — Parisiis, 1569.

ли учения Гераклита о *зжидительном огне* (*πυρ τεχνικός*)¹. Однако отвечали они неудачно, называя целью постоянного чередования миров постепенное усовершенствование мира, как будто Всесовершенное Существо не могло один раз создать что-либо совершенное, как будто ему прилично перетворять (преобразовывать), подобно простому скульнику (горшечнику), один сосуд в другой потому, что первый был сделан им, так сказать, невпопад! *Платон* лучше других раскрыл внутреннюю природу мира: у него мир — это осуществление божественных идей, овеществленная мысль Божья. Однако допущенная Платоном *вечная материя* — это такой пункт в его учении, где наш ум теряется в вопросах: как возможна эта вечная материя? Где и как она от вечности существовала? Что она такое сама в себе и как через одно прикосновение и отражение в ней идей стала тем, чем есть теперь? Наконец, пересоздавшие систему Платона настолько уточнили свои понятия о начале и конце мира, что в них мы не видим ничего: они для нашего духовного зрения то же, что пятна на Солнце для телесного зрения. И на самом деле, не туманом ли покрывается для нас первая и последняя судьба мира, когда Филон выводит мир из чего-то совершенно неведомого и заставляет его теряться в этом же неведомом? Когда каббалисты помещают мир внутри какого-то беспредельного света (Ор-Эисоф), который сжимается к бокам, чтобы дать место своим сефиротам и образовать из них миры? Когда неоплатоники делают Бога каким-то бескачественным центром, а мир — истекающей из него периферией? Можно ли понять природу и существование мира, когда вовсе не определено то, что составляет его начало и конец? Не таинственна ли та река, исток и устье которой никому не известны?

Наконец, некоторые из греческих философов позволяли себе, как было замечено выше, странное построение мира для того, чтобы объяснить его начало и конец. К ним относятся философы-атомисты: *Левкипп*, *Демокрит* и *Эпикур*. Станным кажется построение Анаксагором мира из *омиомерий* (*ομοιομερεια*), когда обращаем внимание на то, что в мире все существует и живет, а многое мыслит и свободно действует, между тем как эти вещественные частицы по своей природе безжизненны и мертвы. Эта странность сглаживается тем, что Анаксагор присоединяет к своим мертвым омиомериям живое начало, которое он назвал *умом* (*ους*) и которое движет его омиомериями, приводя их в порядок. Пронизывая их существо, это начало становится для них и жизнью, и чувством, и душой. Но при *атомах* (*ατομαι*) Левкиппа, Демокрита и Эпикура нет не только свободно-разумной живой силы, но и животнo-жизненной. Демокрит сомневается в существовании бо-

¹ Cicerone T. De natura deorum. — Philadelphia, 1846.

гов, а у Эпикура они хотя и есть, но не имеют никакого отношения к миру. Они живут как изгнанники, на границах миров (in intermundiis). Поэтому мир происходит у них из грубой материи без участия разумной силы, по одной безотчетной необходимости или слепому случаю. Это странно и, можно сказать, безрассудно! Нельзя представить, чтобы таким способом могла произойти хотя бы самая ничтожная вещь в мире, но, тем менее, отсюда можно произвести целый мир, с его красотой и гармонией, а творение разумно-свободных существ здесь вовсе невозможно.

Итак, ум собственными силами изведаль попираемую ногами землю и возвышающееся над нашими головами небо. Разговоры Платона и книги Аристотеля служат доказательством тому, что мировые тела, с их силами, устройством и назначением, и вообще внешняя сторона мира для человеческого ума доступна и, при помощи долговременных опытов и наблюдений, может быть изучена нами до оснований и начал. Но внутренняя сторона мира, как показали опыты многих веков, — такое святилище, в которое нельзя проникнуть с одним тусклым светом естественного ума.

Есть еще одна сторона мира — темная, безотрадная для сердца и не объяснимая для ума. Ее составляют случайные недостатки, страдания и болезни, известные под названием *зла*. Взор древних любомудров достигал и сюда. Некоторые из них старались объяснить причину появления этих темных пятен в светлом создании всеовершенного Творца, но всю вину относили к материи и не снимали с нее этой вины даже тогда, когда, впоследствии, будучи, быть может, научены христианами, примешали сюда и свободу человека. Мир, по их понятию, так же не может обойтись без зла, как и без материи, поэтому зло неразрывно связано с добром.

3. Занятый внешним миром, человек долго не обращал внимания на свой *внутренний мир*. Плененный красотой и разнообразием вещественной природы, он как будто и не знал, что есть еще природа духовная, более изящная, в его сознании, теряясь в беспредельности вещей, не скоро открылась самому себе. У ионийских философов встречаем только странные гипотезы о происхождении людей то из рыб, то из стихий¹. В Элейской школе находим подобные же понятия о человеке, как о земном прозябании, которое имеет два пола и состоит из двух частей, вследствие перевеса света над тьмой и тьмы над светом². Но, по мере расширения круга познаний, росла потребность и крепло желание познать самого познающего, т. е. человека, а особенно его душу. Эту потребность ощутили еще до Сократа и даже отчасти

¹ Например, у Анаксимандра.

² Учение Парменида.

удовлетворили. Но когда Сократ поставил во главу своей философии эпитафия дельфийского храма: «Познай себя» (*γνῶσι σεαυτόν*), познание человека стало центральной точкой, около которой потом вращалась вся греческая философия. С тех пор сочинения философов стали наполняться подробными описаниями и глубокими исследованиями всех сторон человеческой природы. В этих описаниях тело и душа человека анализируются и как бы разлагаются: первое на свои составные части, а вторая — на свои существенные силы. Плодом такого анализа было то, что древние имели довольно полную науку о человеке, рассматривающую его с телесной, душевной, умственной и нравственной сторон.

Учение о *человеческом теле* представляется в лучшем виде у двух греческих философов — Платона и Аристотеля. Наш телесный организм проанализирован ими с должной подробностью, сделаны замысловатые и остроумные, хотя, впрочем, довольно мечтательные замечания об отношении различных систем тела к силам души. «Голова, — рассуждает Платон в своем «*Тиме*», — это *седалище ума*, она занимает в теле самое высшее место. Имеет круглую фигуру, как совершеннейшую. Она снабжена чувственными органами, помогающими уму развивать свои идеи, обложена тонкой плотью, чтобы не препятствовать своей тяжестью действиям ума. Она движется вверх и вниз для того, чтобы передавать уму впечатления от тел небесных и земных. Грудь — *седалище духа* (*θυμός*). Она под головой, потому что дух под властью ума, посередине тела. Дух — сила, выступающая посредником между умом и вожделием. Она отделена от головы шейей, чтобы духу не было возможности соединиться с умом. Около нее мышцы и руки, то поднимающиеся к голове, то опускающиеся к желудку, потому что назначение духа состоит в том, чтобы обращаться то куму, то к вожделию. Наконец, нижняя часть тела — чрево — *седалище вожделия* (*ἐπιζῴμη*). Она ниже других частей, потому что в ней помещается низшая душа. Имеет вверху прозрачную и одновременно горькую печень, чтобы отражать в ней идеи ума и наполнять горечью пожелания чувства, а в левом боку — селезенку, вбирающую в себя накапливающуюся в печени нечистоту и таким образом прочищающую это зеркало умственных отражений. В воодушевлении и известных болезнях здесь возвещаются тайны, так что и эта часть нашего тела служит в известной мере орудием к познанию истины»¹. Почти то же повторил и Аристотель, разрешив притом и другие частные вопросы относительно различных отправлениях человеческого тела.

Вторая часть человеческого естества, *душа*, познана греческими философами лучше самого тела. Мы недалеко ушли от них в психоло-

¹ Plato's *Timaeus*. — London, 1888. — S. 44-73.

гических познаниях. Им известны были те же свойства души, какие и мы ей приписываем: духовность, простота, свобода и бессмертие. Они имели понятие о тех же силах души, какие находят в ней и нынешние психологи: о чувстве, рассудке, уме и воле. Взаимная связь души с телом также не ускользала от их внимания, они даже сознавали, что душа находится теперь не в естественном своем состоянии, а в состоянии повреждения, поэтому их нравственные предписания часто получали в высшей степени аскетический тон.

Мыслящая и познавательная стороны души достаточно тщательно раскрыты в системах греческих философов: теории познаний стали появляться достаточно рано. Поначалу это были темы, как, например, теория Пифагора, где все представлено в немых знаках, числах. Данные системы были или слишком односторонни, как теория Гераклита, превращающая человека в машину, приемлющую только истечения божественного ума, или довольно грубы, как теория Демокрита, которой вводятся в душу вещественные *образы* (εἰδῶλα) тел. Но в книгах Аристотеля мыслящая сторона души является уже в своем естественном свете: тонкий ум мыслителя проник в основы человеческого мышления и открыл первые элементы мысли, так называемые *категории* и *формы* рассудка. Зенон Циттийский и Эпикур с позднейшими академиками простирали свои изыскания в этом роде до того, что касались отношения мысли к мыслимому, определяли достоинство и значение человеческих познаний.

Нравственная сторона души, особенно со времен Сократа, сосредоточила в себе все внимание греческих философов. На ифику одни из них смотрели, как на существенную часть философии, другие — как на главную, а третьи — как на единственную. Сократ, Платон и Аристотель хотя и возвышают нравственную часть философии, но без унижения других ее частей. Циники и стоики обращают все части философии в орудия ифики, а киренаики, эпикурейцы и пирронисты с презрением смотрят на прочие части философии, довольствуясь только ификой. Такое ее предпочтение прочим частям философии ручается за особые успехи греческих философов в части нравственной философии. И действительно, они возвысились до понятия о предназначении человека к добродетельной и блаженной жизни. Они были уверены, что эта высокая цель достигается в вечности, что для ее достижения необходимо господство души над телом и ума — над чувственностью, что предрассудки и страсти — преграды на пути к добродетели и счастью, и потому мудрецу они не свойственны.

Что может еще сказать христианский психолог-моралист? Но, вникая глубже в эти общие понятия греческих философов о душе и чело-

веке, находим, что в них не все еще высказано: не решены самые важные вопросы ума о человеке.

Что главнее и важнее для ума, как не давно устаревший вопрос, которым он хочет разъяснить для себя тайну *первоначального происхождения человека*? Как решили его греческие философы? Человек у них стал всем тем, чему ему быть не свойственно: он и прозябание земли, и исчадие зверей, и автомат стихий, и истечение Божества. Все, только не то, чем ему быть должно, то есть совершеннейшим созданием божественного всемогущества. Правда, некоторые из философов только тело производили из материи, а душу признавали искрой и даже дыханием Божества. Но и человеческому телу произойти из одной материи нельзя: нынешние наши тела происходят из материи, уже организованной, претворенной божественным всемогуществом в наш телесный организм, а из материи, какую представляли древние, они как теперь не происходят, так и первоначально произойти не могли.

После происхождения человека другое весьма важное явление в его судьбе — *падение*. Одно то, что и теперь многие смотрят на это несчастное событие с сомнением и неверием, может убедить нас в том, что естественное зрение до этого мрачного, но все объясняющего предела первобытной жизни человека не достигало. Следствия падения, видимо обнаруживающиеся в человеке и мире, лучшие из философов признавали. Отсюда их жалобы на худое положение вещей в мире, особенно на бедственное состояние человеческого рода. Отсюда всеобщее ожидание улучшения и перехода, если не всего мира, то, по крайней мере, обитаемой нами планеты из настоящего худого состояния в другое, лучшее и совершеннейшее. Отсюда различные учения о переселениях и странствованиях человеческих душ, отсюда теургии, магии и тому подобное. Но никто не мог указать на истинную причину этих следствий, никто не знал, откуда получил свое начало повсюду разливающийся поток зла. Уже во времена христианства появляются в уме некоторые понятия о падении человека и о грехе, но их происхождение должно быть оттуда же, откуда произошли все подобного рода восточные мифы, то есть из Откровения и преданий.

Это неведение ума о происхождении и падении первых людей покрыло мраком неизвестности и настоящее состояние человека, а также будущее его назначение.

Человек был для себя непонятной загадкой. Не говоря о тех, которые то низводили его в класс материальных вещей, образуя и саму его душу из той же грубой материи, из какой составлено его тело, то превращали его в чистого духа, признавая тело человека чем-то неестественным и случайным. Даже те из философов, которые правильно по-

нимали двойственную природу человека, только наполовину понимали соединение в человеке двух начал — духовного и вещественного. Настоящий союз души и тела для них казался никогда и ни в каком виде не восстанавливаемым после болезненного расторжения в минуты смерти. Переселение душ в другие тела они представляли возможным, а о новом соединении той же души с тем же телом никто и не думал.

Отсюда неполнота понятий о бессмертии души. Верили в будущую жизнь все философы, исключая грубых материалистов, например, Эпикура, у которого все оканчивается обыкновенной жизнью. Но эта будущая жизнь понималась не как жизнь человека, а только как жизнь его души. Она или переходит в другие тела и, следовательно, уже не принадлежит тому лицу, какое составляла в этом мире, или остается на всю вечность без всякого тела и опять не составляет того духовно-телесного существа, каков теперь каждый из нас, то погружается в Божество и сливается с Ним в одно целое, теряя свою личную самостоятельность.

Кроме того, и об этой, так сказать, половинчатой жизни ум не знал, в чем она будет состоять. Правда, он поставлял ее в *блаженстве* (ευδαιμονία), а само блаженство полагал в *соединении с Богом и непосредственном Его созерцании*. Но, соединяя человека с Богом, философы не могли не слить его существа с Божественным существом, и человек терялся в Боге, как капля воды в океане. О непосредственном созерцании Бога они имели понятие, как о состоянии, более или менее исступленном, которое потому уже не свойственно человеку, что это болезненное и принужденное состояние.

Еще меньше был известен уму способ достижения будущего блаженства. Чтобы найти потерянный путь к небу, человеческий ум придумывал различные средства и, как отчаянный больной, решался на все: требовал то *богоуподобления* (в лице Сократа), то *гармонии* сил души и подчинения низших из них высшим (в лице Платона), то *последования* (следование) *природе* (в лице стоиков), то *отрешения от чувственности* и умерщвления плоти (в лице неоплатоников). Эти средства большей частью целительны, но они нередко обращались в яд, потому что никем не могло быть указано надлежащее их употребление: начертанный умом идеал мудреца или праведника столь же мало помогал страждущему человеку, как и сам человек.

Таковы были действия философствующего ума греков в теоретическом отношении. Таковы познания его о Боге, мире и человеке.

II. Какое влияние имели эти познания на нравственность, религию и философию?

Покажем их практическое приложение, рассмотрим их следствия.

1. Среди философов Греции есть истинные благодетели человечества, которые содействовали улучшению *нравственности* людей и своим учением, и своей жизнью. Воскресим в памяти хотя бы некоторых из них.

Первый по времени — Пифагор. Проведя юность на острове Самос, при дворе Поликрата, он потом большую часть жизни посвятил трудным путешествиям по Азии и Африке только из-за любви к мудрости и желания добра себе и другим. С этой целью он изучает мудрость Востока и посвящается в таинства египтян. Наконец, он приходит к той высокой мысли, осуществлением которой было учреждение общества, существовавшего на юге Италии у греков дорического племени и известного как *Пифагорейский союз*. Общество это, по всей справедливости, может быть названо образцовым. Терпение, испытываемое долговременным молчанием, строгое и благоразумное распределение времени, постоянная внимательность, самая высокая религиозность, скромность в одежде, умеренность в пище — все это делало его членов добрыми гражданами, мудрыми законодателями и дальновидными правителями. Зависть, преследовавшая Пифагора, еще при нем разрушила его благодетельное учреждение. Посеянные им семена добра принесли свои плоды, по крайней мере, в тех государственных мужах, на которых история указывает нам, как на питомцев Пифагора.

Другой муж, посвятивший свою жизнь исправлению человеческого сердца, — Сократ. Афинское юношество стекалось к нему толпами. Одни ежедневно, а другие еще чаще беседовали с ним о нравственности и добродетели. Многие так дорожили его беседами, что приходили слушать их даже к нему в темницу. Это доказывает, что Сократ умел внушить своим слушателям уважение и любовь к добродетели и что, следовательно, его учение не осталось без положительных следствий.

Как ни возвышался Платон над житейским бытом, однако и он обращал свой взгляд на поступки людей и заботился о нравственном улучшении своих слушателей. Зенон Стоический требовал от всех, поступающих в его Портик, строгой нравственной жизни, к которой и была направлена вся его философия. Это требование, выполняемое его последователями, делало их точными блюстителями правды и закона, как доказали впоследствии многие из римлян: катоны, сенеки, антонины, эпиктетты.

Основываясь на этих немногих фактах, нельзя не признать благодетельного влияния философии на нравственность и жизнь. Но, с дру-

гой стороны, нельзя не заметить, что это влияние слишком ограничивалось местами и лицами. Если и простиралось оно за стены философских школ, то действовало там с приметным ослаблением, и благотельных последствий для всего человечества от него вовсе не было. Причину этого угадать нетрудно.

Ограниченный человеческий разум, как бы далеко ни расширял свое зрение, никогда не охватит им всего человечества, во всех его состояниях и на всех степенях развития. Будущее от него сокрыто, прошедшее темно, а настоящее представляется ему в слишком малых размерах. При этой близорукости ума, влияние его познаний на нравственность не могло не ограничиваться самыми тесными пределами. Афины, со своими портиками, площадями, академией и лицеем, так сказать, поглощали все труды философов, не принося желанного плода. Да и мог быть этот плод тогда, когда все человечество находилось в состоянии болезни? Если прекращалась зараза в одном месте, то она тотчас появлялась в других местах. Если излечивался один больной, то его здоровье не могло быть в безопасности из-за других, близких к нему больных. И если водворялись покой и благоденствие в одном царстве, то ему угрожали бури и несчастья от других царств. Философы, эти естественные врачи человечества, не могли вылечить нравственные болезни даже у многих из своих слушателей: что же могли они сделать с городами, народами, а тем более с целым человеческим родом при своем близоруком взгляде на мир и людей?

Предположим, что некоторые из них расширили свое зрение, и в своих понятиях представляли все человечество, как оно есть, было и должно быть. Но кто из них мог расширить свое могущество так, чтобы смог остановить повсеместный разлив зла? Высокие нравственные теории только давали людям почувствовать свое жалкое состояние. Слушая и читая их, каждый видел, что он уносится потоком зла, но удержаться в своем течении не мог. Прекрасные нравственные наставления теперь, когда человечество спаслось из пропасти зла, могут сделать много, а до того времени они были для него тем же, что и мудрые советы для утопающего.

Притом, могли ли предписания одного естественного ума быть спасительны? Они исходили из уст людей, которые сами находились в состоянии болезни, а может ли больной знать состояние здоровья, когда сам никогда им не пользовался? Поэтому философы по-разному определяли то состояние, в какое хотели привести себя и других. Сократ думал, что улучшить гражданственность, значит сделать все для блага человечества. Мысль, по-видимому, справедливая, но она дала повод его ученику Платону разрешить нарушение законов нравственности, чтобы сохранить выгоды жизни. Зенон же, наоборот, хотел

улучшить состояние людей через их отрешение от всех житейских связей и отношений, как будто в этом, не свойственном человеку отторжении себя от общественного и семейного быта и состоит человеческое благо! Такие понятия об улучшении человечества больше расстраивали, чем улучшали человеческую жизнь. Потому-то римляне, дорожившие общественным спокойствием и благоденствием, часто изгоняли философов и не скоро дали мирный приют философии.

2. *Религия*, как единственная опора нравственности, не могла не обратить на себя особого внимания греческих философов. Сократ, по свидетельству Ксенофонта¹, старался внушить своим слушателям познание о Боге. Платон стал философствовать не раньше, чем осознал идею Бога, из которой произвел весь мир идей. Стоики прямо объявили себя защитниками и восстановителями религии, ее обрядов, а философы последних времен древнего мира обратили всю философию в орудие религии. Но именно здесь и были бесплодны попытки ума. Где ошутимее могли быть успехи этих попыток, как не в столице философии, Афинах? Между тем, Афины, главный приют философов, всегда были главным приютом самых грубых суеверий, закоренелых предрассудков. Всебоги Востока нашли здесь поклонников. Мало того, их число было пополнено новыми богами, демонами и героями. По числу греческих капищ можно судить о числе богов, а по описаниям празднеств и игр, какие совершали греки в честь своих богов, — о том, как чувственна и груба была их религия. Между тем, это была религия того народа, который славился философами, наставниками нравственности и учителями единобожия! Казалось, когда языческой религии быть чище и возвышеннее, как не в те последние минуты древнего мира, когда ум погрузился в созерцание своей божественной единицы и когда философы сами стали жрецами религии? Однако последние времена язычества похожи на первые. При Порфирии, Ямвлихе и Прокле древняя религия представляется с теми же суевериями и предрассудками, какими была окружена при Орфее, Гесиоде и Гомере. Таким образом, целое тысячелетие прошло для нее так, как будто и не бывало, а между тем это было время философской деятельности ума, период цветущего состояния древней философии! Останавливаясь на этом явлении, мысль каждого из нас невольно приходит к следующим заключениям: религия — не дело ума, она Божий дар, сверхъестественное откровение. Эта мысль не чужда была и древним философам. Некоторые из них философию низводили с неба. Например, Парменид утверждал, что все то, чему учил он, — внушение богини, открывшей ему как непоколебимое сердце истины, так и мнения смертных².

¹ Paulus H. Memorabilien. — Leipzig, 1793.

² Cicerone T. Quaestura. — Venetiis, 1537.

Сократ учил, что все его наставления — непосредственные внушения духа, *гения*, откровения Божества¹. Но где шла речь о религии, там разум прибегал к внешнему источнику — Божественному Откровению, ясно тем доказывая, что религия, по его собственному признанию, дело Божье. Так, Порфирий, когда хотел решить вопросы, относящиеся к религии, просил ответа на них у жреца, чувствуя, что в деле Божьем голос ума бессилён².

Справедливо, что человеческий ум, на основании врожденной идеи Бога и при помощи положительных религиозных познаний, мог высвиться до известной степени чистоты боговедения и правильности богопочитания. Однако неоспоримо то, что он был не в состоянии обратит свое знание в дело, не мог с чистотой понятий соединить чистоту религиозных действий. В мыслях многие были почитателями единого Бога, а на деле выступали поклонниками многобожия. Сам Сократ приносит жертву Эскулану: как ни оправдывать этот его поступок, все равно он представляется некоторым пятном в его жизни. Вообще, воля естественного человека не хотела быть послушной уму: ей нужен был авторитет не человеческий, а божественный, на который она могла бы положиться и которому могла бы предаться с полным доверием.

Следовательно, и обычным путем самопознания ум может прийти до убеждения, что религию мог преподавать людям не человек, а сам Бог. Как бы высоки ни были понятия людей о Боге, как бы ни была чиста их религия, всегда было одно и то же во всем человечестве, что некогда было в образованной Греции, то есть преподавали бы религию довольно возвышенную и чистую, а следовали бы грубой и суеверной. В школах и системах уничтожали бы поклонение богам и идолам, а на площадях воздвигали бы капища и приносили жертвы.

3. Но влияние греческой философии прямее и ближе всего должно было отразиться на *самой философии*. И действительно, оно стало весьма ощутимым. В этом уверяет нас история развития философии в христианском мире.

В новом христианском мире философия принимает направление *гораздо более обширное и возвышенное*. Умственное зрение расширяется, и философия является здесь в огромных рамках, охватывающих всю ценность бытия, сосредоточенную в ее верховном начале — Боге. Мысль философствующего человечества останавливается теперь на точке соединения конечного с бесконечным и старается согласовать мышление с бытием, знание — с верой, необходимость — со свободой, условное — с безусловным, человека — с миром, всю разнообразную

¹ Plato. The Apology of Socrates. — London, 1852.

² Thomas G. Porphyrii Epistola ad Anebonem Aegyptium. — Oxonii, 1678.

природу — с ее единым началом. Таким образом, настала эпоха великих, почти исполинских действий ума. Но не эта ли эпоха, между прочим, обязана своим появлением эпохам, ей предшествовавшим? Философия Средневековья у варварских народов и новая философия у англичан, французов и немцев — не живое ли продолжение, необходимый результат греческой философии? Да, новейшие мыслители ушли далеко вперед на пути познаний, но не потому ли, что древние проложили этот путь? Нам досужно (не занятым делом) теперь углубляться в последние основания вещей, но не от того ли, что те, которые мыслили раньше нас, ознакомили нас с первыми началами? Они рассмотрели низшие сферы, поэтому мы теперь можем уноситься в высшие сферы. Они изучали азбуку природы, поэтому нам понятно теперь значение ее слов. Самое главное направление нынешней философии, состоящее в стремлении согласовать противоположности и свести все к одному, возникло большей частью из древней философии. Древние мыслители не могли охватить вдруг всей целостности бытия, поэтому раздробляли ее на части и, рассматривая известную ее часть, увлекались ею до того, что забывали о прочих частях. Они представляли рассматриваемую ими часть бытия, как нечто единственное, совмещающее в себе все. Так, от Фалеса до Сократа, преимущественным и как бы единственным предметом философии была видимая природа, мир. У Сократа и после него — природа духовная, человек. Отсюда вполне естественно возникали различного рода крайности, невозможно было не произойти односторонним взглядам и противоположным направлениям. Рассудок, погруженный в материю, не мог возвыситься к чистому понятию духа и потому утопал в *эманатизме*, *сенсуализме* и *материализме*. Устремленный же в сферу духовного и идеального, он терял из виду все материальное и, наконец, сам терялся в *идеализме*, *спиритуализме*, *мистицизме* и подобных им односторонних направлениях. Скептики вывели наружу эти крайности, а примирять их пришлось христианским философам. Таким образом, если бы древними мыслителями не был разработан до последних крайностей анализ, то наши познания не имели бы теперь стройного синтеза. Греческая философия, подобно химии, разложила сознание человека на его существенные элементы, но не привела их к единству. Поэтому следующая за нею философия, по необходимости, должна была принять направление, состоящее в соединении элементов сознания и, так сказать, во взаимном их сплавлении.

Кроме того, в философии произошел новый, необыкновенный и сверхчувственный элемент *откровенного христианского учения*, преобразовавший и усовершенствовавший ее во всех отношениях. Это принятие умом откровения произошло не случайно, а с полным соз-

нанием потребности и необходимости высшей помощи. Чем разбужено и усилено это сознание? С одной стороны, неудовлетворительностью познаний естественного ума, с другой — скудостью тех источников, к которым обращался человек с намерением восполнить ими свои недостатки. Слишком быстрое чередование систем в древнегреческом мире и частое появление так называемых скептиков заставляло многих думать, что человеческий ум, при всех своих попытках познать истину, всегда далек от нее. Поэтому одни даже лишали его способности познавать и уничтожали саму истину, а другие искали внешние источники, чтобы восполнить ими свой внутренний источник. Таким образом, мало-помалу укреплялась мысль о необходимости Божественного Откровения, которое пытались найти то в восторженном состоянии ума, то в мифических преданиях древности. Попытки такого рода были тщетны, но, перебирая ложные откровения, человек пришел, наконец, к истинному откровению. Человеческий разум убедился, что тот источник истины, которого он так долго искал, но нигде не находил, — это Святое Писание. Плодом этого убеждения была вера в христианское откровение, которое, с одной стороны, раскрыло перед ним такую глубину истин, о которой он, оставленный самому себе, и не мечтал, а с другой стороны, разрешило для него те важнейшие вопросы, над решением которых он тщетно трудился в течение нескольких столетий.

Наконец, теперь философия отличается своей *отчетливостью* и *систематичностью*. Поначалу кажется, что этим мы не обязаны древним. Стройные философские системы начинают появляться с того времени, когда Декарт (XVII в.), идя путем сомнения, пришел к первой несомненной истине: «Я мыслю, следовательно, существую» (*cogito, ergo sum*), и посредством анализа развил из нее, как главного начала, всю свою систему очевидных истин. Нисходя от Декарта к древним временам, особенно к временам греческой философии, мы нигде не находим подобного целого. Учение греческих философов было большей частью отрывочное и не соответствовало требованиям науки. Сократ беседует с учениками не для того, чтобы преподать им систему познаний, а чтобы сделать их нравственно добрыми, и потому он нисколько не стесняется формами науки. Платон пишет разговоры, в которых вы найдете глубокие исследования почти обо всех предметах, относящихся к философии. Однако вам предстоит немалый труд, если захотите привести эти исследования в систему. Книги Аристотеля представляют богатый и притом довольно стройный запас познаний, но и им не хватает систематической классификации предметов и свойственного науке раздробления целого на части, а также вывода всех следствий из одного начала. Стоики и эпикурейцы хотя и являются

уже философами-систематиками и из одного понятия философии производят все ее части, но так как это понятие у них произвольное и одностороннее, то и сами их системы представляют собой нестройное и шаткое целое. Впрочем, при недостатке систематичности в целом, греческая философия стройна и систематична во многих своих частях. Это систематическое построение частей, без сомнения, имело влияние на приведение в систему целого. Следовательно, и с этой стороны, новая философия не чужда влиянию древней философии.

На основании замеченных мною действий ума и их следствий, я должен бы теперь определить степень и меру природных сил нашего духа, но мои заключения были бы слишком поспешны, если бы по уму одного народа я стал бы судить об уме всего человечества. Я вправе только сказать, что есть истины, которых ум сам собою никогда бы не познал, и есть дела, которых он собственными силами никогда бы не произвел. Следовательно, могущество ума ограничено, власть его сосредоточена в известном круге предметов, далее которого простираться она не может.

Но чего не мог ум, то открыто теперь в Слове Божьем, и чего не мог сделать человек, то сделал сам Бог. Естественно при этом возникают вопросы: что теперь остается делать уму? Над чем ныне трудиться философии? Есть ли еще предмет, которым она могла бы заняться? Есть, и притом весьма важный. Что важнее для человека, как не сам человек? И, однако, кроме философии, нет науки, которая бы исследовала этот предмет во всем его объеме. Физиология и медицина рассматривают человека только со стороны физической, история следит за проявлением его сил в общественной и частной жизни, а что такое человек по своей природе? Как он живет и действует в самом себе? По каким законам мыслит, познает, желает и действует? Какое соответствие между его внутренним сознанием и внешним бытием? Какими правами уполномочен он от природы и какие лежат на нем обязанности? Какие скрыты в нем идеи, в какой мере проявляются они в видимом, физическом или невидимом, духовном мире, как они проявляют безусловную природу и вечную жизнь Божества? Эти и подобные вопросы должна решить философия. Откровение объяснило нам только темные для ума стороны человеческого естества, навело на них свой свет только для того, чтобы человек мог лучше видеть их, глубже исследовать и вернее познавать. По намерению Божественного промысла, деятельность человеческого ума облегчена, но не усыплена. Человеку дано божественное слово, в котором заключены вечные истины, требующие от человека (для того, чтобы он мог усвоить со свойственным ему самоубеждением) глубокого познания как самого себя, так и

поприща своей деятельности, мира и виновника жизни, Бога. Следовательно, теперь есть и поприще для ума, и место для философии.

Одно только никогда не должно быть забыто ею — у нее теперь два закона: закон неписанный, природный, закон ума, и закон писанный, положительный, закон откровения. Философ должен, так сказать, по-минутно справляться с тем и другим законом. Оставаясь при одном из них, он или разрушит все для своей философии, или уничтожит саму философию. Только та философия вводит в святилище истинной мудрости, которая происходит из ума, нимало не удаляясь от Откровения. Она — по духу нашего любезного Отечества, той святой Руси, которая издревле чуждалась мудрований ума, не согласных с заветными истинами веры. Она — по намерениям нашего августейшего монарха, который, желая утвердить благоденствие мудро управляемого им народа на незыблемых основаниях, с отеческой заботливостью печется о том, чтобы гордый человеческий ум не возвышался над разумом Божьим, а пребывал в должном послушании вере. Она, наконец, по свойству самого дела, то есть по духу и смыслу этой науки, которая всегда была и не может не быть в тесной связи с религией, истина неоспоримая и для всякого очевидная. Слепа та вера, в которой нет знания, но недальновидно и то знание, в котором нет веры!

ОПЫТ ПРОСТОГО ИЗЛОЖЕНИЯ СИСТЕМЫ ШЕЛЛИНГА, РАССМАТРИВАЕМОЙ В СВЯЗИ С СИСТЕМАМИ ДРУГИХ ГЕРМАНСКИХ ФИЛОСОФОВ

*(речь, прочитанная профессором Иосифом Михневичем
на торжественном собрании Ришельевского лицея, по случаю
окончания 1849/50 академического года)*

Наука, известная под названием «философия», многим кажется слишком далекой от целей практической жизни и, по своей чрезмерно отвлеченной форме, почти недоступной для обыкновенных умов. Но может ли быть что-то ближе к человеку, чем сам человек? А ведь на нем преимущественно и останавливается эта наука. Разве далека от нас наша душа с ее мыслями, чувствованиями, желаниями и действиями? Она составляет существенный предмет философских исследований. Так называемая практическая жизнь, понимаемая должным образом, то есть как умение вести свои дела честно и успешно, обращаться со всеми так, как того требуют совесть, долг, религия и закон, устраивать свое частное благо так, чтобы оно содействовало общему благу. Такая жизнь предполагает в том, кто ведет ее, определенные необходимые условия — основательность мыслей, благородство чувствований и честность поступков, а это цели, для которых и существует истинная философия, как наука. Ее еще древние характеризовали так: «*Vitae dux, virtutis indagatrix, expultrix vitiorum, inventrix legum, magistra morum*»... То есть, называли ее руководительницей жизни, ревнительницей добродетели, гонительницей пороков, изобретательницей законов, наставницей нравов¹. Следовательно, только тот может считать эту науку далекой от нас, кто сам далек от надлежащего знания ее предмета и цели. Что же касается ее формы, то нельзя не признаться, что с этой стороны она доведена некоторыми мыслителями до той высоты умозрений, на которую едва могут восходить и умы, посвященные в таинства этой науки. Но наружная форма — это одежда мысли, для которой у каждого народа есть, так сказать, своя мерка. Для нас важна мысль, а ее мы можем выразить как нам угодно — так или иначе. Если чужеземные формы не подходят нам, то мы можем заменить их своими, которые, как более простые и близкие, яснее и вразумительнее выскажут нам содержащиеся в них мысли, как и то, что в них истинно и ложно. Опыт подобной замены выпретенного философского языка простой русской речью, произведенный мною над германской философией, — одной из самых отвлеченных, позвольте мне, Мм. Гг., представить теперь Вашему благосклонному вниманию.

¹ Cicerone T. Quaestura. – Venetiis, 1537.

В последнее время Германия заняла весьма важное и, по всей справедливости, главное место в истории философии. Это Греция в новом мире. Право первенства в области человеческой мысли приобрели ей, и, так сказать, утвердили за нею ее глубокие мыслители, а особенно два знаменитых философа— начальники школ, преобразователи древних и творцы новых систем, родившиеся в одну и ту же эпоху и в одной и той же стране, — это *Шеллинг* и *Гегель*. Оба они известны своими огромными трудами, своими блистательными чтениями и своим могущественным влиянием на умы современников, продолжающимся более сорока лет. Но один из них сошел со своего поприща двадцать лет назад, другой продолжает свое служение философии до сих пор. Гегель умер в 1830 году, а Шеллинг еще хранится провидением, может быть, для того, чтобы в нем одном видимо олицетворились все возрасты человеческой мысли. Слава последнего из них почти двадцать лет была потемняема славой первого, но смерть одного, так сказать, сравняла заслуги обоих и даже вернула одному из них неоспоримое право первенства. Так как система Гегеля была только преобразованием системы Шеллинга, то это первенство, по всей справедливости, должно принадлежать тому, кто положил начало этому преобразованию, то есть Шеллингу. Поэтому на нем мы и останавливаем наше внимание, как на главе новейших германских философов, тем более, что его система может быть понята нами не иначе, как в связи с системами предшествовавших и современных ему германских философов. Ее изложение познакомит нас и с другими философами, которых, по необходимости, мы должны будем коснуться. Но и мысли Шеллинга будут представлены нами не во всей их полноте и подробностях, так как для этого потребовался бы огромный труд, объединяющий восемь томов его сочинений. Понимая значение и цель настоящего собрания, которое Вы почтили своим присутствием, я намерен представить Вам, Мм. Гг., только краткое извлечение из философии Шеллинга, в котором будут показаны: сперва главнейшие обстоятельства жизни этого философа, потом существенные мысли его системы, и, наконец, то значение, какое имеет эта система, как сама в себе, так и в связи с другими системами, ближайшими к ней по своему содержанию и направлению.

I.

Знаменитейший из германских мыслителей новейшего времени, Фридрих-Вильгельм-Иосиф Шеллинг, родился в Швабии, в городе Леонберг, в 1775 году, следовательно, доживает уже 75-й год своей жизни. Как сын ученого прелата, он, по выходе из элементарных школ

и окончании гимназического курса, получил то классическое образование, которое делает молодых людей способными к серьезным учебным занятиям и трудам. Вслед за тем он вступил в Тюбингенский университет, где, наравне с философскими науками, слушал и богословские, потому что в Германии посвящающие себя философии большей частью готовятся к ней основательным изучением догматов откровенной религии. Здесь судьба свела его с другим юношей, который был старше его на пять лет, и которому тоже было предназначено достигнуть славы знаменитого философа — с Гегелем. Вскоре они познакомились, но различие возрастов, а тем более целей, потому что один преимущественно имел в виду философию, а другой — богословие, стало причиной того, что между ними не было тесных дружеских отношений, какие предполагают некоторые биографы. После двух лет со дня их знакомства, Гегель отправился, для окончания своего образования, в Швейцарию, а Шеллинг остался в Тюбингенском университете еще на три года, чтобы пройти полный курс богословских наук, и получил, наконец (1795), степень доктора философии, которой он занимался наряду с богословием.

Но преимущественным местом философии, а особенно метафизики, была в то время Северная Германия. Поэтому, для высшего ее изучения, Шеллинг перешел в Лейпциг, где, прежде всего, обратился к естественным и математическим наукам. Он изучал их во всем их объеме, преимущественно занимаясь физикой, химией, естественной историей и алгеброй, несмотря на то, что тогдашние германские философы, считая эти науки не относящимися к кругу их занятий, пренебрегали ими. Его успехи во всех этих отраслях человеческих знаний были блистательны, потому что он соединял в себе живое воображение, счастливую память, основательное суждение, горячую любознательность и особенный дар слова¹.

По примеру всех молодых германских ученых, странствующих по разным университетам и таким образом приобретающих познание различных методов преподавания и вступающих в связи со всеми знаменитостями германской учености, Шеллинг также не оставался на одном месте, тем более, что в Лейпциге он еще не имел никакой особой цели и не получил какого-либо определенного направления. В эту эпоху, то есть около 1796 года, в школах господствовала философия Канта, но уже стал приобретать ученую известность и ученик Кан-

¹ Некоторые биографы Шеллинга полагают, что из Лейпцига он отправился в Иену, где, слушая Фихте, этого смелого преобразователя кантовской философии, почерпнул из его чтений начала для своей системы. Но Шеллинг посетил в Иенском университете только одну лекцию Фихте, но не в качестве его студента и ученика, а его товарища. См.: Matter M. Schelling ou la philosophie de la nature et la philosophie de la révélation. — Paris, 1845.

та — Фихте. Молодому мыслителю, каким был в то время Шеллинг, при всем его стремлении к самостоятельности мышления, нельзя было не подчиниться влиянию единственного в то время философа—Канта и знаменитого его ученика — Фихте, который поначалу был так близок к своему учителю, что первый его труд, изданный им без указания имени автора, был сочтен за произведение Канта.

Но Фихте слишком заметными недостатками своего характера, а особенно гордостью и самонадеянностью, оттолкнул от себя молодого Шеллинга, тем самым заставил его стать оригинальным мыслителем, как это видно в сочинении, изданном Шеллингом в 1797 году под названием «Идеи для философии природы»¹. Это сочинение написано в духе той возвышенной поэзии, которая составляет отличительную черту всех творений Шеллинга и за которую его философия получила название «романтической».

Удивительное сочетание высоты мысли с изяществом речи, философии — с поэзией, замеченное в Шеллинге двумя знаменитыми поэтами — Гете и Шиллером, обратило на него внимание германских ученых и предоставило ему, в 1798 году, кафедру экстраординарного профессора философии в Иене. В то время это был небольшой городок, вмещавший около пяти тысяч жителей, но составлявший тогда, так сказать, одну из столиц германской философии, а второй столицей был Кенигсберг, где господствовал Кант.

Для Шеллинга, которому исполнилось двадцать три года, это было весьма лестное назначение, тем более что оно делало его товарищем знаменитого на то время Фихте. Но, с другой стороны, надо было иметь большую уверенность в себе, чтобы осмелиться занять место преподавателя на кафедре профессора, пользовавшегося всеобщей известностью, увлекавшего всех своим даром слова. К тому же Шеллинг был уроженцем Южной Германии, а известно, что южные немцы не пользуются большим успехом на кафедрах школ Северной Германии из-за того, что их акцент не имеет той приятности, какой требует ухо обитателя прибалтийских стран, к тому же их фразы часто бывают слишком длинны и тяжелы. Поэтому Шеллинг не мог возвыситься до классического языка Гердера и Гете, но уже в первых своих чтениях он показал, что, несмотря на свойственный ему акцент, он был из числа тех людей, которые принадлежат не одной какой-либо провинции, а всей нации.

Между тем, занимаясь обучением других, Шеллинг не переставал учиться сам. К прежним знаниям физики и математики он добавил знание психологии и нравственности, а особенно медицины, так что

¹ Schelling J. Ideen zur einer Philosophie der Natur, als künftige Grundlage eines allgemeinen Natursystems. — Leipzig, 1797.

Ландсгутский университет поднес ему почетный (*honoris causa*) титул доктора медицины (1802). Его иенские слушатели видели, что положительное познание, приобретенные Шеллингом из других наук, дали его философии направление, более приближающее ее к действительности, чем это могла сделать философия Фихте, теряющаяся в области отвлечений. Оттого их число постоянно увеличивалось, особенно с того времени, как Фихте, уличенный в атеизме, должен был (1799) оставить Иену.

Но, подобно всем учащимся, учащие в Германии редко остаются на одном месте. Как только кто-либо из них станет известным своими сочинениями или методом преподавания, то разные места начинают обращаться к нему со своими приглашениями — занять кафедру того предмета, к преподаванию которого он более всего способен. Есть профессора, которые до пяти, шести и более раз меняют поприще своей деятельности, переходя с места на место и увеличивая, таким образом, славу своего имени и выгоды своего внешнего состояния. К их числу принадлежит и Шеллинг. В 1803 году он был приглашен в Вюрцбургский университет, который после Иенского был для него вторым местом его академической деятельности. В Вюрцбурге он преподавал различные отрасли философии в течение четырех лет, а в 1804 году издал сочинение «Философия и религия»¹. Эта книга хотя и не нападала ни на кого прямо, но не могла всем нравиться. Она имела в себе много такого, что могло быть неправильно истолковано теми, кто не понял ее. Потому сам автор в предисловии к ней выразился так: «Не всякий к ней прикасайся — она жжет». Его обвиняли в темноте, и некто Шюц (Schütz) написал на него злой памфлет под следующим заглавием: «О поведении Шеллинга и положении, в какое он привел себя своим обскурантизмом, с подтвердительными статьями». Но такая обычно участь людей: лучшие из них имеют своих завистников и врагов, да и у других нет в них недостатка. Последователи Фихте были раздражены на Шеллинга за то, что он занял место удаленного из Иены начальника их школы. Ученики Канта ненавидели его за то, что он своей изящной поэзией затмил грубую прозу кенигсбергского философа, и эта ненависть ярко проявилась во Фризе, ревностном последователе Канта. Но это не поколебало Шеллинга, а только заставило его усилить свою ученую деятельность, преимущественно в области изящных искусств. Он занимался ими и прежде, в Иене и Вюрцбурге преподавал эстетику — эту теорию изящных искусств, но горизонт его деятельности на этом поприще раздвинулся, когда в 1807 году он стал членом Мюнхенской академии наук. Занимая должность академика на этом третьем уже месте своей деятельности, Шеллинг посвятил все

¹ Schelling J. Philosophie und Religion.— Tübingen, 1804.

свои дарования изучению изящного. Повод к тому был следующий. При назначении его членом академии, ему всего естественнее было поступить на отделение философии, но здесь были уже два философа— Якоби и Вейллер, которые не были расположены к нему дружелюбно, и потому, не желая иметь его своим близким товарищем, внесли его в число членов отделения изящных искусств. Однако гений везде находит для себя пищу: Шеллинг и здесь выказал себя, как нельзя лучше. Он воспитал в себе вкус к поэзии, искусствам и всему изящному так, как никто из германских философов, потому и был назначен (1808) главным секретарем Академии художеств.

Впрочем, философия все же оставалась любимым занятием Шеллинга. Он, в течение этого времени, сделал в ней значительные успехи, приступив к составлению полного ее курса и издав первый том своих «Философских творений»¹. Но здесь он тоже выразил свое неприятие, которое потом часто повторялось в различных преобразованиях его системы, так что этот первый том был последним в подобном роде. Задача, которую он хотел тогда решить, была слишком смелая. «Я, — говорил он, — ищущу *бытия не отвлеченного или чистого, а действительного*, и потому должен произвести большое преобразование в области философии. Она должна быть положительным изъяснением действительности, не лишая, однако, ума его права на обладание тем, что существовало прежде всякой вещи, или на познание Бога». Конечно, обещанной Шеллингом положительности философия у него не достигла, но этого времени он занялся преимущественно основным ее вопросом о первом начале всего или, так названном им, *абсолюте*. Между тем, в этом поиске первого начала Шеллинг, как выразился Якоби, терял из виду истинное начало вещей, и потому во мнении этого президента Мюнхенской академии он был атеистом. Это титул, который он с жаром отвергал в ответе (*Denkmal*) на замечания своего противника, и слабость здоровья заставили его, спустя, впрочем, два года после смерти Якоби, переселиться из Мюнхена в Эрланген. Здесь он снова занял профессорскую кафедру, это было четвертое место его ученой деятельности, а вскоре готовилось ему и пятое. После перенесения Ландсгутского университета в Мюнхен, решено было украсить его именем Шеллинга, дав ему кафедру философии, которая стала самой блистательной в Германии. Король Баварии Максимилиан (*de deux-ponts*) и его преемник Людовик почтили Шеллинга всеми отличиями, какими Германия обычно награждает труды ученых. Он был назначен президентом академии, главным консерватором ученых коллекций и тайным советником. Даже враги Шеллинга признали его талант и заслуги.

¹ Schelling J. Philosophische Schriften. — Landshut, 1809.

Несмотря на свои служебные отношения, которые были чисто литературными или артистическими, Шеллинг, живя в Мюнхене, посвящал свои силы ученым исследованиям, имевшим своим предметом философию, искусства и символику снов у древних. С особым жаром и воодушевлением читал он здесь курс своей философии откровения, привлекая к себе слушателей не только из своих соотечественников, но и из иностранцев. Многие и из наших соотечественников слушали его с восхищением.

Мюнхену — столице германского искусства, долго завидовал Берлин — столица германской философии. Если бы на берегах Шпре не господствовало другое учение, и если бы не трудно было свести Шеллинга с Гегелем, который из его прежнего ученика стал его противником, то, без сомнения, Берлин давно бы пригласил к себе мюнхенского философа. Но и после смерти Гегеля Шеллинг, несмотря на приглашения прусского короля, оставил свой любимый Мюнхен не вдруг, а десять лет спустя. Только в 1842 году аудитория Берлинского университета огласилась именем Шеллинга, который, несмотря на свои преклонные лета, вступил на ее кафедру со свойственным ему воодушевлением и произвел большое впечатление на многочисленное собрание своих слушателей, хотя среди них было немало почитателей Гегеля. Окончив курс своих блистательных чтений в Берлинском университете, Шеллинг снова молчал около семи лет, но в прошлом году студенты этого университета обратились к нему с просьбой возобновить свои чтения, и он согласился. Что будут содержать в себе его новые чтения, этого мы еще не знаем, и потому его философия, к изложению которой мы теперь приступаем, будет заключать в себе только то, что стало уже известным посредством изданных им сочинений.

II.

Сочинения Шеллинга, по своему содержанию, относятся к философии, медицине, мифологии, поэзии, истории и изящным искусствам. Собственно философские его сочинения стали появляться с большой поспешностью, одно за другим, с 1792-го по 1812 год. Укажем, прежде всего, на те, в которых молодой мыслитель следовал Фихте. Это, *во-первых*, «Опыт изъяснения происхождения зла»¹, в котором выразилась попытка ума объяснить третью главу КнигиБытия, содержащую повествование о падении человека. *Во-вторых*, «Об идее теории знания и возможности формы философии вообще»², где, между

¹ Schelling J. Antiquissimi de prima malorum: humanorum origine philosophematis explicandi tentamen. — Tübingen, 1792.

² Schelling J. Über die Möglichkeit einer Form der Philosophie überhaupt. — Tübingen, 1795.

прочим, отвергается теория идей Рейнгольда, знаменитого кантианца, и, в-третьих, «О Я, как начале философии»¹, где Шеллинг выступает ярким последователем Фихте, но ничего не говорит о своем согласии с ним: Фихте в письме к Рейнгольду жаловался на это молчание Шеллинга.

Но вскоре Шеллинг становится самостоятельным и оригинальным мыслителем. Собственные мысли о философии он изложил в следующих сочинениях: «Идеи для философии природы»², «О душе мира»³, «Первый опыт системы философии природы»⁴, «Система трансцендентального идеализма»⁵, «Бруно, или Разговор о божественном и естественном начале вещей»⁶, «Чтения о методе академического учения»⁷, «Философия и религия»⁸, «Об отношении идеального и реального в природе, или О началах тяжести и света»⁹ и «Показание истинного отношения философии природы к усовершенствованному учению Фихте»¹⁰.

Как только стали появляться эти сочинения, то Фихте, жаловавшийся прежде на Шеллинга, как на непризнательного последователя, увидел в нем своего соперника, который, наконец, явно разорвал свою связь с Фихте, когда его идеализму противопоставил свою трансцендентальную философию природы. Окончательно этот разрыв проявился в последнем из упомянутых нами сочинений, где ясно определено отношение между ним и Фихте.

К этому же разряду сочинений Шеллинга можно причислить «Anti-Sextus, или Об абсолютном познании» (Heidelberg, 1807), «Philosophische Schriften» и «Denkmal, или Ответ на обвинения Якоби» (Tübingen, 1812). Но первое из этих сочинений приписано Шеллингу только из-за сходства заглавия с общим содержанием его философии, второго появился только один том, содержащий, впрочем, несколько новое учение о свободе человека, а третье — критика на Яко-

¹ Schelling J. Vom Ich als Princip der Philosophie, oder über das Unbedingte im menschlichen Wissen. – Tübingen, 1795.

² Schelling J. Ideen zur einer Philosophie der Natur, als künftige Grundlage eines allgemeinen Natursystems. – Leipzig, 1797.

³ Schelling J. Von der Weltseele. – Hamburg, 1798.

⁴ Schelling J. Erster Entwurf eines Systems der Naturphilosophie. – Jena und Leipzig, 1799.

⁵ Schelling J. System des transcendentalen Idealismus. – Tübingen, 1800.

⁶ Schelling J. Bruno, oder über das göttliche und natürliche Princip der Dinge: ein Gespräch. – Berlin, 1802.

⁷ Schelling J. Vorlesungen über die Methode des akademischen Studiums. – Tübingen, 1803.

⁸ Schelling J. Philosophie und Religion. – Tübingen, 1804.

⁹ Schelling J. Ueber das Verhältniss des Realen und Idealen in der Natur, oder Entwicklung der ersten Grundsätze der Naturphilosophie an den Principien der Schwere und des Lichts. – Hamburg, 1806.

¹⁰ Schelling J. Darstellung des wahren Verhältnisses der Naturphilosophie zu der verbesserten Fichteschen Lehre. – Tübingen, 1806.

би, высказанная с таким жаром, что ее не одобряют даже друзья Шеллинга.

Кроме этих, более или менее обширных своих трудов, Шеллинг известен еще и как издатель большого числа отдельных статей о разных предметах, как основатель некоторых философских журналов и соучастник во многих периодических изданиях, предпринятых его друзьями. В подтверждение наших слов, можем указать на журнал, который издавался им в Иене вместе с Гегелем¹, на журнал умозрительной физики², на журнал философии и физики, который издавался Нитаммером и в котором было много статей Шеллинга, на журнал доктора Маркуса, в котором Шеллинг поместил свои идеи о медицине, имевшие влияние на образование его брата, Карла Шеллинга, известного медика.

Что касается произведений Шеллинга по изящным искусствам, то к этому разряду нужно отнести его рассуждение «Об отношении пластических искусств к природе» и брошюру «О памятниках, хранящихся в коллекции наследного принца Баварского» (1817).

Пример Гете и Шиллера усилил в нем природную страсть к поэзии, и он посвящал ей все свое свободное время, когда был секретарем Мюнхенской академии. Но Шеллинг был поэтом, так сказать, только в прозе, как это видно из отрывков, помещенных им, под именем Бонавентуры, в альманахах Шлегеля и Тика (Tübingen, 1802. in-12).

Символика и мифология, занимавшие умы германских ученых — Гейне, Фосса, Крейцера, Беттигера, Вильгельма, Гумбольдта и Герреса, привлекли к себе особое внимание и Шеллинга, во время его пребывания в Мюнхене. В «Достопамятностях Павлюса»³ он высказал свой взгляд на мифы, исторические предания и философские мнения древних. В 1814 году он объявил о скором выходе своего сочинения «О возрастах мира», но, напечатав пятнадцать листов этого труда, взял обратно рукопись и прекратил печатание, издав вместо него в следующем году сочинение «О божествах Самофракии»⁴. В 1826 году вышла его «Первобытная мифология», которая, однако, пришлась не по вкусу ученой публике. В 1830 году он обещал издать свои «Мифологические письма», которые, впрочем, так и не появились, как и обещанная им, в 1833 году, «Философия мифологии». Отсюда можно сделать вывод, что Шеллинг написал больше, чем нам известно, но и из того, что было издано, можно увидеть тон, направление и характер его философии.

¹ Schelling J. Kritische Journal der Philosophie. — Tübingen, 1802.

² Zeitschrift für specul. Physik. — Jena und Leipzig, 1800.

³ Paulus H. Memorabilien. — Leipzig, 1793.

⁴ Schelling J. Ueber die Gottheiten von Samothrake. — Stuttgart und Tübingen, 1815.

Можно укорять Шеллинга не в том, что не все им издано, а в том, что изданное им не везде ясно. Впрочем, это не новость в истории человеческой мысли, и нынешний берлинский философ, без сомнения, не первый и не последний подвергся этому недостатку. С полной ясностью излагаются только совершенно ясные мысли, а таковыми наши мысли могут быть только тогда, когда относятся к предметам совершенно нам известным, но сфера таких предметов весьма ограничена. Один Бог есть свет совершенный, а для человека совершенная ясность — идеал, к которому он постоянно должен стремиться, но достижение которого во времени для него только отчасти возможно. Цель настоящей умственной деятельности человека состоит в исследованиях и поисках истины, а где начинается совершенная ясность, там открывается истина во всем свете и, следовательно, полагается предел умственным поискам. Что касается темноты, встречающейся в сочинениях Шеллинга, то ее, конечно же, можно было избежать, так как она произошла от особой, слишком сложной и чрезмерно отвлеченной терминологии, как и от того, что его философия являлась в нескольких фазах и принимала различные формы. Не эту темноту, а ее следствия, то есть представляемые ею трудности к должному пониманию мыслей Шеллинга его недоброжелатели слишком преувеличивают, утверждая, что его трудно понять, что он и сам себя не понимал, и будто бы, несмотря на все попытки, никто удовлетворительно не изложил его учения. Если под удовлетворительностью понимать здесь, так сказать, совершенную ощутимость и осязаемость истин, представленных Шеллингом, то в таком смысле это следует сказать и по отношению ко всем важнейшим философам. Платон и Аристотель, Декарт и Спиноза, Лейбниц и Кант стоят в той же категории. Стремление философствующего ума к истине уподобляется полету орла, стремящемуся к солнцу и теряющемуся в облаках. Там, где наше умственное око теряет его из виду, остается критика, которая по началу известного направления определяет его продолжение и следствия. Касательно Шеллинга, эта критика простерлась до того, что стала признавать его учение опасным для здоровой философии, религии и нравственности. Конечно, поводом к этому стали некоторые его сочинения, в которых он выразил свои поспешные заключения и для правильного понимания которых, равно как и для определения истинного значения Шеллинга в ряду германских философов, необходимо обратиться к предшествовавшим мыслителям — Канту и Фихте, и посмотреть на его философию, так сказать, в ее зародыше.

Кант, находившийся под влиянием английского скептика Юма и оказавший много услуг философии своими бессмертными трудами, остановился на основном пункте человеческих познаний — на опреде-

лении их законности, чистоты и достоверности, но, после глубокого анализа познавательных способностей, пришел к сомнению или так называемому скептицизму. «Мы можем знать, — говорит он в своей «Критике чистого ума»¹, — только то, что можем наблюдать в нас или вне нас. Внутреннее и внешнее наблюдение — вот вся область знания». То есть, в своем чистом уме он не нашел *созерцательных* познаний, но, несмотря на это, он допускал, как некоторую опору для своей философии, *веру в практические* познания. Это значит, что он, начав сомнением, окончил верой, и что его система — более идеальная, чем скептическая. Он утверждал, что вещи сами в себе неизвестны, что мы знаем их такими, какими они нам являются и так, как их свойственно знать нашему уму. Следовательно, не выводил того скептического заключения Юма, что мы знаем их худо и что наши познания сомнительны, равно как и не полагал с английским идеалистом Беркелеем, что все вещи — лишь наши чистые представления. Только их познание он признавал чистым произведением нашего ума, действующего на основании внутреннего или внешнего наблюдения. Но так как ни то, ни другое наблюдение, представляя одно являемое и случайное, не приводит ум к прямому убеждению в бытии Бога, бессмертии души и будущей жизни, этих необходимых условий нравственности и закона, то Кант, сделав такое предположение и опасаясь ужасных последствий, по необходимости допустил еще «практический ум», дав ему право признать положительным и достоверным то, в чем сомневается и чему не верит теоретический ум. Таким образом, в учении Канта смешивались разные направления философии, без должной последовательности и единства. Это вызвало деятельность последующих мыслителей, которые стали точнее определять и вернее обозначать начала Канта.

Больше всех был поражен отсутствием последовательности и единства в системе Канта Фихте. Он видел в ней два направления — *отрицательное*, или критическое, и *положительное*, или догматическое. Одно из них названо у Канта «умом чистым», другое — «умом практическим». Эта двойственность, или, как называют ее — дуализм, казалась ему следствием неполноты и незаконченности системы Канта, потому что еще шаг вперед, и Кант мог бы открыть начало, объединяющее противоположности. Потому-то Фихте стал сам искать это общее начало, представив его в своей «Теории науки или наукоучении», существенное содержание которой следующее: «Главная задача науки состоит в показании отношения мыслей или идей, к их предметам. Для ее решения надо подвергнуть исследованию наш мыслящий субъект, или, как выражается Фихте, наше я, как и то, о чем он мыслит

¹ Kant I. Kritik der reinen Vernunft. — Riga, 1781.

и что, как отличное от этого я, называется у него по противоположности *не-я*. Это исследование тотчас покажет, что наше я сознает себя и что оно *непосредственно* проявляет себя, так что между ним и его явлениями нет ничего среднего. Поэтому наше я и не знает ничего более, кроме себя и своих изменений? Следовательно, у человека нет другого знания, кроме знания о самом себе и своих действиях. Это единственная область науки, за пределами которой все только предположение, призрак и мечта».

Таким образом, это идеальное учение Фихте — порождение подобного же учения Канта, Юма и Беркли, с тем только изменением, что Фихте уничтожил веру, которая спасла Канта в бурном океане сомнений и нашла для него некоторую опору в *предположениях*. Но на этом Фихте не остановился. Не видя ничего, кроме себя, он хотел найти все в себе, и потому перенес в свое я не только все сотворенные существа, но и самого их Творца, так что мир стал для него совокупностью не вещей, а мыслей, и Бог обратился в чистую идею человеческого ума.

Шеллинг сначала с безусловным доверием последовал этой системе, но как только начал мало-помалу разоблачать ее, как тотчас же заметил, что это то же двоение ума, что было у Канта, с той только разницей, что Кант мыслимое (идеальное) полагал, а действительное (реальное) предполагал. Фихте же полагал то и другое, производя действительное из мыслимого и, таким образом, лишая надлежащего значения и то, и другое. «Бог и мир, Вселенная и я, материя и дух, тьма и свет, жизнь и смерть — только видимые противоположности, — говорит Шеллинг. — Действительной двойственности нет ни в чем, так как в таком случае в одном мире было бы два мира и два закона, а, следовательно, и два Верховных Существа. Но этого не может быть, этого нет, значит, есть только *единство* (Identität). До этого единства не может довести нас анализ, восходящий от явлений к началам. Мы его найдем на противоположном, синтетическом пути, начав с умозрения, которое полагает, прежде всего, сами начала». И потому вместо того, чтобы, подобно Фихте, производить мир от своего я, Шеллинг стал смотреть на них, как на произведение одного и того же начала, которое, впрочем, само в себе, по его словам, есть ни что иное, как идеальное единство своих произведений. Природа, дух и их начало различаются у Шеллинга только своими проявлениями, составляя в сущности одно и то же. Исследование этого *тождества всего* и послужило предметом для его *философии природы*, которой он начал поприще своей собственной философской деятельности. Посмотрим, как он на нем действовал.

Прежде всего, он критически исследовал начала своих предшественников, весьма удачно обнаружив их недостатки и заблуждения.

Философия последнего столетия, с Локка и Лейбница, практически исключительно была сосредоточена на изучении человеческого духа, и в области своих отвлечений стала слишком сухой и безжизненной. Правда, Кант занимался естественными науками, Вольф — математикой, а Лейбниц — почти всем. Но эти философы остались позади Декарта и Бекона в общем познании природы, подобно как эти последние отстали в этом отношении от Аристотеля. Беркли, Юм, Кондильяк и Фихте привели философию к фантазмагорическому учению о нашем я илик так называемому *метафизическому эгоизму*. На самом деле, ослабить все связи души с миром — местом первого ее назначения, и с Верховным Существом — виновником ее последней судьбы, значило дать мышлению ума ложное направление и покрыть мраком смерти все, чему Всемогущим Творцом дана полнота жизни и обилие действующих сил.

Шеллинг остро чувствовал необходимость обратиться к тому, от чего насильно отторгнут был ум человека этой идеалистической, в сущности своей почти не отличающейся от средневековой схоластики философией, то есть к природе, поэзии, религии и ко всему, что возвышает и успокаивает человека на пути его познаний. Впрочем, он не уничтожил учения о нашем я, но только смотрел на него, как на первый прием философии, как на введение в эту науку. «Душа, — говорит он, — орудие познания, и потому ее знание необходимо, но она не может быть постигнута сама из себя и не должна господствовать одна над всем. В философии не должно быть того эгоизма, который останавливается на одном я и выводит из него фантазмагорическую паутину воображаемых явлений. Ее задача — привести в стройную гармонию дух и природу, идею и вещь». Чтобы решить эту задачу, Шеллинг обратился к Спинозе, которого одинаково тщательно изучали в то время Якоби, Гегель и Павлюс, и изучал его с большим вниманием. Но перейти к Спинозе и Ксенофану с тем, чтобы обойти Канта и Фихте, значило попасть из одной крайности в другую, и Шеллинг имел несчастье испытать это как в начале, так и в конце своих умственных занятий. Его философия природы, как и философия откровения, вследствие первого, неудачного поворота мысли, запечатлены характером пантеизма или всебожия.

Но первый шаг Шеллинга был, по-видимому, нерешителен и робок. Первоначально он выдал свое учение за неважное изменение философии Канта и Фихте. В своем «Трансцендентальном идеализме» он даже объявил себя прямым последователем этих философов. Впрочем, и в этом сочинении он не мог удержаться, чтобы не высказать той мысли, что трансцендентальная философия Канта и его философия диаметрально противоположны одна другой. Вскоре он стал действо-

вать с большей свободой и ясно указывал на черту, отделяющую его от Канта, ибо искал основы духа и природы не в нашем мыслящем субъекте, а в другом высшем начале, которое составляет предмет его философии природы, изложенной им в следующих трех сочинениях:

- 1) «Идеи для философии природы»,
- 2) «Трактат о душе мира»,
- 3) «Первый очерк философии природы».

К ним он написал потом «Введение», где точнее определил это учение, назвав его *трансцендентальной* или *умозрительной физической*¹.

Но это название дало повод к различным вопросам. Не есть ли это, спрашивали некоторые, философия физики? В таком случае, чем она отличается от той древней метафизики, пустые умозрения которой уже оставлены всеми лучшими философами? Не есть ли это, говорили другие, древнее всебожие или так называемый пантеизм? Чем учение Шеллинга отличается от учения элейского философа Парменида и амстердамского Спинозы?

Эти вопросы заставили Шеллинга точнее определить основную идею своей философии природы. Представлять природу, как собрание отделенных друг от друга предметов, как совокупность существ, которые сами по себе мертвы и едва способны действовать на других и на нас, значит иметь о ней самое поверхностное понятие. Без сомнения, вещи действуют одна на другую и природа составлена из частей, соединенных между собою взаимным действием, но в основе вещей, в недрах природы нет ничего подобного тому, что мы называем *бездейственной материей* (*vis inertiae*). То, что известно у нас под названием предмета, вещи, материи, есть ни что иное, как *сила, деятельность, жизнь*. Эти силы и деятельности, соединяясь в пространстве и задерживаясь одна другой, образуют нечто материальное, чему мы обычно даем название *тела*. Но от самых низших степеней этого материального бытия до самых высших: от камня, в котором сила и деятельность покоятся как бы в летаргическом сне, до органического существа, в котором они приходят в состояние бодрствования, — везде непрерывное последование энергии, произвола и свободы, совершающееся не по внешнему побуждению, а по внутреннему стремлению самих существ. Это произвольное стремление — мировой закон, данный существам не извне, как мертвая буква, но происходящий из них самих, как сила, всеобщая жизнь, которой свойственно, на высшей степени своего развития, сознавать себя и быть *разумом*. Отнимите у природы ту внутреннюю силу и жизнь, которая проявляется на различных сте-

¹ Это введение переведено на русский язык и издано в Одессе в 1833 году профессором Ришельевского лицея Н. Курляндцевым.

пенях своего развития то инстинктом, то движением, то деятельностью, то произволом, то разумом и умом, тогда не останется ничего, что можно бы было назвать действительным или материальным. Ведь действительность и материальность — это ни что иное, как игра взаимных деятельностей. Отсюда произвел Шеллинг свое главное начало тождества, выразив его выражением — «все есть одно и то же», где под всем он понимает совокупность не одного материального, а всего существующего. Мыслить и существовать, идея и вещь — у Шеллинга только различные изменения одной и той же сущности, так что тело и душа различаются только как две особые формы, а не как две различные вещи. Ведь все существующее, по своей природе, это одна и та же вещь, а эту его природу составляет деятельность и жизнь, которая, впрочем, в своем первобытном состоянии, не вещь, а только *возможность* быть вещью. Так как это тождественное и единичное начало существует, по идее Шеллинга, самостоятельно, не стесняясь никакими условиями, то он назвал его отрешенным от условий, или *абсолют*¹.

«Отдельные существа, или неделимые, в которых развивается природа и которые ни что иное, как ее формы или явления, тесно связаны с нею, как со своим началом. Небудь ее, не было бы и их, — говорит Шеллинг. — Возьмите какой-нибудь из предметов живущих, например, яблоню, отделите ее от почвы, на которой природа ее произрастала, удалите от земли, воды, воздуха, света и всего, чем ее питает природа, тогда вы получите не живое существо, а труп. Но и природа, в свою очередь, живет во всех, производимых ею, предметах, так что все они вместе составляют ее».

Нет нужды и говорить, что это пантеизм, для которого девизом служит следующее положение: «Одно есть все, и все есть одно». Подобное учение не ново по своему содержанию, только оно получило у Шеллинга более систематическое развитие. Но сам Шеллинг чуждался имени пантеиста. Для этого он пытался доказывать, что в его системе не допускается слияния всего в одно, что пребывание бесконечного в конечном не есть, как сам он выражается, поглощение одного другим. Однако он поставил себя на такой точке, что его взор стал почти не способным точно различать предметы друг от друга. Оттого, заговорив о различии бесконечного и конечного, он тотчас сводит это различие к любимому им тождеству: «Конечное — это развитие бесконечного, соединенное с *необходимостью* делать то, чего желает природа, тогда как бесконечному свойственна *свобода*, но эта необходимость является необходимостью только на низших степенях развития по причине чуждых ей форм, а на высшей степени — в человеке — она

¹ От латинского глагола *absolvere* — отрешать.

сознает себя свободой. Следовательно, свобода и необходимость аналогично между собою сходны: это одна и та же сила, которая в вещи (объекте) есть необходимость, а в лице (субъекте) свобода». Что же после этого будет его бесконечное и конечное, как не безразличное одно?

При этом отождествлении всего существующего и возведении природы на степень начала, во всем действующего и все оживляющего, в системе Шеллинга не могло быть места правильному учению о Верховном Существо, как Творце мира. Одна крайность угрожала ему другой: пантеизм сам собою порождал атеизм. Шеллинг, кажется, видел это и сам, и потому, опасаясь прослыть атеистом, использовал хитрый изворот. Он везде в природе находил сознание, мысль или то, что называется вообще разумностью, духом. Это послужило ему основанием для следующего вывода, который он использовал, как спасительное средство против обвинений его в безбожии. «Существующая в природе мысль, — говорит Шеллинг, — не есть идея, парящая в пустом пространстве, но она составляет свойство самостоятельного и действительного существа. Есть Верховное Существо, как субъект все созидающей и все оживляющей мысли, есть Бог, в отношении к которому все предметы природы ни что иное, как его идеи и формы этих идей». Но чем он докажет нам, что это Верховное Существо не слито в его мыслях с природой?.. Мы вправе предполагать в нем этот грубый пантеизм, тем более что, по его же словам, это безусловное существо, названное им абсолютом, само сознает себя тождественным со всем тем, что в нем пребывает, а вся природа заключена в нем.

Гораздо проще и яснее взгляд Шеллинга на явления природы, чем на ее высшие и первые начала. Движение, бытие, материя, пространство, время, свет, электричество, магнетизм и гальванизм — предметы, которых до сих пор не касалась философия или касалась только слегка — заняли в его философии природы довольно обширное место и расположены им в порядке, который можно представить в следующем кратком извлечении.

«*Материя* — это бытие в своей первоначальной форме (*primum existens*). Она в самом начале содержала в себе все, что существует и будет существовать; в ее основе заключена жизнь, обнаруживающаяся постоянной борьбой *расширения* и *сжатия*. Расширительная сила производит все материальное — *пространство* и *протяжение*, а сжимательная сила образует *форму* и *предел*. Преемство деятельности этих сил — *время*. Деятельность, не сознающая себя, выражается в *движении*, а *свет* в материальном мире есть то же, что сознание и мысль в духовном мире. Но две главные силы — *расширения* и *сжатия*, из которых поясняется вся деятельность и все движение в матери-

альном мире, не суть силы, изолированные друг от друга. Они имеют общую связь — *магнетизм*, составляющий главный закон природы, и в борьбе тел, которые взаимно притягиваются и отталкиваются, являются под новой формой — *электричества*, которое разделяет то, что соединено магнетизмом. То есть, магнетизм — это соединение сил, а электричество — их разделение: одно из этих явлений природы стремится к единству, другое — к разнообразию, и потому ни одно само по себе несовершенно, но оба они соединяются в *гальванизме*, который показывает единство в разнообразии и разнообразие — в единстве».

Для этих явлений, объясняемых Шеллингом более остроумно, чем основательно, он искал опоры в химии, которой занимался с особым старанием. Так называемый им *химизм* он вел рука об руку с гальванизмом, стремясь к тому, чтобы сделать философию знанием всего существующего и найти в ней ключ к тайнам природы, а особенно — к открытию ее законов и объяснению развития ее жизни. Это дало ему возможность начертать картину жизни и деятельности природы в следующем размере.

«Природа вообще — это *порядок* (χὄσμος). Сама неорганическая природа не есть хаос, но представляет ход действий, развитый с совершенной правильностью, хотя и не с должной полнотой. И в ней есть закон и жизнь. Произвести различие в том, что было безразлично, сделать многим то, что было одно, развить то, что было завито в своем зародыше, одним словом — образовать отдельные, *неделимые* существа (*individuatío*) — вот основной закон природы на всех степенях ее развития. Эта неделимость существ происходит вследствие развития всех вещей из того первоначального семени, которое заключает в себе все, но в неразвитом состоянии. Следовательно, отдельные существа живут ни сами через себя, ни сами для себя, но природой и для природы: общее есть источник и цель частного.

Это общее, как начало всех частных, беспрестанно действует, обращая в живые существа землю, воздух и воду. Но это оживление, имеющее, по его словам, свою поэзию, есть или только *видоизменение* элементов материи, или совершенное их *перетворение*, производящееся посредством химического процесса света и материи, образующее нечто третье — *организм*. Весь этот организм, известный нам, делится на два класса: класс *растений* и класс *животных*. Жизнь растений, или его прозябаемость, — химический процесс, состоящий в непрерывном разложении кислорода и водорода, так что растительная жизнь постоянно переходит в состояние обескисления и оканчивается плодом, который составляет самую обескисленную и потому сгораемую часть растения. Жизнь животного представляет противоположные явления. Она, наоборот, постоянное принятие кислорода посред-

ством дыхания, а органы животного одарены способностью воспламенять жизненный кислород. Эта способность — естественная *раздражимость* тела, которая, в свою очередь, служит началом *движимости*. К ним присоединяется третье свойство, принадлежащее высшим органическим существам — животным, — *чувствительность*. В этих трех естественных отправлениях жизнь проявляется, как органическое целое. Раздражимость, стремящаяся во внешность, есть то же, что воззрение (*intuitio*), устремляющееся в отдаленность. Но воззрению нужен предел, чтобы не потеряться в беспредельном пространстве: подобным образом раздражимости необходимо препятствие, чтобы не прийти в бездействие от недостатка противодействия. Способность раздражаться внутренне и определяться внешними впечатлениями есть *инстинкт* — сила могущественная, но бессознательная. Оттого-то животное чувствует, но не сознает своих чувствований. Оно на степени, близкой к человеку, и есть как бы человек в состоянии сна, поэтому, наподобие сонного человека, оно не может владеть собою. Жизнь с сознанием — высшая степень организма, на которой неделимое становится предметом для самого себя, *духом*. Принадлежности духа — сознание и знание, или мысль и идея, составляют последний предел длинного ряда видоизменений природы, преемственно восходящей от видимого усыпления к совершенному бодрствованию и полному сознанию. Все эти изменения — только различные формы одной и той же деятельности и силы. Следовательно, бытие и сознание, вещь и идея — это два полюса одного центра, и потому в своем безусловном начале они тождественны».

Таков общий очерк шеллинговой философии природы. Она оставила много нерешенных вопросов. Не видно, например, откуда происходит тот верховный закон, которому следует жизнь природы. От нее ли самой или от кого-то другого? Также непонятно, как исполняется этот закон и как начинается жизнь природы, если нет другого высшего начала, так как у Шеллинга это высшее начало — та же природа. Но это был первый плод юности, который не мог быть полным и зрелым. Шеллинг сам, подобно изображаемой им природе, прошел несколько степеней умственного развития, отдав этому половину века, а его философия природы занимает только первую степень, за которой следует вторая, представляющая нам его «философию духа».

Под названием «философия духа» германские мыслители понимают не психологию или древнюю пневматологию, а науку обо всем том, что называется духом, — науку о Божественном и человеческом уме, безусловном и условном, бесконечном и конечном. Эта отрасль знания, кажется, была Шеллингу, так сказать, не по душе. По крайней мере, он не занимался изучением духа с той ревностью, с какой следил

за явлениями природы. Тут он позволил себе позаимствовать многое у Канта, Фихте, Гегеля и Кузеня, так что его философия духа, будучи, с одной стороны, результатом его философии природы, с другой — прямое подражание упомянутым философам, а особенно Канту и Фихте. Она не включает в себе ничего такого, что могло бы поставить ее наравне с антропологией Канта, с учением о я Фихте, с феноменологией духа Гегеля и психологией Кузеня. Он только изменил идеальное учение о нашем мыслящем я своего непосредственного предшественника — Фихте, в соответствии с началами, высказанными им в своем учении о природе.

По идее Фихте, наше я производит из себя все, как паук извлекает из себя нити паутины, и это все есть то же самое я, потому что только его существование нам известно. Шеллинг хотел приуменьшить значение этого всеобъемлющего и единственного существующего начала, дав действительное существование тому, что отлично от него и чему Фихте дал название *не-я*. Но на самом деле он только, так сказать, перевернул учение Фихте, сделав самостоятельным то, что у него было зависимым, а самостоятельное обратил в зависимое. По мнению Фихте, природа — это произведение нашего духа, и вещи существуют только потому, что мы о них мыслим. По началам же Шеллинга, дух есть ни что иное, как высшая степень развития сил природы. И потому, если один из них производит мир силой своего духа, то другой, в свою очередь, делает дух произведением мира; один возвышает нашея на степень творца всего, нас окружающего, — другой обращает *не-я* в семя, произрастающее из себя и самое я.

Бесполезно вдаваться в подробности этого учения, потому что здесь Шеллинг повторил то же, что было сказано им в философии природы, только с видимым применением этого к духу, который, на основании своего тождества с природой, проходит те же степени и является в тех же формах, какие свойственны развитию природы. Мы представим только общую параллель, открытую Шеллингом между развитием духа и развитием природы, проведенную им по всем степеням этого развития.

Так, трем силам, замеченным на первой степени развития природы, у него соответствуют три силы духа. Расширению — чувствование, сжатию — углубление в самого себя, или рефлексия, а тяжести — свобода. На второй степени он, с природным магнетизмом, привел в соответствие духовную индивидуальность, с электричеством — духовную деятельность, с химизмом — историю, в которой являются нравственные индивидуумы со свойственной им деятельностью. Неизвестно только, что Шеллинг поставил в параллель гальванизму: не жизнь ли духа вообще, которая, по его словам, начинается там, где заканчивает-

ся история? Третьей степени природной воспроизводительности соответствует духовное самовозбуждение, раздражимости — созерцание и наблюдение, движимости — художественное творчество. Затем дух и природа между собою отождествляются.

Нельзя отвергать, что этот параллелизм имеет свой глубокий смысл, но чтобы открыть его, нужны тонкие соображения и остроумные сближения духовного с материальным. С другой стороны, это не столько плод изысканий ума, сколько игра воображения, которая слишком заманчива своей новостью, но не совсем благоприятна своими результатами. Она приводит и действительно привела Шеллинга к следующим заключениям: предметы — те же идеи ума, и внешняя природа со своими законами тождественна внутренней природе и ее законам, так что природа и дух — две особые формы одной и той же субстанции. Эту их тождественность он подтверждает произведениями духа в области искусств. Идеальный мир искусств и реальный мир природы — это, говорит он, результаты одной и той же деятельности. Ведь деятельность, сознающая себя, в соединении с бессознательной деятельностью, производит в царстве природы мир изящных форм, а в царстве искусства — мир изящных идеалов. Оттого философия искусства, или «эстетика», у него истинная философия, охватывающая природу и духа. Вот почему Шеллинг занимался ею больше, чем любой другой отраслью философии духа: больше, например, чем логикой, психологией и этикой. Этому занятию благоприятствовала возложенная на него должность секретаря Академии изящных искусств, легко удовлетворявшая его страсть к памятникам древности. В своей «Системе трансцендентального идеализма» он представил собственную теорию искусств в следующих выражениях:

«Искусство — единственный орган, посредством которого философия выказывает себя внешне. Оно открывает философу первоначальную связь природы и истории, жизни и деятельности, действительного и идеального. Природа — это поэма, написанная таинственными буквами, смысл которых постигается только тогда, когда в ней замечаются действия духа. Если только искусство может представить внешне то, что в философии представляется существующим внутри нас, то отсюда легко заключить, что философия, порожденная и воспитанная поэзией, под конец своего развития должна снова слиться с нею, как сливается поток со своим источником. Средством к этому должна служить мифология, возрождение которой составляет проблему, зависящую в своем решении от будущего назначения мира и развития человечества».

Все это имеет характер слишком пиитический, чуждый философской отчетливости. Вы хотите знать, что заставляет философию обра-

таться к поэзии? Шеллинг отвечает вам — мифология. Вы спрашиваете: «Какая это мифология?» Он говорит вам: «Мифология будущая, новая». — «Когда и как ожидать ее?» — «При конце времен, вследствие развития человечества и осуществления его назначения». Во всем этом много поэзии, но мало истинной философии!

Перейдем теперь к последней части системы Шеллинга — его философии откровения, которая с давнего времени составляет любимый предмет занятий этого философа и которой он предался в старости с жаром юноши.

И прежде, в философии духа и философии природы, Шеллинг искал верховного и безусловного начала, или Бога. Но особое учение об этом начале он представляет нам в своей философии откровения. Приступая к ней, естественно приходим к следующим вопросам: какое откровение понимает Шеллинг (иудейское или христианское)? Не стал ли он на старости лет мыслителем чисто религиозным, предпочитающим веру уму, как это видим в Паскале? И не есть ли его философия откровения та же мистика, какую находим у Мальбранша и Фенелона?

На эти вопросы мы должны отвечать большей частью отрицательно. Правда, Шеллинг признает два откровения — иудейское и христианское, но его способ их понимания не имеет ничего общего со взглядом двух названных нами философов — Мальбранша и Фенелона, как и с учением Лейбница, тщательно изучавшего того и другого. Как и в философии природы, Шеллинг не остановился на Лейбнице, а перешел к Спинозе; не удовольствовался Бэконом и Аристотелем, а проник глубже в древность и дошел до Парменида и Ксенофана. Так и в философии откровения, для него недостаточно было учения мыслителей XVII столетия, он захотел узнать, как смотрели на этот предмет писатели первых веков христианства — Филон, Ориген, Климент Александрийский и гностики. Везде он восходил к высшим вопросам философии путем поэзии. Преимущественно в философии откровения в нем видна восторженность поэта. Здесь поэзия, мифология, предания, верования, памятники всех народов и искусства всех времен играют весьма важную роль. Но с первого взгляда ничего, кажется, не может быть проще, чем его мысль об откровении.

«Основные истины, — говорит он, — мы знаем только из откровения, а особенно ту истину, что мир сотворен Богом. Откровение — ни что иное, как история, охватывающая и развивающая все с начала мира до конца». Что же такое философия откровения? Есть ли это философия, данная уму откровением? Но откровение не дает философии, потому что она должна быть собственным произведением ума. Или это философия ума, основанная на откровении? Но ум для своего зда-

ния должен найти и основание в самом себе. Шеллинг и сам точно не определил ее значения. Кажется, он больше придерживался той мысли, что это «философия об откровении». Но и такое ее определение вызывает возражения. Что может сказать философия об откровении? Какой может быть суд ума в области, ему недоступной? Конечно, он может подвергнуть собственному суждению откровенные истины, но в его ли силах судить о них решительно и верно? А вызывать эти высокие истины для своих предположений и догадок свойственно не здоровой философии, а легкомысленной пытливости. Однако, несмотря на то, что область новейшей германской философии наводнена теперь умственными теориями религии, эти теории представляют нам не философию откровения, которую они обещают своим названием, а смесь философии, превращенной в религию, и религии, перерожденной в философию, которая не может удовлетворить ни философов, ни богословов. Такова и философия откровения Шеллинга. В ней он как будто отказывается от философии, чтобы, так сказать, угодить религии, между тем как не удовлетворяет ни той, ни другой.

«Надо, — говорит он, — быть искренним, потому что искренность — первое условие знания». Следуя этому правилу, нужно или отвергнуть откровение, или допустить, что оно содержит в себе то, чего нет в уме. Нет сомнения, что верно последнее. В таком случае, по-видимому, нет ничего безрассуднее, чем пытаться уму постигнуть то, что выше его. Но, с другой стороны, последнее назначение ума состоит в достижении высшего знания, а это знание есть вера, которая представляет уму надежную пристань в бурном океане сомнений. К этой-то пристани и следует стремиться, к вере должно быть приведено все наше знание. Вся мудрость заключена в Иисусе Христе, и весьма справедливо заметил С. Августин, что «кроме знания Христа нет другого знания» (*Praeter Christum scire est nihil scire*). Фенелон и Мальбранш также утверждали, что ум должен преклониться перед откровением и от него должен учиться истине и добру. Но это смирение ума часто перерождается в гордость, особенно когда он берется философствовать об откровении, как это мы видим в шеллинговой философии откровения.

«Я, — говорит он, — верю в воплощенного Сына Божия и признаю все содержание откровения за действительный факт, хотя оно таинственно. Но я хочу объяснить эти таинства». Предприятие, по-видимому, весьма скромное. Шеллинг не думает уничтожить таинства религии, как это сделали другие, а только хочет придать им определенный смысл. Он уверяет всех, что его философия откровения не есть система догматов веры, а только их пояснение. Но скромная роль толкователя, дав ему право определять смысл откровения, дала вместе с тем возможность раздвинуть пределы этого права до того, что из тол-

кователя религии он стал ее судьей, творцом и образователем. Этому, судя по предприятию Шеллинга, нельзя было не быть. Двойное положение ума представляется возможным в отношении к откровению, смысл которого он берется объяснять, а именно: или он понимает его, или нет. В первом случае нет надобности в объяснении, а во втором — пояснение невозможно. И потому откровение, как учение, превышающее понятия ума, невозможно сделать предметом философии, как этого желал Шеллинг. И действительно, это не изречение пифии, не поэма Сибиллы. Можно объяснять из начал ума учения мнимых откровений, предания, мифы и символы которых не имеют определенного смысла и представляют обоюдные и неточные идеи, а тексты Святого Писания заключают в себе учение хотя и таинственное, но представленное в положительных выражениях, смысл которых определен голосом церкви, руководимой внушениями Божественного ума. Но Шеллинг смешал откровение с мифологией и, объясняя последнюю, полагал, будто бы этим объясняет откровенную религию. Таким самообольщением он начал свою философию откровения, и как будто обрек ум на безусловное подчинение откровению, но впоследствии совершенно подчинил откровение уму. Вступив в область религии пленником, позже он выступает ее поработителем и поступает с истинами откровения так, как будто он в состоянии не только понимать их, но доказывать и обращать в свою собственность. Поэтому в его мудрствованиях откровение перестает быть учением, *превосходящим всякий ум*, но поставляется наравне со всеми умственными произведениями. Ведь, по его же словам, оно было выше ума прежде своего обнаружения, т. е. в возможности, а в действительности, или после своего объявления, оно потеряло это свойство.

И новейшее учение Шеллинга, в своей сущности, мало отличается от этих юношеских мечтаний. Вступив на кафедру Берлинского университета, он объявил в своем первом чтении, что останется верен духу своей системы, изменив только некоторые ее частности. И действительно — он и теперь так же объясняет третью главу Бытия, как объяснял ее пять-десять лет назад, т. е. мифически, и, изложив в своих публичных чтениях философию откровения, он перешел к философии мифологии, которую излагал с прежним пиитическим жаром.

Откуда же им взяты основные идеи этой философии, каковы они? Эти идеи взяты из христианского откровения и представлены в том же порядке, в каком следуют они в богословских системах, даже удержаны те же термины, какие определила для них церковь, но смысл для них почерпнут из других источников: языческой философии, древней мифологии и учений древних христианских еретиков, известных под

именем гностиков. В подтверждение этого приведем нечто из представленного им здесь учения о Боге.

Из философии природы и философии духа известно, кто такой в учении Шеллинга Бог. Это «абсолют». Известно также и то, что понимал он под абсолютном. Это «единство всего». Но в философии откровения он олицетворяет свою идею Бога, обращая ее в существо действительное, личное и самостоятельное. Рассматривая и определяя природу этого существа, он имел в виду тексты Святого Писания, но их объяснении руководствовался языческими поэтами — Гесиодом и Гомером, как и гностиками, теософами XVI столетия и пантеистическим учением Спинозы. Его понятие о Боге, как о начале, все из себя производящем и все в себя поглощающем (Urgrund und Abgrund), весьма близко к понятию о той единой субстанции Спинозы, по отношению к которой все существующее — только ее видоизменение (modus), из нее происходящее и в ней пребывающее (immanens). Три различные степени проявления этой субстанции, сперва в виде бытия бессознательного и бездейственного (blinde seyn), потом в виде силы действующей и начинающей сознавать себя (seyn könnende) и, наконец, в виде существа такого, каким она должна быть по своей природе (seyn sollende), взяты из гностических понятий об эонах и их различных степенях. Из подобного же нечистого источника почерпнуто им и учение о Боге, как существе, достигающем своего совершенства и блаженства только при условии существования мира, — учение, совершенно противное природе Бога, как существа совершеннейшего, которое имеет источник своего блаженства в самом себе, в созерцании своих бесконечных совершенств.

Одна неправильная идея повлекла за собой ряд других, ей подобных. Признав творение мира необходимым условием совершенства и блаженства Бога-Отца, Шеллинг полагает также, что воплощение — необходимое условие совершенства Бога-Сына, а действие в сердцах людей — условие совершенства Бога-Духа. Таким образом, мир и человек становятся в его понятиях чем-то таким, из чего развивается полнота божественной природы. Это уже противно и основному понятию самого Шеллинга о том едином начале, из которого он производит все, не производя его самого ни из чего.

Остановливаясь далее на падении человека и происшедшем отсюда зле, вводя в свою систему учение об ангелах и демонах, рассуждая об искуплении и восстановлении человека и вообще о христианстве, Шеллинг произвольно берет тексты Святого Писания и придает им свой превратный смысл. Следить за развитием его мыслей на этом пути мы не намерены, потому что он выступает здесь не философом, развивающим собственные идеи из начал ума, а восторженным по-

этом, увлекающимся толками различных древних и новых сект. Тут у него собраны, так сказать, в одну группу, и иудейская каббала со своим «адам-кадмон» или земным человеком, и мистика Филона со своим «словом» (λόγος) или идеальным миром, и гностическая теософия со своей небесной «софией» или душой мира, и неоплатоническая теургия со своими божественными началами... Собраны все ереси философии и религии, вся мифология греков и римлян, с той целью, чтобы применить откровение к началам принятой им системы и чтобы, таким образом, получить содержание для своей философии религии, которая, в своем существе, есть ни что иное, как толкование откровенного христианского учения не по истинным преданиям и указаниям церкви, ни даже по началам здравого ума, а по чистым вымыслам фантазии.

III.

Несмотря на всю свою терпимость, Германия подвергла систему Шеллинга строгой критике. Можно составить значительную библиотеку из книг, написанных против него и в его защиту. Особенно подверглась критическим исследованиям последняя часть его системы, содержащая в себе философию откровения. На нее нападали и теперь нападают с особой силой. Противники Шеллинга осуждают в нем даже то, что может быть признано достойным похвалы, например, его прогрессивное развитие мыслей, укоряя в том, что его понятия с течением времени изменялись и принимали различные фазы. В философии подобные метаморфозы неизбежны, они показывают ее видимое усовершенствование. Причем таких мыслителей, которые не прошли бы несколько возрастов своего умственного развития, подобно как мы видим в Шеллинге, было мало. Наоборот, к чести этого философа следует отнести то, что он ко всему прислушивался, за всем следил, все исследовал и узнавал на протяжении своей более чем пятидесятилетней философской деятельности. Это показывает, что он сам чувствовал недостаточность своей системы и старался исправить ее, улучшить, но его старания не всегда были успешны, потому что он не всегда попадал на прямой путь и вместо истины находил заблуждение и обман. Бесспорно, что в учении Шеллинга много поэзии, может быть, больше чем философии: язык, тон и основа его мыслей — все дышит поэзией. Он и сам не скрывал этого, ясно выказывая свою страсть к изящным искусствам и свое убеждение в том, что философия как произошла из поэзии, так и должна к ней возвратиться. Поэтому неудивительно, что иногда гордиев узел какой-либо метафизической проблемы решается у него с вольностью поэта. Но обращать в поэму всю

его систему, подобно как обращена им в поэму вся природа, значило бы судить о нем с большим преувеличением его недостатков. Напротив того, известно, что он обладает мышлением в высшей степени философским, что многие его мысли запечатлены характером отчетливых, глубоких и основательных суждений, что некоторые страницы его системы показывают в нем истинного и здравомыслящего философа. И даже в том, что высказано им о религии и откровении, иногда просвечивает луч истинной философии.

Нельзя также не видеть и того, что мифологический элемент пронизывает все его учение. Шеллинг, можно сказать, начал жить в области мифологии с того времени, как начал мыслить. Он всегда занимался мифологией с особым пристрастием и необыкновенным жаром, а мифология сама собою привела его к таинственности или так называемому мистицизму. Оттого-то Шеллинг любит умозрения гностиков и мистическое учение теософов, но сам ни гностик, ни мистик, и в своем учении отличается как от Василида, так и от Якова Бема. Те в своих умозрениях слишком высокопарны и мечтательны, а он умеряет свое умственное парение приведением своих мыслей к известным началам, которые казались ему ясными, точными и основательными.

Главное, в чем укоряют Шеллинга, — это пантеизм, который не отличает Бога от мира, признавая их тождественными. Действительно, в своей философии природы Шеллинг является чистым пантеистом, последователем Ксенофана, который утверждал, что есть только одно, а все прочее нам кажется существующим, но на самом деле самобытного существования оно не имеет, — равно как и последователем Спинозы, который допускал только одно самобытное существо, полагая, что все прочее — его видоизменение. Этим единым существом Шеллинг признавал материальную природу, так что душа мира, дух человека и Бог представляются в его системе если не произведениями природы, то, по крайней мере, чем-то таким, что развивается из нее, как из семени. Ведь природа, по мере своего развития, доходит до самознания, а существо, сознающее себя, и есть, по словам Шеллинга, Бог. Но в философии откровения он понял свою ошибку, и в настоящее время старается ее исправить. Теперь свое учение о Боге он старается переделать не только из всебожия в единобожие, но даже сблизить с христианским учением, только избранный им путь мифологии и ложных учений не приведет его к желанному концу.

Сравнивая его философию с предшествовавшей философией, нельзя признать ее совершенно новым учением. Ее подготавливали Кант и Фихте, а первые ее основания находим у Спинозы, гностиков, Платона и Ксенофана. У Спинозы Шеллинг занял понятие о единстве начала, совмещающего в себе бытие и мысль, подобно как субстанция Спино-

зы все из себя производит и все в себе содержит. Платон подал ему мысль о том, что всякая вещь носит в себе идею всех своих индивидуальных развитий. Гностикам принадлежит учение об истечении вещей и возвращении их к своему началу, которое господствует во всей его философии откровения. Из Святого Писания он почерпнул начала для своей теории падения и искупления человека, а мифология предоставила ему содержание для учения о духах, или для так называемой пневматологии. Но, несмотря на то, что философия Шеллинга представляет смесь мнений и понятий, она заслужила в Германии такое внимание, каким не пользовалась почти ни одна из систем новейших философов. Имя Шеллинга произносится на кафедрах всех ее университетов с особым уважением; его сочинения читают и изучают с необыкновенной жадностью.

Не трудно понять причину того всеобщего внимания, каким пользуется Шеллинг. Она заключается в том, что, хотя он следовал другим, но, обладая редким даром мышления, умел всякую заимствованную им теорию использовать так, что она становится у него учением новым и почти оригинальным. Например, его философия природы так смела и возвышенна, что с нею не может сравниться никакая другая древняя форма пантеизма, несмотря на то, что они послужили ей основой. Кроме того, он не мог не быть замечен всеми уже потому, что его взгляд охватывал все: мир нравственный и физический, философию и религию, мифологию и историю, поэзию и искусства. Это всестороннее направление его ума должно было оказать особое влияние на различные отрасли наук и привлечь к нему внимание всякого, кто хотел ими заняться. И действительно, философия, физика, медицина, юридические науки, литература и искусства получили в Германии с этого времени лучшее направление и новые формы, значение которых вполне объясняется там, откуда они заимствованы, то есть, в учении Шеллинга. Можно сказать, что не могут понять нынешней Германии только те, кто не ознакомился с Шеллингом и его творениями, ведь им неизвестен идиотизм мысли и языка его школы, который проник в германскую литературу и стал заметным даже в германском обществе. Отличнейшие писатели, особенно Северной Германии, не везде могут быть поняты теми, кто не посвящен в таинства новейшей шеллинговой философии, потому что все они более или менее находятся под ее влиянием. Вся великая борьба между христианством и так называемым «деизмом», перешедшая в Германию из Англии и Франции, получила для себя новую пищу в его философии природы. Понимая все это, нельзя не допустить особого влияния философии Шеллинга на Германию, и потому виновника этого влияния нельзя не признать «гениальным» мыслителем. Чтобы привести в такое волнение умы

других, для этого нужно самому иметь особую силу мысли и слова — эти существенные качества гения, которые в нем всегда неразлучны. Появление Шеллинга на горизонте германской философии отличалось от появления Канта: тот подвигался медленно, а он возник как бы внезапно. Это знак, что один обязан своей славой труду, а другой — дарованию. Философия Шеллинга быстро увлекла за собою толпу последователей и подражателей. Клейн, Стеффенс, Трокслер, Окен, Виндишман, Шеллер, Баадер, Кизер, Карл Шеллинг (его брат), Шуберт, барон Вальтер, Вебер, Бурдах и Гегель — все они усвоили главные начала его системы, а Таннер, Аст, Рикенер, Крейцер, Солгер, Геррес, Луден, Доб, Циннер, Краузе, Канне и многие другие применили эти начала в разных отраслях человеческих знаний.

Но Гегель, достигший большого успеха на пути, проложенном Шеллингом, первым восстал против своего учителя. Мыслитель строгий, логически последовательный и основательный, он видел в учении Шеллинга обольстительное преобладание поэзии над философией, и с душевным прискорбием заметил, что истинный философ не должен увлекаться заманчивыми призраками фантазии. «Стремясь к фантастическим наслаждениям, неблагоприятные ученики Шеллинга скоро, — говорит он, — потушат тусклый свет лампы, зажженной их учителем»¹.

Замечание совершенно справедливое. Этот новый путь умозрений, открытый Шеллингом, который, впрочем, отчасти был известен и неоплатонику Плотину, легко мог вести к пиитическим мечтам, как это было в александрийской философии и как действительно поступили некоторые энтузиасты, которые уронили в общем мнении натуральную философию Шеллинга. Гегель, предвидя эти следствия прежде, чем они обнаружались, попытался извлечь из афоризмов Шеллинга учение, логически стройное и полное. Но эта попытка увлекла его слишком далеко: он увидел, что система Шеллинга лишена надлежащей основы, и потому решил изменить ее, в чем и преуспел, и из друга и последователя Шеллинга стал его противником и основателем новой школы.

Пример Гегеля был соблазнителен и для других. Число противников Шеллинга стало, наконец, велико. Последователи Фихте, ученики Канта и вообще все те, кто был предан формам науки, усовершенствованных со времен Вольфа, стали его антагонистами. Якоби, мыслитель верующий и религиозный, уличал его в пантеизме, полагая даже, что в основе этого пантеизма лежит атеизм, получивший некоторую благовидную форму. Ученый прелат, доктор Сюсскинд (Süsskind), в своем сочинении «Исследование учения Шеллинга о Боге, творении, свобо-

¹ Matter J. Histoire de l'école d'Alexandrie. — Paris, 1820. — P. 332-350.

де, добре и зле» (1812), доказывал, что из его начал легко вытекает не только тождество физики и нравственности, но даже нравственности и безнравственности. Один из прежних приверженцев Шеллинга, Эшенмайер, утверждал, что его учение, разрушая личность и свободу, уничтожает нравственность и политику. Фихте ограничился, по отношению к Шеллингу, только тем, что защищал собственное учение от его нападков. Бутервек и Фриз таким же образом были защитниками системы Канта, которую они изменили и не хотели, чтобы она была подавлена системой Шеллинга. Круг, оставивший много полезных компиляций и брошюр политического и религиозного содержания, старался удержать свой «общий смысл», поэтому тоже восстал против Шеллинга. Кеппен, писатель настолько же религиозный, как и ученый, выступил защитником истин откровения, которые он понимал правильнее и вернее Шеллинга. Не говорим уже о других его противниках, менее замечательных, которые восставали против философии природы Шеллинга. Эта борьба не осталась без благотворных следствий: она, с одной стороны, несколько охладила энтузиазм последователей Шеллинга, и таким образом не довела их до тех крайностей, в какие могло вовлечь и действительно вовлекло некоторых из них восторженно-идеальное настроение их духа. С другой стороны, побудила многих из них лучше исследовать начала новой системы, предоставив возможность выказаться отличным умам и занять важное место в истории новейшей философии, как это удалось Гегелю.

Но число противников Шеллинга всегда было, можно сказать, ничтожно по сравнению с числом его приверженцев. Мало таких умов, которые могли бы сравниться с ним в искусстве понимать и излагать высокие метафизические проблемы, в искусстве придавать своим мыслям особую важность, силу и вес, в искусстве выражать их и раскрывать со всей увлекательностью человеческого слова. Шеллинг — такой наставник и писатель, который умеет внушить своим слушателям и читателям, особенно если они находятся еще в юном возрасте, большую привязанность к себе и особый энтузиазм. Причем от их внимания легко ускользают недостатки его гения, к которым преимущественно можно отнести частое несоблюдение строгой последовательности мыслей и поспешный переход от оснований к следствиям.

Есть еще черта, неоспоримо принадлежащая Шеллингу, — это его обширная начитанность наряду с особым даром извлекать из всего наиболее увлекательное. Но эту черту ставят ему в укор. Она, по мнению некоторых, лишила его оригинальности и была причиной того, что он только вложил в новые формы учение старое и притом чужое. Это, говорит Мишеле в своей брошюре о Берлине, Шеллинге и Гегеле, ни что иное, как учение элеатов, гностиков, Беама и Гегеля. Отнимите у

Шеллинга то, что взято им у других, тогда останется только шитье, которым он сумел испестрить готовое платье, составленное из разных кусков. Но если это платье стройно и изящно, то для чего нападать на художника вместо того, чтобы отдать должную справедливость его искусству? Для чего требовать от человека, чтобы он непременно творил, а от философа — чтобы вновь изобретал? Недовольно ли для мыслителя развивать мысли? Если учение Шеллинга изложено им лучше, чем его предшественниками, то за это он заслуживает похвалы и одобрения. Конечно, надо представлять вещи в их естественном свете, и, отдавая должную справедливость уму и труду этого философа, не следует увлекаться обманчивым взглядом тех энтузиастов, которые приняли его философию природы за окончательное раскрытие истины. Она, в самой системе Шеллинга, составляла только первый камень, особенно потому, что этот камень положен на основании зыбком и нетвердом. Говоря это, мы высказываем не собственные мысли, а суждения благоразумнейших из последователей Шеллинга. Они, будучи чужды самообольщения, тотчас заметили, что единство, допущенное им между миром и Богом, материей и духом, годится только в теории. На самом деле разум не может оправдать того, что смелый мыслитель выступил из гипотезы вместо того, чтобы идти от несомненного начала, и что принятая им гипотеза может привести его только к новым гипотезам, как это и было. Шеллинг сам видел, что положительность познаний, какую он искал прежде, для него невозможна, поэтому ему остаются только предположения. Оттого-то он обратился к поэзии и мифологии, где открылось ему обширное поле гаданий и предположений, которыми он хотел восполнить недостаток точных познаний.

Но недостатки Шеллинга, без сомнения, покрываются его совершенствами, если вся Германия, несмотря на частые переходы его от одной крайности к другой, почти всегда более или менее ему следовала, принимая на себя, так сказать, все виды его превращений. Правда, было время, когда она его оставляла, но делала она это для того, чтобы потом принять его радушнее. Так, первоначальное влияние Шеллинга продолжалось только до тех пор, пока он не совершил полного круга своих предположений, составивших содержание его философии природы. Затем, как сама эта философия, так и ее автор, лишились того всеобщего внимания, каким пользовались вначале. Ведь те из современников Шеллинга, которые понимали истинное значение философии и ее пределы, отвергли его учение, выступающее из границ. Другие же должны были убедиться в невозможности осуществления идеи того тождества, какое допускал Шеллинг между Творцом и творением. Преимущественно это сделал Гегель, который ясно обнаружил бесси-

лие ума в решении этой неразрешимой для него проблемы. Задача, предложенная Шеллингом в его философии природы, не плод пустой игры фантазии, однако ее решение не в наших силах. Нет сомнения, что есть связь между миром и Богом, но расстояние между ними так велико, что человеческий ум непременно теряется в догадках и предположениях, как только берется измерять его: нам трудно в совершенстве познать природу конечных существ, а для решения этой задачи необходимо совершенное познание и бесконечного существа!

После этого Шеллингу не оставалось ничего другого, как или вовсе сойти с поприща философской деятельности, или изменить тон и содержание своей философии. Он решился на последнее, но не сразу выказал свою решимость. Почти пятнадцать лет он оставался в молчании, занимаясь, в звании секретаря Мюнхенской академии, изящными искусствами, мифологией и религией. На протяжении этого времени он издал одно небольшое сочинение, в котором оценил философию Кузенья и упрекнул Гегеля, преподававшего тогда философию сначала в Гейдельберге, а потом в Берлине, в том, что он извратил его учение.

Пятнадцать лет, на протяжении которых Шеллинг хранил глубокое, едва прерываемое, молчание, были временем больших перемен в области философии. Место созданной им философии природы заняла теория свободного развития и проявления какой-то абсолютной идеи в различных сферах — мысленных, вещественных и духовных. Прежний смелый пантеизм был заменен новым, который хотя и не отождествляет всего в одном, но извлекает все из одного, делая этим одним идею, которая, развиваясь, производит все. Эти перемены ближайшим образом относились к Шеллингу, так как были направлены к тому, чтобы подорвать его учение в самом основании, он видел это, и молчал, предоставляя своим ученикам быть его защитниками. С трудом смог он отозваться на некоторые слишком обидные нападения своего старого ученика — Гегеля, а прочим своим противникам не предоставил этой радости, как потому, что полемический тонему несвойственен, так и потому, что сам оставил свою философию природы и занялся философией откровения. Таким образом, его теория природы пришла почти в совершенное забвение, и только некоторые из его учеников следовали ее началам, изменив ее саму как в содержании, так и в выражениях. Вместе с тем, было забыто и имя ее автора, так что многие едва знали, что Шеллинг еще жив.

Но господство Гегеля было кратковременно, и Шеллинг, вступив на кафедру Фихте и Гегеля, тотчас показал, что он давно хотел нечто сказать, но ждал для этого приличного места и удобного времени. На самом деле, вскоре увидели, что прошедшее время не было им проведе-

но в бездействии, наоборот, он произвел науку, отличную от той, которой было начато поприще его умственной деятельности. Что, совершив полный круг своего умственного образования, он изменил, наконец, вместе с терминологией, и некоторые положения своей философии, и что хотя его настоящая философия потеряла собственно философский элемент, склонившись к общему смыслу древних верований и преданий, однако талант его остался в прежней силе.

Эта, так сказать, неуываеваемость ума Шеллинга была причиной того, что он, несмотря на свои преклонные лета, снова был приглашен, лет восемь назад, на одну из главных кафедр германской философии. В аудитории Берлинского университета, перед многочисленным собранием слушателей, стал он излагать свои мысли, как результаты долговременного опыта, извлеченные им из преданий всех времен и народов, направленные к изучению откровения.

Но мысли Шеллинга, даже те, которые составляют последний плод его долговременной философской деятельности, таковы по своему содержанию, что и в Германии, несмотря на всю ее склонность к выспренным умозрениям, они не могут оставаться надолго. Новое поколение итам скоро потребует новых идей, тем более что идеи Шеллинга не доведены им до надлежащей ясности, отчетливости и верности, как это мы отчасти показали. Что же касается нас — русских, то для нас система этого философа, как и других ему подобных, важна только из-за результатов, для которых мы и решились коснуться ее содержания, они достойны всего нашего внимания. Ведь те, весьма поучительные для нас истины, которые выказал Шеллинг направлением своего ума к верованиям, преданиям, религии и откровению, и которые сами ясно говорят нам о том, что знание само требует веры, так как она составляет для него и источник начало, и верное руководство, и твердую опору. Философия не может обойтись без религии, которая своими вечными истинами может доставить ей ту «положительность», которую в настоящее время от нее требуют и которую напрасно ищут в других источниках. Уму необходимо откровение, только надо уметь согласовать учение ума с учением откровения так, чтобы каждое из них сохранило свой характер и свое значение. Излишне было бы желать, чтобы учение ума было тождественно с учением откровения по своему содержанию, но нельзя не требовать, чтобы оно было согласно и даже тождественно с ним по духу и направлению: ибо один виновник и ума, и откровения!

Благодаря природному настроению русского духа, в основе которого заложены твердые начала религии, хранящие его от всех уклонений, трудная задача согласования ума с откровением, философии с религией — всегда была решаема, можем сказать без преувеличения,

самым удачным образом. Наша философия, воспитанная под сенью церкви, так сроднилась с откровенной религией, что привыкла и мыслить в ее духе, и выражаться ее языком, находя для себя представителей в кругу лиц, изучающих истины ума наравне с догматами откровения. Семена ложных мудрований, если и были заносимы к нам, то никогда не могли прижиться на нашей благодатной почве, которая так проникнута духом Евангельского учения, что не может принимать в себя ничего такого, что не соответствует началам нравственности и религии, на которых незыблемо держится благоденствие России. Но нам скажут, потому-то у вас не было и нет философии. Да, не было, нет и — скажем больше к чести русского народа — никогда не будет у нас того суетного мудрования, которое, в буйном стремлении к мечтательному всезнанию, ниспровергает все священное и заветное, но была, есть и будет та истинная мудрость, которая, не выходя из границ ума, всегда готова преклониться перед верой там, где самой природой положен предел умственным изысканиям. Такая философия, откуда бы она ни пришла к нам, всегда найдет у нас радушный прием, так как она по духу русского народа, воспитанного на началах православия, законности и порядка, по мысли нашего мудрого монарха, бдительно охраняющего эти твердые опоры народного спокойствия, которое составляет почти исключительное достояние России, благоденствующей под скипетром Николая I, наконец, по самой идее этой науки, последнюю цель которой должно составлять разумное убеждение в недостаточности познаний ума и необходимости восполнения их учением откровения.

ОПЫТ ПОСТЕПЕННОГО РАЗВИТИЯ ГЛАВНЫХ ДЕЙСТВИЙ МЫШЛЕНИЯ, КАК РУКОВОДСТВО ДЛЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ПРЕПОДАВАНИЯ ЛОГИКИ

Предисловие

Цель, предложенная составителем этого руководства, — развить, в последовательном порядке, главные действия мышления, с их приемами, законами, видоизменениями, способами, формами и условиями, сделать их ясными и понятными для тех, которые в первый раз приступают к изучению внутреннего механизма человеческой мысли. В соответствии с этой целью, использован поступательный план изложения предмета руководства, основанный на законе развития последующего из предыдущего и уяснения одного другим, а способ выражения — простой, общепонятный и, по возможности, приближающий логические отвлеченности к понятиям молодых умов, с ними еще не знакомых. Все главное и существенное представлено в положениях, выраженных самым кратким образом и составивших содержание «параграфов». Понятия, которые, по причине краткости их выражения в этих положениях, требовали раскрытия и уяснения, обозначены особым шрифтом и, для их объяснения, присоединены к параграфам «изъяснения». Само собою разумеется, что многие подробности, объясняющие сущность человеческой мысли и показывающие ее философский анализ, не вошли в это руководство, потому что они составляют предмет логики, как части философии, а не как вспомогательного руководства для словесности, которое должно стать, при переходе от грамматики к риторике, довершением первой и вступлением во вторую. Ведь, с одной стороны, содержание параграфов не могло быть обозначено в самом руководстве, без некоторого разрыва последовательного изложения мыслей, и, с другой стороны, так как в изъяснения параграфов вошли многие побочные понятия, то для указания общего хода мыслей в конце книги сделано особое «оглавление параграфов». А для обозначения логических понятий, составляющих преимущественно содержание изъяснений, приложен «алфавитный указатель» всех таковых понятий, со ссылками как на параграфы, в которых они поясняются, так и на страницы, на которых помещены эти изъяснения. Сверх того, особо изложены вопросы, на которые может быть разделено все содержание руководства.

Введение

§1.

Грамматика излагает правила, которым мы следуем, когда говорим. Изложение правил, которым мы следуем, когда мыслим, называется логикой.

Изъяснение. Названия грамматика и логика греческие. Первое происходит от γραμμα — буква, письмо, а второе от λόγος — слово, мысль. Эти науки названы так потому, что первая из них учит производить и соединять буквы так, чтобы из них составлялись слова и выражения, посредством которых мы могли бы передавать другим свои мысли устно и письменно, то есть могли бы говорить и писать. Вторая же показывает, как составлять, видоизменять и соединять мысли для того, чтобы наши слова выражали то, что мы хотим сказать, чтобы мы говорили и писали рассудительно и умно. Грамматика учит нас правильно говорить и писать, а логика наставляет здраво мыслить и отчетливо излагать свои мысли.

§2.

Говорить — это ни что иное, как мыслить вслух, поэтому между грамматикой и логикой существует самая тесная связь. Мысль — это душа слова, а слово — оболочка мысли. Логика — это *основание* грамматики, а грамматика — *приложение* логики.

Изъяснение. Когда мы мыслим, то мысленно разговариваем сами с собою, а когда говорим, то тот же внутренний разговор выражаем в словах. Следовательно, *речь* — это *та же мысль*, только ставшая, посредством звуков слова, *ощутимой для слуха*. Оттого, *во-первых*, кто не мыслит, тот и не говорит, как например, бессловесные животные. *Во-вторых*, как кто мыслит, так и говорит: если мысли текут несвязно, то и речь бывает нестройная, если мысли о предметах образуются медленно, то медленно и подбираются друг к другу слова. *В-третьих*, чтобы правильно говорить, нужно уметь правильно мыслить, и потому логика, как наука, предоставляющая это умение, *необходима для грамматики*, особенно для той ее части, которая учит правильному сочетанию слов, необходимому для выражения целой мысли. Она известна под названием *словосочинения*. Здесь нельзя не сказать о предложении и его частях, это есть ни что иное, как *применение форм мысли к формам слова* — логики к грамматике, так как грамматическое предложение — это то же логическое суждение, только во внешней словесной форме.

Как грамматика сначала объясняет состав и образование слов, потом предлагает правила, по которым слова соединяются в связную и стройную речь, точно так и логика, во-первых, объясняет состав и образование мыслей, а, во-вторых, излагает правила, по которым мысли соединяются между собою. Так происходит связная и стройная мысль, или то, что, собственно, называется размышлением. Поэтому логика, подобно грамматике, имеет две части, из которых одна соответствует этимологии и содержит в себе учение «о составе и образовании мыслей», а другая соответствует словосочинению и показывает «образ соединения мыслей».

Изъяснение. В состав слов входят буквы и слоги. Образование слов — это составление из букв и слогов имен, глаголов, частиц, изменение имен по склонениям, а глаголов — по спряжениям. Соединение же слов — это согласование имен между собою и с глаголами, непосредственно или посредством частиц, направленное к составлению полной фразы. Подобным образом в состав мыслей входят представления, возникающие из ощущений, производимых различными впечатлениями. Образование мыслей — это составление из представлений понятий, суждений и выводов или умозаключений, а соединение мыслей — это согласование между собою понятий, выраженных в отдельных суждениях или умозаключениях, имеющее целью составление полной мысли. Следовательно, в учении о составе и образовании мыслей мы будем говорить о составе и образовании представлений, понятий, суждений и выводов или умозаключений, а в учении об образе соединения мыслей представим образ соединения наших понятий и приведения их к единству целой мысли об известном предмете.

Часть первая. Состав и образование мыслей

§4.

Мыслит в нас душа, посредством особой способности, которая называется *мыслительностью* или *мыслом*, разумом или разумением.

Изъяснение. *Душа* — это самостоятельная сила, живущая в нашем теле, которая, по причине своей духовности, не может быть нами видима, тем более что и из материальных вещей те, которые тоньше и ближе к духовной природе, не видимы простому зрению, как например, свет в чистом виде, воздух и т. п. Она в самой себе имеет возможность действовать и производить то или другое. Эта возможность вообще называется *способностью*, а в частности, как возможность производить мысли, — *способностью мыслить* или *мыслительностью*,

смыслом, а как возможность выражать свои мысли в поступках и делах — способностью действовать или *деятельностью*. Но мы мыслим не для того, чтобы только мыслить, а для того, чтобы то, о чем мы мыслим, обдумать, понять. Цель мыслительности состоит в понимании истины, поэтому способность мыслить иначе называется *разумением* или *разумом*. Подобным образом нашим действиям предшествуют желания, намерения, предположения, на основании которых принадлежащая душе способность действовать называется также способностью хотеть или просто *хотением, волей*. Первая из этих двух главных способностей души рассматривается в логике, а исследование второй составляет предмет особой науки — этики или нравственной философии.

§5.

Деятельность мыслящей души называется *мышлением*. Произведения мышления — это *мысли*.

Изъяснение. *Мышление* — это умственный переход души от предмета к предмету. Из этого понятия следует, что нельзя мыслить вдруг обо всем. Если нам и представляются многие предметы, то они предстают нашей душе непременно один за другим. Иногда это происходит очень быстро, как бы мгновенно. Тогда нам кажется, будто мы видим многие предметы вдруг, в одном моменте времени, между тем как мы видим их в разных последовательных моментах, только не замечаем этого. Мы не замечаем эти моменты потому, что они, по причине своей быстроты, сливаются в одну точку, подобно как радиусы круга, при быстром его вращении, сливаясь в одну дугу, становятся для нас незамечными.

Мышление, преемственно останавливаясь в своем последовании то на том, то на другом предмете, производит в душе образы, более или менее соответствующие мыслимым предметам. Эти *мысленные образы вещей*, как произведения мышления, называются *мыслями*.

Иногда название «мысль» дается нами той способности души, которая мыслит и образует мысли. Так, например, мы говорим: «Мысль философствует, мысль понимает, мысль судит», понимая под мыслью «рассудок, ум». Но эти выражения имеют переносный смысл, в них мы производящую причину называем тем именем, которое, собственно, принадлежит ее произведению.

§6.

Нельзя мыслить ни о чем. Мышление невозможно без предмета.

Изъяснение. Мы часто мыслим о том, чего нет, и что, быть может, никогда не будет существовать. Это несуществующее и несбыточное, по отношению к действительным вещам, конечно, есть *ничто*, потому что в их числе его нет, но, по отношению к нашим мыслям, оно есть *нечто*, потому что составляет их предмет и есть нечто из того, о чем мы мыслим, и что, следовательно, действительно существует в нашей мысли. Правда, мы часто как будто ни о чем не думаем, и когда другие спрашивают нас, о чем мы думали, то в ответ ничего не можем сказать. Но это значит, что мы не сознали предмета мышления ясно, он становится для нас приметным только при свете сознания, а без того он для нашей мысли не существует, подобно как для зрения несуществуют тела, когда их не озаряют лучи света.

§7.

Предметом мышления может быть и то, что находится *вне нас* — в окружающей природе, и то, что происходит *в нас самих* — в нашей мыслящей душе.

Изъяснение. *Вне нас* существует мир со своими телами, их свойствами, состояниями и различными изменениями, а *в нас* обитает душа со своими силами, их действиями, стремлениями и произведениями. Все, происходящее в мире и душе, называется вообще *явлением*, с тем только ограничением, что явления мира, в основе которых лежит материя, состоящая из частей, находящихся одна возле другой и одна вне другой, называются *материальными* или *физическими*. Явления же души, основу которых составляет духовное начало, не имеющее частей и не подлежащее измерениям пространства, называются *духовными* или *психическими*. Таким образом, все, о чем бы мы не думали, есть внешнее или внутреннее, материальное или духовное, физическое или психическое.

§8.

Всякий предмет становится мыслимым только тогда, когда входит в сообщение с мыслящей душой.

Изъяснение. Предмет *сообщается* с душой тогда, когда он каким-либо образом на нее действует, извещая ее о своем существовании. Этим своим действием предмет обращает на себя наше мышление, заставляет нас о нем подумать, и таким образом становится для нас

мыслимым предметом. Оттого, *во-первых*, мы мыслим только о том, что произвело на нас какое-нибудь действие, а мыслить о предметах, которые не привели себя ни в какое отношение к нашему мышлению, невозможно. *Во-вторых*, мы думаем об известном предмете до тех пор, пока действия, произведенного этим предметом, не пересилит другой предмет. Если же те предметы, которые прежде вошли в общение с нашей душой, занимают ее сильнее, чем предметы, за ними последовавшие, то в таком случае наши прежние мысли не заменяются новыми. Отсюда очень часто происходит то, что мы смотрим на одно, а мыслим совершенно о другом. *В-третьих*, в какой мере действует предмет на душу, в такой мере душа проявляет, по отношению к нему, свою мыслительную деятельность: что оказывает на душу слабое и кратковременное действие, то порождает в ней темные и скоропроходящие мысли, а что действует сильно и постоянно, то привязывает к себе нашу душу и производит в ней так называемые *господствующие мысли* (*ideae fixae*).

§9.

С предметами, находящимися вне нас, душа общается с помощью так называемых *внешних чувств*. Таких чувств у нас пять: *зрение, слух, осязание, вкус и обоняние*.

Изъяснение. Внешнее чувство — это способность души узнавать о внешних предметах посредством телесных органов, на которые эти предметы оказывают свое действие. Деятельность этой способности, состоящая в принятии душой действий предметов, называется наблюдением или наглядностью. Те части тела, посредством которых она производится, называются органами чувств. Каждое из чувств имеет свой особенный орган и свою отдельную сферу предметов, им наблюдаемых. Так, органом зрения служит глаз, который подобен шаровидному яблоку, вмещающему в известных оболочках прозрачные жидкости, в которых преломляются падающие на глаз лучи света, и, сосредоточиваясь на так называемой *сетчатой оболочке* или *нервной сеточке* (*retina*), рисуют на ней образ видимого нами предмета. Из предметов, подлежащих зрению, одни усматриваются исключительно одним зрением, а другие наблюдаются этим чувством вместе с другими чувствами. К первым относятся *цвет и блеск*, ко вторым — *протяжение, фигура, движение, расстояние и направление*. Эти последние свойства тел подлежат также осязанию и отчасти слуху. *Слух* имеет своим органом *ухо*, наружность которого составляет раковинобразный хрящ, а внутренность состоит из упругих перепонки и полостей, за которыми распространяется слуховой нерв в виде тонких ветвей. Движение внешнего воздуха приводит в сотрясение воздух, на-

полняющий собою так называемую барабанную полость уха. Это сотрясение, внутренними каналами уха, наполненными водянистыми парами, достигает слухового нерва и в нем отражается звуком. Все наблюдаемое этим чувством обозначается общим названием *звука*, который имеет множество степеней и видов. Главнейшие из них: *шум*, или неопределенный звук, *звон* — определенный звук, но однообразный и громкий, например, звон колокола, и *тон*, также определенный, но разнообразный, состоящий из звуков высоких и низких, сильных и слабых, громких и тихих, например, тон скрипки. Органом *осязания* вообще служит вся поверхность тела, в особенности *ладони* и *пальцы*, где сходится много нервов. Непосредственное давление внешних тел на эти части нашего организма производит впечатление в находящихся в них нервах, за которым следует ощущение в душе свойств этих тел. Главнейшие из свойств тел, наблюдаемых осязанием: *теплота* и *холод*, *твердость* и *мягкость*, *шероховатость* и *гладкость*, *влажность* и *сухость*, *движение* и *покой*. *Вкус* имеет своим органом *слизистые оболочки языка* и *нёба*, в которых вкушаемые нами тела, разрешаясь химически посредством слюны, образуют из себя влагу, действующую на нервы языка и возбуждающую в душе ощущение *кислоты*, *сладоности*, *горечи*, *солености*, *пряности*, *пресности*, *приторности*, *едкости* или того, что вообще называется *вкусом*. Внешнюю сторону органа *обоняния* составляют ноздревые кости и покрывающая ноздри слизистая оболочка, а внутреннюю — пара обонятельных нервов, разделяющихся на многие отрасли. Летучие частицы тел, входя с атмосферным воздухом в ноздри и касаясь слизистой оболочки, действуют, таким образом, на носовые нервы, производя в душе ощущение *запахов*, которые разделяются на приятные или *благовонные*, неприятные или *зловонные*. Они называются названиями тех тел, от которых они происходят, например, запах розы, гвоздики, жасмина и т. д.

§10.

Для сообщения с предметами, которые мы находим в самих себе, у нас есть так называемое *внутреннее чувство* или *самочувствие*, иначе — *самосознание*.

Изъяснение. Под названием *внутреннего чувства* понимается способность души узнавать о том, что происходит внутри нас или о нас самих. Оттого это чувство называется также *самочувствием* и *самосознанием*. Так как предметы, подлежащие его наблюдению, находятся в самой душе и есть ни что иное, как ее мысли, чувствования, желания, действия и различные состояния, то душа может сообщаться с ними без всякого посредства. Поэтому внутреннее чувство не имеет,

подобно внешним чувствам, никаких органов или посредствующих орудий, и не существует в различных видах, как внешние чувства, в которых одна и та же способность души, по различию употребляемых ею органов, является то зрением, то слухом, то осязанием, то обонянием, то вкусом.

§11.

Предметы, действуя на чувства, производят в них *впечатления*. Из впечатлений рождаются *ощущения*.

Изъяснение. *Впечатлением* называется отражение действия какого-либо предмета в органе известного чувства, а принятие впечатления душой — *ощущением*. Ощущение может следовать не иначе, как за впечатлением, но не всегда впечатление переходит в ощущение. Весьма часто предмет действует на чувство, но оно не принимает его действия, и, следовательно, в таком случае есть впечатление, но нет ощущения. Это бывает, *во-первых*, тогда, когда душа сильно занята каким-либо ощущением, которое как бы не дает места другому ощущению. Например, мы всмотримся или вслушаемся во что-нибудь так, что не видим предметов, находящимися перед нашими глазами, не слышим шума и крика, достигающих наших ушей. *Во-вторых*, тогда, когда притуплены и расстроены органы чувств. В этом случае мы говорим, что какое-то чувство нами потеряно, то есть потеряно не само чувство, которое, как неотъемлемая способность души, никогда не может потеряться, а потеряно то употребление чувства, какое нужно для принятия им впечатлений и произведения соответствующих этим впечатлениям ощущений.

§12.

Ощущение еще не *мысль*. Оно только *материал* для мысли.

Изъяснение. Ощущения следуют непосредственно за чувственными впечатлениями, а мысли — это уже дальнейшие следствия, возникающие из самих ощущений. Оттого-то ощущают впечатления и животные, а мыслят только люди. Но когда есть ощущение, то есть и материал для мышления, из которого могут образоваться различные мысли. Потому-то чем больше получено нами ощущений от известного предмета, тем больше наполняется душа мыслями об этом предмете, а скудность ощущений производит пустоту мыслей. Потому вновь получаемые ощущения рождают и новые мысли, а при недостатке новых ощущений мы только занимаемся готовыми мыслями, как это бывает с нами во сне.

§13.

Чтобы родить из себя мысль, ощущение, душой должно быть, во-первых, задержано *внимание*, во-вторых, — принято в *сознание*.

Изъяснение. Внимание — это ни что иное, как устремление мыслящей души к возникшему в ней ощущению. При совершенном отсутствии внимания ощущения приходят и проходят бесследно. При ослаблении внимания, хотя и остаются следы ощущений, но ненадолго, как это бывает в состоянии *рассеянности*.

Но и внимание пропадает также бесследно, если ощущение, им задержанное, в свою очередь не задержит на себе мыслящей души, не займет ее собою, не проникнет в нее и не присвоится ей, хотя бы на мгновение. Это *занятие души задержанным ощущением*, сопровождающееся обращением ощущения в мысль, и есть то, что известно под названием *сознания*. Оттого-то без сознания ощущения остаются только ощущениями, не обращаясь в мысли, как, например, у бессознательных животных.

§14.

Ощущения, входя в сознание, как будто ставят перед душой предметы, посредством их ощущаемые. Отсюда получают начало так называемые *представления*.

Изъяснение. Предметы, являющиеся в нашем сознании, это не вещи, действующие на наши чувства, ведь вещи могут достигать только органов наших чувств, ни впечатления, производимые ими в чувствах, так как впечатления не простираются дальше органов чувств. Они даже не ощущения произведенных впечатлений, так как ощущения не мысли (см. §12), а сознанию нужна мысль (см. §13.*Изъяснение*). Эти создаваемые нами предметы — ни что иное, как составившиеся в нашем мышлении образы вещей, возбуждившие в душе известные ощущения, то есть сами наши мысли (см. §5.*Изъяснение*). Сознание этих мысленных образов, или сознание мыслей, в которых душа видит ощущаемые ею предметы, и есть *представление*. Оттого представление может быть в душе и тогда, когда представляемый предмет не действует на чувства, следовательно, не производит ни впечатления, ни ощущения: для представления известного предмета достаточно и того, если в нашем сознании есть образ этого предмета.

§15.

Ощущения *даются* душе. Представления *производятся* самой душой из *данных ощущений*.

Изъяснение. Ощущать — значит принимать впечатление от действия предмета (см. §11. *Изъяснение*), которое, очевидно, приходит к нам извне, а представлять — значит сознавать образ предмета (см. §14. *Изъяснение*), который по тому уже, что представляет предмет, не есть этот представляемый предмет, как портрет или копия не есть подлинник или оригинал. Но извне *даются* нам только *предметы*, следовательно, *образы* предметов и их *представлений творятся* нами самими. В этом, собственно, и выражается первое проявление нашей мыслительной деятельности, так что представления составляют тот предел, до которого доходит бессознательная деятельность, общая человеку с животными, и с которого начинается деятельность сознательно-мыслительная, собственно человеческая.

§16.

Не всегда, однако, представления производятся *прямо и непосредственно из данных ощущений*. Душа может представлять себе предмет и тогда, когда он не ощущается. Это происходит посредством *воображения и памяти*.

Изъяснение. Для ощущений нужно, чтобы предмет действовал на чувства (см. § 11). Но мы нередко представляем то, что удалено от нас пространством и временем, и что, следовательно, не действует на чувства, потому не производит в нас никаких ощущений. Отсюда само собою следует, что наша душа *может составлять представления и без ощущений*. Эти ее представления могут относиться или к тому, что существует, но отсутствует, или к тому, чего нет, хотя и было. Способность представлять отсутствующее, как присущее нам, есть *воображение*, а способность представлять прошедшее, как настоящее, называется *памятью*.

§17.

Произведения воображения называются образами, а произведения памяти — *воспоминаниями*. Принятие образов и воспоминаний в наше сознание называется *воспроизведением представлений*.

Изъяснение. Причина, по которой произведениям воображения по преимуществу дается название *образов*, а произведениям памяти называются *воспоминаниями*, заключается в следующем: воображение, как способность, действующая без ощущений, имеет дело не с предметом,

который доходит до души не иначе, как через ощущение, а с образом предмета, который производится мыслительной деятельностью души и который часто составляется произвольно, так что, не имея в действительности соответствующего себе предмета, остается только *чистым* мысленным образом. Напротив того, память действует не произвольно, а по согласованию с прежними образами, возобновляя их или припоминая, поэтому ее произведения ни что иное, как *воспоминания*. Но и воображение, подобно памяти, не может представить того, что прежде в каком-нибудь виде не было нами сознаваемо. Таким образом, обе эти способности повторяют в нашем сознании прежде образованные нами представления. Это повторение прежних действий души называется не просто произведением представлений, а их *произведением*.

§18.

Произведением представлений, рождающихся из простого сознания ощущений, и их воспроизведением, происходящим независимо от ощущений, мышление только начинается. Оно продолжается *образованием представлений из представлений*. Это образование представлений и есть *мышление* в собственном смысле, которое может *развиваться* бесконечно, в бесчисленном множестве друг из друга производимых, друг друга рождающих представлений.

Изъяснение. Как слова, в отдельности взятые, только составные начала речи, а не сама речь, которая требует приличного сочетания слов между собою, так и представления, отдельно сознаваемые нами, только *начатки мышления*, а не само мышление. Мышление состоит в должном соединении представлений и связанном последовании их одного из другого, что известно вообще под названием *развития мышления*. У кого представления толпятся одно за другим без связи, последовательности и порядка, того называют не мыслящим, а *бессмысленным*, подобно как о том, кто произносит слово за словом без всякой связи, надо сказать, что он не говорит, а *лепечет* как дитя.

§19.

Образование представлений из представлений, или развитие мышления в собственном смысле, совершается, во-первых, при употреблении особых *приемов* со стороны *мыслительной деятельности*. Во-вторых, на основании постоянных и неизменных правил, называемых *основными законами мышления*. В-третьих, с постоянной последовательностью *разнообразных видоизменений* самих *мыслей*.

Изъяснение. Приемами мыслительной деятельности называются те различные действия, в которых она обнаруживает себя, когда образует представления из представлений, и которые, вкладывая представления в известные формы, постепенно возводят наше мышление на высшую степень развития. Под названием *основных законов мышления* понимаются такие начала, которые показывают, как можно и как следует развивать мышление, в соответствии с природой нашей мыслящей души, и которые составляют основу всех логических правил, определяющих возможные случаи мышления. *Видоизменения* же мыслей несут те преобразования наших представлений, которые происходят в них на различных степенях развития нашего мышления.

Отделение первое. Приемы мыслительной деятельности

§20.

Когда представление входит в сознание, тогда его предмет предстает душе, как нечто отличное, во-первых, от самой души, а, во-вторых, от прочих предметов. Это называется *различением*.

Изъяснение. Собственно, с *различения* и начинается мышление, так как нельзя мыслить, не сознавая того, о чем мы мыслим, а сознание является в человеке тогда, когда он начинает отличать себя от того, что отлично от него. Следовательно, различение, как действие, делающее нашу мыслительную деятельность *сознательной* и оставляющее ей возможность дальнейшего образования представлений, и есть *первый ее прием*.

§21.

Предмет различается посредством *примет*, открываемых в нем через *вникание*. Вникание — это ни что иное, как сознательное внимание к представляемому предмету.

Изъяснение. *Приметой* или *признаком* называется все, что может быть *замечено* в предмете, и благодаря чему предмет может быть *узнан* (примечен) в кругу других предметов и отличен от них. Следовательно, примету составляет вообще всякая принадлежность предмета — его свойство, действие, состояние и т. п. Но предмет с первого раза представляется нам, как неопределенное *одно*, уже потом мы постепенно открываем в нем различное *многое*. Постепенное открытие многого в одном происходит по мере задержания нашего мышления на различных точках и сторонах представляемого предмета. Это задержание мышления, или внимание к предмету (см. §13), передает нашему сознанию и как бы отпечатлевает в нем то, на чем наша мысль

останавливается. Как высшая степень внимания, сопровождающаяся углублением в предмет и поиском в нем примет, это действие, в отличие от внимания, называется *вниканием*, а по следствиям, которые с ним неразлучны и которые состоят в впечатлении и как бы отражении этих примет в нашем сознании, оно известно также под названием *рефлекса* (reflexus — отражение).

§22.

Открываемые вниканием приметы, входя в сознание, сами становятся *предметами особых представлений* и, таким образом, как бы отрываются от предмета, в котором они открыты. Это называется *отвлечением*.

Изъяснение. Отвлечение — это ни что иное, как мысленное отделение примет, соединенных в известном предмете, и их представление, как отдельных самостоятельных предметов. Так, например, «представление разума», «представление свободы», «представление дара слова» имеют каждое порознь свой отдельный предмет и образуют в нашем сознании особые представления. Но, как предметы, ими представляемые, так и сами эти представления, образовались не иначе, как через отделение примет, объединенных в одном предмете, а именно — в человеке, как существе разумном, свободном и словесном.

§23.

Ни различием, ни вниканием *ничего* еще *не образуется* из представления. Это только *приготовительные приемы*.

Изъяснение. Различение и вникание имеют дело с готовыми представлениями, образовавшимися или из ощущений, или силой воображения и памяти (см. §§15, 16), и занимаются только их анализом, а не образованием. Посредством этого анализа, представления не только различаются между собою, но и открывают заключающиеся в них приметы, которые, при посредстве особого действия мышления, могут составить предмет для нового образования представлений. Поэтому различение и вникание, как действия, подготавливающие материал для последующего за ними действия мышления, называются *приготовительными приемами*.

§24.

Образовательная сила, собственно, принадлежит *отвлечению*, которым вводятся в сознание *новые представления*.

Изъяснение. Это ясно из самого понятия об *отвлечении*, которое, как бы отрывая от предмета приметы, с ним *сросшиеся* (concreta), и

делая их отдельными предметами, *образует* из представлений, разобранных предыдущими приемами — различением и вниканием — представления *новые*, имеющие своими предметами отдельные приметы вещей (см. §22).

§25.

Отвлеченные представления, через *повторение* над ними различения и вникания, могут давать *материал новому отвлечению* и, таким образом, могут родить из себя *опять новые* представления.

Изъяснение. Если отвлеченное представление человеческого разума, составленное нами через отделение от представления человека одной из его примет, отличим в сознании посредством различения от представления Божественного ума и откроем в нем, через вникание и свойственные человеческому разуму приметы (ограниченность, способность мыслить, понимать, судить и т.д.), тогда, обратив каждую из этих примет посредством отвлечения в предмет особого представления, получим множество новых представлений: представление ограниченности человеческого разума, представление способности мыслить, понимать, судить и т. п.

§26.

В трех обозначенных приемах мышление является *разложением*, производящим *множество* из *единства*. Так развивается мыслительная деятельность тогда, когда не выходит из пределов одного, первоначально сознанного представления.

Изъяснение. Посредством различения, из множества представившихся нам предметов мы выбираем какой-либо *один*. Через вникание в этом одном предмете открываем *множество* примет, а через отвлечение каждую примету делаем предметом особого представления. Таким образом, из многих примет составляем *много* представлений, в основе которых лежит *одно*, первоначально сознанное нами, представление. Следовательно, весь этот ход мышления состоит в *разложении единого на многое*.

§27.

Но и *множество*, в свою очередь, может быть приведено к *единству* посредством *сложения*, которое составляет *второй способ* мыслительной деятельности, противоположный разложению.

Изъяснение. Многие представления, образовавшиеся из отдельно взятых примет одного какого-либо представления, например, пред-

ставление разума, представление свободы и представление чувства, составившиеся из примет, свойственных представлению человека, могут быть соединены в одно общее представление разумно-свободно-чувственного существа. Действие, которым производится это соединение многих представлений в одно, вообще называется сложением, которому всегда предшествует разложение, доставляющее материал для этих сложных представлений и которое поэтому составляет второй способ развития мыслительной деятельности в своих приемах, противоположный предшествующему ему способу разложения.

§28.

Сложение начинается *сносением* представлений, то есть *совокупным принятием в сознание* представляемых ими предметов.

Изъяснение. Цель *сносения* представлений состоит в том, чтобы, поставив их в нашем сознании друг возле друга, можно было видеть, какие из них и как могут быть соединены в одно общее представление. Поэтому сносение, как действие, предшествующее действительному совокуплению представлений и составляющее первоначальное условие этого совокупления, — это *первый прием* сложения.

§29.

За сносением следует *сличение*. Сличение — это обращение внимания на *сходство* и *несходство* примет, открываемых в сносимых предметах.

Изъяснение. Соединяются только те представления, которые имеют *сходные* приметы, то есть такие, которые могут *сойтись* вместе и составить одно представление. Для того чтобы узнать эти приметы, недостаточно снести представления и поставить их, так сказать, лицом к лицу, надо еще мысленно наложить их друг на друга, как накладывают масштаб на измеряемый предмет. Это взаимное примеривание представлений и их предметов известно в логике под названием *сличения* или *сравнения* представлений. Его прямая цель — открыть в предметах сходные приметы, но, так как в то же время попадают и несходные приметы вещей, то посредством одного и того же сличения узнается как сходство, так и несходство сравниваемых предметов.

§30.

Сложение заканчивается *совокуплением* представлений, оказавшихся сходными, в *одно* представление.

Изъяснение. Сходное может разделяться только в пространстве, которое нашему духу несвойственно, и потому сходные представления, из какого бы множества отдельных предметов они ни были извлечены, не остаются в нашем мышлении друг вне друга, но как скоро они признаны посредством сличения действительно сходными, то тотчас *совокупляются* в *одно* представление.

§31.

Как снесение, так и сличение — *приемы* только *приготовительные*. *Образовательная* сила принадлежит *совокуплению*, обогащающему сознание *новыми* представлениями.

Изъяснение. Снесение сближает представления, а сличение открывает в них сходные приметы. Само же образование представлений, соединяющих в себе эти сходные приметы, происходит вследствие *совокупления*, которое дает *новые* представления. Они отличаются от представлений, образованных посредством отвлечения, тем, что те имеют своим предметом одну какую-нибудь отдельную примету вещи, а эти соединяют в себе совокупность многих, принадлежащих ей, примет, и потому первые называются *частными* представлениями, а вторые — *общими*.

§32.

Над полученными через совокупление представлениями могут снова повторяться и *снесение*, и *сличение*, а следом за ними и новое *совокупление*, производящее *опять новые* представления.

Изъяснение. Общее представление животного может быть снесено с общим представлением растения и, через их сличение, в них могут быть открыты сходные приметы, например, организм, жизнь. Эти приметы, совокупляясь между собою, производят новое представление органического существа — высшее и более общее, чем представление животного и растения. Над этим вновь составленным представлением опять можно повторить те же действия и получить новые, еще высшие представления, так что всю мыслительную деятельность души следует признать ни чем иным, как разложением и сложением представлений.

§33.

Сложение и разложение *противоположны* только *по-видимому*. На деле, они не только не разрушают друг друга, но взаимно помогают друг другу: *приемы*, посредством которых они совершаются, неразрывно *связаны* между собою. *Снесение* невозможно без *различения*, а *различение* невозможно без *снесения*. *Сличение* — это ни что иное, как *вникание*, а *совокупление* неразлучно с *отвлечением*. Мыслительная деятельность — это непрерывная последовательность *разложения* и *сложения* представлений.

Изъяснение. *Сносить* представления — значит сближать их между собою (см. §28), а сближая их, мы, в то же время, *различаем*, так как представляем их как нечто, друг от друга отличное. Подобным образом *различая* представления, мы *сносим* их, так как сознаем их одно вместе с другим. *Сличать* — значит обращать внимание на сходство и несходство примет, открываемых в сносимых предметах (см. §29), а это и есть то же *вникание* (см. §21). *Совокупляются* сходные приметы вещей, а они получают не иначе, как через *отвлечение*. Таким образом, наша мысль, постоянно переходя от снесения к различению, от сличения к вниканию, а от совокупления к отвлечению и наоборот, занимается только постоянным повторением приемов *сложения* и *разложения*.

§34.

Движение мыслительной деятельности по большей части так быстро, что мы не сознаем раздельно постепенного следования всех используемых ею приемов. Но эти приемы, тем не менее, совершаются на деле. Мыслительная деятельность не терпит *скачков*, как признаков болезненного состояния души, которое называется *нездравомыслием*, *сумасбродством*.

Изъяснение. *Скачки* — это ни что иное, как разрывы нашей мыслительной деятельности, происходящие от того, что мы или отвлекаем приметы, не вникнув надлежащим образом в представляемый предмет, или совокупляем представления, не успев сличить их, то есть пропускаем какой-либо из обыкновенных приемов нашей мыслительной деятельности. Следствием этих пропусков бывают неверные и несогласные со *здравым смыслом* заключения о вещах. В этом случае наше мышление уклоняется от пути, указанного ему самой природой, и *бродит*, подобно потерявшему дорогу.

Отделение второе. Основные законы мышления

§35.

Всякий предмет что-нибудь имеет и чего-нибудь лишен. Представление того, что есть в предмете, называется *утверждением*, а представление того, чего в нем нет, есть *отрицание*.

Изъяснение. Например, дерево имеет способность расти, но лишено способности произвольно двигаться. Оттого, когда мы представляем дерево, то первую из этих способностей приписываем ему, или *утверждаем*, как действительную его принадлежность, а вторую отвергаем от него, или *отрицаем*, как нечто, ему не принадлежащее.

§36.

Утверждение и отрицание — *противоположности*. Совмещение противоположностей в *одном действии* мышления — это *противоречие*.

Изъяснение. Утверждая, мы что-нибудь даем предмету, а отрицая — что-нибудь отнимаем у него, но давать и отнимать — значит производить два действия, одно другому *противоположные*. Эти действия могут, однако, происходить так, что, несмотря на свою противоположность, они не уничтожат друг друга, потому что можно давать предмету одно, например, дереву растительность, а отнимать другое, например, у дерева произвольное движение. Но если мы то же самое, что дали вещи, тотчас отнимаем у нее, то такое совмещение противоположных представлений в одном и том же действии нашего мышления показывает, что мы говорим против самих себя, или, что то же, *противоречим*.

§37.

Противоречие бывает *явное*, состоящее в совмещении утверждения и отрицания, и *скрытое*, состоящее в совмещении противоположных утверждений. Противоречие первого рода называется *отрицательным* или *чисто логическим*, противоречие второго рода — *положительным* или *опытным*.

Изъяснение. Когда кто-то говорит об известной вещи, что она и хороша, и нехороша, то он явно противоречит самому себе. Такого рода противоречие, состоящее в прямом отрицании утверждения, тотчас представляется не согласным с природой нашего мышления, поэтому

и называется *чисто логическим*. Наоборот, если кто-то, назвав известного человека богатым, тут же называет его бедным, то, основываясь на логическом свойстве этих представлений, нельзя еще сказать, что они прямо противоречат друг другу. Ведь одним из них логически не отрицается то, что утверждено другим, а только полагается нечто такое, что не может быть совмещено в одном и том же представлении. Но об этой несовместимости можно узнать не иначе, как из опыта или наблюдения над людьми, показывающего, что таких свойств никогда не бывает в одном и том же лице. Поэтому противоречие, происходящее от совмещения подобных противоположностей, называется *положительным* или *опытным*.

§38.

Как и отрицательное, так и положительное противоречие *уничтожают* предмет мышления и делают *невозможным* образование мыслей.

Изъяснение. Кто отрицает то самое, что тотчас утверждено им об известном предмете, рассматриваемом в одном и том же отношении, тот занимается только тем, что в своем мышлении нечто представляет и это представляемое им тотчас обращает в ничто ($1 - 1 = 0$), а из ничего не может образоваться мысль, так как нельзя мыслить ни о чем (см. §6).

§39.

Как препятствие мышления, противоречие *противно* природе нашей мыслящей души. Она требует не противоречия, а *согласия* в мыслях. Это требование составляет основной закон мышления, известный под названием *закона противоречия* (*principium contradictionis*).

Изъяснение. Наша душа не всегда выполняет это требование: мы часто противоречим самим себе. Но всякое противоречие препятствует должному развитию нашего мышления: оно разрушает мысль. И потому, если наше мышление по природе направлено к тому, чтобы образовывать, а не разрушать мысли, то избегать противоречий— это природное требование нашей мыслящей души, составляющее ее *основной закон*, который, как начало, не допускающее противоречий в мыслях, называется *законом противоречия*.

§40.

Закон противоречия выражается следующим образом: «Нельзя совмещать противоположные мысли в *одном* и *том же* предмете, в *одно* и *то же* время, с *одной* и *той же* стороны».

Изъяснение. Этот закон не нарушается, когда об одном и том же человеке мы говорим, что он вчера был болен, а сегодня здоров, или что он в обществе хорош, а в домашнем быту нет. Здесь берутся разные времена и различные отношения, от которых одно лицо представляется в нашем мышлении как бы двумя различными предметами, а в таких предметах противоположности могут совмещаться без противоречия. Совершенно другое бывает тогда, когда имеется в виду одно и то же время, одно и то же отношение предмета: здесь уже не допускается никакого различия в предмете, поэтому совмещение в нем противоположностей, как явное противоречие, это прямое *нарушение* закона противоречия.

§41.

Но что совмещается в предмете, то составляет его *особность*. Она не позволяет предмету быть одновременно тем и другим, следовательно, заставляет его быть всегда одним и тем же, производит то, что называется *тождеством* предметов.

Изъяснение. Под именем *особности* (особенности) понимается такое свойство предмета, которое происходит от свойственного *только ему* совмещения его принадлежностей и которое делает из него нечто отличное от всего прочего. Все, что бы мы ни представили по отношению к этому предмету, будет уже *другое*. На основании этого свойства, никакой предмет не может быть чем-либо другим, не перестав быть тем, чем он есть: их *тождество* с *особным* существованием предметов неразлучно.

§42.

Уничтожение тождества предметов всегда сопровождается *смешением представлений*, тогда как мышление, по своей природе, требует различения (см. §20). Это требование составляет *второй основной закон* мышления, известный под названием *закона тождества* (principium identitatis).

Изъяснение. Человек, в состоянии умственного расстройства, часто не сознает себя тем, чем он есть на самом деле, но представляет себя чем-либо другим. Эта потеря сознания о своей отдельной личности, равной только самой себе, обыкновенно сопровождается *смешением* представления о себе самом с представлением о другом, не позволяющим отличить себя от другого. Но подобного смешения представлений избегает тот, кто различает один предмет от другого, делая каж-

дый из них чем-то особенным, только с самим собою тождественным, то есть тот, кто исполняет закон *тождества*. Этот закон требует, чтобы каждая вещь была *нечто одно* и притом такое, которому можно быть чем-либо другим не иначе, как с изменением настоящего особого способа существования.

§43.

Выражение закона тождества следующее: «Это есть *то, что есть*, а не *что-либо другое*» или «всякая вещь есть *именно та* вещь, а не та и другая», или «всякая вещь *равна самой себе*, а не другой».

Изъяснение. Как тот, кто одно представление уничтожает другим, не получает в результате ничего, так и тот, кто представляет одно и то же тем и другим, не имеет понятия ни о том, ни о другом. Следовательно, как отступление от закона противоречия делает невозможным образование мыслей, так и несоблюдение закона тождества производит мысли, по своему содержанию, пустые и *ничтожные*.

§44.

Если всякая вещь есть только то, что она есть, и если все прочее, по отношению к ней, есть уже другое, то, кроме того, о чем мы мыслим, и того, что отличается от этого мыслимого, не может быть *ничего более*, что могло бы быть мыслимо.

Изъяснение. Когда я представляю «этот стол», то мое представление заключает *один* известный предмет, а *все прочее* войдет в представление того, что отличается от этого предмета. Но так как кроме предмета, мною представляемого, и других предметов, от него отличных, нельзя представить ничего более, ведь все, что бы я ни представил, будет или этот предмет, или какой-либо другой, то два представления, из которых одно утверждает известный предмет, а другое отрицает то, что не может войти в представление этого предмета, охватывают все, нами мыслимое, и не допускают ничего, что могло бы составить содержание какого-либо *третьего* или *среднего* между ними представления. Отсюда само собою выходит, что, кроме утверждения и отрицания, другого способа для выражения наших мыслей о предметах нет, и потому кто не утверждает и не отрицает, тот своим мышлением не выражает *ничего*.

§45.

Невозможность представления такого предмета, который не был бы ни предмет, нами представляемый, ни что-нибудь отличное от него, приводит нас к *третьему основному закону* мышления, который

известен под названием *закона исключения третьего* или *среднего* (*principium exclusi tertii s. medii*). Он выражается так: «Это есть *то или другое*, но нельзя быть ему *ни тем, ни другим*, равно как нельзя быть одновременно *и тем, и другим*».

Изъяснение. Мы высказываем свои мысли об известном предмете только тогда, когда что-нибудь утверждаем о нем или отрицаем, то есть когда признаем его тем или другим. Не утверждая и не отрицая, не признавая вещи ни той, ни другой, мы ничего о ней не рассказываем, а утверждая и отрицая, признавая одно и то же тем и другим, мы сообщаем нечто, но только для того, чтобы это сказанное нами тотчас уничтожить. Таким образом, несоблюдение закона исключения *третьего* приводит нас к тому же, к чему мы приходим, нарушая закон противоречия и закон тождества, то есть или мы не получаем в результате *никаких* мыслей, или мысли выходят беспредметные, *пустые*.

§46.

Но что-либо есть то или другое, и не может быть ни тем, ни другим, ни тем и другим одновременно *почему-либо*. Это приводит нас к тому заключению, что утверждение и отрицание имеют свое *основание*.

Изъяснение. *Основанием* называется то, из чего мы узнаем, что наше представление состоит из примет, не противоречащих друг другу и представляющих предмет именно тем, чем он есть. Иначе: основание — это такое начало, которым определяется наше мышление по отношению к известному предмету, становясь или решительно утвердительным, или решительно отрицательным. Например, птиц мы представляем летающими потому, что из наблюдения над ним и узнали, что они летают. Это наблюдение и есть *основание* нашего представления о птицах, как о летающих животных. Оно дало этому представлению тон решительного присвоения птицам способности летать. Оно также удостоверяет нас в том, что представление птицы и представление летания не противоречат друг другу, но показывают то, что действительно есть в предмете.

Из этого понятия об основании видно, что основание, как начало, определяющее свойство наших мыслей, не есть то же самое, что *причина*, от которой зависит существование вещей. Конечно, иногда за основание мы берем и саму причину, когда известное явление представляем в нашем сознании таким или другим потому, что оно произошло от той или другой причины. Но это бывает не всегда: часто мы принимаем за основание известного представления то, что не имеет никакого причинного отношения к представляемому предмету или относится к нему не как причина, а как действие. Так, в представлен-

ном примере основанием, по которому я признаю птиц летающими, служит мое наблюдение над птицами, которое не относится к полету, как причина к действию, так как птицы летают не потому, что я вижу их летающими. В следующем примере «солнце светит, потому что предметы им озарены», за основание представления о солнечном свете принято озарение предметов, то есть действие, относящееся к свету солнца, как к своей причине.

§47.

Без основания наше мышление не может образовать из себя определенных мыслей. Следовательно, потребность основания вытекает из природы мыслящей души, стремящейся к образованию точных и верных мыслей о предметах, и составляет *четвертый основной закон мышления*, или закон *достаточного основания* (*principium rationis sufficientis*), выражающийся в следующих формулах: «утверждение и отрицание должны иметь свое *основание*» или «ничего не заключай без *достаточного основания*».

Изъяснение. Закон достаточного основания заставляет наше мышление остановиться на чем-либо одном — на утверждении или отрицании, не разрешая ему переходить от одной крайности к другой. Следовательно, соблюдение этого закона имеет необходимым следствием соблюдение других законов. Ведь если кто-то утверждает свое представление на таком основании, из которого видит, что он представляет вещь тем, чем она есть, тот не станет одного и того же утверждать и отрицать (закон противоречия), не станет одной и той же вещи представлять той и другой (закон тождества), не станет уклоняться как от утверждения, так и от отрицания (закон исключения третьего). Но для твердой опоры мысли, не допускающей в мышлении никакого колебания, необходимо достаточное основание, потому-то этот закон и назван законом достаточного основания. Впрочем, могут быть различные степени этой достаточности, которые производят и различные степени убеждений. Например, есть убеждение, уничтожающее всякое сомнение в том, чтобы наше известное представление могло когда-либо измениться; есть убеждение, которое не исключает совершенно этого сомнения, а есть убеждение, которое почти подавляется сомнением. Отсюда происходят следующие свойства наших представлений: *очевидность, достоверность и вероятность.*

Отделение третье. Разнообразные видоизменения мыслей

а) Понятия

§48.

Все, что мы ни представляем, непременно чем-нибудь обозначаем в нашем сознании. То, что обозначает собою предмет, нами представляемый, называется *признаком* или *приметой* (см. §21).

Изъяснение. Представляя какой бы то ни было предмет, мы всегда мысленно даем ему какое-либо название. Это название предмета, как знак, ему свойственный, делает его *приметным* для нас в кругу других предметов, и, следовательно, есть то, благодаря чему мы замечаем его и узнаем, и для чего нет таких приличных названий, как *признак* или *примета*.

§49.

Что ничем не означилось в нашем сознании или знак чего для нас потерян, того мы не в состоянии представить. Представление невозможно без *приметы*.

Изъяснение. Всякий раз, как только мы хотим вновь представить или вспомнить какой-либо предмет, то, прежде всего, представляем или припоминаем его приметы. В нас до тех пор нет представления о предмете, пока не осознана нами какая-либо из его примет. Значит, представление предмета образуется в нас не иначе, как вследствие представления его примет, а без них образование представлений *невозможно*. Например, представление «известного города» образуется в нас уже тогда, когда мы представили себе или его местоположение, или расположение и устройство его улиц, или какую-нибудь его отличительную примету.

§50.

По различию представляемых предметов, и приметы бывают *различны*. Все представляемое есть или *вещь*, или то, что *свойственно* вещи. И потому есть *приметы вещей* и есть *приметы их свойств*.

Изъяснение. *Вещью* в обширном смысле мы называем то, что существует отдельно и само по себе, а *свойством* — то, что существует в другом и составляет его принадлежность. Например, всякое тело есть вещь, а фигура, цвет и прочие принадлежности тел — их свойства. Кроме вещей и их свойств, больше нет ничего, значит, наши представления могут относиться только или к вещам, или к их свойствам, а по-

тому приметы, входящие в состав представлений, могут служить знаками только или вещей, или их свойств. Подобное разделение мысленных знаков послужило основанием к разделению словесных знаков на имена существительные и на слова, означающие различные принадлежности вещей, известные под названием качеств, состояний, действий, страданий и различных отношений.

§51.

Вещи, понимаемые как существа вообще, относятся или к физическому миру и суть *тела*, или к духовному миру и суть *духи*, а их свойства известны под названием *постоянных* или *изменяющихся* принадлежностей, притом относящихся к их *внутренней* или *внешней* стороне. На этом основании приметы отдельных или неделимых существ делятся на *приметы тел* и *приметы духов*, а приметы их принадлежностей бывают *существенные* или *случайные*, *внутренние* или *внешние*.

Изъяснение. Под названием *примет тел* и *духов* понимаются те мысленные знаки, которыми мы вообще отличаем представление одного предмета от представлений других предметов, и из которых составляются общие названия вещей, например, существо материальное, существо чувственное, тело, душа, дух и т. п. *Существенными* называются те приметы, которые означают такие принадлежности вещи, без которых она не может быть тем, чем есть. Следовательно, они составляют постоянное *существо* вещи, например, разум в человеке, чувство в животном, растительность в растении. *Случайные* же те, что служат знаками таких принадлежностей вещи, без которых она по своей природе остается все той же вещью, и, следовательно, могут *быть* и *не быть*, например, образованность, богатство, слава — случайны для человека. Те и другие, то есть существенные и случайные приметы, могут относиться к одной из двух сторон всякого предмета, поэтому они делятся на *внутренние* и *внешние*. «Фигура» человеческого тела — это его существенная внешняя примета, а «жизнь» тела — существенная внутренняя. Равным образом «просвещение» ума — это случайная внутренняя примета человека, а «богатство» — случайная внешняя.

§52.

Совмещение в *примете вещи*, выражаемой ее названием, и *примет* ее *принадлежностей*, образует *понятие*. Оттого понятие определяется «совокуплением *многих* представлений в одно».

Изъяснение. Возьмем для примера понятие «человек». Здесь в имени человека, как примете, которой мы вообще отличаем человека от прочих существ, объединены представления различных его свойств, составляющих его отличительные приметы: представления разумности, чувственности и свободы, без которых имя человека было бы пустым звуком, не выражающим никакой определенной мысли. Поэтому, для выражения понятия, достаточно *одного слова*, но слова сами по себе, хотя бы их было и много, не могут дать никакого понятия. Они могут произноситься без понятий, и это бывает тогда, когда, называя вещь известным именем, не представляем никаких ее принадлежностей, то есть когда с именем вещи не соединяем ее примет.

§53.

Совокупление многих представлений в одно, или *образование понятий*, производится посредством *сложения* представлений, которое начинается их *снесением*, переходит к *сличению* и заканчивается *совокуплением* многих представлений в одно, или тем, что, собственно, и называется понятием. При этих приемах сложения используются и приемы разложения: *различение*, *вникание* и *отвлечение*.

Изъяснение. Для объяснения приемов *сложения*, нужно припомнить то, что было сказано в §§§ 27, 28, 29, 30 и 31. Для того чтобы показать то, что с приемами сложения неразлучны и приемы *разложения*, следует обратиться к §33, а для составления ясного понятия о каждом из этих последних приемов, необходимо знать то, что содержится в §§§20,21 и 22.

§54.

Понятие, как совокупление многого, само может *прилагаться ко многому*. Совокупность того, к чему оно прилагается, составляет его *объем*, а совокупность того, что от него может быть приложено к другому, — это его *содержание*.

Изъяснение. Например, понятие «дерево» может быть применено ко многим деревьям — дубу, березе, клену и т. д. Прилагаясь к ним, оно переносит на них все, заключающиеся в нем, приметы. Например, называя дуб, березу, клен деревом, мы в этом названии передаем им всеобщие свойства деревьев — способность расти, жить органической жизнью... Предметы, к которым понятие прилагается, существуют отдельно от самого понятия и только мысленно им охватываются: оттого все они, вместе взятые, составляют *объем* понятия или *внешнюю его величину*. Свойства же, сообщаемые этим предметам через приложение к ним понятия, суть приметы, совокупленные в самом понятии,

которые поэтому и составляют *содержание* понятия или *внутреннюю его величину*.

§55.

Многое, к чему прилагается понятие, может состоять из большего или меньшего числа предметов. Но чем больше предметов, тем они *разнообразнее*, и, следовательно, тем *менее* имеют *сходных* примет. Наоборот, чем меньше предметов, тем *меньше разнообразия* среди них, тем *больше сходных* примет принадлежит им. Таким образом, *объем* понятия *увеличивается с уменьшением содержания*, а *содержание увеличивается с уменьшением объема*. Отношение между ними *обратное*.

Изъяснение. Так, понятие «человек», применяясь к «европейцу», включает в себе большее число людей, чем когда оно применяется к «русскому». Но в понятии «русский», имеющем меньший объем, чем «европеец», содержатся приметы, общие не только для жителей Европы, но и особенные, по которым известная часть этих жителей носит название «русских». Наоборот, в понятии «европеец», имеющем больший объем, чем «русский», содержатся приметы, общие для всех жителей Европы за исключением особых примет «русских». Следовательно, увеличение объема понятия всегда сопровождается уменьшением содержания, а увеличение содержания невозможно без уменьшения объема.

§56.

От увеличения объема происходят *высшие* или *родовые* понятия, а через увеличение содержания образуются *низшие* или *видовые* понятия. Объем первых составляют *низкие роды* или *виды*, а в объеме вторых совмещаются *отдельные виды* или *неделимые предметы*.

Изъяснение. В примере, приведенном в предыдущем параграфе, понятие «европеец» — *высшее* и *родовое* по отношению к понятию «русский», которое, по сравнению с первым, называется *низшим* или *видовым*. Сравнивая объемы высших и низших понятий, находим, что они состоят из представлений или примет, которые можно применять и многим предметам, рассматриваемым в большем или меньшем объеме, и к одному отдельному предмету. Но будучи применены ко многим предметам, они все еще могут быть применены или к меньшему объему этих предметов, или, по крайней мере, к какому-либо отдельному предмету. А когда применяем их к отдельным предметам,

то они уже не могут иметь дальнейшего применения к чему-либо такому, что имело бы меньший объем. Например, понятие «человек» можно применить и к европейцу, и к русскому, и к каждому отдельно-му человеку, но в представлениях «европейца и русского», объединяющих многих людей, это понятие может найти для себя новые объемы, отделив для них известные части европейцев или русских. Но в известном отдельном человеке уже не может быть меньшего объема, поэтому отдельные предметы, не представляющие нашему мышлению возможности делить их объемы, называются *неделимыми* (*individua*). На том основании, что высшие понятия, заключая в своем объеме совокупность многих предметов, представляют возможным их применение к большему и меньшему числу предметов, происходят различные степени этих понятий, между которыми находится такое отношение, что всякое высшее или *род*, по отношению к другому, имеющему больший объем, становится низшим или *видом*, а всякое низшее или вид, по отношению к тому, которое имеет меньший объем, становится высшим или *родом*. Но род всегда остается родом по отношению к своим видам, равно как вид не перестает быть видом по отношению к своему ближайшему роду. Таким образом, названия этих понятий имеют только *относительное* значение, которое с переменой отношений само изменяется. Есть только один род, который всегда остается родом, потому что выше его отвлечение примет и совокупление представлений простирается не может, — это *существо вообще*. Равным образом тут понятие всегда будет видом, которое включает под собою неделимые, потому что ниже нет предметов, из которых оно могло бы составить для себя меньший объем, а без уменьшения объема оно не может стать низшим понятием.

§57.

Отношение объемов высших и низших понятий называется *подчинением*. Оно бывает *непосредственное* и *посредственное*. Взаимное отношение низших объемов, заключающихся под одним высшим, называется *с подчинением*. Оно может быть только *непосредственное*.

Изъяснение. Возьмем четыре понятия: существо неорганическое, металл, золото и серебро. Из них два последние подчинены первым, потому что золото и серебро заключаются в сфере металлов, как и в сфере неорганических существ. Однако к первой из этих сфер они относятся прямо, следовательно, понятию металла эти два понятия подчинены *непосредственно*, а во второй сфере они заключаются не сами по себе, а как металлы. То есть, понятию неорганического существа понятия «золото и серебро» подчинены *посредственно*. Подчиняясь

вместе одному третьему, эти понятия ставятся, таким образом, в известное соотношение между собою, которое известно под названием *сподчинения*, и которое, как отношение двух понятий между собою, по тому уже самому может быть только *непосредственное*. Итак, между *видом* и его *ближайшим родом* существует *непосредственное* подчинение. Между *видом* и *отдельным родом* — подчинение *посредственное*, а между *видами* известного рода имеет место *сподчинение*.

§58.

Отношение содержаний высших и низших понятий производит *одинаковость* понятий. От взаимного отношения содержаний низших понятий происходит *различие* понятий.

Изъяснение. *Одинаковыми* называются те понятия, которые содержат те же приметы, хотя, кроме них, могут иметь и другие, следовательно, одно из них может не иметь всех примет другого. Например, золото и металл — понятия одинаковые, потому что золоту принадлежат те же приметы, какие свойственны металлу вообще, хотя оно имеет и другие, только ему свойственные приметы. С другой стороны, в металле содержатся те же приметы, какие свойственны золоту, хотя и не все. *Различными* мы называем те понятия, одно из которых содержит в себе то, чего нет в другом, и потому каждое представляет особенный предмет. Например, золото, серебро, медь и другие виды металла имеют, каждый по отдельности, свои приметы, по которым ни один из этих видов не может смешиваться с другим, всегда сохраняя свой особый характер. Из сказанного видно, что:

1) *отношение одинаковости* существует *между родами и видами*, поэтому род и вид представляют *один и тот же* предмет, который в роде рассматривается вообще, а в виде принимается в частности. Тождество предмета этих понятий следует из того, что род равен всем видам, вместе взятым, а виды, все вместе, составляют тот же род;

2) *отношение различия* имеет место *между видами*, поэтому каждый вид составляет особый класс предметов, совершенно отделенных от предметов другого вида.

§59.

Одинаковые понятия содержат или только *те же приметы*, или, сверх того, *и другие*. Различные понятия, не теряя своего различия, могут, однако, и совмещаться *одно в другом*, а могут и не допускать

никакого совмещения. В первом случае происходит *тождество* и *сходство* понятий, а во втором — *согласие* и *противоположность*.

Изъяснение. *Тождественными* можно признать два понятия, выражающие один и тот же предмет не только в одних и тех же приметах, но и в одном и том же объеме. Впрочем, это не два понятия, а два различные выражения одного и того же понятия, например, «Бог» и «Существо бесконечное». *Сходными* называются все те виды одинаковых понятий, в которых содержатся общие приметы или с присоединением к этим приметам частных примет, или, наоборот, с их исключением. Золото и металл — понятия сходные, потому что золото имеет приметы, общие ему и металлу. Сверх того, оно содержит свои частные приметы, а металл включает общие приметы золота, без его частных примет, потому золото *сходится* в понятии металла вместе с другими его видами, а металл — в понятии золота вместе с другими его приметами. *Противоположны* те понятия, которые без противоречия совмещаться не могут, например, «человек» и «зверь» — понятия противоположные, потому что приметы одного из них уничтожаются приметами другого: человеческая природа не может быть одновременно и природой зверя.

Из рассмотрения этих видов понятий открывается, что:

1) к *тождественным* понятиям можно отнести синонимы, хотя и в них нет совершенного тождества, потому что, выражая один и тот же предмет, они представляют или особые стороны этого предмета, или особые степени его совершенств и недостатков, или особые способы нашего воззрения на этот предмет;

2) *сходными* всегда бывают подчиненные понятия, причем непосредственно подчиненные имеют больше сходства, чем посредственно подчиненные, потому что первые имеют больше общих примет, чем вторые. Человек с животным имеет сходство в организме, жизни, движении и чувстве, а с органическим существом он сходен только в организме и жизни;

3) *согласными* могут быть понятия, содержащие в себе приметы одного и того же рода, вида или неделимого, потому что иначе они не могли бы совмещаться в понятии одного предмета: таковы, например, разум, чувство, воля, как приметы одного и того же понятия «человек»;

4) *противоположными* всегда бывают понятия «подчиненные» или виды, которые выражают отдельные классы предметов, никогда не входящие один в другой.

§60.

Совокупность примет, образующих сходство понятий, составляет *родовую разность*. Совокупность примет, производящих противоположность понятий, составляет *видовую разность*.

Изъяснение. В понятии «человек» приметы, в которых это понятие сходится с понятием «животного» (организм, жизнь, чувство, произвольное движение), составляют родовую разность, потому что этими приметами род животных, к которому относится и человек, отличается от прочих родов существ. Приметы же, по которым человек противопоставляется прочим животным (сознание, разум, свободная воля), образуют видовую разность, потому что этими последними приметами вид людей отличается от прочих видов животных.

§61.

Одна родовая разность без видовой производит в наших понятиях *ясность*. От присоединения к ней видовой разности происходит *раздельность* понятий. Ясности противопоставляется *темнота*, а раздельности — *сбивчивость* или *смещение* понятий.

Изъяснение. Ясное понятие об известном предмете я имею тогда, когда знаю отличительные свойства его рода. Когда же данные свойства мне известны, то этот предмет для моего сознания не существует, подобно как для глаза не существуют предметы в ночной *темноте*. Когда же я знаю и те свойства, которые принадлежат тому виду, к которому относится представляемый мною предмет, то, отличая его благодаря этим свойствам от прочих предметов не одного и того же с ним вида, я имею понятие о нем не только ясное, но и *раздельное*. В противном случае мое сознание, так сказать, *сбивается* то на тот, то на другой вид предметов, *смешивая* то, что должно быть разделено. Высшую степень раздельности составляет *точность*, которая бывает тогда, когда наше понятие о предмете содержит в себе приметы, отличающие предмет от других предметов не только как видов одного рода, но и как неделимых одного вида. То есть, когда к разностям — родовой и видовой — присоединяется в понятии о предмете и разность *неделимая* или *индивидуальная*.

§62.

Действие, посредством которого ясные понятия становятся раздельными, называется *разъяснением* понятий. Действие, посредством

которого образуются высшие и низшие понятия, по отношению к первым из них, называется *родотворением*, а по отношению ко вторым — *видотворением*. Действие, посредством которого размещаются понятия, на основании отношений их объемов и содержаний, называется *классификацией* понятий.

Изъяснение. Разъяснение понятия состоит в его развитии и разложении как на его признаки, так и на виды, содержащие в себе эти признаки. Поэтому понятия могут объясняться как со стороны *содержания*, так и со стороны *объема*.

Всякое понятие, становясь высшим, становится родом по отношению к тому, из которого оно образовалось, а делаясь низшим, обращается в вид того понятия, из которого оно произведено. Следовательно, через образование высших понятий *творяются роды*, а через образование низших — *виды*.

Выводя подчиненные понятия из подчиняющих, поставляя их в приличном отношении к другим понятиям, вместе с ними подчиненным или с подчиненным, определяя одинаковые приметы подчиненных и подчиняющих понятий, а также различные приметы сподчиненных понятий, мы, таким образом, разделяем наши понятия на *классы*. Эти классы, будучи взяты в совокупность, образуют из себя стройное целое или *систему* понятий. Потому-то *классификация*, как способствующая постепенному последованию, точному разделению и верному удержанию понятий в нашей памяти, — это необходимая принадлежность всякой науки. Она выражается здесь в разделении науки на части, отделения, главы и параграфы, равно как в определениях и разъяснениях содержащихся в них понятий.

б) Суждения

§63.

Понятие, как имя предмета, соединяющее в себе его приметы, предполагает известное *сочетание представления предмета с представлениями его примет*. Обнаруживать это сочетание — значит *судить*.

Изъяснение. Суждение — такое действие мыслительной деятельности, посредством которого с представлением предмета мы соединяем представление одной или нескольких его примет. Или, другими словами, суждение — это такое действие мышления, посредством которого известному предмету мы приписываем какой-либо его признак. Например, в суждении «дерево имеет листья», дереву, как предмету, приписываем листья, как его признак, или, что то же, с представлением этого предмета соединяем представление его приметы. Но как

предмет не может существовать без своих примет, так и понятие предмета не может образоваться в нашем мышлении иначе, как только через соединение представления предмета с представлением, если не всех, то, по крайней мере, одной какой-либо его приметы. Суждение только обнаруживает связь этих представлений, соединенных в понятии. Поэтому оно есть не что иное, как *раскрытое понятие* (*explicita notio*).

§64.

Представления примет показывают или *сферы*, к которым предметы относятся, или *действия*, которыми ими производятся, или *части*, из которых они состоят. Их сочетание с представлениями предметов бывает или *решительное*, или *нерешительное*. Таким образом, по значению примет, суждения делятся на *категорические*, *причинные* и *раздробительные*, а по способу сочетания примет с предметами — *безусловные*, *проблематические*, *условные* и *разделительные*.

Изяснение. Категорическое суждение — это сочетание с представлением предмета представления такой приметы, которая показывает тот круг вещей или ту сферу, к которой относится этот предмет вместе с прочими, ему подобными. Суждение «орел летает» — категорическое, потому что «летание» — это примета орла, показывающая тот круг существ, к которому он относится вместе с прочими летающими. Следовательно, представление этой приметы включает в себе представление того предмета, к которому она прилагается, и представления других, подобных ему, предметов, а такие общие представления, под которые подводятся многие частные, вообще называются *категориями*.

Причинное суждение соединяет два таких представления, из которых одно показывает известный предмет, а другое то, что производится этим предметом, и потому первое относится ко второму, как *причина* к своему *действию*. Например, огонь производит теплоту, мышление образует мысль.

Раздробительное суждение — это соединение таких представлений, одно из которых указывает на предмет как на целое или род, а другие исчисляют его части или виды. Например, человек состоит из души и тела, люди частью мужчины, частью — женщины.

Сферы предметов, их действия, части или вид могут быть или известны нам, или неизвестны. В первом случае сочетание их представлений с представлениями предметов бывает *решительное*, во втором случае — *нерешительное*. Решительное сочетание представлений делает суждения как категорические, так причинные и раздробительные, *безусловными*. Таковы все вышеприведенные нами примеры

этих суждений, в которых представления соединены прямым и решительным образом. Нерешительное сочетание представлений производит то, что:

1) категорические суждения обращаются в *проблематические* или *вероятные*, в которых хотя представления и соединены между собою, но их связь остается нерешенной и сомнительной. Таковы все *вопросы* и *задачи*, например, может ли ум постигнуть причины и цели вещей или доказать бессмертие души;

2) причинные суждения становятся *условными*, когда одно представление соединяется с другим только как основание со своим следствием, а не как причина с действием. Ведь означаемые ими предметы в действительности могут и не происходить друг от друга, как действие от причины, хотя сами эти представления мысленно поставляются в таком отношении, что одно необходимо вытекает из другого, как следствие из своего основания (см. §46. *Изъяснение*). Так, в следующем условном суждении: «Если ты будешь лечиться, то выздоровеешь», два представления соединены так, что одно выводится из другого, как следствие из своего основания, но вытекает ли оно, как действие из причины, т. е. действительно ли выздоровление произойдет от лечения, еще не известно;

3) раздробительные суждения становятся в этом случае *разделительными*, в которых с представлением известного предмета соединяются представления противоположных видов какого-либо рода в виде возможных примет этого предмета, а потому и соединяются с ним только возможным образом. Оттого союз «или», которым соединяются здесь представления, всегда можно заменить выражением «*может быть*». Например, разделительное суждение «это или золото, или серебро, или медь» можно выразить и так: это может быть золото, может быть серебро, может быть медь и т. д.

§65.

Соединяемые в суждении представления получают названия *подлежащего* и *сказуемого* в категорическом суждении, *предыдущего* и *последующего* — в причинном суждении, *целого* и *членов* — в раздробительном. Соединяются они безусловно или проблематически посредством *связки*, условно — посредством *вывода*, разделительно — посредством *разделения*.

Изъяснение. Подлежащее — это представление предмета, которому приписываются приметы, и который, следовательно, *подлежит* нашему суждению. *Сказуемое* составляют сами приметы, которые приписываются предмету и которые *сообщают* нам о том, что есть в предмете. *Предыдущее* и *последующее* — это представления, из кото-

рых первое означает *причину*, если причинное суждение безусловно. Если же оно условно — то *основание*, а второе показывает *действие* в безусловно-причинном суждении, в условном же оно выражает *следствие*. *Целое* в решительно-раздробительном суждении представляет предмет, который делится на части или виды, а вне решительно-раздробительном или разделительном суждении представляет предмет, который нерешительно относится к известным частям или видам. Представления же, означающие сами эти части или виды, называются *членами*.

Связка есть то, чем безусловно или проблематически соединяются между собою подлежащие и сказуемые. Для *безусловного* соединения подлежащего и сказуемого, кроме существительного глагола «быть», который или опускается, по свойству русского языка, или заменяется глаголом «иметь», когда сказуемое из имени прилагательного превращено в существительное, употребляются еще средние глаголы и те из действительных, которые не только соединяют подлежащее со сказуемым, но в себе содержат само сказуемое. Примеры: человек *есть* существо разумное, человек разумен, человек *имеет* разум, человек *спит*, человек *видит*, *слышит* и т. д. Те же выражения употребляются и для *проблематического* соединения подлежащего со сказуемым, только им дается форма или вопросительная, или не определяющая ни лица, ни числа. Например: *доказать* равенство двух треугольников; человек — существо бессмертное?

Вывод — это то, чем обозначается действие, соединяющее причину с действием, или последование, соединяющее основание со следствием. В первом случае он выражается или действительным глаголом, показывающим *решительное* отношение причины к действию, или глаголами средними, страдательными и возвратными, означающими такое же отношение действия к причине, или, при переносе последующего на место предыдущего, словами *оттого*, *отсюда*, *вследствие того*. Примеры: огонь *производит* теплоту; теплота *происходит* от огня или *производится* огнем; снег идет, *оттого* холодно. Во втором случае вывод выражается или условным союзом, означающим *нерешительное* отношение основания к следствию, или одним знаком препинания, когда показывается такое же отношение следствия к основанию. Например: *если* пойдет дождь, то погода станет сырой; погода станет сырой: дождь идет.

Разделение — это то, чем отделяются члены известного целого, которые или части того целого, о котором мы судим, или части другого целого, относящиеся к предмету суждения только как возможные его приметы. В первом случае, эти члены делятся между собою и своим целым с помощью предлогов *из*, *на*, наречий *частью*, *частью* или

союзов *как, так и*. Примеры: человек состоит *из* души и тела; человеческий род делится *на* мужской пол и женский; люди *частью* образованны, *частью* нет; *как* растения, *так и* животные — существа органические. Во втором случае, разделение членов обозначается союзом *или, или*, либо выражением *может быть*. Например: он *или* добр, *или* зол; он *может быть* добр, а *может быть* зол.

§66.

Подлежащее и сказуемое, предыдущее и последующее, целое и члены составляют *материю* суждений. Связка, вывод и разделение образуют их *форму*.

Изъяснение. Материей называется то, из чего что-нибудь состоит, а *форма* — это то, посредством чего составные части чего-либо приводятся в известное соотношение и получают вид целого. Подлежащее и сказуемое в категорическом суждении, предыдущее и последующее в причинном суждении, целое и члены в раздробительном — это составные части этих суждений. Поэтому они образуют их *материю*, а связка, вывод и разделение приводят эти части суждений в известное соотношение и составляют из них целое, имеющее вид суждения или решительного (безусловного), или нерешительного (вероятного), условного (разделительного), и потому это не что иное, как *форма* суждений.

§67.

По материи суждения бывают *простые* или *сложные*, по форме — *утвердительные* или *отрицательные*.

Изъяснение. Простым суждением называется то, которое содержит только два главных представления, хотя бы в них и заключалось несколько частных. Так что грамматически сложные предложения в логике остаются простыми суждениями, как, например, следующее: судья, который поступает по долгу справедливости, никогда не даст повода обвинять себя в лицеприятии, в грамматике сложное предложение, а в логике — простое.

Сложным называется суждение тогда, когда оно соединяет в себе три или больше главных представления, и может быть разложено на два или больше самостоятельных суждения, чего не допускает грамматически сложное предложение.

Утвердительным бывает суждение тогда, когда выражения связки, вывода и разделения утвердительны, а *отрицательным* — когда эти выражения отрицательны: *не, ни из, ни на, ни ни*.

Сложными суждения становятся или *через приложение* к данным представлениям новых, или *через их разложение* на представления, в них содержащиеся. Отрицательными же — *через отрицательное выражение* или связки, вывода и разделения, или сказуемого, следствия и членов.

Изъяснение. Приложение нового представления к двум данным, равно как и его *извлечение* из данных, может иметь место или в первой части суждения, или во второй, или в той и другой одновременно, поэтому суждения становятся сложными с начала, с конца и обеих сторон одновременно. Примеры: человек и ангел сотворены Богом; человек сотворен Богом и поставлен выше всех земных тварей; человек и ангел сотворены Богом и поставлены выше прочих тварей.

Вновь прилагаемое представление может быть:

1) *равное* данным. Отсюда происходят *соединительные* суждения, в которых это новое представление присоединяется к данным посредством союза и или без него. Например: золото и серебро — металлы; золото, серебро, медь — металлы;

2) *противоположное* данным. Отсюда происходят *противоположные* суждения, в которых новое представление, следуя за данными, отделяется от них частицами *а не*, а предшествуя им, имеет перед собою частицу *не*, а за собой — частицу *а*. Примеры: добродетель, *а не* порок, похвальна; *не* порок, *а* добродетель похвальна;

3) *ограничивающее* данные. Отсюда происходят *уступительные* суждения, присоединяющие новые представления к данным посредством частиц: *но, впрочем, однако, несмотря на то, между тем*. Например: он добр, *но* (однако, несмотря на то, впрочем, между тем) горяч;

4) *означающее степень развития и усиления* данных. Отсюда происходят *последовательные* и *изъяснительные* суждения, соединяющие новые представления с данными посредством выражений: *сперва, потом, далее, наконец, еще, даже, не только, но и*. Например: человек *сперва* бывает ребенком, *потом* отроком, *далее* юношей, *затем* мужем, *наконец*, стариком; он *не только* лишил его собственности, *но и* чести;

5) *выражающее сходство* или *несходство* с данными представлениями. Отсюда происходят *сравнительные* суждения, использующие, для выражения сходства, союзы *как, так, каким образом, таким образом*, а для обозначения несходства — *уравнительную* степень. Например: он храбр, *как* герой; он храбрее, нежели я. Притом это новое представление часто вполне присоединяется в мысли, а на словах обо-

значается только намеком. Это дает начало *включительным* и *исключительным* суждениям, где выражениями *и*, *только*, *один*, делается намек на подразумеваемую сферу, в которую следует включить или из которой следует исключить подлежащее либо сказуемое. Например: и я хороший ученик (в числе других учеников); я *и* хороший ученик (т. е. это свойство принадлежит мне в числе других свойств); он *один* беспристрастный судья (следовательно, исключается из числа других); он *только* хорошо ведет себя (т. е. это свойство составляет исключение относительно других, противоположных ему, свойств).

Представление, *извлекаемое* из данных представлений, есть:

1) или определенная часть, отделяемая от сферы подлежащего либо сказуемого, например: все звери употребляются в пищу, кроме плотоядных;

2) или определенная часть, ограничивающая собою смысл подлежащего либо сказуемого, например: человек, только по телу, смертен;

3) или определенная часть, причисляющая себя к подлежащему или сказуемому, как содержимое к содержащему, например: люди вообще, как живущие в Европе, так и обитающие в прочих частях света, имеют религию. В первом случае происходят *изъятные* суждения, во втором — *ограничительные*, в третьем — *числительные*.

Вследствие *двоякого* способа выражения отрицательных суждений, они делятся на *собственно отрицательные* и *положительно-отрицательные*. *Собственно отрицательными* называются те суждения, в которых связка, вывод и разделение выражаются прямым отрицанием. Например: он *не* есть счастливый человек; если будет холодно, то я *не* пойду гулять; это *ни* золото, *ни* серебро. Если же связка, вывод и разделение членов выражаются положительно, но соединяемые ими представления имеют отрицательный смысл, то такие суждения называются *положительно-отрицательными*. Например: он человек *несчастливый*; когда на дворе тепло, то в моей комнате *не* холодно; этот человек будет нелюбим, даже *ненавидим*.

§69.

Взаимное отношение составных частей суждений производит в них *всеобщность* и *частность*. Взаимное отношение самих суждений делает их *равносильными*, *совместимыми* и *несовместимыми*.

Изъяснение. Когда подлежащее всем своим составом входит в сферу сказуемого или из нее исключается, когда последующее всегда следует за предыдущим или никогда не может быть отнесено к нему как следствие, когда все члены деления, как части целого, исчисляются утвердительно или отрицательно, то во всех этих случаях происходят *всеобщие* суждения. Если они утвердительны, к подлежащему можно

прибавить *весь, всякий*, к следствию — *всегда, во всяком случае*, а к членам — *непрерменно, без сомнения*. Если же отрицательны, то к подлежащему можно прибавить *никто, никакой*, к следствию — *никогда, ни в коем случае*, а к членам — *никак, никаким образом*. Примеры: все получило начало; *ничто* не произошло само от себя; когда солнце светит, то *всегда* бывает день; если человек не получил всеобъемлющего ума, то всеведение *ни в коем случае* не может принадлежать ему; этот человек *непрерменно* или европеец, или азиат, или африканец, или американец, или австралиец (потому что нет больше видов людей); эта вещь *никак* не может быть ни тем, ни другим. Но если подлежащее только некоторыми частями входит в сферу сказуемого, следствие только в известных случаях вытекает из основания, а члены представляют только некоторые части делимого целого, то это производит *частные* суждения, в которых к подлежащему можно прибавить *некоторый*, к следствию — *иногда*, а к членам — *может быть*. Примеры: *некоторые* металлы драгоценны; когда солнце сильно греет, то *иногда* это предвещает грозу; этот металл, *может быть*, медь, *может быть*, золото, *может быть*, другой какой-либо металл.

Равносильными признаются те суждения, которые выражают одну мысль, только в разных словах. Например: когда летом пары стущаются в атмосфере, то надо ожидать дождя; когда пары, подымаясь вверх, образуют влажную массу, то, не имея возможности поддерживаться в воздухе, падают в виде дождя.

Суждения, которые могут стоять вместе, не уничтожая друг друга, но образуя из себя одно сложное суждение, называются *совместимыми*. «Человек разумен» и «человек свободен» образуют из себя суждение «человек разумен и свободен». Противные им, т. е. уничтожающие друг друга и резко отделяющиеся друг от друга, называются *несовместимыми*, например: он умен; он глуп.

§70.

Совмещаются два суждения, или *одно в другом*, или *оба в третьем*. Но совмещаются суждения или *цельными объемами*, или *некоторыми частями*. Отсюда происходят, в первом случае, суждения *подчиненные* и *сподчиненные*, во втором — *противные* и *противоречащие*.

Изъяснение. Следующие два суждения «все металлы плавятся» и «некоторые металлы плавятся», совмещаются одно в другом, потому что в числе всех металлов есть и некоторые. Следовательно, второе из них *подчинено* первому. В этих подчиненных суждениях бывает та разность, что иногда подлежащее в обоих бывает одно и то же, только оно сперва принимается вообще, а потом в частности, как в приведенном примере. Иногда они имеют два различные подлежащие, впро-

чем, такие, одно из которых — род, а другое — его вид, например, «металл плавится» и «золото плавится». В первом случае подчинение называется *формальным*, во втором — *материальным*. Те суждения, подлежащие и сказуемые которых выражают виды и видовые приметы существ одного рода, называются *сподчиненными* (соподчинительными), потому что они всегда совмещаются в одном высшем суждении и между собою сподчиняются. Так, суждения «четвероногие ходят», «птицы летают», «рыбы плавают», сподчинены между собою, как совмещающиеся в суждении «животные движутся», ведь их подлежащие — виды животных, а сказуемые — виды движения.

Противными называются те суждения, одно из которых все относит к известной сфере, а другое все это исключает из той же сферы. Например, «все люди умирают» и «никто из людей не смертен». Если же одно исключает из известной сферы часть тех предметов, которые все вместе отнесены другим суждением к этой сфере, то такого рода суждения называются *противоречащими*: все животные — существа органические; некоторые животные не имеют органов.

§71.

Подчинение и сподчинение суждений бывает *полное* или *неполное*. Противность и противоречие могут быть *отрицательными* и *положительными*.

Изыяснение. Суждение *вполне* подчинено другому суждению тогда, когда оно совмещается в нем всеми своими частями, т. е. как подлежащим, так и сказуемым. Например, «животные движутся» и «птицы летают». Если же одна какая-либо часть известного суждения — подлежащее или сказуемое — совмещается в другом суждении, то между ними находится *неполное* подчинение: «животные движутся» и «птицы имеют крылья» или «животные движутся» и «планеты движутся».

Из противных и противоречащих суждений могут быть такие, из которых одно *отрицает* или все, что положено другим, или часть его положения, например, «он во всех отношениях добр» и «он во всех отношениях не добр», или «он во всех отношениях добр» и «он в семейном быту не добр». Или такие, из которых то и другое содержат в себе *положения* без всякого отрицания, но эти положения таковы, что или *всецело*, или *отчасти* уничтожают друг друга, не имея никакой возможности между собою совмещаться. Например, «он богат» и «он беден» или «металлы плавятся» и «золото в огне остается без перемен».

в) Выводы

§72.

Решительные суждения предполагают *основание* решения, а для нерешительных суждений необходимо само *решение*. То и другое получается посредством *выводов* или *умозаключений*.

Изъяснение. Действия мышления, направленные к тому, чтобы или показать основание, на котором решительно утверждается связь представлений в известном суждении, или сделать решительной связь, между ними только предполагаемую, называются *выводами* или *умозаключениями* потому, что в том и другом случае мы составляем новые суждения. Они представляют нам или искомое основание, или требуемое решение, а из них мы *выводим* связь представлений известного суждения, *заклячая* к ней, как к необходимому их следствию. Суждения, из которых мы выводим заключения, как действия, предшествующие заключениям, называются *предполагаемыми* суждениями (*praemissae*) или просто *посылками*, а как действия, составляющие основу заключений, — *основанием*. Суждение, выводимое из них, как действие, заключающее собою наш вывод и вытекающее из основания, как необходимое его следствие, получает название *заключения* или *следствия*.

§73.

Решительными признаются суждения безусловные, нерешительными — проблематические, условные и разделительные. На этом основании выводы делятся на *безусловные* и *проблематические, условные* и *разделительные*. Посредством первых можно найти *основание* связи суждений, посредством вторых *решается* сама связь.

Изъяснение. В числе *безусловных* суждений заключаются суждения категорические, причинные и раздробительные (см. §64. *Изъяснение*). Основанием связи двух представлений, соединяющихся в этих суждениях, служит третье представление, посредствующее в этой связи, которое поэтому и называется *представлением* или *средним термином*. Из соединяемых представлений то, которое выражает предмет суждения, называется *меньшим*, а то, которое означает приписываемую ему примету, — *большим*, потому что первое всегда включается в сферу второго, следовательно, по отношению к нему, имеет меньший объем. К *проблематическим* суждениям относятся проблемы, состоящие из вопросов и задач, которые, по своему сомнительному тону, требуют решительного утверждения или отрицания связи соединенных в них

представлений. Равным образом *условные* и *разделительные* суждения требуют: первые — решительного утверждения или отрицания последовательности, предположенной между основанием и следствием, а вторые — решительного соединения предмета с одной из предполагаемых противоположных примет (см. §64. *Изъяснение*).

§74.

Основание, находимое посредством безусловных выводов, заключает в себе мысль или *непосредственно* соединенную с мыслью следствия, или соединяющуюся с ней *посредством* другой мысли. Поэтому безусловные выводы бывают *непосредственные* и *посредственные*.

Изъяснение. *Непосредственные* выводы состоят в прямом извлечении следствия из основания, без всякого посредства какого-либо третьего суждения. Это бывает, *во-первых*, тогда, когда следствие — это то же самое суждение, что и основание, только произведено из него через перестановку его частей или через так называемое *превращение* суждений, которое:

а) в общеотрицательных и частно-утвердительных суждениях может состоять в одной перестановке подлежащего и сказуемого, без любой другой перемены, например: никакое животное не лишено органов. Следовательно, все лишённое органов не животное; некоторые люди образованны, некоторые (другие) необразованны;

б) в общеутвердительных суждениях, сверх того, необходимо изменение объема или количества, для верности следствия, например: все металлы плавятся. Следовательно, нечто плавящееся — металл;

в) в суждениях как общеутвердительных, так частно- и общеотрицательных, может производиться через изменение качества, только в общеотрицательных суждениях изменяется при этом и количество. Например: все люди ограничены; существа неограниченные не суть люди; ни один честолюбец не счастлив; некоторые несчастные суть честолюбцы; некоторые люди не богаты; некоторые богатые не суть эти люди. *Во-вторых*, образование непосредственных выводов бывает тогда, когда следствие представляет или:

а) *непосредственный вид* известного рода, где на основании истинности высшего суждения делаем вывод об истинности низшего, а на основании ложности низшего — о ложности высшего, например: все люди ограничены, следовательно, и некоторые ограничены; некоторые люди небогаты. Ложно, что все богаты;

б) мысль *частную*, прямо вытекающую из общей, например: человек во всех отношениях ограничен, он ограничен и по отношению к своим мыслям;

в) *отрицание одной противоположности*, прямо следующее за положением другой, либо *положение одной*, прямо вытекающее из отрицания другой, например: он мужчина, следовательно, не женщина; он не женщина, а мужчина;

г) *определение большего* на основании меньшего и наоборот. Например: рубль составляет сто копеек, два рубля составляют двести; два человека сделали это в один день, следовательно, один человек будет работать два дня;

д) *заключение от необходимого к действительному и от действительного к возможному*, которое в этом случае всегда бывает *утвердительным*, потому что необходимое — это уже действительное и возможное. Когда же переходим *от возможного к действительному и от действительного к необходимому*, то, так как не все возможное действительно и действительное необходимо, заключение в этом случае должно быть *отрицательным*. Например: Бог необходимо существует, то есть, он действительно существует. Следовательно, он может существовать; человек не может знать всего, следовательно, он всего не знает. Ему и не следует все знать.

Посредственные выводы составляются через образование третьего суждения, посредствующего выводу следствия из основания. Образование этого суждения производится через такое же соединение меньшего термина со средним, в каком, в непосредственных выводах, находится с ним больший термин. Оттого в посредственных выводах являются две посылки: *большая*, соединяющая средний термин с большим, и *меньшая*, соединяющая его с меньшим, так что эти выводы состоят из трех суждений: *двух посылок и третьего заключения*.

Например:

терм. средн. терм. больш.

Посыл. больш. Все животные относятся к роду органических существ;

терм. средн. терм. больш.

Посыл. меньш. Это существо — животное:

терм. средн. терм. больш.

Заключение. Следовательно, оно относится к роду органических существ.

Из образования посредственных выводов открывается, что:

1) среднему термину, в посылках соединяющемуся с двумя другими терминами, не нужно и не следует входить в заключение;

2) посылки, как суждения, составляющиеся из соединения среднего термина то с большим, то с меньшим, должны иметь разные объемы и относиться одна к другой, как подчиненные суждения;

3) размещение среднего термина в посылках может быть различное, и это произвело так называемые *четыре фигуры* умозаключений, из которых каждая имеет свой особый состав и свои особые требования.

Первая фигура, в которой средний термин составляет подлежащее в большей посылке и сказуемое — в меньшей, требует, чтобы большая посылка была общая, меньшая — утвердительная, а заключение — частное, если одна из посылок (меньшая) частная, и отрицательное, если одна из посылок (большая) отрицательная. Пример: все *птицы* имеют произвольное движение. Орел — *птица*, следовательно, он имеет произвольное движение.

Во второй фигуре, где средний термин занимает в обеих посылках место сказуемого, одна из посылок непременно должна быть отрицательная, меньшая посылка может быть как утвердительная, так и отрицательная, а заключение всегда бывает отрицательное. Пример: все животные имеют *произвольное движение*, растение не имеет *произвольного движения*, следовательно, растение *не* животное.

В третьей фигуре, где средний термин составляет подлежащее обеих посылок, большая посылка может быть общая и частная, утвердительная и отрицательная. Меньшая посылка должна быть утвердительная, хотя может быть общей и частной, а заключение может быть частным даже в то время, когда обе посылки общие. Пример: все *металлы* относятся к неорганическому царству. Все *металлы* плавятся, следовательно, *нечто* плавящееся относится к неорганическому царству.

Четвертая фигура, в которой средний термин поставляется в большей посылке на место сказуемого, а в меньшей — на место подлежащего, имеет тот отличительный характер, что обе посылки могут быть общеутвердительные и отрицательные, а одна — частноутвердительная, а заключение — частно- и всеобщеприцательное и только частноутвердительное. Пример: все рыбы *плавают*. Все *плавающее* живет в воде. Следовательно, *нечто* живущее в воде есть рыба.

Первая из этих фигур по своему составу противоположна четвертой, а вторая — третьей.

§75.

Решение проблематических суждений происходит посредством ответов на *вопросы* и решения *задач*. Поэтому проблематические выводы состоят из *ответов* и *решений*.

Изъяснение. Ответить на вопрос — значит или только подтверждать либо опровергать связь представлений, соединенных в вопросе, или присоединять к этому и основание их связи. В первом случае, ответ заключается в простом утверждении или отрицании предложенного суждения и состоит из кратких выражений: да или нет, не представляя никакого логического вывода, например: «Был ли ты там?» Ответ: «Да или нет». Во втором случае ответ представляет суждение, выведенное из другого суждения. Например: «Прохаживался ли ты сегодня?» Ответ: «Нет, потому что я был болен». Само собою разумеется, что простые ответы используются там, где нет необходимости приводить основания. В противном случае они должны состоять из логических выводов.

Решение задачи состоит или в простом соединении данных представлений, как, например, «две точки, данные в геометрической задаче, соединяются посредством прямой линии», или в указании, сверх того, основания их связи. Поэтому решения задач бывают без оснований и с основаниями. Первые, складываясь из одного или нескольких отдельных суждений, не имеют свойства логических выводов, которые, собственно, используются в решениях второго рода, где одно суждение, как следствие, выводится из другого, как основания. Таковы все решения геометрических задач, если к ним присоединяются и доказательства.

§76.

Решение условных суждений состоит или в *утверждении вывода следствия* из основания, или в *отрицании основания*, из которого нельзя вывести следствия. Поэтому условные выводы бывают *утвердительные* и *отрицательные*.

Изъяснение. Основание только тогда остается основанием, когда из него вытекает следствие. Если же следствие не вытекает из предполагаемого основания, то это явный знак, что принимаемое нами основание не является основанием. Отсюда само собою следует, что, утвердив основание, надо утвердить и следствие. С другой стороны, уничтожив следствие, нельзя не уничтожить и основания. В этом заключается причина того, почему на основании действительности основания мы можем заключать о действительности следствия, а на основании

недействительности следствия — о недействительности основания, как, например, в следующем случае: если свеча горит в комнате, то в ней есть свет. Свеча горит, следовательно, в комнате есть свет. Или: нет света в комнате, то есть, свеча в ней не горит.

Что же касается того, почему в этих выводах нельзя поступать обратным способом, то это зависит от свойства следствия, которое может иметь разные основания и потому может вытекать то из того, то из другого. Например, свет в комнате может происходить и от свечи, и от лучей солнца. Следовательно, если нет одного основания, то может быть и другое: на основании недействительности основания еще нельзя заключать о недействительности следствия. С другой стороны, если есть следствие, то по нему нельзя еще судить, чтобы было именно это основание, так как может быть и другое: на основании действительности следствия нельзя делать выводы о действительности основания. Например, если свеча не горит в комнате, то нельзя еще сказать, что в ней нет света. Равным образом, если в комнате светло, то нельзя делать вывод, что в ней горит свеча, потому что свет может происходить и от другой причины. Если подобные выводы и делаются, то они всегда заключают нерешительные следствия, которые допускаются или с *ограничением*, например: свеча не горит, следовательно, нет света, *происходящего от свечи*, или с *вероятностью*: в комнате светло. Следовательно, *вероятно*, свеча в ней горит.

§77.

Решение разделительных суждений состоит или в *утверждении* одного члена *вследствие отрицания* прочих, или в *отрицании* прочих *вследствие утверждения* одного. Поэтому разделительные выводы бывают *отрицательно-утвердительные* и *утвердительно-отрицательные*.

Изъяснение. Прямой переход от отрицания к утверждению и от утверждения к отрицанию основывается в этих выводах на том, что члены разделительных суждений всегда противоположны друг другу. Поэтому, по закону противоречия, они, как противоположности, не могут совмещаться в одном и том же предмете. Следовательно, если из двух противоположных примет одна какая-либо принадлежит предмету, то другая должна быть отвергнута, как не принадлежащая ему. В этом и состоит *утвердительно-отрицательный* (ponendo tollens) способ составления разделительных выводов. С другой стороны, по закону исключения третьего, из двух противоположных свойств одно какое-либо непременно должно принадлежать предмету, следовательно, если отвергаем одну противоположность, то тем самым приобретаем право на утверждение другой, в этом и состоит *отрицательно-*

утвердительный (tollendo ponens) способ составления разделительных выводов. Пример: он или добр, или зол. Но он добр, следовательно, не зол. Или: он не зол, следовательно, добр.

Из сказанного следует, что, утвердив в меньшей посылке один член деления, в заключении надо отвергнуть все прочие, сколько бы их ни было. Но в том случае, когда в меньшей посылке мы отвергли один или два члена, а их осталось еще несколько, то эти оставшиеся члены, как противоположности, в заключении не соединяются решительным образом, а сохраняют свою разделительную форму. Например: он или богат, или беден, или посредственносостояния, но он не богат. Следовательно, он или беден, или посредственного состояния.

§78.

Суждения, из которых составляются все, показанные нами, выводы, образуют из себя *материю* выводов. Способ соединения этих суждений составляет их *форму*.

Изъяснение. Различие этих двух существенных принадлежностей выводов видно из того, что в одном и том же выводе материя и форма могут не соответствовать одна другой, так что с совершенствами одной могут соединяться недостатки другой. Отсюда происходят выводы *правильные по форме*, но *ложные по материи*, и, с другой стороны, — *истинные по материи*, но *неправильные по форме*. Так, следующее умозаключение: «все, что живет, имеет разум. Люди живут, следовательно, имеют разум», — по форме правильно, но первая его посылка ложна. Напротив того, умозаключение «все духи — существа разумные. Все люди живут на земле, следовательно, все люди — существа разумные», — верно, но несвязно.

§79.

По материи выводы бывают *истинные* или *ложные*, по форме — *последовательные* или *непоследовательные*.

Изъяснение. Суждения, составляющие материю выводов, состоят из представлений, которые могут быть согласны или не согласны как сами с собою, так и с предметами, это их согласие и есть *истина*, как и несогласие представления с представлением или предметом называется *ложью*. Форма выводов состоит в таком соединении суждений, что одно из них необходимо и очевидно вытекает из другого, а такое тече-

ние суждений и есть их *последовательность*, при недостатке которой составляемые из них выводы становятся *непоследовательными*.

§80.

Истинность выводов, равно как и их ложность, может быть *логическая*, или *субъективная*, и *предметная*, или *объективная*. Последовательность выводов бывает *нисходящая*, или *поступательная*, и *восходящая*, или *возвратная*.

Изъяснение. В суждениях, составляющих содержание выводов, могут заключаться такие представления, согласие которых видно из них самих. Например, в суждении «благотельный человек делает добро другим» — представление благотельного человека само показывает, что с ним согласно представление благотворения ближним. Следовательно, в справедливости выводов, основанных на подобных началах, мы можем убеждаться *логически*, обращаясь к своему мыслящему *субъекту* и субъективным началам мышления. Напротив, в верности тех выводов, которые содержат в себе суждения, состоящие из представлений, требующих для того, чтобы узнать их согласия, познания самих предметов, мы убеждаемся не иначе, как *объективно*, то есть, обращаясь к самим *предметам*. Например, в суждении «добродетельные бывают несчастны» — несчастье представляется нам несогласным с добродетелью, и наша мысль никогда не стала бы соединять этих двух представлений в одно суждение, если бы этого соединения не представляла ей действительная жизнь людей.

Основание и следствие выводов могут располагаться в таком порядке, что или основание предшествует следствию, или следствие — основанию. В первом случае, мы *нисходим* *поступаем* от высшего к низшему, во втором — *восходим* или *возвращаемся* от следствия к основанию. Пример поступательного вывода: всеумирают, следовательно, и я умру. Пример возвратного вывода: я умру, потому что все умирают.

§81.

Восходящие и нисходящие выводы могут составляться как с *сохранением* всех переходов мысли, так и с *ощущением* тех из них, без которых последовательность выводов нимало не нарушается. Отсюда происходят выводы *полные* или собственно *силлогизмы*, и выводы *неполные*, *сокращенные* или так называемые *энфимемы*.

Изъяснение. Полные выводы (*силлогизмы*) состоят из основания, составляющего большую посылку, из применения к нему частного случая, образующего меньшую посылку, и из следствия, переходящего

в заключение. Следовательно, в них необходимы три суждения, в которых мысль самой себе дает полный отчет, как бы рассчитывается *сама с собою*, что выражалось у древних греков словом «συλλογίζεσθαι», от которого и произошло название «силлогизм». Наоборот, в неполных выводах какая-либо из посылок опускается и удерживается в мысли, что дало повод назвать их *энфимемами*. Это слово произошло от греческого глагола «ἐνθυμιεσθαι», означающего удерживать что-нибудь в духе (ἐν θυμῷ). От непосредственных выводов энфимемы отличаются тем, что в непосредственных выводах всегда есть основание и следствие. В энфимемах же может подразумеваться и само основание, так что можно опускать как меньшую, так и большую посылку, что свойственно непосредственным и проблематическим выводам, или только одну большую, что делается в условных и разделительных выводах, например: он любит меня и потому заботится обо мне. Или: он добрый человек, следовательно, его напрасно считают злым, — пропущена посылка большая, потому что первый из этих выводов условный, а второй — разделительный.

§82.

От соединения полных выводов происходят *сложные силлогизмы*. Соединение неполных выводов производит *эпихеремы, сориты, дилеммы*.

Изъяснение. В *сложных силлогизмах*, соединяющих один с другим однородные или разнородные выводы, удерживаются как все посылки, так и заключения этих выводов. Между ними наблюдается только та связь, что заключение предыдущего вывода становится основанием для последующего, так что это ни что иное, как соединение *многих силлогизмов* (πολυσὺλ λογισμοί), в числе которых есть *предшествующие* и *последующие*, и которые могут быть взяты из класса выводов как безусловных, так условных и разделительных. Например: что имеет органы, то живет; насекомое имеет органы, следовательно, оно живет. Что живет, то чувствует; насекомое живет, то есть, чувствует и т. д. Или: если душа бессмертна, то она будет жить в другом мире. Она бессмертна, следовательно, будет жить в другом мире. Если душа будет жить в другом мире, то не нужно страшиться смерти, но душа будет жить в другом мире, то есть, ненужно страшиться смерти и т. д. Или: он или добр, или зол, но он добр, следовательно, не зол. Он, не будучи злым, будет строг ко мне или снисходителен. Но он будет строг, следовательно, не станет снисходить мне...

Эпихерема (от ἐπιχειρεῖν— подавать руку, поддерживать, доказывать) — это соединение одного полного вывода с другим неполным, представляемым в виде одного или двух кратких положений, поддер-

живающих и доказывающих посылки первого вывода. Например: все люди несведущи, *потому что ограничены*. Я человек, следовательно, я несведущ.

Сорит (от *σωρος* — куча, толпа) — это соединение многих выводов, удержавших только одни большие посылки. Оно направлено к тому, чтобы вывести из них одно следствие. Между этими посылками должна быть известная подчиненность, которая не препятствует начинать с подчиненных и восходить к подчиняющим, равно как может начинать с подчиняющих и нисходить, или поступать, к подчиненным. Отсюда происходят два вида соритов: *поступательные*, в которых сперва поставляются самые общие суждения, а потом идут частные и частнейшие, и *возвратные*, которые начинают с частного и восходят к самому общему. *Поступательные* сориты состояются таким образом, что сказуемое первой посылки становится подлежащим во второй, второй — в третьей и т. д., пока в заключении последнее сказуемое не соединится с первым подлежащим.

Пример: Звезды суть тела;
 Все тела сложны;
 Все сложное изменяется;
 Все изменяемое произошло во времени;
 Следовательно, звезды произошли во времени.

Возвратные сориты составляются обратным способом, то есть, в них подлежащее первой посылки становится сказуемым для второй, второй — для третьей, а в заключении последнее подлежащее соединяется с первым сказуемым.

Пример: Все изменяемое произошло во времени;
 Все сложное изменяется;
 Все тела сложны;
 Звезды суть тела;
 Следовательно, звезды произошли во времени.

Дилемма (от *δί* — дважды и *λήψα* — принятое положение) — это соединение условного вывода с разделительным, имеющее целью или утвердить, либо отвергнуть условие, вследствие отрицания либо утверждения противоположных ему членов деления, или же утвердить, либо отвергнуть члены деления вследствие отрицания либо утверждения противоположного им условия. Пример дилеммы первого вида: если мир сотворен Богом, то он произошел не от случая, ни существует сам собою. Однако мир не произошел от случая, ни существует сам от себя. Следовательно, он сотворен Богом. Или: если душа материальна, то она ни мыслит, ни свободно действует, но душа мыслит и действует свободно, следовательно, она нематериальна. Пример дилеммы второго вида: если мир не сотворен Богом, то он или произошел от случая

или существует сам собою, но мир сотворен Богом, следовательно, он не произошел от случая и не существует сам собою. Или: если душа материальна, то ни мыслить, ни действовать свободно она не может, но она мыслит и свободно действует, следовательно, она нематериальна.

Часть вторая. Образ соединения мыслей

§83.

Соединение мыслей — это *приведение представлений*, изложенных в отдельных суждениях или отдельных выводах, в одно *целое*, дающее нам понятие или об *известной стороне* предмета, или о *целом* предмете.

Изъяснение. Приводя, например, в одно целое представления, относящиеся к «известному городу» и составившие содержание наших суждений о правильности его улиц, изящной постройке домов, выгодном местоположении, большом народонаселении и т. п., мы получаем понятие о *внешней* стороне этого города. Если же к этим суждениям, образовавшим известные выводы, добавим суждения о просвещении жителей, образе жизни, промышленных занятиях и других свойствах, характеризующих *внутреннюю* жизнь этого города, то все это даст нам полное понятие об известном городе, которое, пока остается в нашей мысли, составляет *размышление* или *думу*, а когда выражается в слове — то производит *сочинение* или *речь*.

§84.

Приведение отдельных представлений в одно целое производится известными *способами*. Это целое получает ту или другую *форму*. Образование форм мыслей зависит от известных *условий*.

Изъяснение. Под именем *способа* соединения мыслей понимается тот план или путь, какому должны следовать наши мысли для того, чтобы из них могло составиться стройное целое. Оттого этот способ иначе называется *методой* (от *μετα* — по и *ὁδός* — путь), а то, что им производится, известно под именем системы (от *συστάσθαι* — вместе-поставлять, составлять), под которой вообще понимается последовательное совокупление мыслей, согласное с законами логики. *Форма* мыслей, приведенных к единству целого, есть не что иное, как тот вид, в каком представляется нам это целое. То, без чего нельзя обойтись, при приведении мыслей в ту или другую форму, есть необходимое *условие* образования форм наших мыслей.

Отделение первое. Способы соединения мыслей

§85.

Наши мысли представляют нам или то, что составляет *частную* принадлежность известного предмета, или то, что предмет имеет *общего* с другими предметами. Поэтому соединение мыслей может состоять как в приведении *частного* к *общему*, так и в построении на *общем частного*.

Изъяснение. Размышляя об известном предмете, я могу представлять в нем его составные части, принадлежащие ему свойства, производимые им действия, испытываемые им состояния и тому подобное, что все вместе составляет *частные* принадлежности этого предмета. Но если я представлю род или вид, к которому предмет относится, свойства, общие ему с другими предметами того же рода или вида, законы, по которым совершаются его действия, условия его существования и происходящих с ним перемен, то в этом случае моя мысль будет занята *общими* свойствами этого предмета. И так как она может начинать свою деятельность или из частных свойств предмета, возводя их к общим началам, или из общих начал, подчиняя им частные свойства предмета, то соединение мыслей в одно целое совершается двумя способами: посредством *вывода общего из частного* и посредством *подведения частного под общее*.

§86.

Приведение частного к общему известно под названием *анализа*, а построение на общем частного называется *синтезом*. Отсюда получили название два главных способа соединения мыслей: один — *аналитический*, другой — *синтетический*.

Изъяснение. В *анализе* (от ἀναλύειν — разрешать) мы поступаем от действий к их причинам и законам, выводим из частных истин всеобщие начала, составляем на основании частных случаев общие правила, заключаем от того, что существует условно, к самим условиям. Напротив, в *синтезе* (от συντίθεσθαι — слагать, совокуплять) из причин и законов извлекаем действия и следствия, из всеобщих начал выводим частные истины, общими правилами определяем частные случаи, от условий заключаем к тому, что ими обуславливается. Например, при изучении ораторской речи используют *аналитическую* методу, если, взяв какое-либо ораторское произведение, разлагают его на части, и, показав содержание и частные свойства приступа, темы, доказательств и заключения, выводят потом общие правила образования ораторской

речи. Но если начинают с этих общих правил, а потом уже, на их основании, строят систему всей ораторской речи, то в этом случае следуют *синтетической* методе.

§87.

Оба эти способа составляют из наших мыслей целое, имеющее *одинаковое* содержание, но различающееся *обратным* ходом мыслей.

Изъяснение. Целое, построенное *аналитическим* способом, начинается частным и заканчивается общим, выведенным из частного. В целом, составленном *синтетически*, общее предшествует частному, следовательно, как там, так и здесь, есть то и другое — частное и общее, только в обратном порядке.

§88.

Ход или расположение мыслей следует аналитическому способу тогда, когда начинаем с *отдельных предметов* и *частных свойств*. Если же начинаем с *общих свойств* — родов и видов, то используем синтетический способ. Первый из этих видов расположения мыслей свойствен *наведению*, второй — *аналогии*.

Изъяснение. Наведение — это такой способ произведения общего из частного, посредством которого из многих частных наблюдений над отдельными предметами мы составляем общий вывод, обращая в видовой или родовой признак частное свойство, замеченное нами во многих неделимых или отдельных видах, хотя все неделимые известного вида или все виды известного рода нами не познаны. *Аналогия* — такой способ извлечения частного из общего, посредством которого от сходства предметов в их родовых и видовых признаках делаем вывод об их сходстве в некоторых частных свойствах, хотя эти свойства нами не замечены во всех таких предметах. Так, зоолог, на основании сходства известных животных в их родовых и видовых свойствах, аналогически заключает, что известный момент животной жизни, замеченный в одних из них, должен принадлежать и другим.

§89.

Наведение *от многого*, нами *познанного*, заключает ко *всему*, *вполне непознанному*, а аналогия, на основании *известного* нам *сходства* предметов в одних свойствах, допускает *вполне незнанное* (нераскрытое) их сходство в других. Поэтому их выводы бывают только *вероятными*.

Изъяснение. Так называемое *полное наведение*, в своем существе, не есть наведение, ибо, если берется такой круг предметов, который,

по ограниченности своего объема, может быть исследован во всех своих частях, то составляемый, на основании такого исследования, общий вывод есть ни что иное, как совокупление в одно общее суждение всех частных суждений об этих предметах, а не наведение на весь род или вид того, что замечено во многих видах, или неделимых. Таков, например, следующий вывод: зрение, слух, осязание, обоняние, вкус нас обманывают, следовательно, все чувства нас обманывают.

Подобным образом признание сходства вещей в таких признаках, которые в каждой из них нами примечены, есть заключение, основанное на познании самих этих признаков, а не на сходстве других признаков, как это должно быть в аналогии.

Из сказанного видно, что как в наведении, так и в аналогии, всегда есть нечто неизвестное, делающее возможным то, что противоречит сделанному нами выводу. Оттого и сам этот вывод, как положение, пробуждающее в нас веру и согласие, но оставляющее при этом некоторую тень сомнения, называется вероятным.

§90.

Эти выводы получают надлежащую степень вероятности: в наведении — от действительности обобщаемого признака, многократного его повторения и нигде не встречаемого им противоречия, а в аналогии — от большего сходства предметов, и притом в существенных, а не случайных свойствах.

Изъяснение. Признак, обобщаемый нами посредством наведения, во-первых, должен составлять действительное свойство предмета, ибо если возьмем примету, основанную на одних догадках и предположениях, то в общем выводе получим также догадку, вымысел. Во-вторых, он должен быть познан нами в как можно больше неделимых. В противном случае произойдет неосновательный и опрометчивый вывод, содержащий заключение ко всему не от многих предметов, а от трех или двух. В-третьих, должен одинаково выражать себя в каждом отдельном предмете, чтобы не обратить в родовые или видовые приметы одного рода примет, свойственных другому роду, тем более что между всеми классами существ есть некоторое сродство. Впрочем, если наблюдаемый нами признак, будучи замечен в весьма многих неделимых, не встретится в каком-либо одном, то этот случай, или так называемая особая инстанция, не уничтожает общего правила, а составляет частное исключение, которое тем более допускается в мыслях, что и в природе есть своего рода отступления от общих законов. Но таких исключений не должно быть много, потому что они, ослабляя силу вывода, своим множеством могут совершенно ее уничтожить.

Признак, переносимый от одного предмета к другому посредством аналогии, во-первых, должен утверждаться на многих признаках, общих этим предметам, заставляющих допустить между ними больше сходства, чем различия. Во-вторых, должен применяться от одного предмета к другому, на основании сходства этих предметов в существенных, а не случайных свойствах, потому что в выводе должен быть представлен такой признак, который, хотя в отношении к тем признакам, из которых он выводится, есть частный, но, в приложении к самим предметам, становится общим им и существенным, а существенное не может основываться на случайном, иначе следствием будет то, чего нет в основании.

Отделение второе. Формы мыслей, приведенные в одно целое

§91.

Мысли, приведенные посредством означенных способов к единству целого, представляют или целое, составленное из своих частей, или целое, образованное посредством вывода общего из частного и подтверждения частного общим. В первом случае, мы или описываем части предмета, или повествуем о его действиях. Во втором случае наши представления о предмете мы приводим в известное соотношение и составляем из них связанное целое. Отсюда происходят три коренные формы мыслей: описаний, повествований и рассуждений.

Изъяснение. Когда анатом описывает организм человека, то его описание содержит в себе замечания о различных частях человеческого тела, приводимые им в одно целое, дающее нам понятие обо всем человеческом организме. Когда историк повествует об известном событии, то его повествование представляет частные факты, которые, будучи приведены к единству, дают понятие о целом ходе событий. Когда, наконец, философ рассуждает о какой-либо истине, то его рассуждение представляет общие истины, которые он выводит из частных истин и которыми подтверждает и разъясняет эти последние. Значит, каждый из них дает своим мыслям особенную форму. На различии этих форм основано разделение наук на описательные, или естественные, повествовательные, или исторические, и исследовательские, или математические и философские. К первым относятся: минералогия, ботаника и зоология с антропологией, ко вторым — история с ее различными видами, к третьим — математика со всеми ее отраслями и философия с юридическими науками.

§92.

Описываются предметы, представляющиеся нам в пространстве, или в виде целого с его частями и свойствами, или в виде рода и вида с их признаками. Поэтому описания имеют двоякую форму: форму изображения частей целого и их свойств и форму исчисления родов, видов, а также их признаков.

Изъяснение. Первая из этих форм располагает наши мысли об известном предмете в следующем порядке: сначала поставляет то, что дает общее понятие о целом, потом добавляет к этому показание частей целого, и, наконец, представляет изображение свойств как частей, так и целого. Во второй форме наши мысли об известном классе предметов располагают так: сперва, как бы в виде заглавия, обозначается род или класс предметов, потом в нем соединяются виды, семейства, порядки и т. п., излагаются свойства или отличительные приметы как каждой порознь из этих составных частей класса, так и целого класса вообще.

§93.

Повествуем или об *одних действиях*, как они произошли во времени, или *о причинах* этих действий, или, наконец, *и о самих побуждениях*, соединивших известные действия с известными причинами. Отсюда происходят три формы повествований: *летописная, записочная и историческая.*

Изъяснение. Летопись (хроника) идет за событиями шаг за шагом и записывает их по годам и числам. Ее форма должна быть такой, какую представляет внешняя последовательность событий, определяемая условиями времени. Записка (мемуар) представляет характер лиц, участвовавших в произведении известных событий. Ее форма должна быть повествовательно-описательная, изображающая деятельность этих лиц, как она проявлялась в хронологическом порядке, и представляющая как характерные черты лиц, так и те влияния, благодаря которым они образовались. Они зависели от обстоятельств места и времени, как и от нравов, обычаев, воспитания и т. п. История ищет те основания, вследствие которых известные события произошли от известных причин, а известные причины произвели те, а не другие события. Ее форма бывает или прагматическая (от прагма — действие, дело), верно изображающая развитие и следствие действий из причин, или философическая, исследующая те начала или побуждения, от которых зависело такое, а не другое соединение действий с причинами.

Рассуждают или с тем, чтобы из *частных* наблюдений произвести *общий* вывод, или с тем, чтобы показать отношение *общих* начал к *частным* следствиям, и, поставив в должной зависимости одно от другого, построить из общего и частного одно целое. Таким образом получается двоякая форма рассуждений: *аналитическая* и *синтетическая*.

Изъяснение. Синтетическая форма используется как в математике, так и философии: в *первой*, когда геометрически составляются величины из линий и поверхностей, и когда арифметически или алгебраически образуются суммы чисел в сложении и произведении факторов в умножении. Во *второй* — когда логически составляются различные виды низших и высших понятий из представлений. В той и другой — в математике и философии — используется также и *аналитическая* форма, когда *первая*, посредством геометрического анализа, делит построенные величины на их части, свойства и отношения, или, посредством арифметического вычитания и деления, разлагает суммы на их части, а произведения — на их факторы. *Вторая* же, посредством логических выводов, из общих начал выводит частные следствия.

Отделение третье. Условия форм, соединяющих мысли в одно целое

Все показанные формы хороши, во-первых, тогда, когда дают нам *полное* понятие о предмете. Во-вторых, тогда, когда представляют наши мысли в должном *порядке*, и, в-третьих, тогда, когда приводят их в надлежащую *связь*. Но полнота понятий зависит от *определений*, порядок мыслей — от *разделений*, а их связь — от *доказательств*. Следовательно, это три необходимых условия форм наших мыслей.

Изъяснение. Определение — это такое логическое действие, которое состоит в исчислении признаков известного предмета и которое должно представить их столько, сколько нужно для того, чтобы отличить этот предмет от всех других предметов. Этим оно отличается от *категорических* суждений, в форме которых оно обыкновенно представляется, потому что эти суждения могут содержать в себе или только несколько признаков предмета или даже какой-либо один, чего не разрешается в определениях. *Разделение* — это логическое действие, показывающее низшие понятия, на которые делится понятие высшее, как на свои подчиненные члены, и которые тоже должны быть исчислены все. Этим оно отличается и от *раздробительных* суждений, ска-

зубые которых могут не заключать в себе всех членов делимой сферы предметов, и от *разделительных* суждений, где члены, составляющие сказуемое, не суть понятия, содержащиеся в подлежащем, как его составные части. *Доказательство* — это ряд мыслей, представляющий высшие понятия вместе с низшими в такой связи и подчинении, что следствие, как бы оно далеко ни было поставлено от своего основания, нимало не теряет своей очевидности. Ведь, завися от ближайших к нему оснований, оно через них поставляется в известной зависимости и от самого отдаленного, с которым те соединены непосредственно или посредственно.

§96.

В состав определений входят *предметы* и их *общие признаки*; разделения состоят из *высших* и *низших понятий*, а доказательства содержат в себе *основания* и *следствия*. Определяемый предмет называется *определяемым*, а признаки, которыми он определяется, — *определяющим*. Высшее понятие, разделяемое на низшие, называется *делимым*, а его члены — *делящими*. Основание доказательства — это *доказывающее начало*, а его следствие — *доказываемая мысль*.

Изъяснение. *Определяемое* — это понятие, которое означает известный предмет, относящийся к тому или другому роду из заключающийся в нем вместе с другими предметами. Например, растение, человек, дом, стол и вообще всякая вещь, которая не заключается в известном классе вещей, но всегда вместе с прочими, может быть предметом определения. Означение рода или класса, к которому относится определяемый предмет, и показание его отличительных свойств от других предметов, совмещающихся с ним в том же роде или классе, составляет то, что известно под именем *определяющего*. Отсюда видно, что определение понятия составляется посредством показания родовых и видовых признаков предмета, означаемого известным понятием.

Делимое — это понятие, означающее известный род или класс предметов, включающий в себя известные виды, по которым распределяются эти предметы. Так, понятие «животное», как означающее род существ, содержащий в себе различные виды животных, может быть делимым предметом. Эти виды, исчисляемые в последовательном порядке, составляют *делящее*, а порядок их исчисления определяется какой-либо, совокупляющей их все и одновременно разделяющей приметой. Из нее видно, почему понятие, в известном отношении, делится на те, а не другие члены, которая поэтому и называется *основанием* деления. Всякое деление должно иметь только *одно* основание, чтобы не было смешения разнородных членов, и, вместо раздельности понятий, которую должно доставить нам деление, не про-

исходило бы сбивчивости и темноты. Так, деление людей на богатых и образованных выведено из двух различных оснований, оттого в нем соединены два такие члена, между которыми нет явной противоположности, и которые поэтому могут совмещаться один вдругом, так как богатые могут быть одновременно и образованными. Между тем, членами деления могут быть только понятия, резко отделяющиеся друг от друга, как отделяются противоположности между собою: в противном случае не будет основания для разделения надвое того, что, по своей природе, составляет целое.

Доказывающее — это мысль, подтверждающая или уясняющая собою другую мысль, которая выводится из нее непосредственно или посредством других мыслей. Эта выводимая мысль есть то, что доказывается, и поэтому называется *доказываемой мыслью*, а мысли, посредствующие между нею и доказывающим началом, или выводящие следствие из основания и таким образом *доводящие* нас до того, до чего мы предположили дойти, известны под именем *доводов*.

§97.

Определяемым может быть понятие, имеющее *определенное содержание*, а определяющим могут быть *отличительные признаки* понятия. Делимым может быть понятие, имеющее *внешний объем*, а делящим бывают *особые виды* понятия. Доказывающим должны быть *доказанные истины*, а доказываемым — то, что *требует доказательства*.

Изъяснение. Из свойства составных частей определений, разделений и доказательств можно видеть, что может входить в состав этих логических действий:

1) нельзя определять как таких понятий, которые почти не имеют содержания, каково, например, понятие «существо вообще», которое, как бы мы ни старались определить, всегда в определяющем дает нам то же самое определяемое, так и таких, которые содержат неопределенное число признаков, как всякое «неделимое». Для первых из этих понятий существуют деления, а для вторых — *описания*, не требующие полного исчисления всех отличительных примет вещи;

2) отличительными признаками могут быть приметы вещи, показывающие или значение ее имени, или внутреннюю и внешнюю ее природу, или ее свойства — первоначальные, либо производимые, или способ ее происхождения. Отсюда происходят различные виды определений: *именные, существенные, первообразные, производные и генетические* (от γενειν — рождать или от γενεσθαι — происходит);

3) нельзя делить понятие, если оно не заключает в себе ничего более, кроме самого себя, т. е. имеет один собственный *внутренний объ-*

ем, так как оно не может быть разделено на низшие понятия, их просто в нем нет. Потому-то неделимые можно *раздроблять* на их составные части, но не делить;

4) особыми видами, из которых должны состоять члены деления, называются те низшие понятия, заключающиеся под каким-либо высшим, из которых каждое составляет отдельный класс предметов, противопоставляющийся другому классу, ему параллельному. Поэтому членами деления могут быть только *противоположные* друг другу понятия;

5) основанием деления может быть примета, разделяющая или род на его виды, или виды на другие частнейшие виды, или одно и то же понятие то на те, то на другие его приметы. Разделение родового понятия называется *главным*, или собственно *разделением*. Разделение видовых понятий, следуя за разделением рода, получает название *подразделения*, а деления одного и того же понятия с различных точек зрения, будучи рассматриваемыми со стороны взаимного отношения их между собою, именуется *соразделениями*;

6) *доказанными* признаются те истины, которые или сами по себе очевидны, или легко могут быть выведены из других, а истины, *требующие доказательства*, — это те, которые получают очевидность не иначе, как посредством известного их логического вывода из очевидных истин. Следовательно, как нельзя утверждать доказательства на сомнительных началах, так нет нужды доказывать очевидные истины.

§98.

Цель определений состоит в том, чтобы показать сферу предмета или его род и отличить его от других предметов той же сферы посредством видовых его примет. Она достигается посредством *прямой подчиненности определяемого определяющему, ясности определяющего и точности определения*.

Изъяснение:

1) *прямая подчиненность определяемого определяющему* требует того, чтобы определяемый предмет был отнесен к своему *ближайшему* роду, чтобы были показаны признаки, составляющие его *собственное* видовое *различие*. В противном случае определяемое не будет заключено в свои надлежащие пределы, не будет отличаться от предметов, с ним сопредельных. Нарушение этого правила представляет следующее определение: «Человек — существо живущее», где определяющее представляет отдаленный род и черту, не составляющую собственного отличия человека;

2) *ясность определяющего* требует, чтобы:

а) определяющим было не само определяемое, так как тогда предмет, который мы хотим уяснить посредством определения, останется тем же, чем был прежде;

б) определяющим не было понятие, которое само определяется посредством определяемого понятия, так как тогда степень их ясности будет одна и та же, между тем, как определяющее всегда должно быть яснее определяемого. Нарушение этого правила составляет недостаток, известный под именем *круга в определении*;

в) определяющее не выражалось несобственными словами, слишком отвлеченными и неупотребительными, которые всегда бывают более или менее темны.

3) *Точность определения* требует, чтобы определяемый предмет был представлен в определении тем, чем он есть, без лишних прибавлений и убавлений. Для этого определение не должно быть ни *шире*, ни *теснее* определяемого предмета, так как в томи другом случае объем определения не будет соответствовать объему определяемого предмета. Так, если я определяю человека таким образом: «Человек — животное» или «Человек — животное разумное и образованное», то первое из этих определений охватывает больше, чем определяемый предмет, а объем второго теснее объема определяемого предмета. Отсюда видно, что определение расширяется, когда показывается один родовой признак вещи, и сужается, когда к существенным признакам присоединяются, сверх того, и случайные.

§99.

Цель деления — исчислить, в последовательном порядке, низшие понятия, заключающиеся под высшим понятием. Она достигается посредством *должного противоположения исчисляемых понятий, определенного их числа и полноты деления*.

Изыяснение:

1) *должное противоположение членов деления* требует, чтобы каждый член был резко отличен от другого, а это бывает тогда, когда соблюдается порядок поступления от высших членов к низшим. Только в таком случае не ставятся в одной параллели высшие и низшие члены, из которых последние всегда входят в состав первых. Следовательно, для соблюдения этого правила необходимо, чтобы члены подразделений следовали не иначе, как за членами главных делений, ни в коем случае не смешиваясь друг с другом;

2) *определенное число членов* требует, чтобы исчисляемых понятий не было слишком много и чтобы в них не дробилось делимое понятие на мелкие части, ибо как умеренное деление поясняет речь и помогает

памяти, так, наоборот, деление, выступающее за надлежащие пределы, обременяет память и потемняет речь;

3) *полнота делений* требует, чтобы были исчислены все понятия, составляющие существенные и необходимые члены делимого целого так, чтобы они, взятые вместе, в точности равнялись самому целому. В противном случае, деление или будет содержать в себе то, что не относится к сфере делимого понятия, но взято из сфер других понятий, или не будет охватывать все части целого, т. е. будет шире или теснее делимого предмета, тогда как оно должно быть равно ему.

§100.

Цель доказательств состоит в том, чтобы утвердить истину одной мысли на другой истине, при помощи посредствующих мыслей. Она достигается посредством *определения доказываемой мысли*, ее *направления к доказывающей мысли* и *должного вывода* первой из второй.

Изъяснение:

1) *определение доказываемой мысли* требует того, чтобы мы, желая доказать известную мысль или решить какой-либо вопрос, прежде всего уяснили, что именно нам нужно доказывать или решать и в какой мере, чтобы наша мысль не блуждала потом, не зная, к чему ей следует стремиться. У древних это значило *установить состояние вопроса* (*statum quaestionis*). От неисполнения этого правила происходит недостаток, известный в логике под именем *отступления от главного пункта*, за которым всегда следует, что предмет, который хотели доказать, остается недоказанным;

2) *направление доказываемой мысли к доказывающей* требует того, чтобы, доказывая известную мысль, мы направляли ее только к тому, что действительно каким-нибудь образом ее доказывает. Это доказывающее может иметь большую или меньшую силу, может прямо или косвенно относиться к тому, что им доказывается, может стоять в начале или конце доказательства. Отсюда получают начало следующие виды доказательств:

а) *очевидные и вероятные*, первые из которых имеют всю силу убеждения, потому что основаны на несомненных началах, которые не могут быть ослаблены никакими противными доводами. Вторые, хотя и представляют основания истины, но не уничтожают возможности заблуждений, потому что утверждают на вероятных началах, принятие которых соединено с некоторым опасением противного;

б) *прямые и косвенные*. В первых из них используется способ доказывания, состоящий в заимствовании доказывающих начал из прямого рассмотрения свойств, действий и законов доказываемого предме-

та, как, например, это делается в том случае, когда происхождение мира доказывается из его ограниченности и изменяемости. Вторые же состоят в заключении к истине предложения доказываемого от нелепых следствий другого предложения, ему противоречащего. Поэтому косвенные доказательства иначе называются *приводящими к нелепости* (*ad absurdum*) или *отводящими* (*apagogicae*) от доказываемой мысли к другой, ей противоречащей, с тем, чтобы от должности последней, открывающейся из ее нелепых следствий, непосредственно заключить к первой истине. Противоречащие предложения не могут быть оба истинны, как не могут быть оба и ложны;

в) *синтетические* и *аналитические*, или *a priori* и *a posteriori*. В них соблюдается или тот порядок мыслей, что доказывающее начало следует за доказываемой мыслью, или тот, что доказываемая мысль выводится из своего начала. Так, если я «из бытия мира», как действия, вывожу «бытие Творца», как причины, то использую *аналитический* способ доказывания. Если же «от причины заключаю к действию», то мое заключение имеет *синтетический* характер.

3) *Вывод доказываемой мысли из доказывающей* требует:

а) чтобы в последовательности мыслей, посредствующих между доказываемой и доказывающей мыслями, не было перерыва, иначе — промежутка или *скачка*;

б) чтобы не было отступлений, нимало не содействующих достижению цели, так как тогда мы придем не к тому, к чему хотели прийти, а к чему-либо другому;

в) чтобы была очевидная связь последующего с предыдущим, ведь только тогда заключение очевидно, когда выводится не только из очевидных начал, но и очевидным способом. От соблюдения этих условий доказательства получают то, что называется *силой*, *нервом* и *душой* доказательства.

БИОГРАФИЯ ГЕРЦОГА ДЕ-РИШЕЛЬЕ

Ah! je ne puis y tenir; mon coeur se fend
de devoir employer toute mon autorité à rendre
désertes ces rues, quand j'ai travaillé pendant
dix ans à les peupler et à les animer.

Слова, сказанные герцогом де-Ришелье
во время чумы 1812 года

Местом деятельности герцога были две державы: в одной ему суждено было начать ее и окончить, а другой принадлежит ее продолжение. Услуги, оказанные им своей родной земле, оценены, тотчас после его смерти, знаменитым сановником Франции, кардиналом де-Боссе, в речи, торжественно произнесенной им в Палате перов¹. Но и Россия, которую он любил называть своим вторым Отечеством, не осталась непризнательной к памяти великого мужа. О его общепольной деятельности, положившей прочное основание нынешнему процветанию как Новороссийского края вообще, так в особенности Одессы, у нас в различных печатных изданиях написано много, особенно в исторических и статистических описаниях Новороссии и Одессы г. Скальковского². Добавив к этим данным некоторые подробности жизни герцога де-Ришелье, взятые нами из рукописи другого доблестного мужа, который знал его близко и тридцать лет пребывал с ним в близких дружеских отношениях³, мы решились придать всему этому некоторую стройность. О важности данной работы свидетельствует уже само имя Ришелье, столь драгоценное для всех обитателей Новороссии и Тавриды.

Эммануил Осипович дю-Плесси Ришелье, герцог де-Ришелье, генуэзский нобиле, родился в Париже 14/25 сентября 1766 года, внук маршала Ришелье. Уже в юности он отличался от своих сверстников стро-

¹ Victor de Broglie. Discours prononcé à la Chambre de Pairs de France, par M. le Cardinal Duc de Bausset, a l'occasion de la mort de M. le Duc de Richelieu. – Paris, 1822.

² См.: Скальковский А. А. Первое тридцатилетие истории города Одессы. 1793-1823. – Одесса, 1837. – С. 114-225.

Скальковский А. А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края: 1730-1823. Часть II. – Одесса, 1838. – С. 50-246.

Морозов П. Т., Розенберг М. П. Исторический взгляд на Одессу // Одесский альманах на 1831 год. – Одесса, 1831.

Notice sur le Duc de Richelieu Président du Conseil des Ministres, Grand Veneur du Roi de France etc. par Charles Sicard Conseiller de commerce etc. – Paris, 1826.

³ Notice sur les premières années de Monsieur le Duc de Richelieu et sur sa vie militaire jusqu'à sa nomination à la place de chef de la ville d'Odessa. Le C-te de Langeron. – Odessa, 1825.

стью нравов и твердостью характера. Воспитание он получил в коллегии дю-Плесси, одном из лучших заведений, основанных его двоюродным дядей, знаменитым кардиналом де-Ришелье. Здесь, под руководством почтенного аббата Лабдана (Labdan), воспитателя несчастного герцога Ангиенского, юный Ришелье изучал древних классиков, развивал свой вкус ко всему прекрасному и высокому, подготавливая себя к должному выполнению своего будущего назначения. Его опытный наставник разглядел отличные качества своего питомца, и, как бы предвидя его будущую судьбу, старался развить в нем чувство нравственности и религии, как основу того самоотвержения, которое составляет главную черту всей деятельности герцога де-Ришелье. Ришелье был чужд легкомыслия и непостоянства своего века. Особая скромность и степенность уже в молодости резко отличали его от его товарищей, которые замечали в нем некоторую неловкость и педантство, и, однако, невольно уважали его за личные нравственные достоинства. В обществе, особенно с представительницами прекрасного пола, он был робок и застенчив, но в кругу друзей и равных себе был весел, часто шутил и спорил, пока не замечал какой-либо посторонней или мало знакомой ему особы, присутствие которой тотчас делало его осторожным и слишком внимательным к своим словам. Он был строг и к самому себе, и к другим, но иногда доверял тем, кто не заслуживал его доверия. Его чистая и благородная душа не могла подозревать в других хитрости и обмана, потому что не находила их в себе. Конечно, это недостаток, но счастлив тот, в ком недостатки происходят от подобных причин.

Одаренный от природы хорошей памятью и твердым умом, Ришелье вышел из стен коллегии с верным взглядом на вещи и достаточным запасом познаний, которые впоследствии не переставал умножать и совершенствовать собственной неутомимой деятельностью и постоянным трудом. За стенами коллегии ему тотчас предстали, опасные для юного сердца и ума, примеры легкомыслия, порока и неверия, но он смог избежать заблуждений своего века и остался на всю жизнь с теми же редкими качествами, которыми отличался в юности. Особую черту в его характере составляет та скромность, благодаря которой он, происходя от знаменитых предков, никогда не гордился знатностью своего рода, но, забывая свое происхождение, стремился к приобретению одних личных достоинств, подобно человеку, происходящему из низин общества.

Весьма рано, будучи еще юношей, Ришелье женился на наследнице знаменитого парижского дома «Рошешуар» (Rochechouart), но не остался жить в Париже, а отправился путешествовать по Европе. Путешествия были в то время в большой моде. Молодые люди предпринимали их большей частью для того, чтобы рассеяться самим и распространить

среди других свои ложные взгляды на вещи. Но для Ришелье это был источник новых сведений, средство довершить свое образование опытным изучением стран и народов, воспользоваться опытностью людей, преданных истине и добру. Его выбор в этом случае всегда был удачен. Он находился в дружеских отношениях с такими людьми, от которых легко было научиться многому, истинно полезному. Один принц де-Линь, дружбу которого Ришелье сумел заслужить, был для него лучшим наставником в жизни. Это был муж редких качеств и с весьма обширными познаниями, который до глубокой старости пленял своим умом и характером всех, кто его знал. Внимание и расположенность подобных лиц Ришелье получал благодаря своим личным качествам, а особенно рассудительности, скромности и основательности суждений. Получив от природы особый дар легко изучать и усваивать различные формы и обороты человеческого слова, он свободно объяснялся на пяти европейских языках, поэтому, где бы он ни появлялся, везде встречал радушный прием. Этот дар слова был объединен в нем с особым даром мыслей и необыкновенным искусством выражать их на бумаге: он мог написать вдруг, почти без всякой подготовки, несколько страниц о предметах высоких, трудных и отвлеченных, не имея потом никакой надобности исправлять написанное. Стиль его письма был сжат, краток, полон мыслей, более глубок, чем изящен. Теми же совершенствами отличалась и его устная речь.

Любовь к Отечеству и чувство долга заставили его вернуться во Францию, уже возмущаемую духом своеволия и безначалия. По прибытии в Париж, он поступил на военную службу и был впоследствии назначен секунд-майором гусарского полка Эстергази. Между тем, буря, давно собиравшаяся на горизонте Франции, не замедлила разразиться; вскоре по возвращении Ришелье из путешествия по чужим землям, наступило то время ужасных беспорядков, неслыханных преступлений, жестокостей и низостей, которое известно в истории под названием «революция». Опасность, угрожавшая королю, сблизила Ришелье с добродетельным, но несчастным монархом. Версальский двор требовал защиты и утешения, и Ришелье стал постоянным собеседником и неизменным другом королевской фамилии. В ужасное утро 5 октября 1789 года он находился в Париже, который вообще посещал довольно редко и на короткое время. Он узнал, что бесчисленные толпы неистовых возмутителей хлынули, подобно разъяренным волнам, к Версалю. Неминуемая опасность угрожала королю, как и тем, кто окружал его, что не устршило мужественного Ришелье: пробившись сквозь скопища убийц, наполнявших улицы Парижа, он поспешил в Версаль и вступил в ряды защитников царя и трона. Но плененного короля не допустили к его верным подданным. Людовик XVI, преданный суду, окруженный

вероломными министрами и ставший невинной жертвой убийц, сам потребовал от своих защитников и друзей тяжелой для них жертвы — оставить его одного! Тогда Ришелье, покинув с душевной скорбью Францию, отправился в Вену, где милостиво был принят императором Иосифом II. До октября 1790 года он оставался только зрителем происходящих вокруг него событий.

Но провидение готовило ему новое поприще деятельности, на которое он был вызван графом Ланжероном, впоследствии достойным его преемником в управлении Новороссийским краем. Еще в конце 1787 года Россия начала войну с Оттоманской ордой. Граф Ланжерон, по заключении мира, окончившего войну русских со шведами, отправился в чине полковника из Финляндии в Бессарабию с намерением продолжить службу в армии, действовавшей против турок. Но тяжелая болезнь жены, оставленной им во Франции, заставила его поспешить домой. На пути, в Вене, он получил скорбную весть о смерти нежно любимой им супруги, и этот удар поверг его в жестокую болезнь. Только присутствие герцога Ришелье, его дружеское внимание смогли облегчить раны его сердца и вернуть ему силы и здоровье. С этой-то минуты и началась тридцатилетняя неизменная дружба двух великих умов — этих рыцарей, исполненных энтузиазма и устремлявших всю свою деятельность на благо человечества.

Между тем, русские войска брали одну за другой турецкие крепости по Дунаю. Килия, Тульча, Исакча уже были в наших руках. В Бессарабии во власти турков оставался только Измаил, взятие которого должно быть закончить эту войну. В Вене было получено известие о предпринимаемой осаде этой крепости. В письме, присланном князем Потемкиным принцу де-Линю, было выражено желание главнокомандующего, чтобы граф Ланжерон, как полковник русской службы, прибыл в армию, действовавшую в Бессарабии. Это письмо стало электрической искрой, зажегшей пламя воинских доблестей в герцоге де-Ришелье и молодом принце Карле де-Лине. Оба они, несмотря на ненастное осеннее время, на следующий же день отправились с графом Ланжероном из Вены в Россию с пламенным желанием встать под знамена русского воинства, и, путешествуя день и ночь, прибыли в открытой почтовой телеге в Бендеры, где в то время находился князь Потемкин. Он принял принца де-Линя, как сына своего старинного друга, а герцога де-Ришелье — как потомка знаменитого кардинала де-Ришелье. Оба они, вместе с графом Ланжероном, получили назначение служить в Дунайской флотилии под начальством адмирала де-Рибаса.

Взятию Измаила предшествовало несколько сражений нашей флотилии на Дунае, в которых Ришелье выказал свои воинские таланты: мужество, неустрашимость и хладнокровие. Наконец, наступил день

того редкого в истории штурма, в котором 23 000 русских должны были действовать против 40 000 турок, защищенных со всех сторон неприступными валами и глубокими крепостными рвами. Такое неравенство сил увеличилось еще больше от потери людей, неминуемо следующей за всяким штурмом: 3 000 саперов не дошло до города, а 6 000 солдат погибли на приступе, так что слава взятия Измаила и поражения 40-тысячного турецкого корпуса, защищавшегося с удивительным мужеством и отчаянным упорством, принадлежит только 14 000 храбрых русских воинов под предводительством Суворова. Ришелье в этом сражении получил легкую рану и предстал героем, обратившим на себя внимание императрицы Екатерины II, пожаловавшей ему крест Св. Георгия IV степени и золотую шпагу с надписью «За храбрость».

Взятие Измаила положило конец военным действиям, и Ришелье, пробыв некоторое время в Яссах, куда Потемкин перенес свою главную квартиру, вернулся в Вену. Зимой того же года он отправился в Петербург с принцем Нассауским, адмиралом русской службы, победителем турок на Черном море в 1788 году, а в 1789-м — шведов на Балтийском море. Ришелье был благосклонно принят императрицей, произведен ею в чин полковника. Ему позволили участвовать в тех частных собраниях двора, на которые приглашались только заслужившие особое благоволение императрицы долговременной службой.

Весной он снова вернулся в Вену и провел здесь зиму 1791-1792 года. Потом по поручению императрицы Екатерины II отправился в Петербург к принцу Конде с 6 000 червонцев, предназначенных для поддержки собранному в Брейсгау корпусу французских эмигрантов. С этим корпусом, присоединившимся к корпусу австрийцев, состоявшему под начальством принца Антония Эстергази, Ришелье в 1792 году совершил несколько незначительных походов, по окончании которых прибыл в Вену. Тут, в 1793 году, он получил высочайшее назначение состоять вместе с графом Ланжероном при главном штабе австрийской армии, которая должна была действовать в Нидерландах против республиканцев, чтобы при помощи князя Эстергази докладывать императрице о ходе военных действий. Ришелье и здесь не ограничивался только своей прямой обязанностью, а был самым ревностным деятелем на поле брани, участвовал во всех знаменитых битвах между австрийцами и республиканцами во Франции, Нидерландах и на Рейне в 1793 и 1794 годах. За эти два года он опытно изучил трудную науку войны, был очевидцем как больших воинских удач и гениальных соображений, так и грубых ошибок. Он присутствовал при осаде Валансьена, Дюнкирхена, Мобежа, Ландреси, участвовал в сражениях при Лянуа, Турнэ, Флерюсе, ознаменованных подвигами Конде, Эстергази, принца Кобурга и других знаменитых полководцев этого времени. Во время военных дей-

ствий он или находился возле главных вождей, или занимал самые опасные места в рядах сражавшихся воинов. Часто выступал на поле битвы в авангарде, при осадах нередко находился в аванпостах, следующих с корпусом инженеров, а при штурме Валансьена шел на приступ неустрашимо в рядах гренадеров. Его мужество и рвение были замечены лучшими генералами австрийских войск: графы Феррарис, Клерфе, Беллегард, принцы Кобург, Вальдек, Гогенлоэ и другие всегда отличали герцога Ришелье от его товарищей, а лучшие из товарищей — принц Карл Шварценберг, графы Мейерфельд и Дидрихштейн — любили его и уважали за личные достоинства.

В октябре 1794 года австрийская армия должна была оставить Нидерланды, и, отступив за Рейн, окончила, таким образом, компанию этого года. Ришелье провел зиму в Вене, а весной с графом Ланжероном отправился в Россию. Они посетили героя войны 1770 года, победителя турков при Кагуле, главнокомандующего Румянцева. Этот украшенный сединами муж с первого взгляда понял и оценил способности каждого из них, и предложил герцогу Ришелье место полковника в Кирасирском полку ордена Св. Георгия, а графу Ланжерону — место подполковника в малороссийском гренадерском полку, снабдив их рекомендательными письмами к военному министру. Оба эти полка были расположены в то время на границе Польши, в Волынской губернии, возле города Дубно, куда и был отправлен Ришелье со своим товарищем почти тотчас же по прибытии в Петербург. Но здесь он оставался недолго. Император Павел I в 1797 году пожаловал ему чин генерал-майора и перевел в собственный Кирасирский полк, в Петербург. Около шести лет Ришелье находился на этой блистательной службе, пользуясь особым вниманием и почти дружеским расположением к нему великого князя Александра Павловича, который, как только стал наследником престола (1796), тотчас пригласил герцога де-Ришелье в свою свиту, в свое ближайшее окружение. В конце царствования императора Павла I (1800-1801), Ришелье посетил Париж, чтобы уладить свои семейные дела, и получил приглашение от первого консула Франции — Наполеона Бонапарта — вступить в ряды французской армии. Однако он был на стороне падшей династии, поэтому и отвергнул это приглашение. Он поспешил назад в Петербург, куда влекло его чувство особой привязанности к императору Александру I, который, в ознаменование своего монаршего благоволения к заслугам Ришелье, пожаловал его, в 1803 году, в генерал-лейтенанты.

С этого времени начинается новая эпоха жизни герцога Ришелье, самая важная для нас — время его благодетельных действий для Новороссийского края вообще и для Одессы особенно. Она заслуживает нашего внимания.

После разделения второй Новороссийской губернии на Николаевскую, Таврическую и Екатеринославскую, произведенном на основании высочайшего указа от 8 октября 1802 года, некоторые города (Одесса, Феодосия, Херсон и Таганрог), для поощрения торговли и лучшего их устройства, предложено было поручить особому попечению лиц, которые избирались монархом. Для Одессы это предложение не замедлило осуществиться. В начале следующего года (27 января 1803 года) генерал-лейтенант герцог де-Ришелье был определен градоначальником Одессы, с титулом военного губернатора и властью, сделавшей его независимым от главного новороссийского начальства и подчинявшей его воле монарха и силе законов. 9 марта того же года он вступил в эту должность, и, извещая об этом екатеринославского губернатора, написал ему: «По высочайшей «Его Императорского Величества воле, будучи определен в Одессу военным губернатором, я этого месяца в 9-й день в оную прибыл. Почему, для соблюдения между нами связи и порядка, к сведению Вашего превосходительства и сообщая копию с данного мне из Правительствующего сената указа. 21 марта 1803 года».

Круг деятельности, связанной с этим званием, был весьма обширен, многосторонен и разнообразен. Трудно охватить все его стороны в тесных пределах нашей статьи. Достаточно, если мы укажем на главные из них, а они ясно обозначены в наставлении, данном самим монархом герцогу Ришелье, при его назначении градоначальником Одессы.

«По прибытии Вашем в Одессу, — так сказано в высочайшей инструкции генерал-лейтенанту, герцогу де-Ришелье от 30 января 1803 года, — следует, осмотрев все части, обстоятельно вникнуть в состав и настоящее их положение, и, обдумав все, постараться привести их в наилучшее состояние, исполняя это или самостоятельно, где это от вас будет зависеть, или, представляя мне вещи, подлежащие к исправлению, которые будут превосходить вашу власть. Указ Правительствующего сената о Вашем назначении обозначает пределы Вашей власти по гражданской части. Сверх того, Вашему начальству поручаются: все военные команды, состоящие в городе; все крепостные и портовые строения; таможня, карантин и морские чиновники с людьми, подчиняющимися им, пребывающие (постоянно или временно) на службе в Одессе на судах. Необходимо, чтобы все эти части, приходя к одному пункту, имели связь и течение, соответствующие доброму устройству. Одесский магистрат, составленный из членов разных наций, избранных среди самого разнообразного народа, требует особого надзора. Одесская торговля претерпела, быть может, немало от того, что торгующие в своих тяжбах никогда не находили там управы. Образование Коммерческого суда должно быть предметом попечения правительства, но до того времени необходимо сделать все, чтобы тяжбы по торговым делам рассматрива-

лись посредниками, тем более, что торгующие в черноморских портах привыкли к этому роду судопроизводства. В случае же, когда дело поступит в магистрат, необходимо следить, чтобы скорым и точным правосудием судящиеся получали законное удовлетворение. Одна из главных целей Одессы — увеличить население города иностранцами. Особому Вашему попечению поручаю всякими поощрениями и выгодами стараться привлекать тех, кто приезжать туда будет, в соответствии с тем, как это было при первоначальном основании этого города. Но чтобы соблюсти пользу или, лучше сказать, отвратить зло, которое новому заведению может быть крайне вредно, если бы водворились там люди из иностранцев, замеченные Вами в дурном поведении, пороках или преступлениях, я предоставляю Вам свободу таковых выслать. Одесса имеет довольно значительные доходы и, сверх того, на построение мола отпущена немалая сумма из казны. Ваше замечание, сделанное о составе тамошнего градоначальства, делает необходимым, чтобы Вы, по особым Вашим наблюдениям, имели то употребление, которое делается из этих разных сумм, вникнув притом и в расходы, какие прежде по выше упомянутому строению были сделаны... Часть, совершенно упущенная и требующая скорейшего исправления, — это карантин. Не замедлите получить планы и положения для карантинного дома, назначаемого в Одессе. Вашему попечению предоставлено будет избрать для его устройства удобное место, чтобы поспешить с построением. До того времени Вы должны обращать Ваше внимание на то, чтобы предостеречь город, Вашему начальству вверенный, от моровой язвы, а для того следует не прекращать постоянной переписки с моим министром в Константинополе, как и с консулами, находящимися в левантских странах. Необходимо поставить им в обязанность, которую они, впрочем, и теперь отчасти соблюдают, извещать Вас о состоянии этого поветрия в месте их пребывания. Эта переписка может быть полезна и по другим делам, к переселению относящимся».

Благоустройство Одессы, украшение ее зданиями, умножение выгод жизни, улучшение порта и прочее, — все это предоставлено было заботам будущего управления герцога Ришелье¹.

Одно исполнение этих мудрых начертаний могло доставить истинную славу тому, кто для этого был избран волей монарха, а Ришелье выполнил все это с полным и, можно сказать, блистательным успехом.

Первым его делом по прибытии в Одессу было, как сказано в данном ему наставлении, «осмотреть все части и вникнуть обстоятельно в их состав и положение». Это сделано было им сразу же при вступлении в должность. Чтобы удостовериться в каком состоянии находится вверен-

¹ См.: Скальковский А. А. Первое тридцатилетие истории города Одессы. 1793-1823. — Одесса, 1837. — С. 127-128.

ный ему город, судьба которого с того времени должна была зависеть от его гения и трудов, он тотчас потребовал отчеты за прошедшие годы по всем частям. Эти отчеты показали ему, что население города было тогда не больше 9 000 душ обоего пола, городской земли было 42 000 десятин, на которой находилось 29 хуторов. Озимого и ярового хлеба в 1802 году было получено 28 565 четвертей, фабрик было 3, заводов — 13, мельниц — 23, церквей — 6, лавок — 171, погребов — 43, домов с землянками — 1 362. Кроме того, 1 часовня, 1 еврейский молитвенный дом, 1 больница, 11 казарм и 7 солдатских флигелей. Городских доходов выходило 40 675 рублей, а расходов — 45 122 рублей. Гавани почти были окончены, на их устройство (с 1800 по 1803 год) было потрачено 275 858 рублей. Одесса, похожая в то время на большую часть наших уездных городов, только названием отличающихся от деревень, представляла своему новому начальнику обширное поле для деятельности, и Ришелье, получивший наслаждение, заботясь об общем благе, занялся со всей ревностью умножением средств, которые поспособствовали бы благоустройству, процветанию и обогащению управляемого им города. Эти средства, по его ходатайству, большей частью были поданы державной рукой монарха. Три высочайших указа, подписанные Ришелье в самом начале его правления, упрочили будущее благосостояние Одессы. Одним из них (от 5 мая 1803 года) указано было: «В черноморских и азовских портах уменьшить пошлину $\frac{1}{4}$ долей в отличие от других портов». Другим (от того же числа) Одесский гарнизон расширен двумя батальонами с той целью, «чтобы жители при постройках имели возможность отыскать рабочих в большем числе и за меньшую плату», а третьим (от 24 января 1804 года) открыт богатый источник для благоустройства Одессы. В нем сказано было: «Для продолжения неоконченного в Одессе мола и для произведения других работ, предполагаемых одесским военным губернатором Дюком де-Ришелье, отныне уделять *пятую* часть таможенных сборов того города вместо *десятой*». Щедрость правительства вызвала содействие и частных лиц. Городское общество выразило своему градоначальнику желание, а он попросил у государя императора высочайшее соизволение вносить в пользу города по 2 $\frac{1}{2}$ копейки со всякой четверти пшеницы, отпускаемой за море, с назначением этих денег на устройство дорог, улиц и мостов. Починка старой пристани, устройство новой дороги к военной гавани, выкапывание колодцев и ремонт бассейнов у фонтанов — были произведены на счет этого общественного взноса.

Благодаря таким нововведениям, Одесса стала заметно и весьма быстро возвышаться. Не прошло и двух лет со времени правления герцога де-Ришелье, как этот город принял новый, несравненно лучший вид. В прежнем виде оставался только скромный домик, состоящий из четы-

рех комнат с пятью окошками, в котором жил сам Ришелье и на месте которого возвышается теперь огромное здание красивой архитектуры, сохранившее его имя. Так, постоянно думая о других, Ришелье забывал о самом себе. Только в одном он не мог себе отказать: он оградил этот домик, построенный Кирьяковым, стоявшим в то время уединенно на вновь разбитой на Греческом форштате улице, позже названной Ришельевской, деревьями, которые сажал, подрезал и поливал собственноручно. Но за этой оградой, в которой он находил для себя и развлечения, и успокоение, которую любил называть «своим дворцом» (son Palais), стали подниматься публичные здания и частные дома, которые могли составить украшение лучших из европейских городов. В Карантинной балке было построено немалое количество хлебных магазинов; вокруг обширной площади, посреди которой теперь возвышается Соборная церковь, жителям были розданы участки земли для постройки домов; ассигновано 100000 рублей (5 марта 1805 года) на построение укрепленных казарм для помещения одного егерского полка и одной конноартиллерийской роты. Наконец, деятельно приступили к сооружению божьих храмов, составляющих лучшее украшение христианских городов. Одесское греческое общество поднесло герцогу акт, которым оно добровольно обязалось взносить от всякой четверти пшеницы, отпускаемой за границу, по 2 1/2 копеек на сооружение Троицкой греческой церкви. Почти в то же время была окончена Католическая церковь. Положено было основание Соборного православного храма имени Св. Никола (ныне Преображенская церковь), и, по ходатайству Ришелье, пожертвовано государем императором (8 апреля 1804 года) 100000 рублей как на сооружение этого храма, так и для окончания церкви Св. Екатерины, заложенной еще в 1795 году на площадке, ведущей к памятнику Ришелье, которая потом, однако, еще до окончания строительства, была упразднена и оставила улице, называемой ныне Екатерининской, только свое имя.

Особое внимание герцога Ришелье было обращено самим монархом, как видно из приведенной выше инструкции, на карантин. Ничтожное состояние карантинных зданий, в каком они находились до 1803 года, побудило Ришелье поспешить с составлением планов и выбором места для нового карантина. Планы были составлены по образцу Марсельского и Генуэзского лазаретов, а местом для карантина избрали крепость на берегу моря. Это предположение было удостоено высочайшего соизволения, с тем дополнением, чтобы гавань, для безопасности судов, была разделена на две части: карантинную и практическую. На постройку карантинных зданий 7 июля 1803 года было ассигновано 160000 рублей. Эту сумму приказано было тратить, по одобренным планам, под наблюдением инженер-генерал-лейтенанта де-Волана.

Таким образом, Одесса, благодаря неусыпным попечениям своего непосредственного начальника, в 1805 году уже не походила на тот незначительный городок, который два года назад был вверен управлению герцога Ришелье. Она уже имела два форштата, разделенные нынешней Греческой улицей и составлявшие, собственно, город; Херсонскую площадь (нынешний старый базар), бывшую главным рынком для сбыта продовольственных припасов; адмиралтейские казармы, на месте нынешнего Приморского бульвара; новую крепость, основанную в 1793 году, с перенесенным в нее карантинном; к северо-западу от крепости — немецкую колонию, к югу — Ремесленную улицу и, сверх того, кузнечный, рыбный, дегтярный, садовый и другие ряды. Наконец, кое-где были уже обозначены, хотя и незначительными строениями, улицы и переулки на Северном форштате, Херсонской улице. На всем этом пространстве, с 1803 по 1804 год, выстроено 124 дома, 38 хлебных магазинов, 2 землянки, 4 лавки, 1 погреб и 5¹магазинов, начато строительство еще 18 домов.

С заметным расширением города быстро увеличилось и его население. В 1804 году прибыло: купцов 1-й гильдии — 109 мужского и 23 женского пола, 2-й гильдии — 43 мужского и 18 женского пола, 3-й гильдии — 74 мужского и 21 женского пола, мещан — 522 мужского и 100 женского пола. Всего прибыло 910 человек обоего пола, что составило даже больше числа, показанного в 1803 году. Со всех сторон стекались иностранцы, для которых одно имя Ришелье служило залогом их благосостояния. Тех из них, которые знали какое-либо ремесло, водворяли в Одессе на праве колонистов, отчего занятая ими улица стала называться Немецкой колонией.

Затем для города, организованного совершенно иначе от других городов России, нужны были некоторые особые учреждения, и Ришелье не замедлил попросить на их введение высочайшее соизволение. По его ходатайству был учрежден (19 февраля 1804 года) Одесский комитет, который, под председательством градоначальника, распоряжался всеми делами города, за исключением судебной расправы. Его членами были: комендант, карантинный и таможенный инспекторы, надзирающий над портовыми работами инженер, градский глава и два члена от граждан. Заведена была Променная контора (23 февраля того же года) с капиталом в 100 000 рублей медной монетой для обращения в городе и платы рабочим. Основана была (16 апреля того же года) Коммерческая гимназия, которая, имея в виду образование юношества в соответствии с местными потребностями, отличалась от других подобных заведений тем, что в ней преподавались главные основы наук: коммерция, бухгал-

¹ См.: Скальковский А. А. Первое тридцатилетие истории города Одессы. 1793-1823. — Одесса, 1837. — С. 133-134.

терия, политическая экономия, итальянский и греческий языки, как самые распространенные среди мореходцев Черного и Азовского морей. Для воспитания же девиц было учреждено Городское девичье училище.

Цветущее состояние города отразилось и на его окрестностях. Прежние хаджибейские степи, мудрыми распоряжениями Ришелье, начали заселяться и покрывались деревнями, хуторами, садами и виноградниками. Исполняя волю монарха, Ришелье усердно занимался водворением иностранных поселенцев на городской земле. Из-за ее недостатка он купил, с высочайшего соизволения, огромное количество десятин у графа Викентия Потоцкого, где (1804) из германских переселенцев образовались три, процветающие ныне, колонии: Большой и Малый Либентал, Люгсдорф. Чтобы извлечь всю пользу, какую могли доставить государству разгульные новороссийские степи, Ришелье содействовал разведению в Новороссийском крае овцеводства. С этой целью он позволил иностранцу Миллеру пасти свое стадо лучших испанских овец на городской земле, и, с позволения монарха, заключил с ним договор, по которому он получил 13 000 десятин земли, здание старой Одесской таможни для шерстомойни. Сверх того, был предоставлен займ на 10 лет в размере 20 000 рублей для первоначального обзаведения, но с одним условием: чтобы в течение нескольких лет распространить овчарни драгоценных пород среди новороссийских хозяев.

Но дальнейшее улучшение города и его окрестностей зависело главным образом от торговли, как сухопутной, так, в особенности, водной. Потому-то на той и другой сосредоточилось все внимание прозорливого градоначальника, умевшего осуществлять предложения правительства. При нем была учреждена транзитная торговля Одессы с Западной Европой, в особенности с Австрией и другими мануфактурными государствами, имевшая целью устроить выгодный обмен европейских мануфактур на колониальные и восточные товары, привозимые в большом количестве в Одесский порт. Ему приказано было осмотреть берега Днестра в судоходном отношении, учредив пограничную с Бессарабией таможню в казенном селении — Маяках. Им был составлен проект о вызове из Генуи, Ливурно и других итальянских портов целых семейств мореходцев и их поселении в прибрежных к Черному морю новороссийских городах. Этот проект начал действовать тогда, когда стараниями князя М. С. Воронцова была осуществлена мысль об учреждении матросских обществ и цехов¹. По его представлению, для покровительства иностранцев, проживающих в Одессе, были учреждены консульства, а для поощрения тех из них, которые содействовали распространению одесской торговли, русское правительство давало им отличия и

¹ См.: Скальковский А. А. Первое тридцатилетие истории города Одессы. 1793-1823. — Одесса, 1837. — С. 137.

награды. Так, австрийскому купцу, барону Безнеру, по свидетельству градоначальника об его усердии к выгодам торговли, был пожалован орден Св. Анны II степени. Ришелье также получил право, разрешавшее ему выдавать патенты судохозяевам на поднятие российского купеческого флага на коммерческих кораблях, что позволяло избежать излишней потери времени, которая была неизбежна из-за того, что эти патенты выдавались из коммерц-коллегии, находившейся в Петербурге.

Теперь все ожидали расширения судоходства и успехов торговли Одесского порта. И действительно — в течение 1804 года к Одесскому порту прибыло более 500 кораблей, на которых было вывезено за границу 538 000 четвертей пшеницы на сумму в 3 000 000 рублей, а в следующем году кинули якорь на Одесском рейде 666 заграничных и 496 каботажных судов. На первых из них было отправлено за море 700 000 четвертей пшеницы стоимостью 5 700 000 рублей. Вместе с тем, увеличился привоз заграничных товаров: в 1804 году он был равен 1 223 026 рублям, а в 1805-м — 2 156 295 рублям¹. Следствием таких успехов торговли, происходивших от увеличения в западноевропейских государствах потребности в хлебе по причине истощения их жестокой войной, было появление в Одессе богатых коммерческих домов, рост частных и общественных капиталов, украшение города зданиями, которые поставили его в один ряд с лучшими городами Европы.

Но чем ближе был Ришелье к цели своего назначения, тем больше расширялся перед ним круг его деятельности. Высочайшим указом от 13 марта 1805 года он был назначен на должность херсонского военного губернатора, начальника Екатеринославской и Таврической губерний, равно как и войск Крымской инспекции. Таким образом, весь Новороссийский край был вверен его попечению, и мудрыми распоряжениями своего нового начальника быстро был поставлен на значительную степень благоустройства. Но, любя Одессу, Ришелье не хотел расставаться с нею и до конца своего управления остался верен своему скромному домику. С этого времени Одесса получила, удерживаемое ею и ныне, значение центрального города, сосредоточивающего в себе все части новороссийского управления. Как это новое значение Одессы, так и выгодное положение на берегу моря, стали причиной того, что Ришелье, и в звании главного начальника Новороссийского края, не переставал обращать на нее особое внимание как на город, им созданный и доведенный до значительной степени изящества и совершенства.

На следующий год после вступления Ришелье в должность херсонского военного губернатора (в конце 1806 года), Россия вынуждена была начать войну с Османской империей. Ришелье, как пограничный генерал-губернатор и командир 13-й пехотной дивизии, должен был дейст-

¹ Там же. — С. 141, 148.

водить на левом фланге армии в то самое время, когда генерал Михельсо перешел (в ноябре 1806 года) границы, заняв Бессарабию и Валахию. Сподвижник Суворова, он заставил Аккерман капитулировать, овладел на Дунае Килийской крепостью и шел к знакомому ему Измаилу, но жестокая болезнь прервала его военные действия и заставила его, сдав команду своих войск, возвратиться в Одессу. Тяжело болея, он, однако, посылал к престолу царя свои благодетельные предложения насчет Одессы и всего вверенного ему края.

Видя стесненное состояние торговли и недостаток в деньгах, как следствие трудных обстоятельств войны, и опасаясь, чтобы не остановилось строительство в Одессе, он попросил в распоряжение Одесского комитета 50 000 рублей из сумм, отпущенных Херсону для постройки мореходных судов. Это было сделано для того, чтобы желающие строить дома могли получать из этой суммы ссуды на два года. При этом пособии, в течение двух лет, выстроено в Одессе 30 новых домов.

Исходатайствованные им, по манифесту 1 января 1807 года, большие права и льготы новороссийскому купечеству, поспособствовали развитию торговли Одессы, увеличили городские доходы, но Ришелье сохранял экономию, соответствующую образу его частной жизни. В год из 130 000 только 25 300 рублей издерживались на содержание города, а прочие обращались на портовые постройки для пользы торговли. Своими неусыпными попечениями он довел Одессу до того состояния, которое само собою привлекало торгующих иностранцев из Италии, Франции, Генуи и других торговых мест. Они завели здесь свои конторы, многие из которых существуют и донныне. Под его бдительным надзором успешно шло строительство церквей, публичных зданий, частных домов, торговых учреждений, устройство дач, высаживались сады. Множество домов появилось уже довольно далеко от Греческого базара, на Северном форштате, среди пустырей и степи, покрытой высокой травой. Появились Дворянская и Коблевская улицы, соединившие Немецкую колонию с Преображенской площадью. Соборная церковь, начатая в 1804 году, в 1808-м была окончена и освящена Екатеринославским архиепископом Платоном. Приступили к строительству церкви Св. Михаила в предместье Молдаванки, заселенном, с основания города, волочами и молдаванами; Одесская крепость, признанная неспособной к деятельной обороне, была обращена в карантин, который в это время деятельно отстраивался; утверждено предложение Ришелье об учреждении в Одессе Коммерческого банка наподобие Марсельского и Ливурнского, или даже по образцу учрежденного в столице. При основанной прежде Коммерческой гимназии был вновь учрежден Благородный институт для обучения новороссийского дворянства, преобразованный впоследствии в существующий ныне лицей, и особо устроен с той же

целью Благородный институт для девиц. Было удовлетворено и благородное эстетическое чувство как постоянных жителей Одессы, так и приезжающих, посредством драматических представлений, для которых начато было строительство театра на ассигнованные, по ходатайству Ришелье, 20 000 рублей. До этого же была устроена временная зала спектаклей, в которой странствующими труппами актеров, приезжающих во время навигации и морских купаний из Житомира, Киева и из-за границы, были представлены спектакли на русском, французском и польском языках. После окончания строительства театра, Ришелье и мантуанским негодьянтом Дживовани Монтовани была приглашена труппа актеров из Италии и Франции для опер и водевилей. В предместье Молдаванки начали заводить сады и дачи, чему подал пример сам Ришелье, устроивший на небольшом участке в Водяной балке плантацию, на которой многие деревья были высажены им собственноручно. Он давал наставления желавшим заводить дачи или плантации. Многие из них устроены по начертанному им плану и при личном его содействии, простиравшемся до того, что он сам помогал садить деревья. Вообще, его страсть к садоводству доходила до того, что ничем нельзя было порадовать его так, как устройством сада и заведением хутора или огорода. Наконец, Ришелье обратил внимание и на то, что поставщики хлебных обозов терпели большие неудобства из-за отсутствия в Одессе водопоя для скота, и велел устроить пространное водохранилище, находящееся близ старой Херсонской заставы.

Но не одна Одесса процветала под мудрым управлением герцога Ришелье. Его гений сумел поднять и возвысить и другие города вверенного ему края. Начнем с Херсона.

Объезжая в должности генерал-губернатора Новороссийский край, Ришелье посетил Херсон, который пребывал тогда в состоянии упадка как по причине войны, начатой с Оттоманской портой в 1787 году и прервавшей все связи прежней его обширной коммерции, так и вследствие приобретения, по Ясскому миру (1791 год), Очакова и Хаджибея — двух новых портов. Они были выгоднее и безопаснее Херсонского порта, закрытого мелководным лиманом. Но, тем не менее, этот порт был важен для днепровского судоходства и внутренней русской торговли. Это было одной из причин, побудивших Ришелье деятельно заняться возрождением Херсона. С этой целью он исходатайствовал, в пользу города, доход от винной торговли, на счет которого тотчас заимообразно было отпущено 50 000 рублей для важнейших построек. Например, для устройства набережной и пристани, осушения болот на берегу реки, построения каменного здания для продажи съестных припасов, проведения каналов по улицам, постройки госпиталя, школ и прочего. К ассигнованным еще в 1803 году 15 тысячам рублей (из доходов соляного

промысла) на ссуды тем жителям, которые займутся постройкой судов, добавлено было, по представлению Ришелье, 100 000 рублей, которые способствовали развитию нашего каботажного судоходства, а также улучшили судьбу самого Херсона. Впоследствии (1811) Ришелье исходатайствовал херсонским судостроителям и судохозяевам особые монаршие милости: им пожалована была от Его Императорского Величества милостивая грамота, херсонской купеческой частной верфи был дарован почетный флаг, построенным в Херсоне судам и вообще херсонским судохозяевам и шкиперам разрешено было плавать в морях за Константинопольским проливом. После этого херсонская купеческая верфь начала распространяться, а суда, построенные на ней, не только служили торговле черноморских портов, но и использовались в гребной Дунайской флотилии, и, наконец, стали мануфактурным товаром, который с большими выгодами для России покупали иностранцы. Эти успехи херсонского кораблестроения внушили герцогу Ришелье мысль об учреждении в Херсоне при верфи конторы, которая могла бы выдавать чертежи судостроителям, и об открытии Училища торгового мореплавания для обучения искусных мореходцев. Эта мысль была одобрена правительством, но война и другие обстоятельства заставили отложить ее до другого, более удобного времени, пока предложение Ришелье не было осуществлено знаменитым его преемником, князем М. С. Воронцовым. Он 22 августа 1831 года открыл при Херсонской купеческой верфи контору, а 7 февраля 1834-го основал Училище торгового мореплавания. Чтобы организовать в городе удобное сообщение с лучшими частями края, Ришелье попросил (4 апреля 1805 года) деньги на устройство новой дороги в Крым, которая и была проведена от Херсона до Никополя.

Что было сделано герцогом Ришелье для Херсона, то же он готов был делать и для других вверенных ему городов, если только возникала такая необходимость и появлялась какая-либо возможность. Так, он не только изъявил согласие на просьбу командира Балаклавского греческого батальона о разрешении людям этого войска заниматься кораблестроением, мореходством и торговлей, но просил его поощрять столь полезные предприятия. В Алешках и Никополе, расположенных близ Днепра, также возникли небольшие верфи и практические школы мореплавателей при активном содействии Ришелье.

Екатеринослав обязан этому же содействию тем, что правительство уступило, в пользу города, доход от винного откупа, подобно как это было сделано для Херсона и Николаева. Два его сада, заведенные еще запорожцами и украшенные князем Потемкиным, с 1798 года пришли практически в полное запустение, но теперь снова были поддержаны и улучшены стараниями Ришелье, попросившего на их ежегодное содержание 3 000 рублей.

Таганрог и Феодосия, хотя и оставались неподвластными герцогу Ришелье как отдельные градоначальства, имевшие своих непосредственных начальников, однако не раз ощущали пользу его распоряжений, благотельно действовавших на торговлю всех черноморских и азовских портов. Все проекты о разных улучшениях, необходимых для пользы этих городов, утверждались не иначе, как при содействии Ришелье.

Не одни, впрочем, города, даже селения и пустынные степи Новороссии носят на себе неизгладимые следы мудрых и благотельных действий Ришелье. Им были приведены к желанному концу все предложения правительства относительно мелитопольских степей, где от устья реки Берды до озера Молочного и даже до вершины речки Токмак кочевали дикие ногайцы. Этот народ стал отказываться от кочевой жизни, постепенно переходя к оседлой. Это происходило особенно активно с того времени, когда Ришелье попросил у правительства деньги на устройство для них мечетей, домов и даже школ. Уже в 1806 году в четырех ногайских ордах мы находим 13 селений, а в них больше 9 000 оседлых ногайцев.

Забываясь о внутреннем устройстве городов и селений Новороссийского края, Ришелье должен был предпринимать деятельные меры и для их защиты от внешней безопасности, особенно со стороны Кавказа. В 1807 году он вынужден был, используя военную силу, занять на восточном берегу Черного моря турецкую крепость Анапу. Усмиряя горцев, он неоднократно подвергался опасности с их стороны во время осмотра им черноморцев, которые состояли под его командой и образовали военную линию у Кавказских гор.

Приняв в свое распоряжение работы у днепровских порогов, которые еще в 1780 году были начаты Фалеевым, Ришелье и здесь преодолел все трудности и препятствия, усложненные наводнением, произошедшим с 19 на 20 января 1806 года. Так, 20 ноября этого года были открыты, по его ордеру, Ненасытеньский и Фалеевский шлюзы и проведено по ним несколько пустых и нагруженных барок. С точки зрения развития судоходства, самим Ришелье был, на всем протяжении между Херсонской губернией и Бессарабией, изучен Днестр: длина его течения измерена, местность берегов описана, выгоды и невыгоды плавания по нему взвешены. В результате, предположение об учреждении бичевого пути на Днестре признано неудобноисполнимым по причине больших излучин этой реки, множества порогов, широкой покатости берегов, их топкости и покрытия камышом, а также весеннего разлива воды.

Роскошная растительность некоторых мест Новороссии, а особенно Тавриды, предоставила герцогу Ришелье возможность полного удовлетворения его страсти к садоводству. Близ Бендер, в урочище Парканы, где находилась тутовая роща, заведенная турками еще до 1790 года, он

устроил колонию из болгар, пришедших из-за Днестра и сведущих в садоводстве, чтобы они занялись здесь виноделием и шелководством. По его мнению, южный берег Крыма стал местом разведения всех полезных деревьев и растений, свойственных теплым климатам, и рассадником садов и плантаций во всем Новороссийском крае. Причем особенно с того времени, когда, по его ходатайству, ежегодно было велено отпускать из кабинета Его Величества по 10 000 рублей для разведения садов в Полуденной России. Ему обязан своим происхождением знаменитый Никитский сад, учрежденный по проекту, представленному герцогу Ришелье известным естествоиспытателем Х. Х. Стевенем, который ранее занимал должность помощника главного директора над шелководством в Южной России. С 1812 года он стал директором этого сада.

Но плоды трудов и попечений Ришелье на южном берегу Крыма были внезапно уничтожены непрерывными и сильными дождями, продолжавшимися на Крымском полуострове в течение июня 1811 года. Долины Альма, Кача и Бальбек покрылись водой, которая, стремясь с чрезвычайной силой, разрушала все, что ни встречала: сады были наводнены, мосты разрушены, большие фруктовые деревья вырваны с корнем и увлечены бурной стихией. Многие дома были разрушены, а другие затоплены; лучшие виноградники залиты водой, занесены землей или закиданы камнями. Ришелье поспешил лично осмотреть это страшное опустошение лучшей части вверенного ему края и с прискорбием донес о том государю императору. Но щедрость монарха, повелевшего немедленно отпустить из казны 100 000 рублей в ссуду на 8 лет без процентов для выдачи пособия пострадавшим владельцам, и бдительный надзор неусыпного начальника края за два года компенсировали эти убытки в размере 600 000 рублей.

Наконец, наступил 1812 год, — бедственный для России вообще, а для Одессы и ее окрестностей в особенности. 22 июля Ришелье получил высочайший манифест о вторжении неприятеля в пределы России, а в начале августа в Одессе возросла смертность, вызванная чумой. Но здесь-то величие его души открылось во всем блеске.

На выступление монарха, в созванном им 28 июля собрании представителей всех сословий, Ришелье отвечал речью на русском языке, со слезами на глазах и с чувством глубоко растроганной души: «В течение 9 лет, как я начальствую в здешнем крае, я не щадил ничего, чтобы устроить благоденствие здешних жителей. Я сделал все, что было в моих силах, и льщу себя надеждой, что заслужил некоторые права на вашу признательность. Для блага нового отечества, для его спасения, я жертвовал и жертвую всем. Покажите и вы единодушно, что вы истинные россияне, и я не буду ожидать более лестной награды за попечения, ко-

торые имел о вас¹. Вслед за тем, он пожертвовал на пользу общую 40 000 рублей — сумму, которая составляла, быть может, все его состояние. Его примеру последовали и другие, так что всех пожертвований от Одессы собралось 280 546 рублей. Патриотическое чувство не замедлило отозваться и во всем Новороссийском крае: все его сословия своими приношениями, личными услугами и патриотизмом стремились помочь справиться с бедой. В Таврической губернии было собрано 418 149 рублей 84 копейки, в Херсонской — тираспольское дворянство внесло 40 823 рублей, а также доставило 400 волов и 188 лошадей для армии. Сверх того, херсонское дворянство постановило набрать из каждой сотни помещичьих крестьян по 4 ратника, внести нужную на их содержание сумму (161 604 рублей) и поставить для армии 758 волов или по 15 рублей за каждого. Приношения екатеринославского дворянства составили 325284 рубля. Колонисты представили 1 795 рублей. Бугское казачье войско снарядило за свой счет дружину из 500 человек и обязалось восполнять потери. Сын генерал-майора Петра Скаржинского, первого атамана Бугского войска, Виктор Петрович Скаржинский, составил из своих крестьян и вольных людей конный эскадрон из 180 человек и сам присоединился с ним к армии, находившейся под командой адмирала Чичагова. Крымские татары изъявили готовность служить России не только своим иждивением, но и жизнью. Даже отставные солдаты, поселенные в числе 551 семейства в Новопавловске, пожелали вступить на службу со своими детьми и родственниками, и внесли 1 120 рублей — всю сумму, которая находилась у них в наличии².

Порадовавшись успехам своих воззваний к народу и отправив всеподданнейший рапорт об этом монарху, Ришелье должен был приготовиться к жестокой борьбе со злом, которому Одессе суждено было подвергнуться после 18-летних отношений с востоком — единственным источником чумы. В июле 1812 года одесские врачи начали замечать необыкновенное распространение гнилых горячек. В августесмертность начала возрастать, а в конце месяца комиссия, собранная по назначению градоначальника для исследования болезни, показала явные признаки чумной заразы. Получив ее столь печальное донесение, Ришелье немедленно приступил к мерам карантинных предосторожностей. По его распоряжению 13 сентября город был окружен карантинной цепью, со строгим подтверждением не выпускать из него никого, под каким бы то ни было видом. Между тем, был составлен комитет врачей для наблюдения за общественным здоровьем. Город разделили на части, и в каждую из них назначили особого комиссара. Никто, исключая чинов-

¹ Скальковский А. А. Первое тридцатилетие истории города Одессы. 1793-1823. — Одесса, 1837. — С. 191-192.

² Из Одесского генерал-губернаторского архива.

ников, наблюдавших за ходом заразы, не смел показываться на улицах в то время, когда перевозили больных, зачумленных или умерших. Стража, сопровождавшая карантинные повозки, была снабжена знаками трех видов: белыми, красными и черными. Первые использовались при перевозке сомнительных больных, вторые — при перевозке зачумленных, а третьи — при телегах, отвозивших мертвые тела к месту погребения. Чтобы предостеречь от заразы основную часть империи, была учреждена карантинная линия, составлявшая пространный многоугольник, главными вершинами которого были: Одесса, устье Буга, Балта, устья Ягорлыка и Днестра. Наконец, Ришелье, не видя конца бедствию, продолжавшемуся уже около трех месяцев, несмотря на все карантинные и медицинские меры, решился на последнее средство — учредить в Одессе всеобщий карантин. В своем всеподданнейшем рапорте он сообщил государю императору об этой мере в следующих выражениях: «Не имея возможности воспрепятствовать прикосновению одного человека к другому, необходимо постараться преградить сообщение одного дома с другим в течение 30 дней. После этого, зараза совершенно отделится, и, узнав настоящие зараженные дома, не трудно будет истребить корень болезни. Эта мера чрезвычайная, но совершенно необходимая». Осуществляя ее, Ришелье приказал сжечь все подозрительные или подвергшиеся чуме землянки, вывел гарнизон за черту города в оцепленный лагерь и разрешил многим жителям поселиться на хуторах внутри оцепления. Тогда Одесса представляла зрелище, которого нельзя вообразить без особого грустного ощущения: улицы опустели; экипажи заменили телеги, перевозившие трупы; торговля остановилась — карантинная цепь пресекла все связи, знакомства, дружбу и родство. Но общий карантин, начавшийся 22 ноября и продолжавшийся 46 дней, имел счастливый успех. В декабре смертность стала уменьшаться, а 16 февраля в Соборной церкви был отслужен благодарственный молебен об освобождения Одессы от моровой язвы, хотя карантинное оцепление вокруг города действовало еще до 18 мая, а весь край освободился от этого бедствия, а точнее — от стеснительных мер предосторожности, не ранее 14 августа 1814 года.

Среди этого бедствия деяния Ришелье блистают ярким светом. Мудрость его распоряжений, неусыпная бдительность, твердость характера, доброта его души, вера и упование на промысел — выказали себя во всем блеске. Каждый день, в 9.00, Ришелье отправлялся верхом к ограде Соборной церкви, где принимал донесения медиков и комиссаров о ходе заразы, нуждах жителей и всем прочем. В течение дня беспрестанно ездил по улицам Одессы и своим присутствием восстанавливал тишину и порядок, посещал чумные жилища, вникая в малейшие нужды. Как ангел-утешитель, он спешил с пособием, утешением или словом

надежды туда, где видел опасность, где тяжкие потери или бедность повергали страдальцев в отчаяние. Среди всеобщего уныния он не терял надежды, уверяя всех, что «если вся империя в столь короткое время избавилась от грозного неприятельского нашествия, и, в свою очередь, как победительница, гонит теперь врага даже в его собственной земле, то, конечно, милосердный русский Бог спасет и Одессу от тяготеющего над ней бедствия». Строгость в исполнении предписанных осторожностей не могла заглушить в нем чувство сострадания к бедному человечеству. Однажды он явился для очищения от больных одного дома, пораженного чумой, и пробыл в нем до тех пор, пока весь дом не остался пуст, но потом сел на камень и с чувством скорби сказал: «Ах! Не могу удержаться. Мое сердце разрывается при исполнении лежащего на мне долга — делать пустыми те улицы, которые я, в течение 10 лет, старался населять и оживлять»¹. Кроме Одессы, он беспрестанно осматривал всю зараженную область, не обращая внимания на явную опасность, дурные дороги и позднее время года. Используя строгие меры, он умел уговорить жителей им подчиняться. В подтверждение этого, достаточно представить один весьма замечательный факт из его жизни. Посетив Елисаветград и как бы оживив жителей своим присутствием, Ришелье поспешил в местечко Петриковку², находящееся близ Елисаветграда, где жители, видя ужасные действия чумы, не хотели хоронить умерших от этой заразы. Ришелье пришел к месту, где лежали трупы, оставленные без погребения, и собственными руками начал рыть могилу. Такой пример был красноречивее всех убеждений, никто не мог ему противиться!

Так, в самых тяжелых трудах и заботах о вверенном ему крае Ришелье провел 1812-1813 годы. Помогать страждущему человечеству было его предназначением. Как только начали заживать раны России и стали водворяться безопасность и благоденствие в Одессе и других частях Новороссийского края, — провидение отозвало его к новому большому, покрытому ранами своеволия, беспорядка и безначалия. Это было его родное Отечество — Франция, страдания которой были так велики и требовали так много самопожертвований от того, кто захотел бы облегчить их, что только Ришелье со свойственным ему самоотвержением мог взяться за это трудное дело. Объезжая в 1814 году крымские села, разоренные суровой зимой предшествовавшего 1813 года, он получил высочайшее повеление прибыть в Вену, где на совещание о безопасности и мире Европы собирались союзные монархи и знаменитые евро-

¹ Из записки г. Ш. Сикара: *Noticesurle Ducde Richelieu Présidentdu Conseildes Ministres, Grand Veneurdu Roid Franceetc. Par Charles Sicard Conseiller de commerce etc.* — Paris, 1826.

² Ныне «Новая Прага».

пейские дипломаты. 26 сентября 1814 года — день прощания Одессы со своим любимым начальником. Утром на следующий день, Ришелье, в сопровождении только адъютанта полковника Стемиковского, сел в свой скромный экипаж, и провожаемый почти 10 000 жителей, оставил облагодетельствованный и любимый им город, поручив градоначальство генерал-майору Кобле, остальной край — губернаторам, а войска — генерал-лейтенанту Бороздину.

Чтобы судить об успехах его действий, на протяжении почти 12-летнего его управления Одессой, достаточно привести следующие цифры, которые в этом случае убедительнее всяких слов. При вступлении герцога Ришелье в должность градоначальника, Одесса имела 9 000 жителей, а им оставлено было 25 000; тогда было в ней незначительных домиков до 800 да землянок за 500, а теперь на симметрически расположенных улицах появилось больше 2 000 домов в европейском вкусе, с пятью вновь выстроенными красивыми церквями, таможней, карантинном, театром, госпиталем, разными портовыми и коммерческими учреждениями, несколькими учебными заведениями. Окрестности Одессы покрылись прекрасными колониями, красивыми дачами и садами, тогда как прежде они представляли собой пустые степи; ежегодные торговые обороты возросли до 50 миллионов; торговое сословие Одессы достигло такой степени, что своими добровольными пожертвованиями стало содействовать самому правительству. Так, оно вызвалось к платимой доселе пошлине по 21/2 копеек с четверти вывозимой за море пшеницы, платить еще столько же, только бы эта сумма тратилась на ремонт дорог, обрабатывание разных источников для достаточного снабжения города водой и тому подобные, для Одессы полезные предметы. Торгующий же в Одессе коллежский асессор Николай Штиглиц предложил в дар городу 100 000 рублей для того, чтобы эта сумма была потрачена на полезные для этого заведения¹.

Тяжело было Одессе и всему Новороссийскому краю лишиться столь мудрого и благодетельного начальника. Говоря о разлуке с ним, жители Одессы все еще надеялись на возвращение к ним любимого ими градоначальника, но, по заключении Венского трактата (9 июня/27 мая 1815 года), провидение указало ему другой путь. Людовик XVIII, еще в начале Венского конгресса, пригласил его к себе во Францию, и Ришелье, повинувшись чувству долга и любви к Родине, отправился из Вены в Париж и стал служить королю в звании пера Франции. Здесь ему суждено было во второй раз испытать те чувства, с которыми сроднилась его душа в последние минуты царствования Людовика XVI. Он находился в Париже в эпоху бегства Наполеона с острова Эльбы, и 20 марта

¹ Она была использована на устройство Благородного института, переименованного впоследствии в лицей.

1813 года последовал за королевской фамилией в Гент. Когда законный монарх снова воссел на своем троне, то Ришелье получил (сентябрь 1815 года) высокий сан министра иностранных дел, председателя Совета Министров и обер-егермейстера французского двора. С этим званием он принял на себя обязанности, требующие всеобъемлющего ума, решительной воли, твердого характера.

Прежде всего, нужно было восстановить законные отношения Франции со всей прочей Европой, а также выплатить иностранным державам убытки, которые те понесли из-за нарушения этих отношений. Ему с уполномоченными союзных держав следовало решить трудную задачу относительно назначения суммы, которую Франция должна была заплатить прочим державам за военные издержки, а также распределить 150 000 оставленных в ней иностранных войск. Выгодный для Франции трактат, подписанный 20/8 ноября 1815 года герцогом Ришелье, как председателем Совета Министров короля, — плод его посредничества. Заслуги Ришелье помогли ему заслужить благосклонное внимание и снисхождение монархов Европы. По трактату 30/18 мая 1814 года Франция должна была выплатить иностранным державам 963 миллиона франков. Душевно скорбя о бедственном положении своего Отечества, Ришелье использовал все силы для того, чтобы уговорить иностранные кабинеты смягчить свои требования. Его действия были так честны и благородны, что герцог Веллингтон, которому поручено было окончить это слишком спорное дело, полностью полагался на слова Ришелье, и однажды отозвался о нем так: «Слово герцога Ришелье стоит трактата» (*La parole du Duc de Richelieu vaut un traité*)¹. Наконец, своей благоразумной настойчивостью Ришелье сделал так, что требуемые по трактату 963 миллиона были уменьшены до 240.

Не меньше занимала Ришелье и мысль об освобождении Франции от войск, оставленных в ней другими державами, как для собственного ее спокойствия, так и для безопасности всей Европы. Он имел столько решимости, что принял под свою личную ответственность спокойствие Франции, и, через два года после трактата (20/8 ноября 1815 года) 30 000 союзных войск оставили страну, уменьшив, таким образом, ее государственные расходы на 60 миллионов, которых стоило ей содержание этих войск.

Но были люди, которые не могли утешить свои страсти и готовы были уничтожить все плоды трудов Ришелье, столь усердно заботившегося о Франции. Это заставило его отойти от государственных занятий. Первые месяцы своей свободы он использовал на путешествие по Швейцарии, Италии и Голландии. Возвратившись в Париж в конце 1819 года, он твердо решил больше не заниматься политикой, и, несмотря на час-

¹ См.: Bausset L. F. Discours du Duc de Bausset. — Paris, 1822. — P. 26.

тые приглашения и просьбы своих соотечественников, оставался непреклонен в своем намерении. Он готовился утром, 14 февраля 1820 года, отправиться в Англию с поручением от имени своего короля поздравить Георга IV с восшествием на престол, как вдруг получил ужасную весть о преступном покушении на жизнь герцога Беррийского, совершенном в ночь с 13 на 14 февраля. Смерть этого члена королевской фамилии, на котором были сосредоточены все ее надежды, повергла в глубокую скорбь весь двор ипокрыла мраком сетования всю Францию. Ришелье мог противиться всем убеждениям политики, но был не в состоянии противостоять трогательным настояниям оплакивающей свою потерю королевской фамилии. Несчастья других всегда имели над ним свои особые права, которым он беспрекословно повиновался. Поэтому он охотно пожертвовал своим частным спокойствием, когда этого потребовали от него общественные бедствия. 20/8 ноября 1820 года он снова возложил на себя тяжкое бремя государственного управления Франции. Начертанный им план действий, от которого он не отступал ни на шаг на протяжении всего своего второго министерства, утвердил торжество монархических начал, соединив их неразрывным союзом с общественной свободой без причинения малейшего насилия выступающим против них партиям. Правосудие, порядок и спокойствие стали водворяться повсюду, и Ришелье мысленно наслаждался наступлением счастливых времен для Франции. Но новое противоречие врагов общественного спокойствия остановило дальнейшее развитие его плана. Ришелье, потеряв надежду быть полезным своему Отечеству, в декабре 1821 года сошел уже навсегда с обширного поприща общественной деятельности, не переставая, однако, и в своем уединении желать истинной славы своему монарху и полного счастья своему Отечеству. С этим желанием он и отошел в вечность (17/5 мая 1822 года) на 56-м году жизни, почти через год после того, как оставил должность министра. Чтобы вознаградить заслуги Ришелье, Палата перов определила ему, еще при жизни, майорат в 50 000 франков годового дохода из государственных имуществ, но его самоотвержение простиралось до того, что он почти с принуждением принял этот дар признательной нации и тотчас назначил его в пользу общественных заведений города Бордо.

Весьма утешительно вспомнить, что любовь к своему Отечеству, которому он отдал последние годы своей жизни, не подавила в нем любви к России, которую он любил называть своей второй Родиной. С особым удовольствием вспоминал он о нашем крае, любимой Одессе, и за счастье считал для себя всякий случай делать добро ее жителям. Лучшим доказательством его стремлений быть полезным всему будущему населению Новороссийского края, служит существующий в Одессе с 1817 года лицей, который обязан ему и своим началом, и способами сво-

его существования. Он образован из Благородного института, основанного в 1805 году, и получил пожертвованный ему герцогом Ришелье доход с высочайше пожалованной ему аренды, да сверх того, от него поступило значительное число книг собственной библиотеки и 13 000 франков на устройство лицейской библиотеки. Оттого-то имя Ришелье сроднилось с именем этого заведения; юные потомки не только жителей Южной России, но и единоплеменных обитателей Европы выносят отсюда живейшее чувство благодарности к учредителю этого, единственного в крае, заведения, и имя Ришелье навсегда остается в их сердцах!

Память таких людей, каким был герцог Ришелье, драгоценна для потомства. Чтобы увековечить ее, «благодарные к его незабвенным трудам жители Одессы и Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерний, воздвигли ему»¹, на одном из лучших мест любимой им Одессы, бронзовый памятник. Он представляет собой величественный лик мужа, соединявшего в себе доблести героя, мудрость градоправителя, прозорливость политика и, что всего выше, высокие качества друга и благодетеля человечества.

Мысль о сооружении памятника возникла тотчас же, как только достигла Одессы печальная весть о кончине герцога Ришелье. В год его смерти граф Ланжерон, передавая свою должность генералу Инзову и присутствуя в последний раз в Одесском комитете (20 сентября), произнес прощальную речь для жителей Одессы, которая была нечто иное, как похвальное слово его знаменитому предшественнику. Закончил он ее так: «Имя Дюка де-Ришелье, лучшими годами жизни пожертвовавшего для благоденствия этой страны, и воспоминание о нем в крае, им облагодетельствованном, конечно, не ограничатся пределом временного его существования на земле. Сердца признательные и начальство, внимательное к той твердой основе, на которой поставил он Одессу своим отеческим управлением, неоспоримо дадут священный обет соорудить Дюку де-Ришелье памятник, достойный этого редкого друга человечества»². Генерал Инзов (управлявший Новороссийским краем в течение года) первым делом попросил высочайшее разрешение на сооружение памятника герцогу де-Ришелье. Он открыл добровольную подписку во всем крае, уступая благородному чувству его жителей, желавших принять участие в изъявлении вечной благодарности своему благодетелю, потому что Одесса готова была принять на себя все издержки. С этого времени активно занялись исполнением проекта в художественном отношении. Статуя была отлита по рисункам и при личном наблюдении знаменитого художника Мартоса и 30 июля 1826 года была

¹ Слова из надписи на памятнике.

² Из Одесского генерал-губернаторского архива.

поставлена на пьедестале, воздвигнутом для нее на том самом месте, где стоял Хаджибейский замок. Деятельное участие в сооружении этого памятника принадлежит мужу, которому обязаны своим благоденствием не только жители Новороссийского края и Бессарабии, более четверти века состоящие под его отеческим управлением, но и грозные сыны Кавказа, среди которых его гений сумел за непродолжительное время посеять семена мира и гражданственности, уже начинающие приносить свойственные им плоды.

Счастлив край, история которого украшается знаменитыми именами мужей, стяжавших доверие монархов, любовь народов и благодарность потомства!

СОРОКАЛЕТИЕ РИШЕЛЬЕВСКОГО ЛИЦЕЯ С 1817 ПО 1857 ГОД

Монаршими щедротами в Бозе почившего государя императора Николая I и благополучно царствующего ныне Александра II воздвигнуто новое здание науки для единственного в обширном крае Южной России высшего учебного заведения. Это заведение существует уже четыре десятилетия. При взгляде на него, в душе каждого из нас невольно возникает много мыслей, желаний и надежд. Первое, на чем с благоговением останавливается наша мысль, это отеческая заботливость наших мудрых монархов о том, чтобы благотворный свет наук распространялся в юном населении нашего края. Для этой высокой цели использованы соответствующие средства, каких требовала громадность этого здания, совместившего в себе удобство, приличие и благообразие. Чего недостает теперь этому новому святилищу наук для того, чтобы быть средоточием света знания и добра? В нем есть где, так сказать, развернуться каждой науке, есть на чем разложить свои сокровища, есть куда собрать нужные для нее материалы. Чего после этого нельзя не пожелать как от самих наук, утвердивших здесь свои кафедры, так и от тех, кто будет посвящать себя их преподаванию и изучению? Настроение духа, сам ход внутренней деятельности и жизни человека обусловлен внешней обстановкой. Среди окружающих нас изящных предметов наш дух более склонен раскрывать изящество своих внутренних форм. Где больше простора, гармонии и приличия, там мы и дышим свободнее, и мыслим стройнее, и действуем успешнее... Но будущее еще впереди и известно одному Богу! В судьбе нашего заведения есть уже значительный период прошедшего. К этому прошедшему приличнее всего обратиться нам теперь, когда наш лицей вступает в новый период своей жизни. Его будущая судьба, без сомнения, тесно связана с прошедшей. Воспоминания о том, что было, сами собою наводят нашу мысль на то, что будет, и таким образом дают возможность соединить в наших мыслях хорошее прошедшее с лучшим, как следует ожидать, будущим. Уже только это побуждает нас начать наше настоящее воспоминаниями о прошедшем.

Ришельевскому лицезу, как высшему учебному заведению, предшествовали низшие заведения, которые, как увидим ниже, положили начало его существованию. Еще 15 апреля 1804 года был утвержден доклад министра духовных дел и народного просвещения об учреждении в Одессе *Коммерческой гимназии*. План и штат для нее были начертаны попечителем Санкт-Петербургского учебного округа, управлявшим в то время и Харьковским, в состав которого входила тогда и

учебная часть Новороссийского края. Эту гимназию должны были составлять отдельные училища — Приходское и Уездное, и, собственно, гимназия. Впрочем, это были не три отдельные заведения, а три особые отдела одного и того же заведения, которое делилось на классы. *Нижний* класс составлял Приходское училище и имел одного учителя, который обучал чтению и письму русского языка, первым действиям арифметики и главным началам Закона Божьего. Два *средние* класса образовали Уездное училище, где преподавание было разделено между двумя учителями, один из которых преподавал географию, историю, арифметику и геометрию, а другой — катехизис, русский язык, чистописание и рисование, священную историю, рассказывал о должностях человека и гражданина. Три *высших* класса были собственно гимназические, в которых полагалось четыре учителя для преподавания следующих предметов: один — для русской словесности, истории и статистической географии, коммерческой географии и истории коммерции; другой — для логики, психологии, нравственности, естественного права, философской грамматики, коммерческих и морских прав; третий — для алгебры, коммерческой арифметики, геометрии, физики и бухгалтерии, а четвертый — для коммерции, познания фабрик, товаров и естественной коммерческой истории. Сверх того, двумя особыми учителями преподавались греческий, итальянский и французский языки.

Но из этих трех отделов шестиклассной Коммерческой гимназии были осуществлены только два первые, то есть то, что имело характер Приходского и Уездного училищ, а гимназию в собственном смысле заменил *Благородный воспитательный институт*, основанный в следующем, 1805 году (1 июня), управлявшим тогда Новороссийским краем Дюком де-Ришелье. Этот институт сначала существовал в виде частного учебного заведения, а 26 мая 1811 года, по ходатайству его основателя, был принят правительством под его покровительство, а с 1816 года подчинялся попечителю Харьковского учебного округа. Как в воспитательное заведение, сюда могли поступать дети даже четырехлетнего возраста в качестве полных пансионеров с ежегодным взносом 275 рублей за учение и содержание, сверх того, 125 рублей на платье. В течение 8 лет, составлявших полный курс обучения, им преподавали русский, греческий, французский, итальянский, немецкий, английский и латинский языки, Закон Божий, географию, историю, арифметику, математику, физику, архитектуру, фортификацию и военную экзерцицию, а также музыку, танцы и плавание. Между тем, по важному, в коммерческом отношении, положению Одессы, по его большому населению и дальнему расстоянию от университета и высших училищ, как сказано в высочайше утвержденном 2 мая 1817 года

докладе занимающего должность министра народного просвещения князя Александра Николаевича Голицына, возникла потребность в особом институте или лицее. Который, заключая в себе постепенные классы учебного образования, должен был заменить собою существовавшую в Одессе Коммерческую гимназию, Уездное и Приходское училища, а также Воспитательный институт¹.

Такое особое высшее заведение тогда же и было основано. Назвали лицей *Ришельевским* из уважения к памяти Дюка де-Ришелье, который, как сказано в том же докладе, «управляя краем долгое время с отличным усердием, не перестает и поныне принимать особое участие в его благосостоянии; и ныне, когда собственное Отечество призвало его опять в свои недра, чтобы воспользоваться его превосходными качествами и рвением к общественному благу, он, питая в своем сердце привязанность и благодарность к России, пожелал ознаменовать оные способствованием со своей стороны образованию юношества тех мест, в которых он прежде был попечительным начальником, а потому определил от себя на содержание предполагаемого к заведению лицея значную сумму ежегодного дохода, ему принадлежащего и его заслугами приобретенного»².

Сорок лет уже существует в Одессе это высшее учебное заведение. На протяжении такого значительного времени, без сомнения, произошло немало перемен и улучшений во всех его частях. Чтобы лучше обозначить их и представить в более ясном виде, мы намерены проследить главные стороны материальной, умственной и нравственной жизни лицея, каждую порознь. Начнем с того, на чем основалось и чем держится существование этого заведения, то есть, со способов его содержания.

1. Способы содержания лицея

В докладе, которым исходатайствовано высочайшее соизволение на открытие в Одессе лицея, способы к содержанию этого заведения указаны следующие:

«1. Всемилостивейше определенный указом 15 марта 1817 года сбор в пользу лицея, на протяжении десяти лет, по две с половиной копейки серебром с каждой четверти отпускаемого из Одессы за границу разного хлеба. Указом 16 января 1819 года приказано производить, на том же основании, означенный сбор во время существования в Одессе порто-франко;

¹См.: Егоров А. Д. Образование и устав Ришельевского лицея в Одессе. – СПб., 1818. – С. 2-3.

² Там же.

2. Доход с аренды, пожалованной Дюку де-Ришелье, предоставлен имв пользу лица. Этот доход составляет три тысячи двести шестьдесят талеров в год. Аренда пожалована была Ришелье по 1819 год, но указом 7 января 1817 года была продолжена еще на 12 лет. По минованию срока аренды, чтобы не оставить лицей в затруднении, исходя- тайствовано было высочайшее соизволение на продолжение Ришельевскому лицу, на все время его существования, этого самого дохода из государственного казначейства;

3. Отпускаящиеся из казны по штату на Одесскую коммерческую гимназию, существование которой со дня основания лица было пре- кращено, по 6 500 рублей ассигнациями в год;

4. Определенные Одесской городской думой 6 500 рублей ассигна- циями ежегодно, как дополнение к отпускаемой по штату из казны такой же сумме на содержание Коммерческой гимназии;

5. Плата, которую лицей будет получать с пансионеров».

К этим средствам содержания, назначенным правительством, вскоре были присоединены некоторые частные пожертвования, способст- вовавшие поддержанию лица. Аббат Николь, первый директор ли- цeya, уступил на тот же предмет причитавшееся ему за 1818 год жало- ванье. Барон Николай Штиглиц пожертвовал в пользу заведений на- родного просвещения 100 000 рублей ассигнациями, остаток от кото- рых предназначался для училищ Новороссийского края, преимущест- венно для Ришельевского лица.

В таком положении финансовая часть лица оставалась до 29 мая 1837 года, то есть до преобразования лица, совершенно изменившего способ получения средств, необходимых для его содержания. Различ- ные источники, из которых получали материальную помощь для его существования, на основании высочайшедарованного ему нового уста- ва, слились теперь главным образом в один, который своею неисся- каемостью обеспечил его существование на будущее. Кроме неболь- шой суммы, получаемой им из Одесской городской думы, все прочие оклады, положенные по штату, поступают из Государственного казна- чейства.

Таким образом, со времени введения устава 1837 года, лицей с со- стоящей при нем гимназией и бывшим Восточным институтом стал получать суммы на содержание из следующих источников:

На сереб.

1) Из Государственного казначейства:

а) на жалованье чиновникам лица и состоящей при нем гимназии, за исключением окладов жалованья профессора и учителей Восточного института.....

22 580 р. 41 к.

б) в замене производившейся из процентов с общего эконо-

мического капитала Министерства народного просвещения.....	4 212 р.
в) на жалование профессору сельского хозяйства и лесоводства.....	840 р. 60 к.
г) на учебные пособия кафедре сельского хозяйства.....	85 р. 70 к.
д) на жалование лектору французского языка.....	336 р. 24 к.
е) на содержание, сверх положенных по уставу учебных заведений 8 декабря 1828 года, еще семи воспитанников из детей училищных и других чиновников.....	1 750 р.
ж) на содержание пансионеров по особым высочайшим повелениям.....	1 000 р.
з) на содержание в Восточном институте при лицее воспитанников Таганрогской гимназии и на учебные пособия для них.....	1 457 р. 10 к.
Итого:	32 262 р. 5 к.
<i>2) Из других источников:</i>	
а) из Одесской городской думы.....	3 428 р. 57 к.
б) из нее же на жалование лектору английского языка.....	504 р. 30 к.
в) из Кишиневского уездного казначейства.....	2 757 р.
г) из Симферопольского уездного казначейства.....	1 428 р. 57 к.
Итого:	8 118 р. 58 к.

Всей ежегодной суммы, какой пользовался лицей совместно с находящейся при нем гимназией, до настоящего времени было 40380 рублей 63 копейки серебром. Но, со времени упразднения Восточного института, сумма, предназначенная на содержание в этом институте воспитанников Таганрогской гимназии, по мере их выбытия, переводится в Санкт-Петербургский университет. Поэтому с окончанием курса в лицее последним из них, этот источник для лицея прекратится, и он будет получать из всех вышепоказанных источников 38 410 рублей и 63 копейки.

II. Помещение лицея

Так как Ришельевский лицей заменил собою существовавшую до него Коммерческую гимназию, то и помещение для него первоначально было отведено в доме этой гимназии. Это был каменный двухэтажный дом, предназначавшийся для главного начальника или главнокомандующего и стоивший 77 000 рублей ассигнациями. На его ремонт и перепланировку в соответствии с потребностями гимназии, по высочайшему повелению государя императора Александра I (10 октября 1804 года), было ассигновано из инженерной экспедиции

Государственной военной коллегии 7 500 рублей. Здание было отремонтировано в следующем, 1805 году. По составленному заведовавшим тогда строительной частью в Одессе инженер-полковником фон Ферстером плану, его нижний этаж был переделан под классы, а верхний — под квартиры директора и учителей.

С преобразованием Коммерческой гимназии в Ришельевский лицей, стал ощущаться недостаток в помещении, что привело к мысли о сооружении для лицея нового здания, план для которого был составлен архитектором Монфераном. Однако этот план и предложение директора лицея аббата Николая о построении здания на отведенном Одесским строительным комитетом месте¹, из-за огромной суммы, требовавшейся для этого, не были приведены в действие. Как выход, предложили переделать занимаемое лицеем здание бывшей Коммерческой гимназии, согласно проекту, составленному, в 1819 году, воспитанником Королевско-Парижской академии Шаалем, на что было потрачено 409 962 рубля 15 копеек.

Это предложение требовало увеличения места, занимаемого зданием лицея, и, благодаря усердию вдовы генерал-майора Александры Афанасьевны Попандопуло, лицей получил от нее в свое владение необходимое количество смежной с ним земли: 6 сажень в ширину и 40 1/2 в длину. Эта земля, на которой теперь расположены постройки лицейского здания, соседствующие с двором купца Гуровича, в 1818 году была пожертвована ее владельницей с условием, чтобы лицей вернул ей, когда понадобится, такое количество камня, какое окажется в стене, бывшей на ней и занятой лицеем под строение. Но в 1854 году это пожертвование было обращено в полную собственность лицея, и госпоже Попандопуло была выражена признательность Министерства народного просвещения.

Для расширения здания лицея, было высочайше приказано (рескриптом министру финансов 16 января 1819 года) отпустить из сумм Государственного казначейства заимообразно на 12 лет 300 000 рублей ассигнациями. Это было сделано для того, чтобы выплата денег равными частями производилась из сбора, поступающего в пользу лицея из Одесской таможни с отпускаемого за границу хлеба. Сам же сбор, определенный высочайшим указом 15 марта 1817 года, по две с половиной копейки серебром с каждой четверти разного рода хлеба, теперь собирался, как сказано выше², и по истечении обозначенного срока все время существования в Одессе порто-франко. При помощи такой ссуды, переделку и построение зданий, которые до настоящего

¹ На площади между городом и карантинном, длиной 185 и шириной 135 сажень. С правой стороны этой площади находился порт, а с левой — выгонная земля.

² Указ Сената 16 января 1819 года.

времени занимались лицеем, произвел по подряду отставной поручик Антон Шостак, на протяжении 1819 и 1820 годов, за 320 тысяч рублей ассигнациями.

Но, по истечении 10 лет, эти новые здания оказались, по числу учащихся в лицее, тесными. Поэтому вновь возникла необходимость в построении особого дома, который бы соответствовал потребностям и целям этого заведения. Для удовлетворения этой необходимости были избраны магазин и дом графа Сабанского, расположенные в той самой местности, которая и прежде предназначалась для лицея. Эти строения были приобретены учебным заведением в 1831 году за 182196 рублей ассигнациями, но в доме, смежном с магазином, тогда было организовано военное ведомство, а оставленный в распоряжение лицея магазин оказался неудобным для учебного заведения, и потому также через некоторое время был передан в то же ведомство.

Между тем, мысль об устройстве более удобного помещения не только не была оставлена начальством лицея, но занимала его еще больше с тех пор, как последовало преобразование лицея по уставу 1837 года. После этого преобразования число учащихся в лицее и состоящей при нем гимназии возросло до того, что представилась необходимость, с одной стороны, учредить вторую гимназию, с другой — устроить особый, более обширный дом для лицея и его гимназии.

Сначала (в 1839 году) предполагали оставить лицей в том же здании, расширив его посредством приобретения смежного места и дома купца Гуровича. Однако эту мысль оставили по двум, как видно из дел лицея, причинам: из-за сложности приобретения данного места и потому, что настоящее здание лицея находится в самой шумной части города, близ театра, посреди разного рода лавок, магазинов. Это побудило искать другое, более уединенное место, и возникло предположение о приобретении дома графа Разумовского, стоявшего над спуском, ведущим к военной или практической гавани, на возвышенности, противоположной той, на которой стоит дом князя Михаила Семеновича Воронцова. На этой открытой местности, присоединив к дому Разумовского соседние дома Золотницкого и Тиля, а также бывшую казарму путей сообщения, занятую Уездным училищем, и конец улицы, окаймляющийся обрывом к морю, со смежным городским пустопорожным местом, и планировали возвести здания для лицея с гимназией, Уездным училищем, для второй гимназии с пансионом. Но проект не осуществился. Несмотря на живейшее участие в нем покойного генерал-фельдмаршала князя Воронцова, эти места не могли быть куплены так быстро, как того требовали обстоя-

тельства, побуждавшие начальство приступить к возведению новых зданий, чтобы устранить тесноту, ставшую слишком ощутимой после присоединения к двум отделениям (юридическому и физико-математическому) третьего — камерального.

После этого снова остановили внимание на месте, занимаемом старым зданием лицея. Был составлен проект о возведении нового здания на том же месте, только с выступом по трем, окружающим его улицам — Екатерининской, Ланжероновской и Дерибасовской. Но эта мысль была принята только потому, что приобретение новых мест, ставившее начальство лицея в затруднительное положение, отдаляло постройку на неопределенное время. Следовательно, при первом благоприятном случае, она легко могла быть отвергнута. Такой случай не замедлил представиться. В скором времени появилась возможность купить для лицея места, смежные между собою, в лучшей части города — на улицах Херсонской, Дворянской и Елисаветинской. Одно из них, принадлежавшее наследникам графа Комара, имеет 2 247 сажень 6 аршинов 11 четвертей, а другое — полковника Энгельгардта — 1 016 сажень 2 аршина 4 вершка, оба вместе составляют 3 263 квадратных сажень 8 аршинов 15 четвертей и превосходят площадь, занимаемую старым зданием лицея, 983 квадратными саженьями, 8 аршинами и 15 вершками, потому что последнее равно только 2 280 квадратным саженьям. Эти места, на основании высочайшего повеления (30 мая 1844 года) были приобретены для лицея: за землю Энгельгардта заплатили 5 000 рублей, за землю Комара — 8 571 рубль 43 копейки серебром.

Вслед за этим приступили к составлению программы помещения лицея с гимназией и пансионом в зданиях, которые будут возводиться на новоприобретенных землях. Составленная советом лицея 3 августа 1844 года программа была одобрена министром народного просвещения, за исключением только особой залы для гимназических собраний. В сентябре 1845 года архитектором-строителем Шашиным был составлен проект, но Министерство нашло его весьма обширным и невозможным к исполнению из-за недостатка строительных средств. Сократив этот проект в размерах помещений, оно препроводило в Лицейский строительный комитет эскиз нового проекта, начертанный архитектором Департамента министерства, в соответствии с которым архитектором Шашиным был составлен (28 мая 1846 года) другой проект постройки лицейских зданий. Этот проект сперва был переделан по замечаниям архитектора Департамента Щедрина, а потом, из-за значительности необходимой для его исполнения суммы, вовсе отвергнут (10 января 1847 года). В то же время Министерство предписало сделать сокращения в постройке, ограничиваясь

самой крайней необходимостью. Это потребовало другой программы помещений, которая, по предложению попечителя округа действующего статского советника М. Н. Бугайского, была составлена советом лица, а потом рассмотрена в попечительском совете. При представлении в Министерство нового проекта, согласного с этой программой (20 сентября 1847 года), в Санкт-Петербург был командирован его составитель Шашин, чтобы избежать медлительности в случае недогазумений, которые могут возникнуть при рассмотрении проекта. Это распоряжение имело полный успех, так как, по предварительно составленным и утвержденным Его Императорским Величеством эскизам, Шашину было поручено составить новый проект, который и был последним. Составленный Шашиним в столице и рассмотренный Главным управлением путей сообщения, этот проект был утвержден 29 октября 1848 года.

По этому проекту исоставленной на его основании смете (суммой в 246 439 рублей 38 копеек серебром) и кондициям, комитет для возведения лицея приступил к вызову желающих взять подряд в первый раз в январе 1850 года. Однако торги не состоялись, потому что после составления сметы на постройку цены на строительные материалы значительно выросли. Это заставило комитет, при вызове во второй раз желающих (в июле 1850 года), принять цены, существовавшие в марте 1850 года. Таким образом, сумма, выделенная на постройку, выросла до 283 366 рублей 63 копеек, из которой исключены были 7 000 рублей на устройство в церкви иконостаса и на написание образов, как на работы, не входящие в общий подряд. Следовательно, в основание торгов было принято 276 366 рублей 63 копейки, но и при этих, более выгодных условиях, на торги и во второй раз никто не явился.

Чтобы избежать последнего затруднения, которое встречали подрядчики в значительности залога, требовавшегося на обеспечение подряда и составлявшего 1/3 часть всей подрядной суммы, разрешено было уменьшить залог до 1/3 части только годовой подрядной суммы. По сделанному на этом основании в третий раз вызову, торги состоялись 12, 15 и 19 марта 1851 года. Постройка зданий лицея принята была потомственным Почетным керченским гражданином первой гильдии купцом Иваном Максимовичем Красильниковым за 240000 рублей серебром. С ним 26 июня 1851 года был заключен контракт, и, после его утверждения указом Правительствующего сената (2 августа 1851 года), приведен в действие. На основании этого контракта постройка зданий распределялась на четыре года (1852, 1853, 1854 и 1855). Последний срок окончания всех работ, с очисткой самого места, назначался на 1 сентября 1855 года.

Торжество закладки здания происходило 17 апреля 1852 года, в высокаторжественный день рождения Его Величества государя императора Александра Николаевича. Высокопреосвященный Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический, по совершении в этот день в лицейской церкви литургии и молебствия о здравии и долгоденствии государя императора и всего августейшего дома, освятил место закладки нового здания лицея. Он положил первый основной камень, сказав при этом ученому сословию лицея, а также настоящим и будущим его питомцам, призванным быть свидетелями торжества, пастырское слово. В нем он, изъяснив в духе евангельского учения событие, совершившееся перед их глазами, внушил им чувства верноподданнической любви и признательности к августейшим благодетелям царства русского¹. В основание фундамента первого камня положена медная доска, покрытая со всех сторон накладным серебром. На ней вырезана надпись следующего содержания: «В двадцать седьмое лето благополучного царствования Его Императорского Величества Николая I, императора и самодержца всей России, 17 апреля 1852 года заложено в Одессе здание для Ришельевского лицея». На обратной стороне: «С благословения архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия, при наместнике кавказском, новороссийском и бессарабском генерал-губернаторе князе Михаиле Семеновиче Воронцове, министре народного просвещения князе Платоне Александровиче Ширинском-Шихматове, попечителе Одесского учебного округа, действующем статском советнике Михаиле Николаевиче Бугайском, по проекту архитектора Шашина, под распоряжением комитета, состоящего под председательством инженера — генерал-майора Григория Сергеевича Морозова. Постройку принял керченский купец Иван Максимович Красильников за 240000 рублей российской серебряной монетой».

Со дня закладки открыты и сами работы по возведению здания, которые, во время их производства, по мере возникшей необходимости, менялись и дополнялись некоторыми статьями, не вошедшими в первоначальный проект сметы и кондиций.

Так, по высочайше утвержденному проекту на построение лицейских зданий, в главном корпусе зданий предназначалось возвести 10 пневматических печей. Но бывший попечитель, действующий статский советник Бугайский, в бытность свою в Санкт-Петербурге, узнал, что такого рода печи, устроенные во многих тамошних казенных заведениях, по причине происходящей от них большой сухости

¹ Слово это в том виде, как оно было сказано и помещено в «Одесском вестнике» 1852 года, №37, приложено в конце исторического обзора сорокалетия Ришельевского лицея.

воздуха, признаны вредными для здоровья. Поэтому, по его предложению, предложено было заменить пневматические печи изразцовыми голландскими, приспособленными для топки антрацитом. Это предложение, требовавшее обстоятельного вычисления издержек на устройство голландских печей и сличения стоимости назначенных по первоначальному проекту пневматических печей, было утверждено уже после предоставления Красильникову постройки зданий. Вычисленная, по дополнительной статье к контракту плата за устройство голландских печей, ограничила общую сумму заключенного с Красильниковым контракта в 238 695 рублей 60 копеек серебром.

Потом, при строительстве зданий, возникла необходимость непредусмотренных работ, без которых эти здания не могли быть сооружены. Необходимость заставила произвести и эти работы, попросив на них формальное разрешение начальства. Они составили дополнительную к контракту сумму в 8 979 рублей 18 копеек серебром¹.

Сверх того, подрядчиком произведены излишние работы, не вошедшие в первоначальную смету, но оказавшиеся неразрывно связанными с контрактными работами. На них составлены две дополнительные сметы: одна в 19 877 рублей 94 копейки, другая — в 19 467 рублей 35 1/4 копейки серебром². Затем Министерство признало подлежащи-

¹ К этим работам относятся: 1) устройство фундамента под дом, предназначавшийся для директора, потому что старого фундамента, при сносе стоявшего на том месте дома, не оказалось. Эта работа обошлась в 722 рубля серебром; 2) устройство новых стен для сараев, конюшен и ледников, потому что, при сносе старой крыши с магазина, который предполагалось обратить в службы, его стены не смогли выдержать ни надстройки, ни возведения на них новой крыши. Это стоило 1 875 рублей серебром; 3) устройство фрамуг, или просветов, в дверях главного корпуса, выходящих в коридоры, для сообщения им большего света, а также дверных коробок по толщине стен. Это обошлось в 1329 рублей серебром; 4) укрепление стен главного корпуса железными связями, потому что назначенных по проекту оказалось недостаточно, что стоило 2 244 рубля 46 копеек; 5) устройство мауэрлата поверх стен главного корпуса, или обложение стен бревнами для укрепления на них стропил, на что потрачен 221 рубль 1 копейка; 6) подвеска потолочных балок в главном корпусе железными хомутами с муфтами, на что потрачено 1 575 рублей серебром; 7) устройство двух железных прутьев с медными украшениями для навески люстр в церкви и зале, стоившее 50 рублей; 8) устройство ставней в больнице и студенческой спальне, а также укрепление крючьев для навешивания ламп в коридорах и провод колокольчиков от наружных дверей, на что использовано 725 рублей; 9) устройство стены между арок, на которых утверждена парадная лестница, на что потрачено 237 рублей серебром. Источником для этих издержек служила экономическая сумма лицея.

² Подробности этих работ состоят в следующем: в устройстве восьми двустворчатых и двух одностворчатых дверей в директорском доме, разбутке пазух сводов в директорском и инспекторском домах, устройстве лестниц, 13 дымовых труб, заложении промежутков между балок, постановлении столбиков в середине больших окон подвального и верхнего этажей, устройстве закладных рам для больших окон среднего этажа (в большем в отличие от сметы объеме). Разбутке пазух сводов в главном корпусе, высечке рустиков и наличников вокруг окон главного корпуса, а также домов директора и инспектора, устройстве железных наугольников к оконным переплетам по главному зданию и деревянных наличников к дверям директорского и инспекторского домов. В устройстве

ми удовлетворению еще две дополнительно проведенные работы: по предмету понижения пяти сводов в нижнем и среднем этажах главного здания и по расширению здания.

На первую работу выделено, по составленной архитектором Шапиным и проверенной Главным управлением путей сообщения смете, 3 402 рубля 93 3/4 копейки, а на вторую — 3 586 рублей 8 3/4 копеек. Наконец, к этим четыремдополнительным сметам присоединилась и пятая — на нивиллировку дворов, которая достигала 1 995 рублей, но на торгах понизилась до 1 435 рублей серебром. Следовательно, возведение нового здания лицея превзошло сумму, названную на торгах, по которым Красильниковым был принят подряд постройки зданий лицея, как показывают цифры смет.

Что касается хода работ, то в первом, 1852-м, обязательном для подрядчика году, работы производились с таким успехом, что стены главного корпуса были подняты выше той черты, которой ограничивалось по контракту производство работ этого года. Магазин, предназначавшийся для служб, не мог, однако, в этом году быть переделан из-за обнаруженного расстройтва стен, а также не были доставлены мраморные и триестские плиты, которые, на основании контракта, должны были быть заготовлены в этом году. Во втором (1853) году, по причине представившихся затруднений по очистке дворов от временных построек и складов материала, не выполнена часть работ, требовавшихся по контракту. В третьем (1854) году, по случаю проходивших военных действий, настилка каменных полов в коридорах и некоторых комнатах, устройство лестниц, а также часть некоторых других работ, не были выполнены. По той же причине здание оставалось не-

больших кружал для сводов и малых - для дверных и оконных полуарок. Все это показано в первой дополнительной смете.

Вторая смета заключает в себе следующие работы: высечку поясков с кронштейнами в верхнем этаже главного здания, устройство столбика в дверях подвального этажа, разбутку пазух арок, окантовку сводов, устройство сводов и ступеней под одну лестницу, двух сводов под другие две лестницы и особо - под крыльцо. Высечку карнизов и впадин внутри церкви, устройство капителей к пилястрам, стеллажей снаружи главного здания для каменщиков и штукатуров, внутри - в церкви и зале, а также в домах директора и инспектора, перегородок на чердаке главного здания и в инспекторском доме, двух стропил на главном здании, рам в слуховые окна всех зданий, деревянных перегородок в ватерклозных местах. Покрытие поясков под окнами верхнего этажа главного здания, устройство съемных колен у труб, 5 котлов и одной плиты на кухне главного здания, железного шкафа и 4 плит в кухне инспекторского и 2 котлов - на кухне директорского дома. Кружал для сводов директорского дома, лестницы на чердаке и сходов в подвальный этаж того же дома, приборов к воротным калиткам, проводных канав к цистерне. Обтяжка холстом кирпичных печей в директорском и инспекторском домах, устройство кружал для сводов под лестницы, вытяжка поясков под окнами нижнего и среднего этажей, высечка карнизов вокруг столбов и пилястр под арками. Окантовка пенькой оконных и дверных рам, высечка и оштукатуривание карниза в зале и над лестницей, устройство дверей к перегородкам ватерклозных мест, выстилка площадки крыльца и схода, оштукатуривание свода над лестницей и окраска деревянных перегородок.

оконченным и в 1855, и 1856 годах. Но, по окончании войны, подрядчик успел, в конце 1856 года, выписать ступени для лестниц и часть триестских плит. Мраморные же плиты были доставлены из-за границы только в апреле 1857 года, поэтому здание было окончательно отделано и принято в казенное ведомство только в половине настоящего 1857 года.

Составление для него проектов и смет, а также заведывание всеми делами и суммами по производству работ, лежало на особом комитете, высочайшеучрежденном для этой цели 19 декабря 1833 года. Этот комитет был образован из председателя и шести членов: двух — по технической части, двух — со стороны лица (из профессоров) и двух — со стороны одесских граждан. Для исполнения всех поручений по техническо-практической части был назначен архитектор-строитель помощником в качестве комиссара, а для письменной части и счетных дел — секретарь и бухгалтер, в одном лице.

При учреждении комитета, в который председателем корпуса инженеров был назначен генерал-майор (ныне генерал-лейтенант) Андрей Данилович Готман, а членами по технической части — Тихонов, капитан полевого инженерного корпуса, и Боффо, бывший в Одессе сначала городовым, а потом карантинным архитектором. Со стороны лица были назначены профессора Симонович и Архангельский, а со стороны города — советник коммерции Лучич и одесский купец Родоканаки, архитектором-строителем — подполковник Петров, а секретарем и бухгалтером — бывший правитель канцелярии попечителя Одесского учебного округа коллежский секретарь (ныне надворный советник) Краснощеков.

Но из комитета скоро выбыли: Готман (19 марта 1837 года), Тихонов (20 января 1839 года), Архангельский (22 сентября 1838 года) и Лучич (19 ноября 1838-го), и до 1849 года состав комитета ограничился тремя членами.

Бывший попечитель округа, действующий статский советник Бугайский, принимая живейшее участие в осуществлении предположения касательно возведения новых зданий лица на приобретенных в 1844 году местах, восстановил состав комитета. В 1849 году он избрал в председатели корпуса инженеров путей сообщения генерал-майора Григория Сергеевича Морозова, а в члены по технической части — подполковника Любенкова, со стороны лица — профессора, ныне инспектора лица статского советника Михневича, со стороны граждан — советника коммерции Логинова. Вслед за этим на место профессора Симоновича назначен (29 сентября 1849 года) членом состороны лица профессор статский советник Левтеропуло, исполнявший эту обязанность до его увольнения со службы при лице — по 6 января

1856 года. Его место занял (7 февраля 1856 года) профессор статский советник Зеленецкий. Член технической части Любенков выбыл 17 октября 1850 года, и его место осталось незанятым все время действия комитета. На место уволенных 13 марта 1851 года членов Логинова и Родоканаки членами со стороны граждан поступили почетные граждане Новиков и Веллара, но со смертью последнего из них, его место (с 28 января 1857 года) остается незанятым. По выбытии 19 марта 1837 года подполковника Петрова, обязанность архитектора-строителя (с 25 марта 1837-го по 18 мая 1838 года) исполнял технический член комитета Боффо. С 18 марта 1838 года эту должность 8 класса занял Дихт, а с 15 июля 1842 года архитектором-строителем при комитете состоит надворный советник Шашин, составитель проекта сооруженных для лицея зданий. Секретарем и бухгалтером комитета, на место выбывшего Краснощекова, назначен, по распоряжению бывшего попечителя Бугайского, с 31 декабря 1849 года, бывший секретарь правления и совета лицея, ныне помощник инспектора лицея титулярный советник Логинов.

Во время строительства зданий лицея, архитектору-строителю был необходим помощник. На эту должность назначили воспитанника Московского дворцового архитектурного училища Иванова. Он был помощником архитектора при лицейском комитете с 15 июня 1850-го по 12 апреля 1855 года.

Председатель комитета, генерал-майор Морозов, отказавшись от должности технического члена в Одесском городском строительном комитете, был уволен, по прошению, с должности председателя. На его место назначен, 15 мая 1857 года, инженер-полковник Александр Павлович фон Энден.

III. Управление лицея

В управлении лицея, особенно в начале его существования, резко обозначаются некоторые особенности, отличающие его от всех учебных заведений России. Подчиняясь, вместе с прочими учебными заведениями Новороссийского края, попечителю Харьковского университета, как лицу, посредствующему между ним и министром народного просвещения, лицей, как по хозяйственной, так и учебной части, имел свое внутреннее *правление*, состоявшее, под председательством одесского градоначальника, из родителей воспитывавшихся в нем детей. Состав этого правления был следующий: кроме председателя, в нем участвовали четыре члена, которые избирались на два года на полном собрании родителей и опекунов детей — пансионеров лицея. Временем их избрания обычно назначалось начало академического года, и одесский градоначальник извещал об этом за три месяца. Избирались

только те, которые имели постоянное жительство в Одессе, и, по окончании одного срока, могли быть избраны еще на один. Для замещения больных или отсутствующих членов, в то же время и на тот же срок избирались еще четыре кандидата. Все они, как члены, так и кандидаты, обязаны были заботиться о точном соблюдении правил устава, но не могли принимать какие-либо постановления, не попросив разрешения высшего начальства.

Круг власти, предоставленной членам правления, заключался в следующем. Они следили за поведением и успехами учащихся, им для этого в конце каждой недели предоставлялся отчет об учении и поведении воспитанников лицея. Они присутствовали на всех испытаниях, проверяли счета эконома лицея. Они избирали, по представлению директора лицея, профессоров, адъюнктов и надзирателей, представляя их, через попечителя Харьковского университета, на утверждение министру народного просвещения. Также назначали, по договоренности с Епархиальным Преосвященным, преподавателя Закона Божия и настоятеля лицейской церкви, утверждая кандидатуру у министра. Избирали они и самого директора лицея из числа инспекторов или профессоров, тоже представляя этот выбор на утверждение министра. Наконец, подписывали ежегодный отчет, представляемый директором лицея попечителю Харьковского университета и от него поступающий к министру народного просвещения. Участие директора лицея в делах правления состояло собственно в том, что он имел только совещательный голос, и, вместе с двумя инспекторами, в помощь которым назначались двенадцать надзирателей, должен был наблюдать за учебной и нравственной частью лицея, докладывая об этом на правлении в своих еженедельных рапортах.

В таком коллегиальном составе правления лицея правительство желало иметь верный залог благосостояния этого заведения. Предоставляя всю власть и весь надзор за воспитывающимся юношеством самим родителям, оно полагало, что этим способом будут достигнуты цели воспитания, потому что деятельность этих лиц будет поощряться их собственным участием, которое заставит их предупреждать злоупотребления и точно придерживаться установленного порядка¹.

Так управляли лицеем до 1830 года, то есть до учреждения в Одессе отдельного учебного округа и назначения особого попечителя, привившего этому заведению те же формы правления, какие существовали в других высших учебных заведениях России. На протяжении этого времени члены правления выбирались несколько раз. Их имена должны занять место на страницах истории лицея в ряду лиц, принимавших участие в обучении воспитывавшегося здесь юношества.

¹ Егоров А. Д. Образование и устав Ришельевского лицея в Одессе. – СПб., 1818. – §§4-9.

До открытия настоящего правления лицея, первоначально было составлено (1817 год) временное правление, в которое вошли херсонский военный губернатор граф Ланжерон, одесский комендант генерал-майор Кобле и негодант Людвик Пеццер. Тогда же, для надзора за нравственной и учебной частью лицея, был назначен директором лицея аббат Николь, а его помощником и первым инспектором — иностранец Ремми Жиле. В следующем, 1818 году, правление лицея имело уже свой надлежащий вид, соответствующий уставу лицея. Состоя под председательством графа Ланжерона, оно имело положенное по уставу число членов и кандидатов, то есть тех и других по четыре. Членами были статские советники Персиани и Кирико, советник коммерции Пеццер и одесский купец Кошелев, а кандидатами надворный советник Карузо, коллежский асессор Латур, капитан-лейтенант Коронелли и поручик Шостак. На помощь директору вторым инспектором был определен бывший директор Одесской коммерческой гимназии Флуки.

Но в этом виде правление лицея существовало недолго. Лица, составлявшие его, не все имели специальные познания, необходимые для заведывания учебной частью лицея. Поэтому, при всем их желании принести пользу заведению и воспитывающемуся в нем юношеству, не могли не испытывать трудности в достижении этой цели, особенно когда дело шло о поиске способных и достойных преподавателей и настоящей оценке методов учения. Это заставило членов правления лицея в 1819 году обратиться к министру духовных дел и народного просвещения с просьбой о том, чтобы в правлении разрешили присутствовать, кроме православного законоучителя, двум профессорам. А также, чтобы при избрании кого-либо в профессора или адъюнкты, разрешили приглашать в правление обоих инспекторов и, кроме того, профессора того предмета, которому будет обучать вновь избираемый преподаватель. Получив разрешение министра, в том же году членами правления выбрали законоучителя архимандрита Феофила, профессоров Мальчевского и Жаданова, а на место выбывшего Пеццера пригласили присутствовать в заседаниях правления надворного советника Карузо, который занял к тому же и должность врача при лицее.

После увольнения в 1820 году директора лицея аббата Николая, поменялись и заведовавшие хозяйственной, учебной и нравственной частями лицея. Звание председателя правления возложено было на одесского градоначальника действительного статского советника Трегубова. Членами правления, сверх вторично избранных Персиани и Кирико, были вновь определены из бывших кандидатов коллежский советник Карузо и поручик Шостак. Новыми же кандидатами стали одесские купцы первой гильдии Кошелев и Гари, подполковник Обле-

угов и вторично избранный на эту должность надворный советник Латур. Но Кирико и Карузо, в том же году, выбыли из числа членов, а на их место были приглашены кандидаты Кошелев и Гари. Директором лицея был определен 1-й инспектор Ремми Жиле, место которого по инспекторству занял 2-й инспектор Флуки, а 2-м инспектором был назначен профессор Жаданов. Ремми Жиле вскоре уволили с должности директора и заменили (в 1821 году) директором рижских училищ Гейнлетом, до прибытия которого должность директора лицея выполнял инспектор Флуки. В то же время членом правления по учебной части, на место уволенного с должности профессора и члена правления Мальчевского, был назначен профессор Дудрович. Председательство в правлении лицея, в следующем 1822 году, сначала перешло к состоявшему тогда в должности одесского градоначальника генерал-майору Гекелю, а потом к градоначальнику графу Гурьеву.

Здесь оканчивается период зависимости лицея от попечителя Харьковского университета, и образуется высшее непосредственное управление в самой Одессе. Высочайшим рескриптом 15 апреля 1823 года приказано было передать лицей в непосредственное управление генерал-лейтенанту графу Витта, исключив его из ведомства попечителя Харьковского университета. То есть в делах, касающихся лицея, граф Витт прямо относился к министру духовных дел и народного просвещения, объединяя в своем лице и должность председателя правления лицея, которая до того времени обычно лежала на градоначальнике. Но внутренний состав правления лицея остался в прежнем виде, только с заменой выбывших членов (Персиани, Кирико, Карузо и Шостака) вновь избранными: коллежским советником Мещерским, неаполитанским генеральным консулом де-Рибасом, надворным советником Калиневским и купцом 1-й гильдии Гари. Мещерский и де-Рибас вскоре выбыли, их в 1824 году заменили полковник Христофоров и константинопольский банкир Костанда. По учебной части на место уволенных инспекторов Флуки и Жаданова на должность 1-го инспектора назначили надворного советника Калинеску, а на должность 2-го инспектора — коллежского асессора Кешпена. До определения этого последнего, должность члена, после Жаданова, занимал профессор Протопопов.

Свое вступление в должность граф Витт не замедлил ознаменовать некоторыми изменениями к лучшему устройству административной части лицея. По его распоряжению правление лицея было разделено (в 1824 году) на два отделения: учебное и хозяйственное. Первому положено было иметь одно заседание в неделю, а второму — два. Эти два отделения, по своему значению, очень близки к нынешним — совету и правлению лицея.

После увольнения в 1825 году Гейнлета с должности директора лицея, временно эту должность занимали сначала надворный советник Дидрихс, а потом профессор Дудрович. Назначенный же директором лицея князь Шаховской, отставной капитан 2-го ранга, умер, не вступая в должность. Между тем, должность директора лицея получила в это время то значение, какое она имеет и ныне: со времени учреждения правления лицея директор имел только совещательный голос, теперь же он получает право председательства как по учебной, так и по хозяйственной части. Первым директором лицея с таким правом был действительный статский советник Орлай, назначенный на эту должность в 1826 году из директоров лицея князя Безбородко. Тогда же ввели должность ученого секретаря, без жалованья, для заведывания учебными делами. На нее был назначен профессор Дудрович, а управлявшему канцелярией правления предоставлены были только хозяйственные дела. Членов правления стали выбирать из ученого сословия лицея не только по учебной, как было прежде, но и хозяйственной части. Так, кроме вновь избранного по этой части советника коммерции Ризнича, членом хозяйственного отделения был назначен 2-й инспектор Кеппен.

Последующие за тем годы, до 1830-го, не представляют никаких существенных изменений в составе правления лицея, кроме замены одних лиц другими. Так, в 1827 году избраны членами правления советники коммерции Лучич и Кошелев, а после их увольнения, а также Ризнича, в 1828 году определены: 5-го класса Синицын, статский советник Малахов и — в качестве членов — профессора Лепка и Симонович. Последний с 1827 года был назначен на должность 2-го инспектора (на место выбывшего Кеппена). Должность ученого секретаря после Дудровича в 1827 году занял профессор Курляндцев, а после его увольнения она в 1828 году была поручена профессору Андриевскому. Но в 1830-м она была изменена на должность управляющего канцелярией лицея по учебной части, которым был назначен Ящинский, а управление канцелярией по хозяйственной части поручили Артынову.

27 февраля 1829 года умер директор лицея, действительный статский советник Орлай. Сначала, до назначения нового лица, его обязанности поручили профессору Дудровичу, а потом коллежскому советнику Винтеру, назначенному 1-м инспектором лицея (он заменил уволенного Калинеску).

Затем, с 1830 года, начинается ряд изменений, предшествовавших полному преобразованию лицея. Эти изменения, как и следовало ожидать, коснулись управления. Министр народного просвещения, князь Ливен, 16 августа 1830 года дал знать правлению лицея, что государь

император приказал подчинить Ришельевскому лицейу все училища, находящиеся в Одессе, составив из них в виде округа, под начальством попечителя, особое управление, которое должно было зависеть непосредственно от министра народного просвещения. Попечителем этого округа назначили действительного статского советника Никифора Федоровича Покровского, отстранив от управления лицеем генерала от кавалерии графа Витта. Таким образом, лицей с прочими учебными заведениями Одессы, к которым в том же году были присоединены бессарабские училища, составил отдельный учебный округ — Одесский. Немедленно изменился и состав членов правления лицея: последовало распоряжение, чтобы все профессора присутствовали в правлении по учебной части в качестве членов. Другое изменение состояло в том, что, для ускорения течения дел, оба правления — учебное и хозяйственное — в 1834 году были соединены в одно. Круг занятий лицейского правления расширился: его заведыванию подлежали и учебные заведения Херсонской, Таврической и Екатеринославской губерний, после того как в 1833 году они были подчинены попечителю Одесского учебного округа. Впрочем, это продолжалось только до 1836 года, то есть до учреждения совета при попечителе. С этого времени правление лицея освободили от управления училищами округа, за исключением находящихся в Одессе.

Главные изменения в управлении (в период с 1830-го по 1837 год, которым заканчивается действие устава 1817 года), были следующие: в 1831-м умер занимавший должность директора лицея первый инспектор Винтер, и это место снова занял профессор Дудрович, а должность инспектора временно занял профессор Курляндцев. В 1833 году директором был назначен надворный советник Н. И. Синицын, а инспектором — адъюнкт Пахман, до назначения, в 1834 году, инспектором коллежского советника Чанова.

Так лицей достиг предела, отделяющего его прежнюю жизнь от новой, начавшейся с того времени, когда был введен высочайшеутвержденный устав 29 мая 1837 года. Этот устав, изменив все устройство лицея, произвел значительные перемены и в его административной части. Учебное и хозяйственное отделения правления лицея, соединенные незадолго перед этим, образовали совет и правление лицея; все, относящееся к учебной части, было предоставлено первому, а заведывание хозяйственной частью осталось за вторым. Совет состоит, под председательством директора, из инспектора и всех профессоров, а в правлении присутствуют и решают дела директор, инспектор и советник, назначаемый попечителем из профессоров или адъюнктов лицея. Для учебной части, находящейся при лицее гимназии, образо-

ван особый, педагогический совет, который составляется, под председательством директора, из инспектора и учителей гимназии.

В год издания нового устава лицея был уволен попечитель тайный советник Покровский. На его место был назначен директор лицея Сеницын, с передачей на это время должности директора инспектору Чанову. Вскоре (28 июля того же года) попечителем Одесского учебного округа назначили действительного статского советника Дмитрия Максимовича Княжевича (директора Департамента государственного казначейства).

Преобразование лицея по новому уставу, при личном участии Дмитрия Максимовича Княжевича, было начато 1 января 1838 года. Семь лет, на протяжении которых он управлял округом, были для лицея временем его перерождения. Устроив все части лицея в соответствии с требованиями устава, он попросил разрешение на многие дополнения и улучшения, которые мы увидим ниже. Что касается части, нами теперь рассматриваемой, то в этом отношении особое внимание он обратил на нравственность учащихся в лицее. Например, для усиления надзора за их поведением, как и содействия инспектору в исполнении лежащих на нем обязанностей по лицее и гимназии, он попросил высочайшее соизволение на определение помощника инспектору лицея. Им, в 1839 году, был назначен коллежский советник Флоренсов. Затем, в 1840 году, была открыта должность помощника попечителя, на которую перевели помощника попечителя Киевского учебного округа, действующего статского советника Вильгельма Ивановича Карлгофа. Однако он занимал ее всего несколько месяцев, а потом она долго оставалась вакантной.

Во время попечительства Княжевича директором лицея был статский советник Сеницын, а инспектором, с 1837 по 1841 год, — коллежский советник Деларю. С этого времени и по 1845 год должность инспектора занимал профессор Михневич. Помощником инспектора, после Флоренсова, назначенного директором Таганрогской гимназии, в 1842 году был переведен инспектор Кишиневской гимназии надворный советник Острожский. С 1844 года эту должность занял бывший штатный смотритель Перекопского уездного училища коллежский ассессор Шевелев; секретарем совета и правления лицея, после титулярного советника Артынова, в 1838 году назначен коллежский секретарь Кленов, которого в 1842 году сменил губернский секретарь Логинов.

Дмитрий Максимович, принимавший живейшее участие в преобразовании лицея и ревностно заботившийся об улучшении всех его частей, после тяжелой и долговременной болезни, 1 октября 1844 года, на пути из Одессы в Санкт-Петербург, скончался. Незадолго до этого

(3 июня того же года) умер и директор лицея Николай Иванович Сидницын. 20 июля директором в лицей переведен директор Первой киевской гимназии статский советник Александр Григорьевич Петров, который управлял округом около двух лет. При нем определен (в 1845 году) инспектором лицея коллежский ассессор Соколов.

Назначение попечителя задержалось из-за того, что определенный 16 февраля 1845 года, повсочайшему повелению, на эту должность светлейший князь Григорий Петрович Волконский, управлявший до этого Санкт-Петербургским учебным округом, не вступая в управление, вследствие прошения, высочайшим указом от 25 апреля того же года, уволен с этой должности. Только в начале следующего академического года, 3 августа 1846 года, последовал высочайший указ о назначении попечителем Одесского учебного округа действительного статского советника Михаила Николаевича Бугайского. В то же время директор лицея Петров был назначен помощником попечителя. Также, по-прежнему, ему предоставлялось начальство над лицеем.

В период управления округом Михаилом Николаевичем (до конца 1854 года) произошли следующие перемены. В совете, согласно уставу, стали присутствовать только профессора лицея, а до того, на основании особого разрешения министра, исходатайствованного бывшим попечителем Княжевичем, участвовали и адъюнкты. Для усиления надзора за нравственной частью, был определен второй помощник инспектора, а к двум педелям добавили третьего. На должность второго помощника инспектора, которому поручили надзор за студентами, живущими вне заведения, в 1849 году назначили коллежского ассессора Сабурова. Он занимал эту должность до 1852 года, а после него она перешла к титулярному советнику Логинову, бывшему секретариусовата и правления лицея, которого заменил губернский секретарь Галаганов, окончивший курс в лицее. На протяжении этого времени, на место уволенного в 1850 году, по выслуге лет, первого помощника инспектора Шевелева, определен в 1851 году старший учитель лицейской гимназии Шершеневич. После его перевода в 1853 году на должность инспектора Кишиневской гимназии, это место занял коллежский советник Коленко.

17 декабря 1852 года уволен начальник лицея, помощник попечителя Петров. Управление лицеем было поручено профессору, ныне действительному статскому советнику Николаю Никифоровичу Мурзакевичу, а после увольнения Петрова с должности помощника попечителя, Мурзакевич, 2 февраля 1853 года, был назначен директором.

Высочайшим указом 5 января 1855 года выполняющим должность попечителя Одесского учебного округа назначен потомственный почетный попечитель Ярославского лицея, действительный статский

советник Павел Григорьевич Демидов, в том же году утвержденный на этой должности. По его ходатайству, чтобы усилить надзор занравственностью учащихся, высочайше приказано было определить третьего помощника инспектору лицея с упразднением сверхштатного места третьего педеля. С переводом первого помощника инспектора Коленко на должность инспектора Кишиневской гимназии, на эту должность был назначен старший учитель лицейской гимназии де-Брюкс.

Тяжкая болезнь не позволила Павлу Григорьевичу продолжать свои служебные занятия. Высочайшим указом от 22 июля 1856 года он уволен, согласно прошению, с должности попечителя Одесского учебного округа, оставив на своих местах члена главного правления училищ и потомственного почетного попечителя Демидовского лицея. Со дня его болезни, 19 июня, округом управлял директор лицея Николай Никифорович Мурзакевич. При нем вновь открытая вакансия третьего помощника инспектора была заменена комнатным надзирателем лицейского пансиона Комарницким, который сначала был допущен к выполнению обязанностей третьего помощника, а потом утвержден на этой должности.

Ныне лицей, сохраняя свое прежнее устройство, состоит под управлением попечителя Одесского учебного округа, заслуженного профессора, действительного статского советника Николая Ивановича Пирогова, определенного на эту должность высочайшим указом от 3 сентября 1856 года и утвержденного 17 апреля 1857 года. Деятельность Николая Ивановича, начавшаяся в конце рассматриваемого нами периода времени, доставит обильный материал для будущего повествователя о судьбе лицея.

IV. Учебная часть лицея

Учебная часть лицея до 1837 года имела устройство больше гимназическое, чем университетское, а с этого времени, на основании нового устава, лицей, отделившись от гимназии, стал приближаться к университетам, как в составе наук и способе преподавания, так и в правах учащихся и учащихся, почти общих совсеми русскими университетами.

На основании устава 2 мая 1817 года, это высшее учебное заведение состояло: а) собственно из лицея; б) из Начального училища с Ланкастерским, заменившим прежние Уездное и Приходское училища; в) из двух дополнительных училищ. Сверх того, при нем находились: пансион для своекоштных воспитанников и Педагогический институт для 24 воспитанников, содержащихся за счет доходов, получаемых от пожертвованной Дюком де-Ришелье аренды, которая, после его смер-

ти, была высочайшепредоставлена в пользу лицея, на все время его существования.

Собственно лицей состоял из пяти классов, в которых, кроме Закона Божия, преподавались: грамматика русского, латинского, греческого, французского, итальянского и немецкого языков, словесность, риторика, география, статистика, физика, математика, военные науки и приятные искусства. Начальное училище былоподготовительным и состояло из трех классов. В нем внимание обращалось на обучение чтению и письму на языках, преподававшихся в лицее. Также сообщались первоначальные познания предметов, проходимых в Приходском и Уездном училищах. В дополнительных училищах преподавались: в одном — правоведение и политическая экономия, в другом — коммерческие науки.

Академический год начинался вместе сгражданским, то есть, 1 января, так как лицей был открыт 7 января 1818 года¹. В каждом лицейском и дополнительном классе курс обучения продолжался два года. Кроме пансионеров и педагогических воспитанников, обучались и вольноприходящие, но для них были особые классы, вне всякого сообщения с внутренними воспитанниками, даже сообщение между воспитанниками разных классов в то время строго запрещалось. Это разделение учащихся образовало как бы два лицея — *внутренний* и *внешний*, которые соединялись между собою только в лице начальников и наставников, общих для того и другого. При внутреннем лицее находился и педагогический институт. Деление на 5 классов существовало в двух отделах лицея. Предметы преподавались вкаждом из них большей частью на французском языке, и только в высших дополнительных классах чтение лекций происходило на отечественном языке. Профессоры, которых полагалось девять, как и священник греко-русского исповедания, были обязаны двойной должностью: они обучали каждый день по два часа во внутренних и столько же — во внешних классах лицея. Из шести же адъюнктов четыре заменяли профессоров в случае отсутствия или болезни последних, и ежедневно бывали на всех уроках в лицее. Пятому поручался приготовительный класс, а шестой заведовал канцелярией правления, а также был хранителем библиотекии физического кабинета. Для надзора за порядком во внутренних классах назначалось двенадцать надзирателей, которые подчинялись двум инспекторам и директору лицея.

Вскоре, однако, почувствовали необходимость в преобразовании этого первоначального устройства учебной части лицея. Еще первый

¹ Торжество открытия ознаменовано произнесением преподавателями речей на русском, французском и других языках.

директор, аббат Николь, представлял министру духовных дел и народного просвещения следующие предположения:

1) о перенесении времени возобновления классов каждые два года на 1 июля — время, в которое родителям удобнее привозить детей в Одессу;

2) об увеличении адъюнктов до десяти и уменьшении надзирателей до шести, с тем, чтобы в адъюнкты были определены трое из русских;

3) о приеме воспитанников приготовительного класса в течение первых шести месяцев каждого курса и замещении вакансии среди них в любое время;

4) об изменениях в преподавании итальянского и немецкого языков. Учитывая просьбы родителей, желавших, чтобы их дети обучались немецкому языку, аббат Николь находил нужным перенести преподавание итальянского языка в дополнительное училище, а немецкий поставить в числе необходимых предметов. Некоторые из этих предположений, как докладывал он, им самим, по необходимости, были приведены в действие.

Рассмотрев это донесение, министр народного просвещения 8 октября 1827 года изъявил свое согласие на то, чтобы учебный курс в лицее начинался не с 1 января, как было постановлено уставом, а с 1 августа, чтобы июль оставался свободным от обучения. Вследствие этого, правление лицея распорядилось, чтобы наступающий с января 1828 года новый академический курс был полуторагодовой. Воспитанники, вступающие для окончания обучения в 5 класс и состоящие в низших классах, должны были пройти предписанные уставом науки в течение одного с половиной года, то есть, до 1 июля 1829 года. В то же время, вследствие предложения управлявшего лицеем генерала от кавалерии графа Ивана Осиповича Витта от 19 ноября, и отношения осматривавшего лицей, в качестве визитатора, чиновника Министерства народного просвещения графа Платера, правление лицея определило: 6 классов, в которых воспитанники находились по два года и переводились в высшие классы не раньше, как по окончании этого срока, разделить на *одиннадцать*, с тем, чтобы переход из класса в класс производился ежегодно после годичного испытания. В составе этих одиннадцати классов, для соблюдения однообразия с прочими учебными заведениями России, должны были находиться:

1) начальное училище, которое состояло, по примеру уездного училища, из трех классов;

2) четыре класса, соответствующие гимназическим;

3) четыре класса лицейских, философского и юридического отделений.

Преподавание эллино-греческого и новых иностранных языков, для лучшего в них успеха, предложено было отделить от преподавания наук и обучать им по отделениям, чтобы ученики, состоящие, в соответствии с их успехами в науках в разных классах, могли учиться этим языкам в тех отделениях, которые отвечали их успехам в каждом из них. Таковых отделений полагалось шесть: начальное, грамматическое, синтаксическое, риторическое, пиитическое и эстетическое. Слушание уроков латинского языка, кроме отечественного русского, вменялось в обязанность всем учащимся. Изучение прочих языков предоставлялось на выбор учеников или их родителей, с тем, однако, чтобы один из новейших языков изучался непременно. Позволялось также, во всех трех главных отделах лицея, по мере удобства, делать классы сводными. Воспитанникам Педагогического института правление лицея разрешало, по их желанию, переводиться на военную или гражданскую службу (высочайшее соизволение на это последовало в 1828 году через министра народного просвещения). Но в следующем году, по утвержденному г. министром распоряжению правления, воспитанникам Педагогического института, как и своекоштным пансионерам, можно было на собственный выбор оставаться еще на два года в юридическо-политическом отделении лицея или оставить заведение по окончании курса в философском отделении. Императорским же питомцам велено было оставаться в лицее до совершенного окончания курса в юридическо-политическом отделении.

Этот вновь начертанный порядок преподавания наук и языков в лицее в 1829 году был утвержден Главным правлением училищ. Его позволили ввести временно, до нового преобразования устава лицея.

Это преобразование не замедлило начаться и продолжалось на протяжении всего шестилетнего управления Одесским учебным округом его первого попечителя, действительного статского советника Покровского. Оно было спроектировано в следующем виде: первый класс Начального училища оставили на прежнем основании, второй класс переименовали в первый гимназический класс, а третий — во второй. Первый класс, соответствовавший гимназическому, переименовали в третий гимназический, второй — в четвертый, третий — в пятый, а четвертый — в шестой. Таким образом, должно было составиться шесть гимназических классов, с предшествующим им приготовительным. Классы собственно лицейские, то есть философского и юридическо-политического отделений, должны были оставаться без изменений.

Этот проект, с разрешения г. министра, был введен в 1831 году, с тем, чтобы его действие в течение шести месяцев тщательно изуча-

лось. К нему примыкали последовавшие тогда же распоряжения министра о присутствии в правлении лица всех профессоров и оподчинении лицейю всех одесских училищ, кроме находящихся под высочайшим покровительством и состоявших в духовном или военном ведомстве. Также связь с ним имеет и высочайший указ Правительствующего сената от 18 июня об учреждении при лицее Цензурного комитета.

Наблюдали над действием упомянутого проекта не шесть месяцев, как первоначально предполагалось, а несколько лет. Введенный в 1831 году, он оставался в своем виде и в 1832-м, с тем только отличием, что, по распоряжению попечителя, были сделаны некоторые изменения в пространстве и способах преподавания входящих в лицейский курс предметов. Сверх того, им же было обращено особое внимание на надлежащую оценку способностей и успехов учащихся в лицее. Для этого предписано было:

1) наблюдать, чтобы переводимые в высшие классы подавали, по своим успехам в низших классах, верную надежду на то, что они будут продолжать обучение с успехом по всем существенным предметам (русский и латинский языки, математика);

2) следить, еще с большим вниманием, чтобы ученики 7-го класса подвергались строгому испытанию, устаиваясь перевода в лицей не иначе, как с верной надеждой на то, что они могут слушать лекции с пользой. Так как эти лекции имеют характер университетских чтений, то следует проверить, способны ли они к ним по своим годам;

3) в определении наград ученикам 7-го класса, согласно §154 устава 1828 года, обращать внимание на то, чтобы эти награды назначались в небольшом количестве и только тем, кто показал отличные успехи во всех языках и науках;

4) для поощрения учеников 7-го класса, тем из устаиваемых по экзамену перевода в лицей, которые, по документам об их происхождении, звании и по успехам, могут выпускаться с правом на классные чины, кроме наград за отличие, вручать на торжественном собрании шпаги, как знак студенческого звания.

Существовавшие с 1831 года еженедельные собрания, на которых ученые члены правления рассматривали сведения о состоянии учебно-нравственной части лицея, попечителем (1834 год) было предложено обратить в ежемесячные. Видя пользу таких собраний, г. попечитель счел нужным сделать следующие распоряжения: 1) чтобы эти ежемесячные собрания собирались на прежнем основании; 2) чтобы на них непременно присутствовали начальники и все учащие в лицее и гимназии; 3) чтобы инспектором представлялись, с отчетом о пройденном в каждом классе, сведения о том, кто из преподавателей, сколько раз и

по каким причинам не был в классах, какие меры принимались к его замене; 4) чтобы представленные здесь отчеты и ведомости рассматривались в первом заседании правления. Также чтобы по ним принимались надлежащие распоряжения; 5) чтобы через директора попечителю представлялись выписки из отчетов, определений правления и записки о чиновниках, пропустивших собрания.

Правление, со своей стороны, по окончанию годичных испытаний в 1834/35 академическом году, нашло нужным сделать следующие распоряжения, утвержденные г. попечителем:

1) признавая необходимым точнее определить степень сведений учащихся, дающую право на перевод в высший класс по двум родам отметок (1-4 и 1-12), оно приняло за правило переводить в высшие классы тех из учащихся, у которых общий результат успехов, по отметкам 1-4, будет не менее трех, а по отметкам 1-12 — не меньше восьми. Исключением из правила могли стать только учащиеся в первых трех гимназических классах, где достаивались перевода и за меньшие отметки. Но и здесь требовали, чтобы общая отметка в главных предметах (русском и латинском языках, математике), подходила к трем (по отметкам первого рода) и к семи (по отметкам второго рода).

2) В награждении лучших учеников правление признало необходимым учитывать успехи в греческом языке. Преимущество в награде отдавалось тому из двух или нескольких учеников, имеющих одинаковые результаты в учебе и поведении, кто обучался, кроме других предметов, и греческому языку, чтобы таким образом содействовать плану правительства относительно усиления знания этого языка.

Обещанный новый устав, наконец, высочайшебыл дарован лицу 29 мая 1837 года. При нем осталась только связь лица с гимназией по части управления этих заведений одними и теми же лицами, помещения их в одном здании и содержания их за счет одних сумм; во всем прочем лицей получил характер отдельного и самостоятельного заведения, по своему составу и правам весьма близкого к университетам. Была проведена грань, с которой начинается история собственно лицея, составляющая исключительный предмет предпринятого нами обзора его прошедшей судьбы.

Перед введением нового устава, правление лицея нашло нужным сделать свои распоряжения относительно оканчивающих курс обучения в существовавшем до того времени философском отделении. Одни из них, на основании прежнего порядка, должны были поступать во 2-й класс этого отделения, другие — в 1-й. Правление приняло, с согласия занимающего должность попечителя, с началом 1837/8 академического года тех, кто окончит в этом году курс обучения, выпустить из заведения. Прочим же предложить выбрать отделе-

ние по новому уставу, и, сохранив настоящий порядок обучения, насколько разрешат средства и способы, начать преподавание предметов приблизительно к распределению нового устава, который будет введен с 1838 года.

Введение этого устава во всех его частях действительно последовало 1 января 1838 года с прибытием в Одессу вновь назначенного попечителя Княжевича, устремившего все свои силы на преобразование лица в соответствии с указанными в уставе требованиями правительства. Оставшись с прежним своим названием, в знак уважения к заслугам и пожертвованиям Дюка де-Ришелье, в своем внутреннем устройстве с этого времени почти полностью изменился: теперь он стал собственно лицеем, будучи до этого времени не больше, чем высшая гимназия. Два вновь открытые его отделения — *физико-математическое и юридическое*, с учрежденным при них Институтом восточных языков, получили характер университетских факультетов. В состав первого из них вошли чистая и прикладная математика, физика и физическая география, естественная история, химия, технология и коммерция, а в состав второго — римская словесность, энциклопедия и история правоведения, российское законоведение и практическое судопроизводство. Сверх того, в этих отделениях стали преподавать следующие общие предметы: философию, российскую словесность, историю, всеобщую и русскую статистику. Независимо от этого разделения учебных предметов, были учреждены две кафедры: догматического и нравственного богословия, церковной истории и церковного права для студентов православного исповедания, и кафедра арабского, турецкого и персидского языков — для студентов Восточного института. Для преподавания этих предметов назначено 12 профессоров, в том числе профессор богословия и 4 адъюнкта.

Внимательный к нуждам заведения, Д. М. Княжевич не ограничился приведением в действие нового устава лицея. Из года в год он развивал его, расширяя существующие в нем кафедры и учреждая новые, чтобы таким образом постепенно лицей занял то место в ряду высших учебных заведений России, на котором он желал его видеть. Он мечтал о преобразовании лицея в университет, даже план уже подготовил, но преждевременная смерть прервала его планы.

Так, в первый год, после преобразования лицея по новому уставу, была учреждена кафедра сельского хозяйства и лесоводства, с назначением для нее особого профессора. Затем, в 1840 году, исходатайствовано было разрешение на определение при лицее, по примеру университетов, лекторов новейших языков: немецкого и французского, а в 1841-м министром народного просвещения выражено согласие на преподавание студентам математического отделения геодезии. Также

высочайше было разрешено добавить к предметам чтений в юридическом отделении судебную медицину.

В то же время особое внимание обратили на методу преподавания и распределение часов лицейских чтений. После предварительного обсуждения на совете лица мнений преподавателей относительно способа преподавания наук, попечителем были даны (в 1839 году) правила, определяющие как само преподавание, так и составление лекций, которое, на основании этих правил, было возложено на студентов, поочередно назначаемых для этого самими преподавателями. Для руководства студентов при составлении журналов лекций, преподавателями лица, по предложению попечителя, были составлены подробные конспекты по всем проходимым в лицее наукам, с указанием источников, руководств и пособий. Относительно времени преподавания, в 1841 году, с разрешения г. министра, были отменены послеобеденные лекции, как неудобные вообще, а в здешнем крае особенно. Они были перенесены на дообеденные часы. Также изменилась длительность лекций. Вместо полутора часов они стали длиться один час, однако, чтобы восполнить прежнюю продолжительность лекций, на каждой кафедре было так увеличено их число, что сохранились те же шесть часов ежедневных занятий студентов, какие были и прежде, только не разделенные на дообеденные и послеобеденные, а продолжающиеся непрерывно с 8.00 до 14.00.

Между тем, кафедра сельского хозяйства, стоявшая отдельно от прочих лицейских кафедр, положенных по уставу, для достижения предназначенной ей цели, требовала, с одной стороны, обстановки некоторых вспомогательных наук, с другой — более специального занятия входящими в ее круг науками, как главными, так и побочными. Это привело к мысли создать в лицее из естественных и хозяйственных наук третье отделение, которое теперь существует в нем под названием «Камерального». Эта мысль была развита в предложении попечителя совету лица от 12 августа 1840 года, и, при должном рассмотрении ее в комитетах министров, утверждена высочайшим соизволением, которое сообщено министру народного просвещения выпиской комитета министров из журналов 28 октября и 11 ноября 1841 года.

Таким образом, с началом 1842/3 академического года, внутренний состав лица получил свое нынешнее устройство, по которому к двум, существовавшим на основании устава 1837 года, отделениям — *физико-математическому* и *юридическому*, прибавилось третье — *камеральное*. В состав первого вошли чистая и прикладная математика, астрономия, физика и физическая география, химия, естественная история и обозрение русских законов. В состав второго: церковное

право, римская словесность, энциклопедия и история правоведения, российское законоведение, практическое судопроизводство, римское законоведение, судебная медицина и государственное хозяйство (политическая экономия с наукой о финансах). К третьему были отнесены: политическая экономия с наукой о финансах, наука о торговле, или коммерция, физика и физическая география, химия, естественная история, сельское хозяйство, технология, архитектура (для желающих) и обзорные русские законы. Сверх того, общими для всех отделений остались: догматическое и нравоучительное богословие, церковная история, философия с ее историей, российская словесность, всеобщая история, статистика со сравнительной географией, история путешествий и открытий, русская история и статистика с русскими древностями, французский и немецкий языки. Что касается кафедры восточных языков, то она осталась на прежнем основании. В то же время было установлено, чтобы каждый студент III курса, кроме окончательного испытания, представил рассуждение по предмету своего отделения. Эта мера остается и теперь в своей силе.

Камеральное отделение, получившее начало в Ришельевском лицее в то время, когда еще ни в одном из русских университетов не было факультетов, занятых исключительно естественно-хозяйственными науками и приспособленное к местным нуждам края, существенную потребность которого составляет государственное и частное хозяйство, имело благотворное влияние и на другие два отделения лицея. Оно придало им больше полноты, стройности и единства. Математическое отделение получило теперь прямое направление к свойственной ему цели. Находившиеся в нем науки: технология, сельское хозяйство и коммерция, как не имеющие прямого отношения к математическим наукам, были переведены из него в сродное им отделение камеральных наук. Это дало возможность расширить объем преподавания математики. Не меньше пользы учреждение камерального отделения принесло и юридическому отделению, круг наук которого увеличился благодаря распространению преподавания русского права и введению политической экономии, науки о финансах и судебной медицины. И так называемые общие предметы от нового разделения наук на три отделения получили некоторое приращение вследствие присоединения к кафедре всеобщей истории и статистики — сравнительной географии, истории путешествий и открытий, а к кафедре русской истории и статистики — науки русских древностей.

Но и в этом распределении наук, даже до истечения трехлетнего срока его испытания, уже сделаны были некоторые изменения. Например, по предложению попечителя студенты юридического отделения всех вероисповеданий обязаны были слушать церковное право, препода-

вавшееся до сих пор только студентам православного исповедания. Преподавание же теории финансов, выделив из политической экономии, добавили для юристов с положительным финансовым законодательством. Кроме того, при лицее была открыта должность лектора английского языка с правами и преимуществами службы, присвоенными лекторам новейших языков при университетах.

К концу трехлетия, которым закончился 1844/5 академический год, совет лицея, рассмотрев согласно предписанию г. министра последнее преобразование учебной части лицея, с небольшими изменениями, какие указал трехлетний опыт, представил его на окончательное утверждение. Одновременно были представлены и правила, которые должны были служить руководством при переводных и окончательных испытаниях студентов. Эти правила утверждены г. министром в 1845 году окончательно, а предложения совета, заключающие в себе некоторые изменения в распределении предметов по отделениям, г. министр счел нужным подвергнуть испытанию на протяжении трехлетнего срока.

Однако эти изменения были допущены на второе трехлетие, и, с наступлением 1846/7 академического года, в распределении учебных предметов лицея появились следующие изменения: в III курс юридического отделения ввели международное право, как отдельный предмет, присоединив к кафедре римского права (начала этого права прежде излагались в энциклопедии правоведения). Кроме того, на профессора естественной истории возложили преподавание студентам камерального и физико-математического отделений минералогии и геогнозии, которые до того не преподавались в лицее. Для успешнейшего преподавания науки сельского хозяйства и лесоводства в камеральном отделении, признали необходимым, чтобы систематическому изложению этой науки предшествовало изложение некоторых первоначальных сведений, заимствованных из вспомогательных наук: химии, ботаники и минералогии, поскольку эти сведения необходимы для науки сельского хозяйства. Это составило так называемое введение в сельское хозяйство, которое было отнесено к I курсу, а само сельское хозяйство с лесоводством преподавались на II и III курсах. Церковное право, преподававшееся до сих пор студентам только юридического отделения всех вероисповеданий, обращено, на основании §14 устава лицея, в общий предмет для студентов всех отделений, но только исповедующих православную веру. Для сохранения единообразия в составе камерального отделения лицея с такими же отделениями Санкт-Петербургского и Казанского университетов, по указанию г. министра народного просвещения, в это отделение были введены новые предметы:

а) законы благоустройства и благочиния;

б) законы о повинностях и финансах — оба предмета в том самом объеме, в каком они преподаются студентам юридического отделения, вместе с которыми и слушают их студенты камерального отделения;

в) государственные учреждения Российской Империи;

г) российские гражданские законы;

д) российские уголовные законы сокращенно, в виде обозрения. Преподавание их студентам камерального отделения причислено к кафедре энциклопедии и истории русского права.

Прочие изменения в программе лицейских курсов имели целью устранить неудобство множества и разнообразия предметов, возникшее из-за разделения главных наук на подчиненные, от размещения одного предмета в двух или трех курсах и из-за большего числа общих предметов. В этом предположении сравнительная география, история путешествий и открытий слиты со всеобщей историей, в состав которой они, по своему существу, входят. Русские же древности были соединены с русской историей, метеорология — с физической географией, энциклопедия, которая прежде была размещена в трех курсах, сведена в первый курс, что больше соответствует ее положению в кругу юридических наук. Римское право, преподававшееся в двух курсах, оставлено в одном; историю философии, бывшую общим предметом для всех отделений, положено оставить только в юридическом и физико-математическом отделениях, этику — в математическом и камеральном, статистику, как всеобщую, так и русскую, — в камеральном и юридическом. Отменено отдельное преподавание эстетики, как части философии, а профессор русской словесности получил право указывать, на практических занятиях со студентами, на главные начала этой науки. Студентов математического отделения освободили от слушания обозрения русских законов; отменено преподавание введения в камеральные науки, составившего прежде особый предмет в камеральном отделении.

Воспитанники состоящего при лицее института восточных языков, обязанные слушать все общие и юридические предметы, за исключением только римской словесности и древностей, при столь обширном круге наук, по необходимости упустили из виду главную цель своих занятий — изучение восточных языков. Поэтому из числа предметов, изучаемых студентами этого института, исключены некоторые, не имеющие близкого отношения к цели их образования, например: энциклопедия правоведения, история философии, законы государственного благоустройства, благочиния и финансов, римское право и судебная медицина. Вместо них, значительно увеличили количество ежедневных занятий восточными языками.

Концом 1848/9 академического года закончилось второе трехлетие, предназначенное для проверки последнего введенного распределения учебных предметов по отделениям и курсам лицея. Результаты сделанных на протяжении этого времени наблюдений снова были представлены на усмотрение высшего начальства. Однако это не привело к новым изменениям в прежнем составе лицейских курсов, потому что г. министр, с высочайшего разрешения, 22 февраля 1850 года предписал сохранить в лицее распределение наук в том самом виде, в каком оно тогда находилось.

Впрочем, это не помешало произойти некоторым переменам в составе лицейского преподавания. Так, в начале академического 1850/51 года высочайшеприказано было упразднить преподавание философии светскими профессорами в университетах, педагогическом институте и Ришельевском лицее, и о возложении чтения логики и психологии на профессоров богословия или законоучителей. Вследствие этого, логику и психологию, оставшиеся в лицее, как и прежде в числе общих предметов для студентов всех отделений, стал преподавать профессор богословия по утвержденным Святейшим Синодом программам. В то же время Министерством народного просвещения была введена программа нравоучительного богословия, рассмотренная и утвержденная Святейшим Синодом, предписавшим руководствоваться ею при преподавании этого предмета.

Тогда же, с учреждением в университетах особой кафедры педагогики, на основании высочайшего приказа (5 ноября 1850 года), г. министр народного просвещения, признавая полезным учредить подобную кафедру и в Ришельевском лицее, предложил (14 февраля 1851 года, №1015) обдумать данное предположение. Сделанное по этому поводу представление совета лицея приведено в действие с началом академического 1851/52 года. Изучив доклад г. министра, государь император высочайше повелел:

- 1) в Ришельевском лицее учредить кафедру педагогики с назначением для ее преподавания на первый раз адъюнкта;
- 2) следующее адъюнкту этой кафедры жалованье в размере, определенном штатом лицея, производить из собственных средств;
- 3) слушание лекций педагогики, независимо от казеннокоштных студентов или тех из своекоштных, которые подготавливаются в домашние наставники, сделать обязательным и для своекоштных студентов, которые, по окончании курса, займут учительские должности в казенных учебных заведениях. Этот предмет преподается теперь на II и III курсах лицея.

Кроме того, с разрешения г. министра (12 ноября 1852 года), основанного на представлении совета лицея, с началом академического

1853/54 года, допущены, в виде опыта, следующие изменения в распределении лицейского преподавания:

а) химия была перенесена со II курса на I-й, минералогия — с I-го на III-й, ботаника — со II-го на I-й, зоология — с I-го на II-й;

б) взамен отмененного преподавания в I курсе введения в науку сельского хозяйства, усилено преподавание этой самой науки на II и III курсах;

в) для уравнивания количества лекций на курсах, преподавание физической географии перенесено с III курса на II-й.

В то же время в совет лицея прислана, для руководства при преподавании, программа церковной истории, составленная в Московской духовной академии, по положению Святейшего Синода и распоряжению г. министра народного просвещения, признанная удовлетворительной для преподавания в высших учебных заведениях.

Вследствие данных изменений появилась возможность выделить больше времени для преподавания механики, астрономии и геодезии, переместив последнюю из них на II курс физико-математического отделения. Это повлекло за собою изменение в преподавании чистой и прикладной математики, которое, с разрешения г. управлявшего министерством, ныне министра Авраама Сергеевича Норова, состояло в следующем:

1) преподавание высшей алгебры возложено на преподавателя чистой математики, с назначением для этого вместо трех двачаса в неделю, а для политической арифметики вместо двух — 1 час;

2) преподавание теории вероятностей перенесено со II-го на III курс;

3) геодезия переведена с III-го на II курс, с назначением для нее 2 часа в неделю, тогда как прежде на ее преподавание, как и астрономии, полагалось по 3 часа;

4) для астрономии и механики, остающихся на III курсе, назначено 2 и 4 часа в неделю соответственно.

Последней из приведенных в действие перемен было закрытие состоявшего при лицее Института восточных языков, последовавшее, на основании высочайшего указа от 22 октября 1854 года, за преобразованием существовавшего в Санкт-Петербургском университете отделения восточных языков в особый факультет. В нем сосредоточились все кафедры этих языков.

Теперь следуют проекты попечителей Одесского учебного округа — Павла Григорьевича Демидова и Николая Ивановича Пирогова, имеющие целью придать курсам лицея больше единства, стройности и применения к цели, дать учащимся в лицее высшие права и преимущества, улучшить их содержание увеличением штатов. Эти проекты еще находятся на рассмотрении высшего начальства. Нет сомнения, что их осу-

ществование будет самым лучшим результатом всех предшествовавших преобразований лицея и составит эпоху, с которой должна начаться история нового, более цветущего состояния лицея.

V. Начальники и учащие в лицее

На протяжении сорокалетнего существования лицея, многие из членов его ученого сословия с усердием трудились на пользу воспитывающегося в нем юношества и приобрели известность своими учеными или литературными трудами. Не ставя себе задание написать их подробные биографии, которые слишком бы расширили этот краткий очерк истории лицея, позволяю себе привести их имена с их учеными трудами, следуя порядку времени вступления их на службу при лицее.

1. Директора лицея:

Аббат Николь (1817-1820¹). Как первый директор, он заботился о приведении в действие устава, высочайше дарованного лицеем 2 мая 1817 года, и издал в Париже, еще до назначения его на эту должность, сочинение под заглавием: *Etablissement du Lycée Richelieu à Odessa, fondé par l'ocase de S. M. l'Empereur de toutes les Russies, en date du 2 mai 1817. Paris, 1817.*

Жиле, Ремми Акинфьевич (1817-1821). В чине надворного советника назначен помощником директора лицея 29 мая 1817 года. В то же время был преподавателем французской словесности и истории. Определен директором в 1820 году и занимал эту должность до 1821 года. На открытии лицея читал речь на французском языке.

Гейнлет, Иосиф Алоизий Иванович (1821-1825). В чине надворного советника переведен директором лицея из директоров училищ Лифляндской губернии 10 октября 1821 года. Занимал эту должность до 1825 года.

Шаховской, князь (1825). Капитан 2-го ранга, умер, не вступая в должность.

Орлай, Иван Семенович (1826-1829). После увольнения, в чине действительного статского советника, с должности директора гимназии высших наук князя Безбородко, 1 августа 1826 года назначен директором Ришельевского лицея. Председательствовал в правлении лицея как по учебной, так и хозяйственной части. Был почетным членом состоявшего при Казанском университете Общества любителей отечественной словесности и членом Виленского университета. Умер на службе при лицее 27 февраля 1829 года.

¹ Эти годы означают время служения каждого при лицее.

Синицын, Николай Иванович (1832-1844). При назначении директором высочайшим приказом от 30 ноября 1832 года был повышен из капитан-лейтенантов в надворные советники. Умер 3 июня 1844 года в чине статского советника.

Петров, Александр Григорьевич (1844-1852). Кандидат Харьковского университета, статский советник. Переведен в лицей из директоров первой Киевской гимназии. Состоя директором лицея, был назначен помощником попечителя, и в этом звании начальствовал до 17 декабря 1852 года.

Мурзакевич, Николай Никифорович (1831-1857). Магистр Московского университета, действительный статский советник. Поступил учительским помощником в начальное училище при лицее 31 января 1831 года. Ему поручено было преподавание всеобщей истории и географии в лицейских классах, соответствовавших гимназическим. Занимал должность надзирателя за внутренними воспитанниками лицея с 4 февраля 1832-го по 1 октября 1834 года, преподавал русскую историю в VII классе гимназии с августа 1835 года по 1 января 1838-го. С преобразованием лицея по уставу 1837 года назначен на должность адъюнкта русской истории и статистики, утвержден в этом звании 15 октября 1838 года. Назначен на должность профессора 17 августа 1839 года, а 9 мая 1840-го утвержден на этой должности. Будучи членом-основателем Одесского общества истории и древностей, избран его секретарем и состоит в этом звании с 23 апреля 1839 года. Занимал должность секретаря Общества сельского хозяйства Южной России с 23 ноября 1838-го по 1 сентября 1839 года. Был библиотекарем Одесской городской публичной библиотеки (1845-1853) и хранителем Одесского музея древностей, который и теперь находится в его заведывании. Носит звание члена многих русских и некоторых иностранных ученых обществ. 17 декабря 1852 года назначен управляющим Ришельевским лицеем и гимназии, а 2 февраля 1853-го — директором лицея. По прошению уволен с должности директора 7 мая 1857 года. Его ученые труды: 1) *Descriptio nummorum veterum Graecorum atque Romanorum, qui inveniuntur in museo, N. M., Odessae, 1834*; 2) *История генуэзских поселений в Крыму. Одесса, 1837*; 3) *Descriptio musei publici Odessani. Odessae, 1841*; 4) Псковская судная грамота, составленная на вече в 1467 году. Одесса, 1847; 5) Письма царевича Алексея Петровича к его родителю Петру Великому. Одесса. 1849; 6) *Статейный список стольника В. Тяпкина и дьяка Н. Зотова посольства в Крым в 1680 году для заключения Бахчисарайского договора. Одесса, 1850*; 7) *Новороссийский календарь на 1839, 1840 и 1841 годы*; 8) 2-й и 3-й тома «Записок Одесского общества истории и древностей»; 9) *речь для акта лицея 1846 года. Сверх того, сообщал статьи в журнал Министерства народ-*

ного просвещения, в «Записки Одесского общества истории и древностей», «Одесский вестник», «Временник Московского общества истории и российских древностей», «Записки Императорского русского географического общества» и другие периодические издания.

2. Инспекторы лицея:

Флуки, Иосиф Михайлович (1818-1823). Коллежский советник. 4 мая 1818 года переведен вторым инспектором из директоров Одесской коммерческой гимназии, а 14 апреля 1820 года определен первым инспектором лицея. Занимал должность директора лицея с 12 декабря 1821 года по 1 марта 1822-го. Кроме своей должности, на протяжении двух лет по воскресным и праздничным дням преподавал воспитанникам института и гимназии Новый Завет.

Жаданов, Иван Данилович (1818-1823). Кандидат Харьковского университета, титулярный советник. Поступил в Одесскую коммерческую гимназию учителем математики и физики 9 августа 1813 года; преподавал здесь со 2 января 1814 года коммерцию и бухгалтерию. Занимал должность директора с 4 июня 1814-го по 10 июля 1815 года. Назначен профессором коммерческих наук при лицее 12 апреля 1817 года. Стал членом правления по учебной части 15 марта 1819 года. Определен вторым инспектором 1 мая 1820 года. При открытии лицея произнес речь на русском языке.

Калинеску, Михаил Михайлович (1821-1829). Коллежский советник. Назначен на должность профессора греческой словесности в лицее 4 февраля 1821 года. Выполнял обязанности первого инспектора с 25 марта по 6 августа 1821 года; избран членом правления 19 сентября 1823 года; определен первым инспектором 16 октября того же года, и, состоя в этой должности, заведовал до 18 июля 1827 года экономической частью лицея.

Кеппен, Карл Иванович (1823-1827). Надворный советник, магистр Харьковского университета; определен вторым инспектором лицея, с поручением ему надзора за течением дел канцелярии, 6 октября 1823 года; занимал должность члена правления по хозяйственной части с 28 февраля по 31 мая 1824 года. Уволен из лицея, по прошению, 17 октября 1827 года.

Винтер, Иван Иванович (1829-1830). Из капитанов гвардии переведен в коллежские советники; назначен первым инспектором лицея 14 марта 1829 года. Занимал эту должность до конца 1830 года.

Чанов, Федор Федорович (1834-1837). Коллежский советник; переведен инспектором лицея из профессоров Харьковского университета 5 августа 1834 года; занимал должность директора с 19 января 1837 года, но в том же году уволен из лицея.

Деларю, Михаил Данилович (1837-1841). Коллежский советник; определен инспектором лицея 1 декабря 1837 года и пробыл на этой должности до 1841 года, получив при увольнении чин статского советника. Он переложил в гекзаметры и издал в Одессе (1839) «Песнь об ополчении Игоря, сына Святославова, внука Олегова». Печатал свои стихотворения в «Одесском альманахе» и актах лицея.

Соколов, Григорий Иванович (1845-1850). Кандидат Московского университета, статский советник. Назначен на должность инспектора 26 мая 1845 года, утвержден на этой должности 17 октября 1846-го. Был избран членом Императорского общества сельского хозяйства Южной России 17 января 1835 года; занимал должность вице-президента этого общества и был вице-президентом в 1848 и 1849 годах. Состоял членом Одесского общества истории и древностей с 23 апреля 1839 года и носил звание члена некоторых других русских ученых обществ. Переведен цензором в Одесский цензурный комитет, с увольнением с должности инспектора 23 ноября 1850 года. Его труды: 1) «Записки Императорского общества сельского хозяйства Южной России», которые он редактировал с 1847 по 1852 год; 2) Курс шелководства Дессмета, переведенный им с французского. Одесса, 1848. Кроме того, он печатал свои статьи в «Записках Одесского общества истории и древностей», «Одесском вестнике», литературных к нему прибавлениях и многих других периодических изданиях.

Михневич, Иосиф Григорьевич (1839-). Магистр Киевской духовной академии, статский советник; определен профессором философии в лицее из экстраординарных профессоров Киевской духовной академии 9 марта 1839 года. В звании профессора занимал должность инспектора лицея с 28 апреля 1841 года по 1 августа 1845-го; состоял советником правления с 15 апреля 1847 года по 23 ноября 1850-го. Назначен членом Лицейского строительного комитета 15 мая 1849 года. Определен инспектором лицея 26 октября 1850 года. Состоит действующим членом Одесского общества истории и древностей с 5 ноября 1843 года, занимается изданием «Новороссийского календаря» с 1841 года. Его труды: 1) Опыт постепенного развития главных действий мышления, как руководство для первоначального преподавания логики. Одесса, 1847; 2) Новороссийский календарь за все годы, начиная с 1842 по 1857 год; 3) Биография герцога де-Ришелье. Одесса, 1849; 4) О достоинстве философии, ее действительном бытии, содержании и частях; 5) Задача философии (обе последние статьи помещены в журнале Министерства народного просвещения); 6) Статьи исторического и статистического содержания, напечатанные в «Новороссийском календаре» и «Записках Одесского общества истории и древностей»; 7) речи для торжественных актов лицея 1839 и 1850 годов.

3. Помощники инспектора лицея:

Флоренсов, Яков Сергеевич (1839-1842). Кандидат Московской духовной академии; переведен помощником инспектора лицея из инспекторов Тверской гимназии 5 сентября 1839 года, и пробыв на этой должности до своего перевода в 1842 году на должность директора Таганрогской гимназии. Как корреспондент и сотрудник Одесского общества истории и древностей, печатал статьи историко-статистического содержания.

Острожский, Александр Иванович (1842-1844). Переведен на должность помощника инспектора лицея из инспекторов Кишиневской гимназии, уволен с этой должности в чине коллежского советника из-за расстроенного здоровья, с полной пенсией.

Шевелев, Егор Петрович (1844-1850). 16 мая 1844 года назначен помощником инспектора лицея в результате перевода из штатных смотрителей Перекопского уездного училища. По выслуге 25-летнего срока уволен с полной пенсией в чине коллежского асессора. Состоит корреспондентом и сотрудником Одесского общества истории и древностей. Помещал статьи историко-статистического содержания в «Новороссийском календаре».

Сабуров, Михаил Иванович (1848-1851). Назначен на должность второго помощника инспектора 24 мая 1848 года, сразу после открытия этой должности. Занимал ее, в чине титулярного советника, до 1851 года. При увольнении награжден чином коллежского асессора.

Шершеневич, Иосиф Григорьевич (1851-1853). Назначен первым помощником инспектора из старших учителей лицейской гимназии. Переведен, спустя год и несколько месяцев, в Кишиневскую гимназию инспектором; ныне, в чине коллежского советника, состоит директором второй Одесской гимназии. Перевел гекзаметрами и издал в Одессе поэму Вергилия «Энеида». Как член Одесского общества истории и древностей, переводил для его «Записок...» статьи римских писателей, относящиеся к Новороссийскому краю. Печатал небольшие статьи собственного сочинения в «Одесском вестнике».

Логинов, Демьян Иванович (1852-). Титулярный советник; определен, 1 марта 1852 года, после увольнения с должности секретаря совета и правления лицея, вторым помощником инспектора. Одновременно занимает должность секретаря комитета для строений Ришельевского лицея. Обе эти должности исполняет и ныне.

Коленко, Захар Васильевич (1853-1855). Коллежский советник; занимал должность первого помощника инспектора около двух лет, потом был переведен на должность инспектора Кишиневской гимназии, а ныне состоит директором Херсонской гимназии.

Де-Брюкс, Александр Густавович (1855-). Коллежский ассессор; определен первым помощником инспектора из старших учителей лицейской гимназии 9 августа 1855 года. Как корреспондент и сотрудник Одесского общества истории и древностей, переводил для его «Записок...» статьи с французского языка. Печатал свои метеорологические наблюдения в «Записках императорского общества сельского хозяйства Южной России».

Комарницкий, Зиновий Германович (1856-). Коллежский секретарь; определен третьим помощником инспектора после открытия этой должности, в 1856 году, а до того был комнатным надзирателем пансиона, состоящего при Ришельевском лицее.

4. Законоучители и профессора богословия:

1) Православного исповедания:

Феофил, архимандрит (1817-1825). Законоучитель в лицее и с 1819 года непременный член правления лицея по учебной части.

Гербановский, Исидор (1825-1833). Протоиерей и член правления по нравственно-учебной части.

Порфирий, архимандрит (1831-1838). Старший кандидат Санкт-Петербургской духовной академии. После увольнения с должности законоучителя второго кадетского корпуса, 2 сентября 1831 года определен в Ришельевский лицей учителем Закона Божьего. Утвержден цензором при цензурном комитете в Одессе и занимал эту должность с 15 февраля 1832-го по 18 июля 1835 года. Состоит корреспондентом конференции Киевской духовной академии с 16 августа 1837 года. С преобразованием Ришельевского лицея по уставу 1837 года 1 января 1838 года утвержден профессором богословия, церковной истории и церковного права, занимал эту должность до открытия в Одессе Херсонской духовной семинарии, в которой был первым ректором.

Павловский, Михаил Карпович (1833-). Магистр Киевской духовной академии, протоиерей и настоятель лицейской церкви. Определен на должность законоучителя при лицее 4 октября 1833 года. Занимал должность законоучителя и настоятеля церкви при Одесском институте благородных девиц с 20 марта 1834-го по 25 ноября 1838 года. С преобразованием лицея по уставу 1837 года, утвержден учителем Закона Божьего при лицейской гимназии 1 января 1838 года. По решению совета, ему поручено было преподавание богословия студентам лицея 26 августа того же года, а 30 сентября утвержден профессором богословия и настоятелем лицейской церкви, с сохранением должности законоучителя гимназии, но от этой последней должности, со-

гласно прошению, уволен 10 ноября 1843 года. С упразднением в 1850 году кафедры философии при лицее, стал преподавать, кроме богословских наук, психологию и логику, а с 1849 года состоит благочинным над законоучителями православного исповедания в светских учебных заведениях Одессы. Напечатал: 1) Слова и речи. Одесса, 1851 год; 2) речь для торжественного акта лицея, по окончанию 1838/39 академического года — «О необходимости, какую чувствовал в откровенной религии греко-римский мир». Сверх того, составил лекции по психологии, логике, нравственному богословию и церковной истории, согласно программам, данным Святейшим Синодом в руководство при преподавании этих предметов в лицее. Печатал речи духовного содержания в «Одесском вестнике».

2) *Преподаватели римско-католического Закона Божьего:*

Буавен (1817-1820). Состоя при лицее профессором французской грамматики и географии, преподавал Закон Божий воспитанникам римско-католического исповедания.

Рафлиш (1821-1827). Монах Бенедиктинского ордена и законоучитель римско-католического исповедания.

Бернуцци, Ансельм (1827-1842). Пресвитер Капуцинского ордена. Состоя законоучителем в лицейской гимназии, преподавал Закон Божий студентам римско-католического исповедания.

Разутович, Георгий (1842-1844). Магистр богословия, каноник и занимающий должность визитатора римско-католических церквей Новороссийского края и Бессарабии. Преподавал Закон Божий в гимназии и лицее.

Орловский, Максимилиан (1845-1852). Магистр богословия, священник. Определен законоучителем римско-католического исповедания в Ришельевский лицей и состоящую при нем гимназию 1 июня 1845 года.

Желиховский, Франц (1852-1855). Магистр богословия, священник; был преподавателем Закона Божьего в гимназии и лицее.

Урбанович, Викентий (1856-). Магистр богословия, священник, преподает в обоих заведениях.

5. *Профессора лицея:*

Дудрович, Иван Иванович (1817-1839). Кандидат Харьковского университета, статский советник; определен адъюнктом лицея из старших учителей Одесской коммерческой гимназии 24 декабря 1817 года. Занимал должность профессора российской и латинской словесности с 1 января по 21 августа 1818 года и потом утвержден про-

фессором философии. Назначен членом правления лицея 30 июля 1830 года. Три раза занимал должность первого инспектора лицея и три раза — должность директора. С 18 ноября 1826 года по 3 декабря 1827-го занимал должность ученого секретаря при лицее. С 13 марта 1829-го по 19 апреля 1832 года был сначала отдельным цензором, а потом старшим членом Одесского цензурного комитета, с положенным по этой должности жалованьем. В день открытия лицея произнес речь на латинском языке.

Пиллер, Антон Андреевич (1817-1838). Статский советник. Определен профессором итальянского языка и словесности при лицее 12 сентября 1817 года. Занимал должность инспектора лицея с 17 декабря 1825 года по 18 февраля 1826-го. Кроме должности профессора, занимал должность учителя итальянского языка при Одесском институте благородных девиц. Присутствовал в правлении лицея в качестве члена. Издал итальянскую грамматику для учебных заведений и итальянскую хрестоматию в прозе и стихах для учащихся. За сочиненную им на итальянском языке оду, посвященную государыне императрице Александре Феодоровне, 3 июля 1828 года получил бриллиантовый перстень.

Ковалевский, Александр Иванович (1817-1825), титулярный советник; определен адъюнктом греческой, российской и латинской словесности 28 декабря 1817 года; утвержден профессором 1 января 1820 года. Был членом комиссии для ревизии счетных и других дел лицея.

Петш, Аким Валентинович (1817-1826). Надворный советник; избран профессором немецкого языка из учителей Одесского благородного института 12 сентября 1817 года, 24 декабря утвержден на этой должности.

Виард, Генрих Петрович (1818-1827). Надворный советник; 3 марта 1818 года правлением лицея избран профессором математики, физики и военных наук, а 17 мая 1819 года утвержден в этом звании. По прошению отстранен от преподавания военных наук 3 июня 1820 года. Оставался до конца своей службы при лицее профессором математики и физики.

Сливицкий, Алексей Иванович (1818-1820). Занимал должность профессора латинской, греческой и российской риторики. В день открытия лицея произнес речь на русском языке.

Мальчевский (1818-1821). Кандидат Московского университета, профессор российской, латинской и греческой словесности при лицее. В день открытия лицея читал речь на греческом языке.

Гриневич, Илья Федорович (1821-1826). Магистр Харьковского университета; утвержден профессором латинской и российской словесности 24 января 1821 года. Занимал должность профессора законоведе-

ния и политической экономии с 18 апреля по 1 сентября 1825 года. Был библиотекарем при лицее и членом правления по учебной части. Издал несколько речей Цицерона в русском переводе и «Жизнь римлян», как руководство при изучении римских древностей.

Протопопов, Порфирий Никифорович (1821-1825). Магистр Московского университета; утвержден на должность профессора политической экономии и правоведения 17 сентября 1821 года. Состоял членом правления лицея и комиссии для ревизии счетных и других дел лицея. Умер на службе в 1825 году.

Лоран, Иван Маркович (1820-1830). Правлением лицея назначен на должность адъюнкта-надзирателя 15 апреля 1820 года. Занимал должность профессора всеобщей истории и французской словесности с 18 сентября 1820-го по 18 июля 1821 года. После увольнения с этой должности, снова назначен профессором тех же предметов и утвержден в этом звании 23 июля 1824 года.

Бабичев, Андрей Кондратьевич (1821-1826). Кандидат Харьковского университета; избран в адъюнкты и утвержден на этой должности 12 марта 1821 года, а с 4 сентября 1824 года занимал должность профессора российской словесности.

Симонович, Платон Алексеевич (1822-1850). Доктор философии Пестского университета, статский советник. Назначен на должность профессора коммерческих наук 9 июня 1822 года. Занимал должность инспектора лицея с 10 декабря 1829-го по 22 апреля 1830 года. Утвержден действительным профессором коммерческих наук 17 декабря 1832 года. Назначен членом строительного комитета при лицее 6 апреля 1834 года. Определен советником правления лицея 12 января 1838 года; избран членом Императорского общества сельского хозяйства Южной России 4 марта 1837 года и членом Белградского общества сербской словесности 11 июня 1842 года. В «Одесском вестнике» поместил статью политико-экономического содержания.

Лепка, Михаил Мартынович (1825-1831). Определен адъюнктом при лицее 11 марта 1825 года, а 11 ноября того же года утвержден профессором всеобщей географии и французской грамматики. Занимал должность второго инспектора с 26 марта по 3 октября 1826 года. С 1 января 1828 года, вместо географии и французской грамматики, преподавал естественное, римское, частное, публичное, народное и положительное права. Был членом высочайше утвержденной временной комиссии при лицее.

Архангельский, Павел Васильевич (1825-1838). Кандидат Московского университета, надворный советник. 13 июля 1825 года назначен на должность профессора правоведения и политической экономии, а 20 февраля 1831 года — членом хозяйственной части правления лицея.

12 октября 1831-го утвержден на должность профессора российского законовещения. 3 апреля 1834 года назначен членом строительного комитета при лицее. Утвержден инспектором казенных училищ, одновременно занимал должность профессора до назначения нового преподавателя 11 марта 1836-го. Был инспектором лицея с 4 марта по 5 августа и директором с 5 августа по 1 сентября 1837 года. Сдолжности инспектора казенных училищ уволен 24 февраля 1838 года, определен профессором российского законовещения, с предоставлением ему, сверх того, кафедры энциклопедии и истории правоведения.

Курляндцев, Николай Дмитриевич (1826-1835). Кандидат Московского университета, надворный советник. Определен профессором военных наук при лицее 18 сентября 1826 года; утвержден профессором физико-математических наук 29 октября 1827 года; назначен членом правления по учебной части 3 декабря 1830 года. Занимал должность первого инспектора лицея с 24 марта 1831-го по 28 января 1832 года. Состоял в звании цензора при Одесском цензурном комитете с 19 апреля 1832-го по 1835 год. Его труды: 1) Главные черты космологии, сочинение Шуберта, переведенное с немецкого. Одесса, 1834; 2) Физическая география, сочинение Шува, переведенное с немецкого. Одесса, 1835; 3) О постепенном развитии природы, сочинение Стеффенса, переведенное с немецкого. Одесса, 1835; 4) речи на торжественные акты лицея 1832 и 1833 годов; 5) статьи, напечатанные в литературных приобщениях к «Одесскому вестнику».

Андреевский, Иван Акимович (1828-1831). Кандидат Санкт-Петербургского университета; определен профессором российской словесности 4 января 1828 года; утвержден ученым секретарем правления лицея 29 февраля того же года. Кроме своего предмета, в 1831 году преподавал всеобщую историю в I и II классах философского отделения лицея.

Брун, Генрих Карлович (1831-1854). Магистр Геттингенского университета, статский советник. Определен профессором физико-математических наук 5 августа 1831 года; уволен с этой должности, по прошению, 27 августа 1836 года; вновь назначен на эту должность 3 июля 1837 года. Занимал должность инспектора лицея с 21 мая по 22 сентября 1843 года и с 8 июля по 27 сентября 1844 года. Определен преподавателем арифметики и геометрии при главном училище садоводства 6 ноября 1844 года. Назначен инспектором классов при Одесском институте благородных девиц 16 сентября 1849 года. Состоял в этой должности, как и в звании профессора при лицее, до самой смерти — 30 января 1854 года. Его ученые труды: 1) Собрание задач и предложений, относящихся к линиям второй степени, одобренное конференцией Академии наук и напечатанное в 1838 году; 2) Beiträge

zur Analytischen Geometrie, напечатанное в нескольких статьях в бюллетенях Санкт-Петербургской академии наук за 1839 и 1840 годы; 3) Руководство к политической арифметике, удостоенное Академией наук половины Демидовской премии, напечатанное в Одессе в 1845 году; 4) Руководство к вариационному исчислению. Одесса, 1848 год; 5) речи для торжественных актов лицея 1839 и 1851 годов и 6) статьи, которые печатались в иностранном журнале *Archiv der Mathematik v. Grunert*.

Брун, Филипп Карлович (1832-1854). Кандидат Дерптского и доктор Иенского университетов, статский советник. Переведен из Белорусского учебного округа в ведомство Ришельевского лицея 1 апреля 1832 года, а 21 мая того же года утвержден адъюнктом лицея. Заведовал основной библиотекой лицея с 23 июня 1832-го по 24 октября 1835 года. С 1 сентября 1834 года начал преподавать исторические науки. Утвержден профессором истории и статистики 29 июня 1836 года; избран в действительные члены Одесского общества истории и древностей 5 ноября 1840 года, а в действительные члены Русского географического общества — 13 февраля 1846 года. Определен советником правления лицея 22 ноября 1850 года. Кроме своих обязанностей, с 21 сентября 1849 года до окончания академического 1850/51 года преподавал политическую экономию. По выслуге 25-летнего срока, вышел в отставку с полной пенсией в звании профессора лицея. Его труды: 1) Руководство к сравнительной статистике европейских государств. Одесса, 1842 год; 2) речи для торжественных актов лицея 1838, 1845 и 1853 годов; 3) несколько статей археологического содержания, помещенных им в «Записках Одесского общества истории и древностей»; 4) статьи о внешней торговле Новороссийского края и Бессарабии в «Новороссийском календаре» с 1839 по 1851 год.

Нордман, Александр Давидович (1832-1849). Доктор медицины Берлинского и кандидат философии Абовского университетов, статский советник. Утвержден профессором естественной истории при лицее 22 ноября 1832 года. Избран действительным членом Общества сельского хозяйства Южной России 21 декабря 1833 года. Определен управляющим императорским ботаническим садом в Одессе 1 января 1834 года. Избран членом-корреспондентом Императорской академии наук 29 декабря 1834 года. Уехал за границу для издания своих сочинений и оставался там с 1 октября 1838-го по 1 января 1840 года. Утвержден директором Одесского училища садоводства 17 ноября 1842 года; избран в члены и корреспонденты многих ученых обществ и Академии наук как в России, так и за границей. По собственному желанию, переведен на службу в Гельсингфоргский университет. Его труды: 1) *Symbola ad monographiam Staphiliorum*. Petropoli, 1837;

2) Статьи по психологии в Voyage dans la Russie Méridionale et la Crimée par A. de Demidoff. Paris, 1840; 3) Статьи в мемуарах Санкт-Петербургской академии наук и заграничных ученых записках; 4) статьи о сделанном им открытии большого количества ископаемых остатков допотопных животных в Южной России. Статьи печатались на русском, французском и немецком языках в журналах Министерства народного просвещения и внутренних дел, в «Одесском вестнике», Journal d'Odessa и сочинении Jubilaeum semiseculare doctoris Fischer de Waldheim, и 5) речь для торжественного акта лицея, 1843 год.

Фрейтаг, Федор Фридрихович (1833-1836). Доктор философии; определен профессором греческой и латинской словесности 22 февраля 1833 года, утвержден цензором Одесского цензурного комитета 1835 года.

Городецкий, Иван Иванович (1836-1837). По окончании полного курса наук в Санкт-Петербургском педагогическом институте, поступил на должность профессора физики в Ришельевский лицей 22 января 1836 года. Из-за отъезда профессора Нордмана за границу, преподавал естественную историю с 15 марта по ноябрь 1836 года. Умер на службе при лицее в 1837 году.

Левтеропуло, Василий Егорович (1836-1856). Магистр Университета Св. Владимира, статский советник; 9 июня 1836 года утвержден адъюнктом лицея, обучал математике, но 3 июля 1837 года отстранен от ее преподавания, начал обучать физике. После преобразования лицея, 1 января 1838 года ему была поручена кафедра физики и физической географии. Утвержден профессором этой кафедры 1 июня 1840 года; назначен членом Лицейского строительного комитета 5 мая 1849 года; определен советником правления 9 февраля 1853 года. После 25-летнего срока службы, по выслуге, вышел в отставку с полной пенсией в звании профессора лицея. Его труды: 1) Руководство к арифметике. Одесса, 1839 год; 2) речь для торжественного акта лицея, 1838 год, и 3) статьи для «Новороссийского календаря». Кроме того, читал публичные лекции по физике в 1841 и 1847 годах.

Беккер, Павел Васильевич (1837-). Доктор Иенского университета, магистр Университета Св. Владимира, действительный член Одесского общества истории и древностей, член-корреспондент Императорского археологического общества, статский советник. Определен адъюнктом латинской и греческой словесности при лицее 13 марта 1837 года. Утвержден на должность профессора 1 января 1838 года и профессором кафедры римской словесности 9 марта 1839 года. Занимал должность инспектора лицея с 4 августа 1838 года по 8 марта 1839-го и с 1 июля по август того же года. Заведовал кабинетом чтения газет и журналов с 19 февраля 1838-го по 26 мая 1845 года, и основной библиотекой ли-

цея — с 19 февраля 1838-го по 19 июля 1850 года. 10 сентября 1848 года утвержден директором Второй одесской гимназии, с оставлением в звании профессора. Занимал эту должность по 1853 год. С 1855 года состоит советником правления лицея. Его труды: 1) Гимназический курс латинского языка. Одесса, 1844 и 1845; 2) Гражданский быт Тиритов. Одесса, 1848; 3) Берег Понта Эвксинского от Истра до Борисфена, в отношении к его древним колониям, — сочинение, удостоенное почетного отзыва Академии наук; 4) Die Heracleotische Halbinsel. Leipzig, 1856; 5) статьи, помещенные в бюллетенях Санкт-Петербургской академии наук, «Записках Одесского общества истории и древностей», «Записках Санкт-Петербургского археологического общества» и «Прописях»; 6) речь для торжественного акта лицея, 1840 год.

Гассгаген, Христиан Генрихович (1837-). Магистр химии и минералогии Университета Св. Владимира, статский советник; определен на должность профессора химии и технологии при лицее 3 ноября 1837 года; утвержден профессором 9 марта 1839 года; состоит членом Императорского общества сельского хозяйства Южной России. Его труды: 1) Химические исследования сакских и севастопольских целительных грязей и соляных вод; 2) Результаты химического разложения воды и целительных грязей Чокракского соляного озера; 3) Результаты химических исследований морских, озерных и лиманных вод и грязей Новороссийского края; 4) речь для торжественного акта лицея, 1840 год. Кроме того, несколько лет печатал барометрические наблюдения над состоянием атмосферы в «Записках Императорского общества сельского хозяйства Южной России», читал публичные лекции по химии.

Зеленецкий, Константин Петрович (1837-). Магистр Московского университета, статский советник. Допущен к преподаванию российской словесности в философских классах лицея с 3 сентября 1837-го по 1 января 1838 года. Назначен на должность адъюнкта 1 января 1838 года. Также, с 10 августа 1838-го, ему поручили выполнять обязанности профессора. Определен профессором 12 июля 1839 года; состоял цензором Одесского цензурного комитета с 1837-го по 1850 год; избран в действительные члены Одесского общества истории и древностей 22 декабря 1842 года. Его труды: 1) Исследование значения, построения и развития человеческого слова и приложение этого исследования к русскому языку; 2) Система и содержание философского языкоучения в приложении к русскому языку. Санкт-Петербург, 1841; 3) Исследование о риторике в ее отношениях к науке о слове и логике, в ее наукообразном составе и практическом преподавании совместно с логикой в средних училищах. Одесса, 1846; 4) Альциона. Одесса, 1846;

5) Курс русской словесности. Одесса, 1849; 6) История русской литературы для учащихся. Одесса, 1849; 7) Лекции о новейших эпохах в истории поэзии. Одесса, 1849, и 8) речи для торжественных актов лицея 1838, 1844, 1848 и 1853 годов. Сообщал статьи в журнал Министерства народного просвещения, в «Записки Одесского общества истории и древностей», в журнал «Москвитянин», «Одесский вестник» и «Новороссийский календарь».

Григорьев, Василий Васильевич (1838-1843). Магистр Московского университета, ныне действительный статский советник. Определен на должность профессора восточных языков 30 сентября 1838 года; утвержден профессором 18 декабря 1842 года; избран в действительные члены Одесского общества истории и древностей 22 апреля 1839 года. Его труды: 1) Описание куфических монет X века, найденных в Рязанской губернии в 1839 году. Санкт-Петербург, 1841; 2) О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству. Москва, 1842; 3) речь в акте лицея, 1840 год, и 4) статьи в журналах Министерства народного просвещения и Министерства внутренних дел, «Одесском альманахе» 1839 и 1840 годов и «Новороссийском календаре».

Соловьев, Михаил Александрович (1838-1843). Магистр Санкт-Петербургского университета, надворный советник. Определен на должность адъюнкта кафедры энциклопедии и истории правоуказания 30 сентября 1838 года; в 1842 году утвержден профессором. Напечатал: 1) диссертацию на степень магистра – «О значении законов». Санкт-Петербург, 1841; 2) речь в акте лицея, 1840 год; 3) анализ книги «Денница Новоболгарского образования».

Линовский, Владимир Альбертович (1839-1853). Магистр Университета Св. Владимира, статский советник; определен адъюнктом кафедры практического судопроизводства 17 августа 1839 года; преподавал, кроме практического судопроизводства, законы государственного благоустройства, благочиния и казенного управления с 11 ноября 1839 года по 20 июня 1842-го. Из-за отсутствия преподавателя российского законоуказания, читал лекции по этому предмету с 20 января по 20 июня 1840 года. Снова, с 1 августа 1840-го по 1 декабря 1841 года, дополнительно преподавал государственные и гражданские законы. С 1 августа 1842 года на него возложено, кроме практического судопроизводства, преподавание уголовных, гражданских и межевых законов. С 4 ноября 1842-го по 13 мая 1844 года читал введение в науку права и историю законоуказания, обозрение русских законов. 30 ноября 1844 года назначен профессором кафедры практического судопроизводства. С 13 сентября 1846 года по 19 марта 1847-го снова читал историю русского права и обозрение русских законов. Преподавал исто-

рию права с 8 марта 1848 года по 2 ноября того же года, и коммерцию — с 21 сентября 1849-го по 1851 год. Избран в действительные члены Одесского общества истории и древностей 22 марта 1842 года. Из-за расстроенного здоровья уволен со службы в 1853 году. Его труды: 1) Исследование начал уголовного права, изложенных в уложении царя Алексея Михайловича. Одесса, 1847; 2) Опыт исторических разысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России, — сочинение, удостоенное почетного отзыва Императорской академии наук; 3) речь для торжественного акта лицея, 1842 год, и 4) статьи в «Записках Одесского общества истории и древностей» и «Одесском вестнике».

Цин, Карл Карлович (1840-1845). Кандидат Дерптского университета; определен на должность профессора сельского хозяйства 16 марта 1840 года; состоял действительным членом Общества сельского хозяйства Южной России.

Петровский, Владимир Васильевич (1840-1852). Магистр Дерптского университета, статский советник. Определен на должность адъюнкта кафедры прикладной математики 29 мая 1840 года. Утвержден профессором 27 февраля 1847 года; заседал в присутствии правления, вместо отсутствовавшего инспектора лицея, с 5 июля по 5 августа 1847-го и с 5 июля по 1 августа 1849 года. Избран в действительные члены Императорского общества сельского хозяйства Южной России 7 ноября 1847 года. Его труды: 1) Космография или учение о составе Вселенной. Одесса, 1844; 2) Курс физической географии. Одесса, 1847; 3) речь для акта лицея, 1843 год; 4) перевод сочинения Ольберса: Die leichteste und bequemste Methode die Bahn eines Cometen aus einigen Beobachtungen zu bestimmen, и 5) статьи, помещенные в «Одесском вестнике», «Записках Императорского общества сельского хозяйства Южной России» и «Новороссийском календаре». Сверх того, в 1849 году читал публичные лекции по популярной астрономии.

Рафалович, Артемий Алексеевич (1841-1846). Доктор медицины и акушер Дерптского университета, надворный советник; определен профессором судебной медицины при лицее 7 января 1841 года; состоял членом и корреспондентом многих ученых обществ врачей в России и за границей. Был членом императорского Общества сельского хозяйства Южной России. Его труды: 1) Критический анализ и история животного магнетизма, напечатанный в «Современнике»; 2) речь для акта лицея, 1842 год, и 3) статьи в журнале Министерства внутренних дел, «Одесском вестнике», «Новороссийском календаре» и других периодических изданиях. Уйдя со службы при лицее, издал «Путешествие по Египту и Абиссинии».

Кузьмин, Василий Несторович (1845-1852). Определен на должность профессора восточных языков 12 февраля 1845 года; занимался переводами с арабского языка для «Записок Одесского общества истории и древностей», был избран членом этого общества.

Байков, Дмитрий Александрович (1850-). Магистр Московского университета, статский советник; переведен профессором естественной истории в Ришельевский лицей из Демидовского лицея 10 февраля 1850 года. Определен инспектором классов Одесского института благородных девиц 24 апреля 1854 года. Напечатал речь в торжественном акте лицея 1852 года, помещал статьи в «Одесском вестнике».

Лукьянов, Яков Афанасьевич (1852-). Магистр Московского университета, статский советник; определен профессором прикладной математики из старших учителей Института обер-офицерских сирот императорского Московского воспитательного дома, а до того был профессором математики в Демидовском лицее. Напечатал в акте лицея 1856 года речь «О распределении неподвижных звезд на видимом небе и в пространстве».

Сокальский, Иван Петрович (1851-). Магистр Харьковского университета, надворный советник; определен на должность адъюнкта политической экономии и коммерции 25 июля 1851 года. Утвержден адъюнктом 27 октября 1854-го и профессором — 30 октября 1855 года. Занимал должность советника правления лицея с 10 декабря 1855 года по 8 января 1856-го. Преподавал, кроме своих предметов, статистику России. Действительный член Императорского общества сельского хозяйства Южной России. Его труды: 1) статьи о внешней торговле Новороссийского края и Бессарабии в «Новороссийском календаре»; 2) речь в торжественном акте лицея 1853 года, и 3) статьи в «Одесском вестнике».

Холмогоров, Иван Николаевич (1852-1856). Кандидат Казанского университета; определен на должность профессора восточных языков 6 июня 1852 года; уволен за штатом, после упразднения Восточного института при лицее.

Лохвицкий, Александр Владимирович (1853-). Магистр Московского университета, надворный советник; 18 октября 1853 года определен на должность адъюнкта кафедры энциклопедии, истории законовещения и обозрения русских законов. Утвержден профессором 31 декабря 1856 года; действительный член общества сельского хозяйства Южной России. Его труды: 1) диссертация на степень магистра — «О пленных по древнему русскому праву XV, XVI и XVII века»; 2) Очерк церковной администрации в древней России; 3) статьи юридического и литературного содержания, помещенные в «Московских ведомостях» и дру-

гих периодических изданиях. Читал публичные лекции по истории русского права в 1857 году.

Акимов, Сократ Акимович (1856-). Магистр Московского университета, коллежский советник. 3 июня 1856 года был переведен профессором физики и физической географии в лицей из старших учителей Третьей московской реальной гимназии. Утвержден профессором этой кафедры 16 января 1857 года.

б. Адъюнкты лицей:

Нодо, Николай Фомич (1817-1824). Правлением лицея избран адъюнктом 1 ноября 1817 и утвержден на этой должности 26 января 1818 года. Преподавал географию и французскую грамматику с 16 сентября 1820 года по 23 июля 1824-го.

Черемисинов, Николай Семенович (1817-1823). Из учителей Одесской коммерческой гимназии и благородного мужского института переведен адъюнктом лицея 12 сентября 1817 года, а 24 декабря того же года утвержден на этой должности; занимал кафедру греческой и латинской грамматики.

Калиновский, Иван Николаевич (1817-1822). Титулярный советник; из учителей Одесской коммерческой гимназии переведен адъюнктом лицея 12 сентября 1817 года, а 24 декабря того же года утвержден на этой должности. Занимал кафедру греческой, российской и латинской словесности с 31 декабря 1818-го по 1822 год.

Степанов, Константин Сергеевич (1824-1826). Избран адъюнктом, с поручением управления канцелярией, 16 июля 1824 года. После увольнения с этой должности, состоял адъюнктом по подготовительному классу лицея. Занимался литературными трудами в прозе.

Пиципио, Яков Григорьевич (1824-1826). Назначен на должность адъюнкта греческой словесности и риторики 14 сентября 1824 года, утвержден в этом звании 9 октября 1825 года.

Тройницкий, Александр Григорьевич (1827-1832). Ныне действительный статский советник. Утвержден исполняющим должность адъюнкта физико-математических наук 25 апреля 1827 года, а 1 января 1828 года — адъюнктом. 1 октября 1829 года назначен учителем истории и географии при Одесском институте благородных девиц, с оставлением и при лицее. Занимал должность цензора и секретаря Одесского цензурного комитета с 15 июля 1831 года. После увольнения с должности адъюнкта при лицее и занятий в Цензурном комитете, назначен инспектором классов Одесского института благородных девиц, и, состоя в этой должности, занимался изданием «Одесского вестника» по 1857 год. Поместил в нем много статей собственного сочинения.

Пахман, Викентий Филиппович (1828-1853). Статский советник; определен адъюнктом лицея 3 сентября 1828 года; преподавал латинский язык и словесность с 13 октября 1828 года. Кроме того, с 17 марта того же года занимался преподаванием коммерческой и гражданской бухгалтерии. 24 марта 1838 года, после введения нового устава, занял кафедру римского законовещения. Кроме своей обязанности, читал лекции по энциклопедии и истории правоведения с 20 января по июнь 1840 года, философии права — с 3 ноября 1842 года по 13 мая 1844-го, энциклопедии законовещения — с 1 по 19 марта 1847-го и с 10 марта по 2 ноября 1848 года, коммерции — с 5 февраля по июнь 1851 года. Занимал должность цензора в Одесском цензурном комитете с 15 июля 1831 года. Утвержден действительным цензором 30 марта 1833 года; занимал должность председателя Цензурного комитета с 7 сентября 1844 года по 17 декабря 1845-го, а с 30 июня 1833 года по 7 апреля 1834-го—должность инспектора лицея. Избран действительным членом Императорского общества сельского хозяйства Южной России 24 января 1845 года. По выслуге (30 лет работы при лицее), уволен с пенсией, положенной ему за все это время.

Жуков, Дмитрий Фомич (1828-1838). Коллежский советник. Определен адъюнктом лицея 1 декабря 1828 года, а учителем русского языка при Одесском институте благородных девиц — 1 октября 1829 года. Преподавал в высших гимназических классах историю и географию. С преобразованием лицея по уставу 1837 года, утвержден старшим учителем географии и статистики в гимназии при лицее 1 января 1838 года.

Золотов, Василий Андреевич (1829-1833). Утвержден адъюнктом кафедры словесных наук при лицее 3 октября 1829 года. Издал: 1) Русскую хрестоматию; 2) Общую или философскую грамматику; 3) Руководство к умственному арифметическому исчислению.

Коробкин, Семен Федорович (1838-1840). Кандидат Санкт-Петербургского университета; определен на должность адъюнкта российского законовещения при лицее 7 октября 1838 года.

Селецкий (1841-1842). Кандидат Киевского университета; определен на должность адъюнкта кафедры энциклопедии и истории права. Преподавал этот предмет в течение одного академического года.

Комарницкий, Андрей Яковлевич (1842-1854). Магистр Санкт-Петербургского университета, надворный советник. Определен на должность адъюнкта кафедры русского законовещения 9 октября 1842 года. Кроме своей обязанности, преподавал историю философии права с 4 ноября 1842-го по 13 мая 1844 года, энциклопедию законовещения — с 13 сентября по 20 декабря 1846-го и с 27 августа 1852-го по 20 июня 1853 года, а также обозрение русских законов — с 10 марта по

2 ноября 1848 года. Утвержден в должности адъюнкта 6 ноября 1847 года. Напечатал речь в торжественном акте лицея 1849 года, помещал статьи в «Одесском вестнике».

Гавель, Федор Львович (1843-1852). Магистр Университета Св. Владимира; определен исполняющим обязанности адъюнкта кафедры сельского хозяйства 2 декабря 1843 года; утвержден в этом звании 6 марта 1846 года. Кроме своей обязанности, со 2 ноября 1848-го по 20 июня 1850 года преподавал зоологию. Напечатал речь в торжественном акте лицея 1850 года.

Бакунин, Александр Александрович (1844-1845). Кандидат Московского университета; назначен адъюнктом энциклопедии и истории правоведения 24 февраля 1844 года. Преподавал этот предмет в течение одного академического года.

Михайлов, Михаил Михайлович (1846-1847). Кандидат Санкт-Петербургского университета. Назначен исполняющим обязанности адъюнкта кафедры энциклопедии и истории правоведения. Преподавал этот предмет в течение одного академического года.

Пахман, Семен Викентьевич (1848-1851). Магистр Московского, ныне доктор и ординарный профессор Казанского университетов; назначен исполняющим обязанности адъюнкта кафедры энциклопедии и истории правоведения 3 сентября 1848 года. Издал рассуждение, написанное для получения степени магистра, — «О судебных доказательствах по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, в историческом их развитии», удостоенное почетного отзыва Санкт-Петербургской академии наук. Представил в 11-е отделение Императорской академии наук «Сборник слов Тульской губернии». Занимался составлением «Курса истории русского права».

Орбинский, Роберт Васильевич (1851-). Окончил курс наук в Главном педагогическом институте в звании старшего учителя. Назначен исполняющим обязанности адъюнкта кафедры педагогики 17 августа 1851 года. Кроме своей обязанности, со 2 ноября 1852-го по 20 июня 1853 года преподавал в Лицейской гимназии русскую словесность, а географию — с 16 ноября 1853-го по 1 мая 1854 года. Находился в распоряжении новороссийского и бессарабского генерал-губернатора в качестве чиновника, знающего английский язык. Его приглашали на переговоры с неприятелем, а после — как переводчика при рассмотрении следственных дел. Избран членом сельского хозяйства Южной России. Напечатал: 1) рассуждение «Еврипид и его значение в греческой трагедии», 2) «О следах славянства в языке новогреков» (обе статьи помещены в журнале Министерства народного просвещения); 3) речь в акте лицея — «О значении филологии и естественных наук в гимназическом образовании».

Палимпсестов, Иван Иустинович (1853-). Агроном Горьгорецкого земледельческого института. Назначен преподавателем сельского хозяйства и лесоводства 6 мая 1853 года; утвержден в звании исполняющего обязанности адъюнкта 24 сентября 1854 года. Состоит учителем при Херсонской духовной семинарии. 5 декабря 1851 года избран действительным членом Общества сельского хозяйства Южной России; состоит членом и корреспондентом некоторых других подобных обществ; занимается изданием «Записок Общества сельского хозяйства Южной России», состоит, в то же время, и секретарем данного общества. Его труды: 1) «Записки Императорского общества сельского хозяйства Южной России» с 1852 года; 2) вступительная беседа к лекциям в лицее; 3) отчет к 25-летию существованию Императорского общества сельского хозяйства Южной России, и 4) Словарь сельскохозяйственных растений. Одесса, 1855 год.

Ешевский, Степан Васильевич (1853-1854). Магистр Московского университета. Определен исполняющим обязанности адъюнкта русской истории и статистики в 1853 году. Переведен адъюнктом в Казанский университет. Напечатал сочинение на степень магистра: «К. С. Аполлинарий Сидоний, эпизод из литературной и политической истории Галлии V века».

Богдановский, Александр Михайлович (1853-). Кандидат Московского университета; определен (8 декабря 1853 года) исполняющим обязанности адъюнкта лицея кафедры уголовного права и практического судопроизводства; занимал должность советника правления с 5 мая по 1 сентября 1856 года и с 10 декабря 1856 года по 12 января 1857-го.

Карстелев, Корнилий Иванович (1854-). Кандидат Московского университета; состоя старшим учителем Второй одесской гимназии, частным образом был командирован, 4 февраля 1854 года, по распоряжению г. попечителя, к исполнению обязанностей адъюнкта кафедры чистой математики. Утвержден исполняющим обязанности адъюнкта этой кафедры 3 марта того же года; избран действительным членом Общества сельского хозяйства Южной России 10 апреля 1853 года.

Максимов, Николай Иванович (1854-). Кандидат Харьковского университета; определен исполняющим обязанности адъюнкта кафедры римского и международного права 5 мая 1854 года; состоит действительным членом Общества сельского хозяйства Южной России. Напечатал речь в торжественном акте лицея 1855 года.

Георгиевский, Александр Иванович (1854-). Кандидат Московского университета; из учителей Александровского кадетского корпуса переведен в лицей исполняющим обязанности адъюнкта кафедры все-

общей истории и статистики 7 ноября 1854 года. Печатали статьи исторического содержания в «Русском вестнике» и других периодических изданиях.

Власьев, Николай Сергеевич (1854-). Кандидат Московского университета; определен исполняющим обязанности адъюнкта кафедры государственного права, законов государственного благоустройства и благочиния 14 декабря 1854 года.

Смирнов, Михаил Павлович (1855-). Окончил полный курс наук в Главном педагогическом институте в звании старшего учителя; определен исполняющим обязанности адъюнкта 24 ноября 1855 года.

7. Лекторы лицей:

Эртель, Мориц Генрихович (1840-). Коллежский советник; состоя с 11 апреля 1834 года учителем немецкого языка в лицейской гимназии, определен, 30 января 1840 года, в лицей лектором того же языка. Издал: 1) Hilfsbuch zum praktischen Unterrichte in der deutschen Sprache, и 2) Leitfaden zum theoretischen Unterrichte in der deutschen Sprache. Odessa, 1856.

Шапеллон, Альфонс Карлович (1841-). Коллежский советник. Определен лектором французского языка 1 августа 1841 года; читал публичные лекции по французской литературе в 1851 году. Издал сочинения: 1) Reflets. Poésies 1830-1837. Odessa, 1837; 2) Souvenirs. Poésies nouvelles. Odessa, 1848. 3) Le Sphinx. Enigmes, charades, logogripes et anagrammes. Odessa, 1855; 4) речь для акта лицея 1846 года «De la langue française» в стихах; 5) помещал статьи в фельетоне Journal d'Odessa.

Гревс, Джеймс Яковлевич (1844-1856). Коллежский ассессор; 16 сентября 1844 года определен лектором английского языка. Преподавал этот предмет до конца академического 1855/56 года; несколько лет читал публичные лекции по английскому языку по методу Робертсона.

Рандель, Вильям (1857-). Определен лектором английского языка 23 февраля 1857 года.

Сверх того, при лицее частными преподавателями состояли:

Розберг, Михаил Петрович (1831-1835). Состоя в штате новороссийского и бессарабского генерал-губернатора, преподавал, по приглашению попечителя, русскую словесность. В то же время был издателем (с 1829-го по 1834 год) «Одесского вестника». В 1832 году произнес речь в торжественном акте лицея — «О содержании, форме и значении изящно-образовательных искусств».

Будрин. Будучи старшим учителем лицейской гимназии, преподавал русскую словесность в философском отделении лицея с 6 сентября 1835-го по 1838 год.

Кроме отдельных трудов преподавателей лицея, есть еще труды, совокупно производимые всеми или многими из них. Я имею в виду заседания совета лицея, обыкновенные и чрезвычайные, в которых, кроме рассмотрения текущих бумаг, изучались методы и руководства преподавания не только по лицее, но и гимназиям Одесского округа, составлялись проекты улучшений и преобразований лицея. А особо составленными комитетами испытывались желающие получить право частного или же домашнего воспитания. Всех заседаний совета лицея, с 1838-го по 1857 год, то есть со времени образования и приведения совета лицея в настоящий вид, было 359. Число лиц, подвергавшихся испытанию на протяжении этого времени, — 310. Из них удостоены звания учителя гимназии 18 человек, учителя Уездного училища — 19, комнатного надзирателя — 3, учителя казенного еврейского училища 2-го разряда — 1, домашнего учителя — 100, домашней учительницы — 53 и права обучения чтению и письму — 100.

Говоря о трудах членов ученого сословия лицея, нельзя не упомянуть о некоторых изданиях, выходявших при лицее, в которых многие из них принимали деятельное участие. Это «Одесский альманах» и «Новороссийский календарь».

«Одесский альманах» издавался в 1839-1840 годах под главной редакцией попечителя Д. М. Княжевича, при участии некоторых преподавателей лицея, например, профессора Григорьева. По выбору статей, большей частью имеющих местный интерес, и по изяществу издания, этот альманах заслужил всеобщее одобрение. Все его экземпляры были немедленно раскуплены и теперь еще читаются с особым удовольствием.

«Новороссийский календарь» до 1838 года издавался при канцелярии новороссийского и бессарабского генерал-губернатора. Позже светлейший князь Михаил Семенович Воронцов, по старанию Д. М. Княжевича, передал право его издания лицее. Это было сделано для того, чтобы выручаемая от его продажи сумма шла на помощь нуждающимся воспитанникам и студентам лицея. В первые три года — 1839, 1840 и 1841 — он издавался под редакцией профессора лицея Мурзакевича, затем его редакцию принял и продолжает до настоящего времени профессор, ныне инспектор лицея Михневич, при постоянном содействии некоторых преподавателей лицея, ежегодно предоставляющих статьи историко-статистического содержания для четвертого отделения календаря. Редакция в этом отношении обязана преимущественно бывшему директору лицея Мурзакевичу и профес-

сорам: Филиппу Бруну, Генриху Бруну, Григорьеву, Петровскому, Левтеропуло, Линовскому и Сокальскому. Сумма, выручаемая от этого издания, первоначально шла на помощь нуждающимся ученикам и студентам лицея, но с 1848 года она получила более правильное и определенное назначение. По представлению бывшего попечителя М. Н. Бугайского, г. министр народного просвещения разрешил содержать за счет этой суммы в пансионе при лицее одного или двух воспитанников. Редактору же календаря, чтобы вознаградить его труды, было предоставлено право назначать на эти вакансии преимущественно детей училищных чиновников. С этого времени постоянно содержится в пансионе при лицее один воспитанник за счет суммы, выручаемой от издания «Новороссийского календаря», с оплатой по 250 рублей в год, и, кроме того, ежегодно раздается помощь нуждающимся студентам: от 100 до 150 рублей серебром, смотря по количеству суммы, остающейся от покрытия расходов издания. В какой мере соответствует этот календарь условиям подобного издания, показывает постоянно возрастающая потребность публики в нем, заставившее его редакцию каждый год увеличивать число экземпляров, так что в последние годы он стал выходить в количестве 2 200 экземпляров, которых, однако, не всегда хватает для удовлетворения всех требований публики.

VI. Учащиеся в лицее

Устав 2 мая 1817 года не устанавливал строгого различия между учащимися в лицее и гимназии. Впрочем, некоторое внешнее отличие существовало уже и в то время между воспитанниками училища, гимназии и лицея. Так, питомцы существовавшего при лицее Педагогического института и воспитанники училища правоведения и политической экономии, составлявшего высшее отделение лицея, различались между собою правами, предоставляемыми им на службе по окончании курса. Первые, прослужив шесть лет надзирателями и адъюнктами, считались в девятом классе, а вторые состояли в этом классе тотчас по окончании наук в лицее. Для внешнего отличия учащихся, в 1832 году была введена форменная одежда. В соответствии с §283 устава училищ от 1828 года, начальством лицея установлена следующая форма в одежде: все ученики Начального училища при лицее и первых трех классов гимназии должны носить, вместо мундиров, синие форменные сюртуки, а ученики прочих классов — мундиры. Для отличия пансионеров от вольноприходящих учеников, у первых на воротниках должны быть нашиты золотые звездочки, по числу классов гимназии, а учащиеся на философском и юридическом отделениях имели, вме-

сто звездочек, позумент вроде петлиц. Для мотивации учеников VII класса, в 1833 году положено было удостоенным по экзамену перевода в лицей, кроме наград за отличия, вручать на торжественном собрании шпаги, как знак студенческого звания, и притом только тем из них, которые, по документам, выпускаются с правом на классные чины.

Таковыми были отличия звания учащихся в лицее до 1838 года, то есть, до введения нового устава, высочайше дарованного лицеею 29 мая 1837 года. Посмотрим, как велико было на протяжении этого времени число учащихся в лицее и сколько из них окончили курс обучения с правами, какие предоставлял им прежний устав лицея.

Число учащихся было:

<i>Год</i>	<i>Пансионеров</i>	<i>Приходящих</i>
1818	110	107
1819	127	125 ¹
1820	119 ²	137
1821	110 ³	155
1822	105	167
1823	91	145
1824	87	149
1825	84	155
1826	74	189
1827	70	136
1828	65	216
1829	65	206
1830	66	230
1831	65	207
1832	62	313
1833	63	288
1834	62	226
1835	53	242
1836	42	273
1837	38	288

Впервые воспитанники лицея выпустились в 1821 году. Тогда, с классными чинами, было выпущено 13 человек: Константин Степанов, Николай Ларуй, Федор Андре, Александр Петкович, Иван Новицкий, Александр Ваникин, Николай Малиновский, Николай Дмитриев, Иван Флуки, Александр Прохницкий, Яков Вассинг, Николай Славич и Эдуард Стекл.

¹ Оба эти года в дополнительном Коммерческом училище, составлявшем высшее отделение лицея, находилось 5 воспитанников.

² В том числе на содержании государя императора – 7, педагогических – 15, дюковских – 9, без платы – 4, своекоштных – 84.

³ На содержании государя императора – 8, педагогических – 16, дюковских – 8, без платы – 5, своекоштных – 73.

Второй выпуск последовал в 1824 году. В это время из V класса лицея, который соответствовал восьмому гимназическому, вышло 8 человек: Александр Тройницкий, Дмитрий Станкар, Дмитрий Флуки, с правом на чин XII класса; Острожский, Золотов, Сосновский, Исупов и Пондикис с правом на чин XIV класса. Кроме того, окончили обучение в дополнительном училище правоведения и политической экономии из выпущенных в 1821 году из V класса лицея трое: Константин Степанов — с правом на чин IX класса, Иван Флуки и Николай Дмитриев — с правом на X класс.

Третий выпуск был в 1826 году. Тогда из V класса лицея вышло 10 воспитанников: Киселев, Курдиманов, Флесьер, Неделькович, Зорин, Николай Хрусталеv и Михаил Брянский— с правом на чин XII класса; Павел Исупов, Лион и Заикин — с правом на XIV класс. Из перешедших из предыдущего выпуска в дополнительное училище правоведения и политической экономии в нем окончили обучение трое: Александр Тройницкий — с правом на чин IX класса, Симборский и Дмитрий Флуки — с X классом.

Четвертый выпуск последовал в 1828 году. В это время из V класса лицея вышли 17 воспитанников: Дамовли, Демьян Карейша, Милашевич, Нежинец, Остапенко, Епаминонд Флуки, Петр Хрусталеv, Алексей Магденко, Апостол Папа, Калинеску, Врего, Морозов — с правом на чин XII класса; Сумароков, Терпелеvский, Андрей Магденко, Бален-де-Баллю и Петр Артынов — с XIV классом. Из обучавшихся в дополнительном училище правоведения и политической экономии окончило 6: Флесьер и Зорин — с правом на чин IX класса; Иван Карузо, Лукашеvич, Неделькович и Николай Хрусталеv — с правом на X класс.

Пятый выпуск произведен был в 1830 году. Тогда курс наук окончили в двух дополнительных отделениях лицея — правоведения и политической экономии и философском. В числе первых упоминаются: Демьян Карейша и Алексей Магденко, утвержденные в праве на чин IX класса; Нежинец, Калинеску, Артынов и Попов, выпущенные с правом на X класс. К числу вторых относятся: Николай Тройницкий, Василий Левтеропуло, Петр Мейер, Василий Золотов, утвержденные в праве на чин XII класса; Николай Золотницкий, Виктор Андриевский и Аркадий Андриевский, удостоенные права на XIV класс. Всех выпущенных в этот раз было 13.

Шестой выпуск (1831 год) представил только двух воспитанников, окончивших курс наук в философском отделении с правом на XIV класс. Это были Иосиф Бален-де-Баллю и Фиников.

Седьмой выпуск (1832) заключал 7 воспитанников, окончивших курс наук в двух отделениях лицея. Из юридическо-политического от-

деления вышли с правом на X класс: Николай Тройницкий, Василий Левтеропуло, Аркадий Андриевский (выпущенные в 1831 году из философского отделения) и Логунов; в философском отделении удостоены права на XIV класс Полтавцев, Лоренц и Любомиров.

Восьмой выпуск (1833 год) ограничился только одним философским отделением, из которого вышли с правом на XIV класс Константин Зеленецкий, Дмитрий Сеницын, Андрей Орлай и Петр Нежинец. Из них Зеленецкий, как педагогический воспитанник, отправлен за счет лицея в Московский университет для дальнейшего усовершенствования в науках.

Девятый выпуск был в 1834 году и представил 11 воспитанников, из которых курс обучения в юридическо-политическом отделении с правом на XII класс окончили: Дмитрий Сеницын, Демостико и Павел Андриевский, а в философском отделении, с правом на XIV класс: Василий Карейша, Бутаков, Арабглу, Магденко, Чудовский, Владимир Петровский и Хацинский. Из них Петровский, как педагогический воспитанник, отправлен за счет лицея в Дерптский университет для дальнейшего усовершенствования в науках.

Десятый выпуск был произведен в 1836 году. Тогда окончили обучение в философском отделении и были утверждены в праве на чин XIV класса Мейер, Лоран, Мойсеев и Иосиф Шершеневич, а на чин XII класса — Протопопов (который, как педагогический воспитанник, был отправлен за счет лицея в Санкт-Петербургский университет для дальнейшего усовершенствования в науках).

1837 год — *одиннадцатый* выпуск, последний по старому уставу. Тогда окончили курс: Михаил Пятин (с правом на XII класс), Нестор Шумлянский, Трофим Новицкий, Константин Мейер, Василий Михайловский, Изюмский, Александр Звягини Франц Тритен — с правом на XIV класс.

Новый устав 29 мая 1837 года отделил учащихся в лицее от учеников гимназии, дав первым звание университетского студента со всеми свойственными этому званию правами и преимуществами. В 94-й статье этого устава относительно студентов лицея постановлено: «Студентам, окончившим полный курс обучения и удостоенным похвальных аттестатов, предоставляется XII класс при поступлении на гражданскую службу, а при определении на военную службу они имеют одинаковое право со студентами университетов, если знанием фронта будут того достойны». Другой статьей этого устава студентам лицея, как и студентам университетов, предоставлено право на соискание награды золотыми или серебряными медалями за удовлетворительное разрешение тем, предлагаемых советом лицея. Для сближения студентов лицея со студентами университетов со стороны внешней формы, в

1838 году им разрешено было носить при мундирах шпаги наравне со студентами университетов. При первой раздаче шпаг попечитель Княжевич сказал студентам лица приветственно-напутственную речь, а профессор богословия, протоиерей Павловский, произнес слово о нравственном и духовном значении этого оружия. Также правилом были допущены некоторые меры, способствующие улучшению быта студентов как во время их учебы в лицее, так и при поступлении на службу. Так, в 1845 году, при введении положения о взимании платы с достаточных студентов за слушание лекций, министром народного просвещения разрешено было назначать получаемые из этого источника деньги в виде помощи беднейшим из студентов, которые хорошо учились. Тогда же Министерство государственных имуществ предложило принимать на службу по своему ведомству тех студентов университетов, в аттестатах которых будет значиться, что, кроме предметов своего факультета, они с успехом слушали и курс агрономических наук. По распоряжению г. министра народного просвещения, такие студенты, кроме аттестатов, должны были снабжаться особыми свидетельствами об успехах в этих науках. Такие же свидетельства выдавались и студентам Ришельевского лицея, выполнившим данное условие. С этой целью г. министр народного просвещения разрешил допускать к слушанию лекций агрономических наук студентов, уже окончивших студентов курс юридического и математического отделений, известных начальству хорошим поведением и благонравием, с правом получения, после сдачи экзамена, установленных свидетельств.

Резкое отделение лицея от гимназии, произведенное уставом 1837 года, приводит к тому, что теперь наше внимание будет сосредоточено только на лицее, как главном предмете нашего исследования. Поэтому, не касаясь гимназии, как это мы делали до сих пор, из-за невозможности отделить ее от лицея, будем говорить только о студентах лицея. Покажем (со дня введения нового устава по настоящий, 1857 год) их количество.

Всех студентов в лицее было: в отделениях

В	академическом	Юридич. Математ. Камерн.		
		26	14	
1838/39	году			
1839/40	» »	25	14	—
1840/41	» »	38	14	—
1841/42	» »	35	20	—
1842/43	» »	48	35	—
1843/44	» »	48	24	32
1844/45	» »	48	31	54
1845/46	» »	47	49	82

1846/47	»	»	49	52	82
1847/48	»	»	71	48	103
1848/49	»	»	63	50	100
1849/50	»	»	69	46	107
1850/51	»	»	76	51	98
1851/52	»	»	65	49	82
1852/53	»	»	52	53	88
1853/54	»	»	25	28	63
1854/55	»	»	19	19	51
1855/56	»	»	24	33	53

Числом этих лет определяется и число выпусков студентов лицея, окончивших полный курс наук и удостоенных похвальных аттестатов с правом на чин XII класса. Студенты, воспользовавшиеся этим правом:

— в 1838/39 — математического отделения: Минаков, Ханжерли и Лоран;

— в 1839/40 — юридического отделения: Марк Рафалович, Федор Сабаньев, Эммануил Алейников, Александр Попов, Константин Казимир, Николай Васильковский, Петр Яковлев и Николай Мейер. Математического отделения: Федор Браславский, Дмитрий Мутьев, Иосиф Чернявский и Карл Дидрихс;

— в 1840/41 — юридического отделения: Иван Танский, Болеслав Маркевич, Иван Храбро-Василевский, Людвиг Янковский, Александр Бачей, Владимир Яковлев. Математического отделения: Карл Апель и Порфирий Кульчицкий;

— в 1841/42— юридического отделения: Александр Великанов, Константин Знаменский, граф Семен Воронцов, Павел Браславский, Евсей Россицкий, Александр Домановский, Николай Палаузов, Андрей Мошкалов, Николай Исаев, Сидор Кульпинский, Леон Марковский. Физико-математического отделения: Григорий Черец, Дмитрий Калио, Федор Ростовцев, Яков Бачей, Олимпий Григорович;

— в 1842/43— юридического отделения: Семен Пахман, Николай Великанов, Виктор Подгурский, Тимофей Андриевский, Василий Чорба, Иосиф Ковзан, Петр Прокливитантов, Спиридон Коронелли, Христофор Мутьев, Дмитрий Сихри. Физико-математического: Карл Дигби, Гавриил Вильмс, Николай Жано, Владислав Добровольский, Карл Минчаки, Болеслав Поповский, Павел Диков, Константин Скачков, Владимир Иванов, Антон Прушинский;

— в 1843/44 — юридического отделения: Яков Вейнберг, Александр Минчаки, Григорий Караулов, Франц Домбровский, Василий Житухин, Антон Августовский, Николай Спировский, Лев Пинскер, Луциан Стояновский, Александр Эрдели, Болеслав Янишевский, Викентий Издебский, Авраам Баржанский. Физико-математического отделения:

Григорий Житухин, Петр Баженов, Александр Михаловский, Поликарп Пищолко, Александр Михневич, Михаил Занчевский, Андрей Осинский, Александр Тернавцев. Камерального: Лаврентий Патерновский, Яков Навроцкий, Михаил Маркевич, Александр Казанский и Павел Бонин;

— в 1844/45— юридического отделения: Аполлон Тернавцев, Василий Осинский, Яков Семенов, Александр Полетаев, Андрей Курковский, Федор Онищенко, Кирилл Дзюбинский, Карп Котруца, Михаил Таранов, Дмитрий Суручан, Михаил Куровицкий, Константин Жаданов, Венедикт Гржегоржевский, Александр Дынга, Илья Бескровный, Самуил Богатноу. Физико-математического отделения: Александр Дмитриев и Игнатий Хржонстовский. Камерального: Антонин Княжевич, Найден Геров, Афанасий Бутович, Иосиф Пенчинский, Генрих Михаловский, Константин Остолопов, Иероним Баранецкий, Дмитрий Тамочкин, Порфирий Крупенников, Адольф Михаловский, Александр Оболонский, Александр Романенко, Григорий Скаржинский, Леон Комаровский и Герасим Янович;

— в 1845/46 — юридического отделения: Платон Шмаков, Павел Охременко, Александр Ратко, Иван Шутинский, Александр Родидял, Николай Шишманов, Георгий Шишкан, Иван Ильяшев, Алексей Сученко, Иван Карпинский, Петр Савицкий. Физико-математического: Иван Залеский, Николай Вульферт, Владимир Спасский, Иосиф Завадский, Константин Пулакас, Сигизмунд Милковский, Иван Чапский, Сергей Браамс, Федор Кузнецов, Георгий Янула. Камерального: Роман Залого, Сигизмунд Малаховский, Федор Гродский, Витольд Домбровский, Альберт Новицкий, Иосиф Чижевич, Александр Шишкин, Александр Леонтович, Генрих Петсион, Людвиг Ижицкий, Генрих Фиренкранц, Александр Андре, Иван Попов, Константин Яковенко, Владимир Миклашевский, Эдуард Клодницкий, Иван Артынов, Михаил Думович, Георгий Угримов, Николай Юстиниани, Николай Федоров, Евстафий Куропуло, Константин Арванити, Ярослав Маркевич, Николай Карейша и Герман Бригер;

— в 1846/47 — юридического отделения: Александр Осинский, Авраам Акимов, Андрей Ярошев, Иван Ратко, Юлий Мацевич, Константин Иванов. Физико-математического: Александр де-Брюкс, Корнилий Карастелев, Гавриил Токаржевский, Виктор Каретников, Николай Попов, Виктор Яновский, Виталий Шишковский, Федор Эргардт, Владимир Покотило, Витольд Богенский, Сухомлинов, Михаил Шершеневич, Иванов, Сигизмунд Милковский. Камерального: Эдмунд Руккер, Сергей Беленко, Федор Андре, Фадей Залеский, Николай Картамышев, Самсон Рафанович, Юлиан Малуя, Людвиг Гумницкий, Степан Канелли, Яков Милковский, Александр Филипов, Лев Беликович, Анатолий

Нарышкин, Григорий Чарыков, Фабиан Патерновский, Владимир Кузин и Петр Альянаки;

— в 1847/48 — юридического отделения: Зиновий Комарницкий, Михаил Будянский, Василий Корвин-Павловский, Константин Катакази, Клементий Голишевский, Иван Антонов, Алексей Ган, Афанасий Манто, Петр Пасхалов, Дионисий Прушинский, Константин Гуренко, Фокион Булатов. Физико-математического: Иван Пугачев, Марк Финкель, Венедикт Жаданов, Владимир Михневич, Макар Головченко, Владимир Чарновский. Камерального: Александр Шведов, Иван и Александр Яновичи, Мануил Крупенский, Иван Картамышев, Анибал Симонович, Леон Черневич, Станислав Жульцинский, Иван Павлов, Никифор Самойлов, Григорий Маркарев и Павел Попов;

— в 1848/49— юридического отделения: Константин Палеолог, Константин Мельников, Степан Фонтани, Леонард Жуковский, Алексей Мазаракий, Михаил Синеоков, Николай Васильев, Константин Сандуци, Иван Попов, Станислав Собанский, Василий Живкович, Андриан Лосиевский, Николай Фумели, Вильгельм Швамберг. Физико-математического: Николай Гарньер, Владимир Сикорский, Бенон Дидковский, Константин Титаренко, Дмитрий Сизарев, Василий Поливанов, Ипполит Дульский, Дмитрий Дынга, Иосиф Опацкий, Павел Любовицкий, Игнатий Прушинский, Николай Черец, Иван Баргеньев, Лев Геевский, Михаил Корвин-Павловский, Аркадий Павловский, Иосиф Свобода, Федор Еловицкий, Константин Баевский, Наполеон Сарнецкий, Иван Мелешев. Камерального: барон Николай Корф, Степан Миланович, Константин Милевский, Алексей Юзефович, Андрей Товбич, Исидор Свищевский, Николай Длугоборский, Бронислав Скибневский, Октавий Качинский, Юлий Бржозовский, Егор Ланг, Владимир Новохатский, Константин Фатопуло, Людомир Скибневский, Константин Маклаков, Юлий Ижицкий, Георгий Арион, Николай Воронич и Эдуард Шуазель;

— в 1849/50 — юридического отделения: Василий Сербинов-Щерецкий, Владимир Семенов, Александр Котруца, Евгений Кватковский, Иван Юрчевский, Михаил Борзенко, Пробус Барчевский, Василий Рудковский, Петр Мира, Дмитрий Трощинский, Николай Николитч, Федор Фильбранд, Иван Попов, Георгий Густы, Константин Андриопуло, Людвиг Поэль, Николай Решиков, Григорий Маразли, Валтазар Агамалов, Павел Резников, Ксенофонт Лоидис. Физико-математического: Николай Белый, Николай Соколовский, Василий Волошин, Леонард Станкевич, Александр Смолин, Михаил Крамарев, Михаил Сикар, Иероним Лосицкий. Камерального: Людвиг Деллавос, Кондрат Гуйский, Петр Липковский, Михаил Косарь, Степан Касперский, Владимир Караводин, Александр Малиновский, Адам Загоров-

ский, Николай Сезеневский, Болеслав Залеский, Николай Домбровский, Михаил Ягницкий, Яков Жуков, Северин Багинский, Станислав Моргулец, Иосиф Чарновский, Дмитрий Пелино, Виктор Гофман, Иосиф Краевский, Яков Шнейдер, князь Александр Кудашев, Карл Григер, Василий Навроцкий, Николай Савич, Петр Ремгильд, Венедикт Микушевский, Георгий Варенников, Матвей Гундарев, Людвиг Петрушевский, Михаил Островский и Григорий Кирьяков;

— в 1850/51 — юридического отделения: барон Владимир Остен-Сакен, Иона Галаганов, барон Николай Остен-Сакен, Алексей Вашура, Карл Стецкий, Иосиф Дудзинский, Дионисий Кропивянский, Витольд Могильницкий, Филипп Скривано, Матвей Лучич, Мечеслав Собанский, Леонтий Марцинковский, Федор Гончаров, Василий Кривоносов. Физико-математического: Филипп Собанский, Сигизмунд Фудакowski, Александр Ритман, Степан Гончаров, Павел Козинцев, Феликс Паздерский, Петр Гаскет, Павел Гертнер, Иван Козлов, Георгий Биличенко, Михаил Саражин, Никита Шимановский, Арвуд Роман, Богдан Шлецер. Камерального: Лев Гижицкий, Юлиан и Владислав Янишовские, Промыслав Скибневский, Ансельм Залеский, Виктор Ижицкий, Виктор Скаржинский, Викентий Совинский, Иван Котович, Андрей Малеванный, граф Александр Подгоричани-Петрович, Иван Родеус, Франц Стаховский, Михаил Фурсенко, Леопольд Подлевский, Антон Яблонский, Георгий Боген, Виктор Караводин, Захарий Николаев, Андрей Агте, Христофор Делянов, Дмитрий Шмидт, Василий Рециков, Никодим Стецкий и князь Иван Гагарин;

— в 1851/52 — юридического отделения: Григорий Рабинович, Эмануил Вобст, Василий Борзенцов, Клементий Шуманский, Георгий Думшин, Николай Сочеванов, Станислав Янишевский, Константин Гроссу, Феликс Суйковский, Егор Лесли, Иван Масленников, Николай Новицкий, Константин Унгебауер, Николай Валухович, Виктор Милеант, Платон Марков, Фемистокл Попандопуло, Иван Кондури, Фридрих Эккерт. Физико-математического: Николай Салацкий, Петр Паулинский, Петр Бибилов, Петр Бочарский, Александр Потемкин, Иван Мехеда, Михаил Федорченко, Федосий Гусаренко, Николай Столяров, Иосиф Бочарский, Виктор Ваховский, Николай Масленников, Витольд Рожен, Эдуард Руккер. Камерального: Александр Таргони, Константин Абрамов, Владимир Волков, Антон Горский, Николай Пфейфер, Яков Березовский, Леон Збышевский, Иосиф Липковский, Феокист Малеев, Максим Добрынин, Дмитрий Инглези, Владимир Эрдели, Василий Николаев, Ансельм Ивашкевич, Иосиф Яржимовский, Иван Парицкий, Петр Евстафьев, Иван Ходин, граф Егор Подгоричани-Петрович и Николай Новохацкий;

— в 1852/53 — юридического отделения: Николай Ленц, Аполлон Седов, Николай Крупенский, Иван Даневский, Леонид Абазали, Михаил Родзянко, Николай Фонтон, Казимир и Марцелий Собанские, Семен Каптельцев, Константин Кирияк, Август Иванский, Владислав Володкович, Антон Страшинский, Николай Барвинский, Григорий Палеолог. Физико-математического: Егор Каратаев, Михаил Сырб, Константин Пащенко, Александр Нежинец, Андрей Радкевич, Петр Толченов, Сергей Эрдели, Петр Лазарев, Николай Поливанов. Камерального: Василий Жилин, Станислав Колковский, Ромуальд Кобецкий, Владислав де-Мезер, Иван Слюсарев, Михаил Чарномский, Александр Булгаков, Генрих Аморетти, Алексей Красильников, Михаил Думшин, Павел Романенко, Франц Маркушевский, Степан Сиротин, Густав Поплавский, Федор Завальницкий, Иван Лещинский, Иосиф-Павловский, князь Владимир Кудашев, Константин Олив, Иван Баранович, Адольф Козика, Георгий Рыжков, Антон Деминитру, Александр Билан и Константин Андросов;

— в 18 53/54 — юридического отделения: Николай Луценко, Виктор Касаткин, Лукиян Кириченко, Гавриил Кудрин, Василий Семенов, Роман Кохманский, Семен Кожухарев, Павел Бразоль, ИосифТалевич, Антон Дукантоний, Альфонс Роман, Александр Геденштром, Дмитрий Камболи. Физико-математического: Степан Крушеван, Петр Стародубцев, Павел Михновский, граф Викентий Стадницкий, Георгий Милеант, Антон Сырочинский, Иван Маркович, Павел Якубинский, Владимир Фома, Василий Ратко, Константин Бартасевич, Иван Любинский, Дмитрий Педашенко, Иван Богданович, Александр Швецов. Камерального: Казимир Стецкевич, Константин Кристи, Фелициан Длугоборский, Август Козелло, Михаил Вольский, Орест Долинский, Порфирий Лотошников, Николай Гофман, Михаил Парашук, Константин Шаула, Иосиф Топольский, Федор Менх, барон Леонид Меллер-Закомельский, Адольф Изнар, Петр Золотаревский, Николай Воцинин и Алексей Величковский;

— в 1854/55 — юридического отделения: Николай Лентовский, Иван Мессарош, Александр Лентовский, Афанасий Лонгинов, Дометий Маляров, Александр Деллавос, Илья Бойчевский, Иван Геращеневский, ИосифЯскульский, Илья Павловский, Болеслав Ленкевич, Дмитрий Иваногло. Физико-математического: Эпаминонд Крушеван, Рудольф Рожнятовский, Степан Васильковский, Иван Букин, Михаил Качулков, Павел Абертасов, Густав Гартман, барон Петр Меллер-Закомельский, Михаил Козлов, Федор Безкровный, барон Александр Розен, Александр Стратан, Михаил Беренс, Иван Вишневецкий, Константин Абертасов, Федор Роман. Камерального: Афанасий Мавро, ИосифРозенберг, Петр Соколовский, Иллари Пестржецкий, Иосиф-

Мигурский, барон Фридрих Розен, граф Михаил Толстой, Лев Клименко, Валентин Черкавский, Валерий Родкевич, Иосиф Новицкий, Франц Завальницкий, Иван Норверт, Иван Лесовой, Александр Виноградский, Бронислав Ясенский, Евмений Животовский, Михаил Фортунато, Николай Андрузский, Федор Бунчук, Петр Казимир, Лев Киреевский и Михаил Сержпутовский;

— в 1855/56 — юридического отделения: Матвей Мамчилов, Дмитрий Лущинский, Константин Ващенко, Дмитрий Ратко, Николай Лахтионов. Физико-математического: Александр Гросман, Николай Чеховский, Викентий Салацкий, Александр Морокин, Иван Еранцев, Лев Зотов, Иван Тимошенко. Камерального: Федор Кочу, Федор Крупенский, Иван Беленко, Дмитрий Писаревский, Иван Бржостовский, Владимир Альбрант, Иван Цвет, Федор Гудим-Левкович, Иосиф Чернявский, Михаил Хрипунов, Митрофан Славинский, Константин Криштофович, Георгий Черняев, Пантелеймон Петров, Лев Жирардот, Николай Шипов, Егор Лукин, князь Александр Волконский, Венедикт Бокариус, Павел Новотный, Спиридон Кумани, Василий Федоров и князь Александр Гагарин.

Многие студенты советом лицея за свои сочинения были награждены золотыми и серебряными медалями, определенными уставом лицея.

Золотые медали получили следующие студенты:

— Иван Минаков за сочинение «Изложение истории Рима во время царей, по древним источникам, с обращением внимания на исследования новейших критиков»;

— Федор Браславский за сочинение «Собрание численных примеров на главные вопросы из аналитической геометрии»;

— Александр Попов за сочинение «Quid est statuendum de vita et scriptis Cornelii Nepotis»;

— Пятин за сочинение «Об электричестве»;

— Александр Великанов за сочинение «О реформе, какую произвел Сократ в философии, ее причинах и следствиях», которое совет одобрил к печати;

— Павел Браславский за сочинение «Историческое развитие римского наследственного права»;

— Николай Великанов за сочинение «Определить поэтический характер народных русских песен и сказок, показать их особенности в языке, стихосложении и содержании, с обращением внимания на историческую последовательность»;

— Гавриил Вильмс за сочинение «Изложить полную теорию маятника, с показанием его применений в науках и искусствах»;

- Василий Житухин за сочинение «Определить характер и развитие высших государственных учреждений, существовавших на Руси до Петра Великого, и объяснить смысл изменений, произведенных великим русским преобразователем в системе управления Руси»;
- Франц Домбровский за сочинение «Система Фридриха Листа в сравнении с другими системами политической экономии»;
- Иосиф Пенчинский за сочинение «Химическое описание серы и важнейших ее соединений с металлическими телами»;
- Аполлон Тернавцев за сочинение «О судебных доказательствах в постепенном их развитии, начиная от первых письменных источников законодательства до издания свода законов»;
- Яков Семенов за сочинение «О состоянии искусств ихудожеств в России, со времени введения в нее христианства и до начала XVII века»;
- Иван Залеский за сочинение «Исследование всех свойств циклоиды и эпициклоиды в геометрическом и механическом отношении»¹;
- Эдмунд Руккер за сочинение «Сравнить английское сельское хозяйство с нашим степным»;
- Владимир Михневич за сочинение «О направлениях философии XVII и XVIII столетий, их причинах и следствиях»;
- Марк Финкель за сочинение «Об атмосфере в термометрическом и гигрометрическом отношении»;
- Владимир Семенов за сочинение «Изложить историю учреждений императрицы Екатерины II, с показанием их значения относительно к предшествовавшему управлению, начиная с государственного преобразования России Петром Великим»;
- Василий Сербинов-Щерецкий за сочинение «Представить постепенное совершенствование литературного русского языка со времени Ломоносова до наших дней»;
- Николай Соколовский за сочинение «Изложить употребительнейшие аналитические методы, какими руководствуются при вычислении солнечных и лунных затмений»;
- Иона Галаганов за сочинение «Описать моря, озера и реки России, в отношении к внешней торговле и внутренней промышленности»;
- барон Владимир Остен-Сакен за сочинение «Историческое обозрение памятников русского законодательства со времени издания судебника царя Иоанна IV до издания уложения 1649 года»;
- Георгий Думшин за сочинение «Сличить с местностью различные мнения о реках Скифии Геродота»¹;

¹ Это сочинение напечатано за счет сумм лица.

- Ромуальд Кобецкий за сочинение «Показать значение Новороссийского края в истории хлебной торговли»;
 - барон Фридрих Розен за сочинение «О различных видах топлива, его добывании, отличительных свойствах, ценности и применении в техническом отношении»;
 - Дмитрий Луцинский за сочинение «Служилые люди Московского государства»;
 - Василий Васютинский за сочинение «О Лаврентьевской, Троицкой, Ипатьевской и Густинской летописях в литературном отношении»;
 - Спиридон Дивари за сочинение «О перелетах птиц, особенно входящих в состав южнорусской фауны».
- Серебряными медалями* награждены сочинения студентов:
- Ивана Танского — «Историческое развитие римского наследственного права»;
 - Семена Пахмана — «О характере и особенностях народных русских песен и сказок»;
 - Дмитрия Калио — «Подробное и сравнительное описание органа зрения у человека и животных»;
 - Григория Караулова — «О характере русских законов до Петра и об изменениях, произведенных Петром Великим»;
 - Григория Житухина — «О глазе»;
 - Александра Егунова — «О системе Фридриха Листа сравнительно с другими системами политической экономии»;
 - Константина Пулакаса — «О свойствах циклоиды и эпициклоиды»;
 - Эдуарда Клодницкого — «Об открытиях и переселениях Норманов в IX и X столетиях после Р. X.»;
 - Клементия Голишевского — «De singulis mutationibus, quibus judicia publica obnoxia fuerint apud Romanos»;
 - Владимира Чарновского — «О направлениях философии XVII и XVIII столетий»;
 - Дмитрия Сизарева и барона Николая Корфа — «Сравнительное описание процесса кровообращения у беспозвоночных животных»;
 - графа Александра Подгоричани-Петровича — «О постепенном совершенствовании литературного русского языка современности Ломоносова до наших дней»;
 - Леонарда Станкевича — «Об употребительнейших аналитических методах, какими руководствуются при вычислении солнечных и лунных затмений»;

¹ Там же.

— барона Николая Остен-Сакена — «О морях, озерах и реках России в отношении к внешней торговле и внутренней промышленности»;

— Григория Рабиновича — «Сличение с местностью различных мнений о реках Скифии Геродота»;

— Петра Бочарского — «О злаках (gramineae) в естественно-историческом и хозяйственном отношении»;

— Михаила Родзянко — «Очерк истории Новороссийского края, начиная с 1752-го по 1852 год»;

— Михаила Вольского — «О значении Новороссийского края в истории хлебной торговли»¹;

— Михаила Козлова — «О виде и величине Земли»;

— Матвея Мамчилова — «Служилые люди Московского государства».

Похвальных отзывов удостоены сочинения студентов: Авраама Акимова, Андрея Малеванного, Василия Навроцкого, Александра Шведова, Петра Бибикова, Николая Поливанова, Николая Салацкого и Ивана Даневского.

Из так называемых курсовых сочинений, представляемых студентами по окончании курса, на темы, избираемые ими по предметам отделений, некоторые названы очень хорошими. Таковы сочинения студентов: Антонина Княжевича, Василия Осинского, Федора Онищенко, Найдена Герова, Афанасия Бутовича, Иосифа Пенчинского, Георгия Шишкана, Константина Арванити, Павла Охременко, Александра Ратко, Константина Яковенко, Владимира Миклашевского, Витольда Домбровского, Николая Юстиниани, Иосифа Чижевича, Александра Андре, Платона Шмакова, Александра Осинского, Александра де-Брюкса, Корнилия Карастелева, Степана Канелли, Михаила Будянского, Зиновия Комарницкого, Ивана Пугачева, Ивана и Александра Яновичей, Леонарда Жуковского, Константина Палеолога, Станислава Собанского, Николая Гарньера, Игнатия Прушинского, Владимира Сикорского, Степана Милановича, Юлия Бржозовского, Алексея Юзефовича, Георгия Ариона, Александра Котруцы, Ивана Юрчевского, Евгения Квятковского, Константина Андриопуло, Михаила Борзенко, Дмитрия Трощинского, Одиссея Врето, Адама Загоровского, Якова Шнейдера, Карла Стецкого, Феликса Собанского, Сигизмунда Фудакковского, Ивана Козлова, Юлиана Янишовского, Пршемыслава Скибневского, Ансельма Залеского, Викентия Совинского, Василия Борзенцова, Эммануила Вобста, Феликса Суйковского, Клементия Шуманского, Константина Унгебауера, Петра Паулинского, Александра По-

¹ Это сочинение напечатано автором особой книгой, удостоившейся похвального отзыва Академии наук.

темкина, Александра Таргони, Константина Абрамова, Леона Збышевского, Николая Ленца, Владимира Барвинского, Леонида Абазали, Владислава Володковича, Казимира Собанского, Станислава Колковского, Владислава де-Мезера, Алексея Красильникова, Ивана Лещинского, Антона Деминитру, Степана Сиротина, Николая Луценки, Виктора Касаткина, Гавриила Кудрина, Степана Крушевана, Порфирия Лотошникова, Степана Козелло, Павла Арендта, Ореста Долинского, Николая Лентовского, Афанасия Лонгинова, Эпаминонда Крушевана, Афанасия Мавро, Иосифа Розенберга, Иллария Пестржецкого, Иосифа Мигурского, Александра Морокина, Викентия Салацкого, Николая Чеховского, Федора Кочу, Владимира Альбранта, Георгия Черняева и Митрофана Славинского.

Кроме этих умственных плодов науки, история лицея представляет нам и другие, более драгоценные плоды нравственного настроения воспитывающегося внею юношества. Это — любовь к Отечеству и преданность престолу и царю, выразившиеся в последнюю войну. В самом ее начале многие из студентов лицея и учеников состоящей при нем гимназии изъявили желание вступить в ряды воинов, сражавшихся за угнетенное на Востоке православие. По их просьбе и вследствие представления местного учебного начальства, г. министр народного просвещения разрешил им в 1853/54 и 1854/55 академических годах сдавать экзамен раньше обычного срока. В эти годы лицей вместе с гимназией выставил на поле брани около сорока молодых людей, из которых многие отличились военными подвигами. Некоторые же, еще в звании студентов, показали пример храбрости и неустранимости во время состоявшегося 10 апреля 1854 года бомбардирования Одессы англо-французским флотом, и тем обратили на себя всемиловитвейшее внимание почившего в Бозегосударя императора Николая I, соизволившего даровать им следующее монаршее повеление: «Студентов императорского Ришельевского лицея II курса Деминитру и I курса Скоробогатого, которые, будучи одушевлены воинственным духом и блистательной храбростью, во время бомбардирования Одессы, в самом пылу боя неоднократно ходили на батарею №6, на которую были сосредоточены выстрелы неприятельских пароходов, и приносили генерал-адъютанту барону Остен-Сакену от прапорщика Щеголева необходимые сведения, в особенности о недостатке зарядов, произвести в портупей-прапорщики и, сверх того, наградить знаками отличия военного ордена Св. Георгия». Военный министр уведомил о такой монаршей милости генерал-адъютанта барона Остен-Сакена, в своем отзыве от 19 апреля №3517, и препроводил два знака отличия для их выдачи. Министр народного просвещения, тайный советник Авраам Сергеевич Норов, в предложении от 2 мая №3514, пояснил: «Подвиги

мужества, совершенные студентами Ришельевского лицея, Деминитру и Скоробогатым, делают честь заведению, в котором они получили воспитание, и могут служить назидательным примером для воспитывающегося юношества, насколько безграничны должны быть преданность престолу и любовь к Отечеству». Оценивая, таким образом, подвиги выше названных студентов, всемилостивейше пожалованных знаками отличия военного ордена, г. министр находит справедливым написать их имена золотыми буквами на доске, с кратким изложением их подвигов и полученных наград, и повесить эту доску в актовом зале лицея.

VII. Учебные пособия лицея

От учащих и учащихся перейдем теперь к учебным пособиям лицея и покажем, как они составлялись и доводились до того состояния, в каком находятся и ныне. Все эти пособия можно подвести под два общих названия: *библиотеки* и *кабинеты*. Скажем о тех и других.

А. Библиотеки:

Библиотек при лицее до 1855/56 академического года было четыре: 1) основная, 2) Института восточных языков, 3) студенческая и 4) периодических изданий, или кабинет для чтения.

1) *Основная библиотека*, по своему происхождению, древнее всех прочих. Ее основателем был Дюк де-Ришелье: он положил ей начало книгами и деньгами. В пользу лицея поступила собственная его библиотека, остававшаяся в Одессе и состоявшая из драгоценных, преимущественно французских изданий. Кроме того, для библиотеки лицея им пожертвовано, как замечено выше в статье о способах содержания лицея, 13 000 франков, на которые закупили собрание эллиногреческих, латинских и французских книг. В то же время аббат Николь, первый директор лицея, пожертвовал в пользу лицейской библиотеки свое жалованье за 1818 год. В следующем году пожертвовано для библиотеки лицея разными лицами 2 110 рублей ассигнациями. В 1830 году получено в дар от коллежского советника Ямпольского более 100 книг и значительное количество картин и эстампов, приобретено разных сочинений на 2 000 рублей ассигнациями. В 1831 году библиотека приумножена сочинениями Вильмена, Гизо, Кузенья, Вико и другими на сумму до 1 050 рублей ассигнациями. В 1832 году приобретены сочинения Канта, Фихте, Шеллинга, Окена, Гегеля, Шуберта, Стефенса и других на сумму до 700 рублей ассигнациями. Министерством народного просвещения выражено согласие на пополнение книг лицейской библиотеки и выделено 3 244 рублей ассигнациями. В сле-

дующем, 1833 году, получены книги, разрешенные к выписке для лицея, на означенную выше сумму, а в 1834 году — еще на 1 655 рублей ассигнациями. В 1835 году приобретено книг, за счет разрешенной еще в 1832 году суммы, на 3 008 рублей. Сын бывшего ректора Харьковского университета, действительного статского советника Афанасия Стойковича, Гонорий Стойкович, пожертвовал лицеем часть книг, оставшихся после его отца (1 633 тома) на сумму 4100 рублей ассигнациями. В 1836 году куплено книг, карт и чертежей на 2 060 рублей ассигнациями. В следующем году приобретено книг, периодических изданий, карт и чертежей на 818 рублей ассигнациями. Таким образом, до 1838 года в библиотеке было до 4 900 томов, заключавших 1 750 названий.

С 1838 года, то есть со времени введения нового устава лицея, на библиотеку была назначена ежегодная штатная сумма 2 700 рублей ассигнациями (771 рубль 40 копеек серебром), количество книг начало быстро возрастать, так что в течение пяти лет, до 1842 года, добавилось 3 701 том, названий — 2 002. В это время Императорской академией наук, Императорской российской академией, Вольным Санкт-Петербургским экономическим обществом и частными лицами (профессором Зеленецким, адъюнктом Линовским, надворным советником Ризничим, полковницей Семякиной и иностранцем Линднером) были сделаны добровольные приношения книг. Затем количество книг библиотеки ежегодно увеличивалось благодаря приобретению русских и иностранных изданий, выписываемых по каждой кафедре за счет положенной по штату на библиотеку суммы. В 1851 году из Одесского цензурного комитета, на основании распоряжения г. министра народного просвещения, передано 1 224 книги. Значительную часть приобретенных в этом году книг составляли сочинения по истории древностей и собрания дипломатических актов. Это были старые издания, не встречающиеся больше в книжной торговле. Все это приобретено из дублетов Императорской публичной библиотеки. Затем, в 1852 году, было закуплено значительное количество книг по естественной истории, всеобщей истории и древностей, пополнены труды Императорской академии наук и издания Московского общества истории и древностей. В следующем году закуплено несколько сочинений классических учебных руководств, особенно побогословию, русской истории и педагогике, а в 1854-м сделаны довольно значительные приобретения книг по русской словесности, правоведению и языкознанию. В течение двух последних лет приобретено и пожертвовано 550 названий, так что к началу академического 1856/57 года в основной библиотеке лицея насчитывалось 8 826 сочинений в 17 555 томах на сумму 23 450 рублей серебром.

На протяжении названного периода, то есть с 1842 по 1857 год, штатная сумма библиотеки поддерживалась частными приношениями. В это время было пожертвовано 269 книг. Этими приношениями лицей обязан преимущественно Императорской академии наук, университетам, обществам истории и древностей — Московскому и Одесскому, Императорскому обществу сельского хозяйства Южной России, преподавателям лицея и некоторых других русских учебных заведений.

Сейчас¹ в основной библиотеке лицея насчитывается на русском языке 2 743 книги, французском — 2 014, немецком — 2374, латинском — 856, греческом — 137, английском — 99, итальянском — 322, испанском — 7, польском — 99, чешском, армянском и валахском — по одной, датском и шведском — 39, сербском — 28, французско-немецком и латинском — 159, турецком — 2, алеутско-лысьевском — 4. Всего 8 886 книг.

Систематический каталог книг в двух экземплярах доведен до 1856 года и продолжает пополняться. Заведывание библиотекой до 1850 года поручалось одному из преподавателей лицея, и, вследствие такого соединения в одном лице двух обязанностей, библиотека могла быть открыта не более двух или трех раз в неделю, по одному часу. Такое ограничение времени стесняло преподавателей и студентов, желавших пользоваться книгами лицейской библиотеки. По ходатайству местного начальства в лицее была утверждена, на основании высочайше утвержденного 23 мая 1850 года положения комитета гг. министров, особая должность библиотекаря, со служебными преимуществами, предоставленными университетским библиотекарям, и жалованьем 400 рублей серебром в год. При назначении, на этом основании, особого чиновника на должность библиотекаря лицея, библиотека стала работать ежедневно, кроме воскресных и табельных дней, с 10.00 до 14.00. Также была учреждена особая лектория (сюда перенесли часть библиотеки с некоторыми коллекциями, не имевшими в старом здании лицея особых помещений) для студентов, желающих заниматься чтением в часы, свободные от лекций. Библиотекарем, со дня учреждения этой должности в ее настоящем виде, состоит окончивший курс наук в лицее титулярный советник Виталий Шишковский.

2) *Библиотека Института восточных языков* начала свое существование с 1838 года. Она состояла из арабских, турецких и персидских книг, хранившихся прежде в основной библиотеке лицея, а также из ежегодных приобретений, которые делались за счет положенной на учебные пособия Восточного института штатной суммы. Большая

¹По отчету за 1856 год.

часть из находившихся в ней книг и рукописей (на арабском, персидском и турецком языках), была приобретена, когда заведовал ею профессор Григорьев — с 1838 по 1844 год. Он предпринял с этой целью в 1840 году поездку в Константинополь. В 1852 и 1853 годах собрание восточных классических сочинений и учебных руководств было пополнено. К началу 1854/55 учебного года эта библиотека насчитывала 461 название в 772 томах на сумму 3 902 рублей 10 копеек серебром.

По случаю преобразования существовавшего при Санкт-Петербургском университете отделения восточных языков в факультет, на основании высочайшего указа от 22 октября 1854 года преподавание восточных языков в Ришельевском лицее было прекращено. Вслед за этим и библиотека Восточного института при лицее, по распоряжению г. министра народного просвещения, вместе с отпускаемыми на нее суммами, была передана в Санкт-Петербургский университет. Заведывание ею, во время ее нахождения при лицее, было обязанностью профессора Восточного института.

3) *Студенческая библиотека* была образована также в 1838 году (книги покупались частью из суммы, положенной на учебные пособия пансиона, а частью — за счет экономическо-пансионерной суммы). Получая ежегодно, по мере необходимости и возможности, книги, она насчитывает теперь 565 сочинений на русском, греческом, латинском, французском и немецком языках, которые составляют 1 052 тома (стоимостью до 1 478 рублей 94 копеек серебром). Она всегда состояла в заведывании инспектора лицея. Ее книгами пользуются преимущественно воспитанники состоящего при лицее пансиона. Теперь предложено обратить ее в библиотеку собственно «Пансионскую», которая бы заключала в себе учебные пособия для студентов, живущих в пансионе лицея, и книги, необходимые для пользования воспитанников лицейской гимназии.

4) *Библиотека периодических изданий*, или так называемый кабинет для чтения, предоставляет преподавателям и отчасти студентам лицея возможность чтения газет и журналов. Получаемые в ней журналы и газеты остаются на столе до выхода новых номеров, потом желающие могут брать их домой, а по истечении года — передаются в основную библиотеку лицея. Этот кабинет основан в 1838 году по предложению попечителя Княжевича. Целью библиотеки было предоставление преподавателям лицея возможности следить за ходом наук и успехами просвещения. К 142 рублям 85 копейкам, положенным по штату на выписку газет и журналов, добавлялись добровольные пожертвования преподавателей лицея и гимназии, составлявшие ежегодно ту же сумму, какая была назначена по штату. Это давало возможность приобретать для кабинета ежегодно от 34 до 37 периоди-

ческих издания (как русских, так и иностранных). Но со времени прекращения этих добровольных приношений, библиотека смогла выписывать только 22 русских издания. Заведовал этим кабинетом до 1847 года библиотекарь лицея, а после эта обязанность перешла к инспектору лицея.

Б. Кабинеты

Кабинетов в лицеепод разными названиями существует 10:

1) *Физический кабинет* начал составляться после основания лицея. Первое пожертвование для него было сделано в 1819 году майором де-Далке, принесшим в дар бронзовую сферу и полный комплект математических инструментов. Первое же приобретение инструментов произошло только в 1830 году, когда были закуплены следующие снаряды: электрическая машина, три аэрометра, два термометра, барометр английского размера и солнечные часы с компасом. В 1832 году, по представлению начальства о недостаточности физического и натурального кабинетов, Министерством народного просвещения, на необходимые для этих кабинетов приобретения, было выделено 8 362 рубля ассигнациями, и, для их получения из Механического института Уцшнейдера в Мюнхене, через профессора Дерптского университета Струве, были сделаны надлежащие распоряжения. За эти деньги в 1834 году было приобретено пять астрономических инструментов из заказанных у парижского художника Гамбесе (они обошлись в 3760 рублей ассигнациями). Затем, в 1835 году, получено инструментов на 4 082 рубля ассигнациями. В 1836 году, из заказанных через профессора Дерптского университета Паррота в Мюнхене и других местах инструментов, получено разных снарядов на 3 118 рублей 46 копеек ассигнациями, так что в следующем году этот кабинет владел 111 инструментами. С 1838 года он стал значительно увеличиваться как благодаря своей штатной сумме (142 рубля 85 копеек серебром), так и за счет экономической суммы лицея. В течение пяти лет он более чем удвоился, так что в 1842 году в нем уже насчитывалось 270 инструментов, соответствующих последним результатам науки. Заключая в себе достаточное количество инструментов и снарядов для проведения опытов по разным предметам физики, он особенно богат теми, которые служат для объяснения теории света и электромагнетизма. При основании в 1848 году Второй одесской гимназии, из него, по распоряжению начальства, передано, для составления при гимназии физического кабинета, 44 снаряда на сумму 600 рублей 30 копеек серебром. Ежегодные приобретения инструментов, хотя и не столь значительные, довели, к началу 1856/57 академического года, их число до

305 (их стоимость — 5305 рублей 62 копеек серебром). Заведует им постоянно профессор физики, имея при себе особого механика.

2) *Химический кабинет* с лабораторией до 1838 года в лицее не существовал. Основан в 1839 году. В 1842 году имел 5 снарядов и 362 препарата, а в 1845-м мы находим в нем 11 снарядов, 362 препарата, 12 аппаратов и 171 штуку фарфоровой и стеклянной посуды (общая стоимость — 1 083 рубля 29 копеек серебром). Но самая значительная часть химических снарядов и аппаратов была приобретена в 1848 году, так что в это время число содержащихся в нем предметов увеличилось до 1 628, а их стоимость возросла до 1 971 рубля 10 копеек серебром. Немало приобретено для него и в следующем, 1849 году. Он получил 387 препаратов, так что теперь насчитывает 4 печи, 41 снаряд, 242 аппарата, 753 препарата, 623 штуки стеклянной и фарфоровой посуды, всего на сумму 2 519 рублей 57 копеек серебром. На его содержание и ежегодные приобретения назначено 285 рублей 70 копеек серебром из штатной суммы. Заведует им профессор химии.

3) *Технологический кабинет*. Основание ему положил Дмитрий Максимович Княжевич, пожертвовав 5 моделей. До 1844 года в нем было 19 моделей, а в этом году приобретено еще 10. Теперь в нем находится 30 моделей стоимостью 422 рубля 70 копеек серебром. Им также заведует профессор химии, преподающий и технологию.

4) *Зоологический кабинет* основан в 1833 году, когда у профессора Нордмана было выкуплено собрание раковин и насекомых стоимостью 500 рублей ассигнациями, а в следующем году от него же поступило 180 птиц, 1 800 насекомых и 600 червей. В 1835 году им для этого кабинета было приобретено 150 птиц и 300 экземпляров насекомых. В 1837 году от него же поступило собранных им во время ученого путешествия по берегам Черного моря и южной стороне Кавказских гор 1 301 экземпляр птиц, рыб и насекомых. Кроме того, он подарил 300 экземпляров иностранных птиц. В 1849 году Нордман, оставляя кафедру естественной истории при лицее, принес в дар для этого кабинета 1 505 костей допотопных животных, а иностранец Зейферт пожертвовал 110 насекомых и 125 бабочек. В 1851 году кабинет потерял некоторую часть птичьих чучел, слишком поврежденных молью, так что из числившихся в нем 11 582 экземпляров уцелело 11 429. Но старанием профессора естественной истории Байкова эта убыль была восполнена с избытком. Для того чтобы пополнить орнитологическую коллекцию, он в 1852 году сделал киевскому таксидермисту Шустерусу заказ, а для микроскопических работ и демонстрации на лекциях заказал парижскому оптику Обергейзеру усовершенствованный ахроматический микроскоп. Как только часть заказа Шустерусом была выполнена, то число экземпляров возросло до 11 590, а в следующем году

это число еще увеличилось, так что теперь этот кабинет насчитывает 11 748 экземпляров на сумму 3 347 рублей 9 копеек серебром. На покупку этих вещей полагается 285 рублей 70 копеек серебром ежегодной штатной суммы. Заведывание им всегда относилось к обязанности профессора естественной истории.

5) *Минералогический кабинет* начал составляться пожертвованиями разных лиц. В 1818 году 720 минералов лицею пожертвовал титулярный советник Шульц; в 1819 году полковница баронесса Франк принесла в дар 30 минералов; в 1825 году ученый форшт-мейстер Шульц подарил 400 минералов. В 1841-м директор канцелярии министра финансов действующий статский советник Александр Максимович Княжевич пожертвовал золотой самородок в 17 золотников, а председатель Рязанской казенной палаты, действующий статский советник Николай Максимович Княжевич — 52 штуфа. В 1843 году кабинет обогатился приобретением 121 штуфа, высланных, по распоряжению начальства, из бывшей Виленской медико-хирургической академии. 4 штуфа были пожертвованы Одесским обществом истории и древностей. В 1851 году профессор Гассгаген подарил несколько кусков редкого минерала «оцокерит», открытого в Куманештах (Молдавия). В 1852 году министр внутренних дел граф Лев Алексеевич Перовский, посетив лицей, предложил в дар для минералогического кабинета 21 минерал из дубликатов собственной коллекции. Тогда же профессор Гассгаген подарил 24 штуфа, собранные им во время путешествия по Крыму, а комитет для строений Ришельевского лицея прислал 5 образцов почвы, открытых на разных глубинах при испытании грунта на месте постройки нового здания лицея. В 1853 году профессор Зеленецкий подарил для этого кабинета 52 экземпляра разных кавказских горных пород. Ныне в нем находится 3 285 штуфов на сумму 2 163 рублей 44 копеек серебром. Заведует этим кабинетом профессор естественной истории.

В заведывании того же профессора находится и собрание окаменелостей, которое в 1842 году состояло только из 51 экземпляра. Потом, в 1844 году, их число увеличилось до 200. В 1845 году к ним добавился еще 51 экземпляр. В 1848 году всех экземпляров было 270. В следующем году их было уже 1 230 экземпляров, пожертвованных профессором Нордманом. В 1850 году собрание окаменелостей обогатилось коллекцией окаменелых костей животных, собранной и подаренной лицею бывшим его воспитанником, старшим учителем естественной истории Таврической гимназии Романом Залогой. В этой коллекции были представлены и кости костообразного животного — *Ziphius priscus*.

6) *Гербарий*. Его основой стал гербарий, приобретенный в 1833 году у профессора Нордмана за 2 600 рублей ассигнациями. Постепенно умножаемый приобретениями и подарками того же профессора, этот гербарий, расположенный по системе Жюсье и Бартлинга, в 1849 году содержал уже 6 000 определенных пород на сумму 1029 рублей 70 копеек серебром, за исключением довольно большого количества дубликатов и неопределенных пород. Заведует им, как и двумя предыдущими, профессор естественной истории.

7) *Кабинет астрономических и геодезических инструментов* получил начало в 1838 году, через перевод в его состав находившихся до того времени в физическом кабинете астрономических инструментов. Их поначалу было 9, потом, в течение пятилетия, их стало 13, а в 1848-м — 51. Ныне в нем 54 инструмента на сумму 2 889 рублей 68 копеек серебром. Этот кабинет всегда находился в заведывании профессора прикладной математики.

8) *Кабинет земледельческих орудий* начал составляться с 1838 года. Для него первоначально приобрели моделей на 352 рубля 7 копеек серебром. Также были пожертвованы: а) бывшим попечителем Княжевичем — молотильная машина, б) бывшим директором лицея Синицыным — молотильная и мукомольная машины, в) управителем казенного селения Александровки Рейдемейстером — собрание разных проб овечьей шерсти. Потом, в 1846 году, куплен шерстомер и несколько моделей, так что составилось находящееся в нем ныне собрание 27 моделей, овечьей шерсти, сельскохозяйственных и лесных семян, что все вместе с шерстомером стоит 461 рубль 7 копеек серебром и состоит в заведывании преподавателя сельского хозяйства.

9) *Дендрологическое собрание* составлено в 1839 году. Оно включает в себе 54 экземпляра образцов деревьев, на сумму 57 рублей 14 копеек серебром, и находилось в заведывании преподавателя сельского хозяйства либо состоящего при лицее механика.

10) *Минц-кабинет* начал образовываться вместе с основанием лицея, благодаря пожертвованиям разных лиц. В год открытия лицея (1818), статский советник Бларамберг пожертвовал 362 ольвийских и 350 римских монет и медалей. Тогда же статский советник Кирико принес вдар лицу 20 серебряных, 13 медных монет и 2 бронзовые статуэтки. В 1819 году генерал-майор граф Долон пожертвовал 1 серебряную и 15 бронзовых медалей, а полковник барон Франк — 4 бронзовые медали. В 1829 году для лицейского минц-кабинета, по высочайшему повелению, были присланы 2 серебряных слитка из числа найденных в Рязани близ Борисоглебовского собора. В 1838 году бывший попечитель Княжевич пожертвовал 2 серебряные и 2 бронзовые медали. Этот кабинет значительно обогатился в 1849 году высо-

чайшепожалованной коллекцией бронзовых медалей и жетонов. Затем, в 1851 году, он получил еще 3 золотые, 30 серебряных и 18 медных монет, принесенных в дар штаб-ротмистром фон Гойером, получившим образование в лицее. Некоторые из этих монет были отысканы в земле, в имении дарителя, находящемся в Могилевской губернии. Теперь в минц-кабинете находится 3 золотых монеты, 172 серебряных, 819 медных, 3 серебряных медали, 462 бронзовых, 1 серебряный и 17 бронзовых жетонов, оловянных образцов 230 медалей, всего на сумму 1 257 рублей 20 копеек серебром. Монеты и медали расположены в систематическом порядке по составленному в 1851 году бывшим директором лицея Петровым каталогу. Заведует этим кабинетом библиотекарь лицея.

В таком состоянии библиотеки и кабинеты лицея находились до 1857 года. Ныне, по ходатайству г. попечителя Н. И. Пирогова, министерство разрешило использовать из экономических сумм лицея на приобретение книг, физических инструментов, химических приборов и других вещей 13 500 рублей серебром. Эта сумма поспособствует значительному их пополнению и обогащению.

VIII. Посещения и ревизии лицея

Несколько раз лицей имел счастье удостоиваться посещений высочайших особ и знаменитых государственных сановников. Не раз действия его членов проверялись особыми, по высочайшему повелению или распоряжению министра народного просвещения, ревизиями. Впишем и эти важные события в летопись Ришельевского лицея.

В первый раз государыня императрица Александра Феодоровна посетила лицей во время ее пребывания в Одессе в 1828 году. Ее Величество соизволила посетить вновь устроенную, по благословению Кишиневского и Хотинского архиепископа Димитрия, освященную лицейскую церковь во имя Святого и Благоверного князя Александра Невского.

6 сентября 1837 года лицей посетил государь император Николай I, вместе с наследником престола, благополучно царствующим ныне государем императором Александром Николаевичем. Государь император и великий князь наследник, в сопровождении блистательной свиты, встреченные директором лицея, сначала соизволили видеть воспитанников, потом осмотрели библиотеку, физический и другие кабинеты, классы, комнаты для занятий и спальни. Затем августейшим посетителям представлены были профессора и чиновники лицея. Его Величество все милостивейше изъявил им свое монаршее благоволение за ревностную службу Отечеству и престолу.

1 июня 1845 года лицей принял его императорское высочество, великого князя Константина Николаевича. Высокий посетитель удостоил ласковым приветом наставников лицея и гимназии, студентов, воспитанников пансиона и учеников гимназии. Осмотрел лицейскую церковь, библиотеку и кабинеты, вникая во все со свойственной ему любознательностью. Пожелал иметь сведение об общем устройстве и назначении лицея, а также соизволил вписать свое имя в книгу, в которой лицей хранит драгоценные имена его венценосных родителей и других высоких посетителей.

21 сентября 1851 года лицей посетили их императорские высочества великие князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич. Студенты лицея и воспитанники состоящей при лицее гимназии, с их начальниками и наставниками, имели счастье быть представленными их высочествам при осмотре ими лицея и пансиона.

В тот же год, 14 июля, в каникулярное время лицей посетил его императорское высочество принц Петр Георгиевич Ольденбургский.

20 сентября того же года посещал лицей и слушал лекции некоторых профессоров, а также осматривал зоологический и минералогический кабинеты, г. министр внутренних дел, граф Лев Алексеевич Перовский.

В августе 1852-го, в начале учебных занятий, во время приемных экзаменов, лицей посетил г. управляющий межевым корпусом, вице-председатель императорского географического общества, член государственного совета, сенатор, ныне министр государственных имуществ, генерал от инфантерии Михаил Николаевич Муравьев.

Официальные обозрения лицея, или так называемые ревизии, начались со времени открытия лицея и его подчинения попечителю Харьковского университета.

Первый осмотр (попечителем Харьковского университета, тайным советником Корневым) состоялся в 1818 году. Осмотрев лицей, об овсем замеченном им он донес министру духовных дел и народного просвещения. В этом донесении, между прочим, он отдавал справедливость директору лицея в наблюдении за обучением, профессорам — за обучение воспитанников, надзирателям — за содержание опрятности и строгий надзор за детьми. Находил, однако, нужным, чтобы назначение чиновников на разные должности осуществлялось в результате предварительного рассмотрения их аттестатов, а также, чтобы четко придерживались §91 устава лицея относительно свидетельства успехов и поведения учащихся.

Вследствие этого донесения, министр духовных дел и народного просвещения приказал, чтобы при еженедельном свидетельствовании успехов воспитанников непременно присутствовали оба инспектора, все преподаватели и надзиратели.

В 1819-м лицей, в качестве визитатора, осматривал профессор Харьковского университета, статский советник Джунковский. В своем донесении попечителю Харьковского университета, он представил следующие предположения:

- 1) о разрешении профессору Жаданову повторять на русском языке математические уроки, преподаваемые профессором Виардом на французском языке;
- 2) о разрешении награждать отличившихся во внешних классах лицея учеников похвальными листами;
- 3) о разрешении чиновникам лицея пользоваться книгами лицейской библиотеки;
- 4) о добавлении в списке, показывающем успехи обучения, графы, обозначающей степень поведения;
- 5) о возобновлении курса обучения, по примеру других русских учебных заведений, с августа, а не с января, как указано в уставе лицея;
- 6) об определении вольнослушателей хотя бы одного надзирателя;
- 7) о введении в лицее преподавания правил стихотворства.

Им же были замечены в лицее следующие упущения:

- 1) пренебрежение в грамматическом, словесном и риторическом классах русским языком;
- 2) самовольные распоряжения директора лицея, не обращавшего должного внимания на классы внешнего лицея, в которых допускались различные бесполезные изменения, без ведома правления лицея и высшего начальства;
- 3) не введение в лицее до этого времени методы взаимного обучения;
- 4) не проведение литературных собраний по воскресным дням уже около года.

Это донесение вызвало назначение нового визитатора для рассмотрения на месте предположений, касающихся лицея. Сэтой целью в 1820 году был прислан директор Екатеринославской гимназии Мизко. После надлежащего изучения, директором лицея аббатом Никодем на благоусмотрение министра духовных дел и народного просвещения были представлены новые предположения, некоторые из них, перечисленные в IV статье этого очерка истории лицея, одобрили.

Новый осмотр лицея был проведен в 1827 году назначенным, в качестве визитатора, чиновником Министерства народного просвещения графом Платером. В своем донесении от 13 ноября того же года он сообщал, что некоторые части лицея требуют скорого и неуклонного исправления еще до преобразования его устава. Нужно было объединить внутренние и внешние классы, добавить некоторые науки, названные в сообщенном проекте (статистику, римское право и другие), строго со-

блюдовать постепенность в преподавании, а учебное время распределять в соответствии с возможностями и успехами преподавателей. Эти исправления были незамедлительно осуществлены, как показано выше в IV статье очерка истории лицея.

21-22 октября 1851 года лицей, на протяжении двух дней, посещал и присутствовал на лекциях сенатор, тайный советник, ныне попечитель Дерптского учебного округа фон Брадке, проводивший в то время возложенную на него, по высочайшему повелению, ревизию Херсонской губернии.

Но самый подробный осмотр Ришельевского лицея и всех подведомственных Министерству народного просвещения учебных и воспитательных заведений в Одессе был проведен г. товарищем министра, ныне министром народного просвещения, сенатором, действительным тайным советником Авраамом Сергеевичем Норовым. Для этого он прибыл в Одессу, по высочайшему повелению государя императора, 6 декабря 1852-го и оставался здесь до 3 января 1853 года. Данный осмотр составил важнейшую эпоху в истории этого заведения, как событие особенное и знаменательное. Г. товарищ министра осмотрел все части внутреннего и внешнего устройства лицея. С 8 по 19 декабря каждое утро посещал лекции преподавателей, выслушивая каждого с особым вниманием. Изучал способности и степень познаний студентов и воспитанников пансиона, для чего преподаватели с января назначали репетиции пройденных чтений. Также осмотрел библиотеки, кабинеты и все принадлежности пансиона, освидетельствовал лицейские суммы, дела правления и совета лицея, познакомился с начальниками преподавателями лицея, приглашая их поочередно к себе домой.

После такого осмотра лицея и других одесских учебных заведений, 1 января, в день Нового года, отслушав в лицейской церкви божественную литургию, Авраам Сергеевич собрал всех студентов лицея и воспитанников лицейского пансиона. После приветствия, он обратился к студентам с прощальной речью, слова которой, прямо относившиеся к их обязанностям и будущему назначению, глубоко запали в их юные сердца, и, без сомнения, принесли впоследствии желанные плоды. Подозвав к себе каждого из студентов и воспитанников пансиона, он простился с ними, как отец с детьми. В час пополудни начальство лицея и все преподаватели простились с ним, как близко знакомые. Многие из них получили напутственное наставление, а все остальные — пожелание Его Высокопревосходительства продолжать службу царю и Отечеству верой и правдой.

Важные перемены, произошедшие в лицее в результате всеподданнейшего доклада о следствиях этой ревизии г. министра народного

просвещения, князя Платона Александровича Ширинского-Шихматова, государю императору, было проверено присланным в Одессу (1854), по распоряжению г. министра, вице-директором Департамента Министерства народного просвещения, действующим статским советником Алексеем Ефремовичем Кисловским. Он с половины февраля и почти до конца марта осматривал лицей, слушал лекции преподавателей и изучал подробности хода работ по построению нового здания лицея.

Этот очерк истории Ришельевского лицея показывает нам, что окончившееся сорокалетие этого заведения прошло с пользой для науки и оставило заметные следы высшего образования во всех отраслях государственной службы и общественной жизни Новороссийского края. Проходя различные степени преобразований, лицей постоянно стремился к достижению целей, указываемых ему мудрыми мерами правительства и распоряжениями начальства, принося плоды, соответствующие его назначению. Многие из наставников лицея, трудясь над умственным и нравственным образованием вверенного им юношества, принесли на алтарь науки, каждый по своим силам и роду занятий, свободные часы и свободное время, замечательные преимущественно в том отношении, что большей частью были направлены к решению вопросов, относящихся к археологии, нумизматике, истории, статистике, коммерции, сельскому хозяйству и юридическим учреждениям Новороссийского края и Бессарабии. Студенты лицея, воспитываемые на твердых началах веры, любви к Отечеству и преданности престолу и царю, показали себя на разных поприщах государственной службы достойными тех попечений и забот, какими они пользовались во время своего обучения в лицее. Многие из них доставили честь этому заведению своими личными достоинствами: одни — учеными трудами, другие — гражданскими заслугами, третьи — воинскими доблестями. Воспоминание о них отрадно сердцу каждого, их имена всегда будут украшать летопись лицея. Эти светлые стороны прошлой жизни лицея, истинно радующие каждого из нас, ручаются за его будущие успехи. Уповая на Божий промысел, спасший само это здание от разрушительных действий неприятельской эскадры, видя постоянное умножение в нашем Отечестве средств и способов образования, обильно исходящих от щедрот нашего мудрого монарха Александра II, мы можем предполагать с уверенностью, что для лицея теперь наступает лучшая и счастливейшая эпоха процветания. Его дальнейшая судьба, осеняемая благословением свыше и покровительствуемая законами правительства, будет еще светлее и отраднее.

ПРИЛОЖЕНИЕ

РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ ПРЕОСВЯЩЕННЫМ ИННОКЕНТИЕМ, АРХИЕПИСКОПОМ ХЕРСОНСКИМ И ТАВРИЧЕСКИМ, ПРИ ЗАЛОЖЕНИИ НОВЫХ ЗДАНИЙ ДЛЯ РИШЕЛЬЕВСКОГО ЛИЦЕЯ, 17 АПРЕЛЯ 1852 ГОДА

Наконец, дело, так давно задуманное, столько раз решенное в уме и на бумаге, от всех признанное за весьма нужное, и потому оно не могло совершенно остановиться, и, однако, при всем том постоянно встречавшее новые препятствия, ожидаемые и неожиданные. Поэтому то откладываемое, то изменяемое — это дело, из-за своей медленности едва не обратившееся в предмет нареканий, — теперь, при Божьей помощи, начинает видимо и невозвратно исполняться! В эту минуту в основание нового здания будет заложен первый камень, в след за которым не замедлят испуститься стройной чередой все эти громады вещества, приготовленные для того, чтобы образовать из себя новое благолепное помещение для храма наук. Те, кто до сих пор скучал из-за медленности настоящего дела, могут вспомнить древнее замечание: что не скоро созидается, то не скоро и разрушается!

Во всяком случае — не скоро, без сомнения, придется выйти из-под спуда и явиться на свет этой деке со свидетельством о настоящем событии, которую мы, вместе с нашими именами, следуя общему обычаю, предадим теперь земле. И дай Бог, чтобы, — если нельзя не случиться этому, — случилось это не прежде, как для самой истории нелегко уже будет разбирать: кто мы были и чем озаменовано земное поприще каждого из нас.

А между тем, что произойдет? Лучшие из юных сынов нашей страны — поколение за поколением — будут приходить в это святилище наук для утоления жажды познаний, для образования своего ума и сердца. По окончании своего воспитания, той же непрерывной чередой, они будут выходить отсюда, устраиваясь на разных поприщах общественной службы, прививая любовь к закону и правде, труду и порядку. И почему не иметь нам надежды, что отсюда выйдет, и, может быть, не один юноша, который станет украшением не только нашей здешней, но и всей древней России, который своими знаменитыми подвигами и общепользными трудами воздаст сколько-нибудь монарху и Отечеству за то, что они делают для нашего края и нашего града?

Подобные мысли, а они, как видите, в подобных обстоятельствах приходят сами собою, полагают такую великую разницу между основанием частных зданий, как бы велики и огромны они ни были, и общественных зданий, особенно предназначенных для пользы наук. Что значило бы основание дома самого знаменитого вельможи, самого роскошного богача? Одно простое событие, может быть, и самое важное в его частной жизни, не больше, а основание зданий для вертограда наук, тем более высшего, — немаловажное событие для целого края. Тут невольно переносишься мыслью в будущее, воображаешь влияние того, что совершается, на многие роды и поколения, задумываешься о судьбе целого Отечества.

С этой-то, без сомнения, стороны взирал и взирает на настоящее дело наш августейший самодержец. Вот почему он удостоивал его такого внимания, что сам, и неоднократно, вникал во все чертежи здания, сам благоволил выбрать и место, и время постройки, не отягощаясь тем, что это дело на его усмотрение возвращалось не раз и не с одним изменением. Таковы русские цари! На их раменах судьба полсвета: от края до края Отечества изливаются струи их щедрот на все великое и малое. Однако когда дело идет о просвещении русского народа, то у них всегда появляются новые средства и новое внимание к тому, чтобы вертограды наук не только не имели недостатка ни в чем нужном, но и самым вещественным своим благолепием свидетельствовали, что они созданы рукой истинно царской.

Подражая столь высокому примеру, строители этого здания, без сомнения, проявят все усердие и внимательность к делу, ныне благополучно начатому, чтобы медленность в его совершении вознаграждена была добротой и совершенством сделанного, чтобы входящие и выходящие отсюда могли говорить от души: долго происходило, но прекрасно вышло!

Но, братия моя, при всех ваших усилиях и неусыпности, вы не забудете, без сомнения, слов царя-пророка, который сам немало лет собирался создать дом Господень, но вынужден был предоставить это дело своему преемнику. *«Аще не Господь, — говорит он, — созидает дом, все трудятся зиждущие».*

На самом деле, мало ли каким превратностям может подвергнуться начатое теперь дело созидания даже с его вещественной стороны? А будущая судьба имеющего водвориться здесь учебного заведения? Кому известна она, кроме Всеведущего? От кого зависит всецело, как не от Его всесвятой воли?

Помня это и желая от души совершенства нашему главному расаднику просвещения, соединим наши мысли и чувства в усердной молитве к тому, кто единственный нарицает *несущая яко сущая, су-*

щим дарит крепость и доброту, да изливает он обильно свою благодать на это место, да станет оно источником истинного света познаний для нашего края, да обойдут его все духи тьмы и злобы, *лестящие* не едва не *всю Вселенную*, да вселится здесь дух Христов, дух истины и правды, веры и любви, смирения и послушания, тот дух, в котором росло и укреплялось, которым высилось и расширялось, в котором так твердо и несокрушимо возлюбленное наше Отечество. Аминь.

**СПИСОК СТУДЕНТОВ РИШЕЛЬЕВСКОГО ЛИЦЕЯ,
ОКОНЧИВШИХ КУРС, С ПОКАЗАНИЕМ ИЗБРАННОГО ИМИ
РОДА СЛУЖБЫ**

№	Фамилия и имя	Класс при выпуске	Чин на службе	Род службы
1-й ВЫПУСК 1821 г.				
1.	Степанов Константин	IX	—	Был секретарем и адьюнктом лицея, потом уездным судьей. В отставке.
2.	Ларуй Николай	XIV	—	Был учителем Екатерининской гимназии. Умер.
3.	Андре Федор	XIV	Действ. ст. советник	Служил на военной службе. Был адъютантом при наместнике Польского царства, потом президентом г. Варшава.
4.	Петкович Александр	XIV	—	На военной службе.
5.	Новицкий Иван	XIV	—	
6.	Ваникин Александр	XIV	—	Был учителем Начального училища при лицее и потом домашним наставником. Умер.
7.	Малиновский Николай	XIV	Кол. ассессор	Служил в Восточной Сибири переводч. восточных языков. Умер.
8.	Дмитриев Николай	X	Надворн. советник	Служил по выборам и был предводителем дворянства Одесского уезда.
9.	Флуки Николай	X	—	Служил в Канцелярии новороссийского и бессарабского генерал-губернатора. Умер.
10.	Прохницкий Александр	XIV	Полковн.	Служил по Инженерному корпусу.
11.	Вассинг Яков	XIV	Кол. ассессор	Служил в Канцелярии новорос. и бессар. генерал-губернатора.
12.	Славич Николай	XIV	Инженер-генерал-майор	Был начальником XIII округа путей сообщения на Кавказе.
13.	Стекль Эдуард	XIV	—	Служил по иностранной коллегии при Константиноп. миссии.
2-й ВЫПУСК 1824 г.				
14.	Станкар Дмитрий	XII	Надв. советн.	Служил по Министерству государственных имуществ.
15.	Острожский Александр	XIV	Кол. советн.	Был учителем в Лицейской гимназии, потом инспектором Кишиневской гимназии, затем помощником инспектора лицея. В отставке.
16.	Сосновский	XIV	—	
17.	Исупов Павел	XIV	—	
18.	Пондики	XIV	—	Служил в Русской армии; уехал в Грецию.

№	Фамилия и имя	Класс при выпуске	Чин на службе	Род службы
3-й ВЫПУСК 1826 г.				
19.	Тройницкий Александр	IX	Действ.с т. сов.	Числится в V статье среди адъюнктов лица.
20.	Флуки Дмитрий	IX	—	Служил в Канцелярии новорос. и бессар. генерал-губернатора.
21.	Симборский	X	Титул. советн.	Был надзирателем при лицее, потом домашним учителем. Умер.
22.	Киселев	X	Статск. советн.	Служил председателем Полтавской палаты госимуществ.
23.	Курдиманов	XII	Надв. советн.	Служил предводителем дворянства Тираспольского уезда.
24.	Брянский Михаил	XII	—	
25.	Лион	XIV	—	Служил в Инженерн. корпусе. Умер.
26.	Заикин	XIV	—	
4-й ВЫПУСК 1828 г.				
27.	Флесьер	IX	Статск. советн.	Служил председателем Палаты государственного имущества в Нижнем Новгороде.
28.	Зорин Николай	IX	Кол. асессор	Служил предводителем дворянства Одесского уезда.
29.	Карузо Иван	X	Статск. советн.	Служил председателем Одесского коммерческого суда.
30.	Лукашевич	X	—	
31.	Неделькович	X	—	
32.	Хрусталеv Николай	X	Статск. советн.	Цензор Одесского цензурного комитета, до того был помощником инспектора Одесского карантина.
33.	Дамофли	XII	—	Служил в Иностранной коллегии.
34.	Милашевич	XII	Подполк.	Служил в Поселенной кавалерии.
35.	Остапенко	XII	—	Служил на военной службе, убит в Турецкую кампанию 1829 года.
36.	Флуки Эпаминонд	XII	Кол. советн.	Служил прокурором в Таганрогском коммерческом суде.
37.	Хрусталеv Петр	XII	Кол. асес.	Был учителем естеств. наук в Одес.институте благор. дев. В отставке.
38.	Апостол-Папа	XII	—	Отправился на родину в Грецию; был банкиром в Константинополе.
39.	Врето Александр	XII	Кол. советн.	Служил в Санкт-Петербурге попечителем комитета о бедных.
40.	Морозов	XII	Рот-мистр	Служил в лейб-гвардии Конногренадерского полка.
41.	Сумароков Александр	XIV	Надв. советн.	Служил в штабе Новороссийского поселения.
42.	Терпелеvский Александр	XIV	Генер.-майор	Служил по кавалерии.

№	Фамилия и имя	Класс при выпуске	Чин на службе	Род службы
43.	Магденко Андрей	XIV	—	Служил в бывшем Киевском гусарском полку.
44.	Бален-де-Баллю Николай	XIV	Надв. советн.	Учитель Одесской второй гимназии, до того служил в Гренадерском корпусе.
5-й ВЫПУСК 1830 г.				
45.	Карейша Демьян	IX	Надв. советн.	Был чиновником Министерства императорского двора. В отставке.
46.	Магденко Алексей	X	—	Умер.
47.	Нижинец Амвросий	IX	Статск. советн.	Управляющий Таганрог.таможни.
48.	Калинеску Петр	X	Кол. асес.	Штат.смотр-ль Одесс.уездн.уч-ща.
49.	Артынов Петр	X	Надв. советн.	Был секрет.лица, чин. особ. поруч. при новорос. и бессар.генерал-губернаторе. Умер.
50.	Попов Петр	X	Кол.асес.	Был секретарем сперва в Одесском цензурном комитете, а потом в Одесском строительном комитете.
51.	Мейер Петр	X	Полковн.	Начальник штаба Кавказского казачьего войска.
52.	Золотов Василий	XII	Кол.асес.	Был инспектором классов Тифлисского института благородных девиц, потом старшим учителем гимназии на Кавказе.
53.	Золотницкий Николай	XIV	—	На военной службе.
54.	Андриевский Виктор	XIV	—	Служил в Канцелярии новорос. и бессар. генерал-губернатора.
6-й ВЫПУСК 1831 г.				
55.	Бален-де-Баллю Иосиф	XIV	Надв. советн.	Учитель Кишиневской гимназии.
56.	Фиников	X	—	
7-й ВЫПУСК 1832 г.				
57.	Тройницкий Николай	X	Кол. советн.	Управляющий Одесской сухопутной таможни.
58.	Левторопуло Василий	X	Статск. советн.	Показан в V ст. среди профессоров лицей.
59.	Андриевский Аркадий	X	Дейст. советн.	Председатель Екатеринославской казенной палаты.
60.	Логонов	X	—	Служил на военной службе. Умер.
61.	Полтавцев Александр	XIV	Кол.сов. етн.	Был управляющим Портовой таможни в Рени.
62.	Лоренц Александр	XIV	—	Умер за границей.
63.	Любомиров	XIV	Надв. советн.	Был советником Екатеринославской гражданской палаты.
8-й ВЫПУСК 1833 г.				
64.	Зеленецкий Константин	XII	Статск. советн.	Показан в V ст. среди профессоров лицей.
65.	Орлай Андрей	XIV	Подполк.	Служил адъютантом при новорос. и бессараб. генерал-губернаторе.

№	Фамилия и имя	Класс при выпуске	Чин на службе	Род службы
66.	Нежинец Петр	XIV	Надв. советн.	Служил учителем Рижской гимназии.
9-й ВЫПУСК 1834 г.				
67.	Синицын Дмитрий	XII	Статск. советн.	Цензор Одесского цензурного комитета.
68.	Демостико Иван	XII	Тит. советн.	Служил в Канцелярии генерал-губернатора.
69.	Андриевский Павел	XII	Надв. советн.	Непременный член Одесского строительного комитета.
70.	Карейша Василий	XIV	Статск. советн.	Член Попечит. комитета об иностранных поселенцах Южной России.
71.	Бутаков	XIV	—	Служит в Сенате.
72.	Арабоглу Лука	XIV	Кол. асес.	Чиновник особых поручений при кутаисском военном губернаторе.
73.	Чудовский	XIV	—	
74.	Петровский Владимир	XIV	Статск. советн.	Показан в V ст. среди профессоров лица.
75.	Хащинский Северин	XIV	Кол. советн.	Старший учитель в Кишиневской гимназии.
10-й ВЫПУСК 1836 г.				
76.	Протопопов Николай	XII	Кол. советн.	Старший учитель в Одесской второй гимназии.
77.	Мейер Андрей	XIV	Кол. асес.	Чиновник Комиссариата Департамента.
78.	Лоран Николай	XIV	Кол. асес.	Начальник отделения Канцелярии новороссийского и бессарабского генерал-губернатора.
79.	Мойсеев Григорий	XIV	Кол. советн.	Был старшим членом Бессарабского соляного правления.
80.	Шершеневич Иосиф	XIV	Кол. советн.	Показан в V ст. среди помощников инспекторов лица.
11-й ВЫПУСК 1837 г.				
81.	Пятин Михаил	XII	Кол. советн.	Директор Кишиневской гимназии.
82.	Шумлянский Нестор	XIV	Кол.сек р.	Служил квартальным надзирателем в Аккермане.
83.	Новицкий Трофим	XIV	Кол.сек р.	Служил в Провиантской комиссии. В отставке.
84.	Мейер Константин	XIV	Надв. советн.	Служил штатским смотрителем Керченского уездного училища.
85.	Михайловский Василий	XIV	Кол. ассессор	Был старшим учителем в Лицейской гимназии. В отставке.
86.	Изюмский Дмитрий	XIV	Надв. советн.	Старший учитель Кишиневской гимназии.

№	Фамилия и имя	Класс при выпуске	Чин на службе	Род службы
87.	Звягин Александр	XIV	—	Умер.
88.	Тритен Франц	XIV	—	Ориенталист Оксфорд.ун-та. Умер.
12-й ВЫПУСК 1839 г.				
89.	Минаков Иван	В следствии Устава 1837 г. все	Кол. леж. сов етн.	Инспектор Одесской второй гимназии.
90.	Ханжери Григорий		Титул. советн.	Служил в Канцелярии новорос. и бессараб. генерал-губернатора.
91.	Лоран Георгий		Надв. советн.	Советник Кишиневского областного правления.
13-й ВЫПУСК 1840 г.				
92.	Рафалович Марк	студенты с 1839 года выпускались с правом на чин XII кл.	—	Умер.
93.	Сабанеев Федор		Надв. советн.	Служил правителем Канцелярии московского генерал-губернатора.
94.	Алейников Эммануил		Титул. советн.	Служил в Министерстве государственных имуществ.
95.	Попов Александр		Кол. ассессор	Учитель Лицейской гимназии.
96.	Казимир Константин		Надв. советн.	Был прокурором Одесского коммерческого суда.
97.	Васильковский Николай		Кол. ассессор	Контролер Департамента государственного казначейства.
98.	Яковлев Петр		—	
99.	Мейер Николай		Кол. ассессор	Старший учитель Тифлисской гимназии.
100.	Браславский Федор		Надв. советн.	Старший учитель Таганрогской гимназии.
101.	Мутьев Дмитрий		—	Продолжал обучение в Бонском унив., получил степень доктора.
102.	Чернявский Иосиф		Надв. советн.	Учитель Кишиневской гимназии.
103.	Дидрихс Карл		—	Умер.

№	Фамилия и имя	Чин на службе	Род службы
14-й ВЫПУСК 1841 г.			
104.	Танский Иван	Надворн. советник	Был старшим учителем Кишиневской гимназии, ныне областной стряпчий Бессарабии.
105.	Маркевич Болеслав	Коллеж. ассессор	Служил чиновником особ. поручений при моск. генер.-губернаторе. Двора Е. И. В. камер-юнкер.
106.	Храбро-Василевский Иван	—	Столоначальник Департамента железных дорог.
107.	Яковлев Владимир	—	Служил по таможенной части.
108.	Янковский Людвиг	—	

№	Фамилия и имя	Чин на службе	Род службы
109.	Бачей Александр	Коллеж. секретарь	Младший помощник Одесской конторы Коммерческого банка.
110.	Янович Владимир	Титулярн. советник	Служил секретарем в Одесской сухопутной таможне.
111.	Апель Карл	Колл.секр.	Служил в Херсон.губерн. правл.
112.	Кульчицкий Порфирий	Тит.советн.	Учитель Одесс. ин-та благор. девиц.
15-й ВЫПУСК 1842 г.			
113.	Великанов Александр	Коллеж. ассессор	Служил секретарем в Одесском цензурном комитете. В отставке.
114.	Знаменский Константин	Коллеж. советник	Старший член Таганрогского коммерческого суда.
115.	Князь Воронцов Семен	Свиты Е. И. В. генер.-майор	Генерал-адъютант Его Императорского Величества.
116.	Браславский Павел	Коллеж. ассессор	Служил секретарем начальника Одесского таможенного округа.
117.	Россицкий Евсей	Надворн. советник	Служил ст. членом Провиант.комиссии Второй действ. армии.
118.	Домановский Александр	Коллеж. ассессор	При Константинопольской миссии по почтовой части.
119.	Палаузов Николай	Титулярн. советник	Служил пакгаузным надзирателем при Одесской сухопутной таможне.
120.	Мошкалов Андрей	Титуляр. советник	В Канцелярии таврического губернатора.
121.	Исаев Николай	Коллеж. ассессор	Старший учитель Херсонской гимназии.
122.	Кульпинский Сидор	—	
123.	Марковский Леон	—	Служил по выборам от дворянства в Киевской губернии.
124.	Черец Григорий	Надворн. советник	Старший учитель Таганрогской гимназии.
125.	Калио Дмитрий	Коллеж. ассессор	Чиновник особых поручений при начальнике Ревельского таможенного округа.
126.	Ростовцев Федор	Тит.советн.	Домашний наставник.
127.	Бачей Яков	Титуляр. советник	Служил секретарем Одесской конторы Коммерческого банка.
128.	Григорович Олимпий	Титулярн. советник	Поступил в Моск. ун-т; ныне старш. учитель Костромской гимназии.
129.	Аржио Карл	Титулярн. советник	Был переводчиком в Одесской портовой таможне.
16-й ВЫПУСК 1843 г.			
130.	Пахман Семен	Колл.советник	Показан в V ст. адъюнктном лицея.
131.	Великанов Николай	Коллеж. ассессор	Старший учитель Лицейской гимназии.
132.	Плеханов Андрей	Коллеж. ассессор	Был старшим учителем Таврической гимназии.
133.	Подгурский Виктор	Коллеж. секретарь.	Служил при Черноморском флоте.

№	Фамилия и имя	Чин на службе	Род службы
134.	Андреевский Тимофей	Титулярн. советник	Столоначальник в Одесском приказе общественного призрения.
135.	Чорба Василий	—	Служил в Канцелярии генерал-губернатора. Умер.
136.	Ковзан Иосиф	Надворн. советник	Правитель Канцелярии екатеринославского губернатора.
137.	Прокливитантов Петр	Титулярн. советник	Контролер Попечительного комитета об иностранных поселенцах Южной России.
138.	Коронелли Спиридон	Коллеж. секретарь	Служил вагстемпельмейстером Одесской портовой таможни.
139.	Мутьев Христофор	Коллеж. секретарь	Журналист в Канцелярии одесского градоначальника.
140.	Сихри Дмитрий	Коллеж. секретарь	Служил в Одесской портовой таможне.
141.	Вильмс Гавриил	Поручик	На военной службе по артиллерии.
142.	Дигби Карл	Надворн. советник	Старший учитель Херсонской гимназии.
143.	Домбровский Владислав	—	Продолжал обучение в Московском университете, получил степень кандидата, старший учитель Смоленской гимназии.
144.	Жано-Чапоглу Николай	Коллеж. ассессор	Служил старшим учителем Кишиневской, Лицейской и Одесской второй гимназий, был чиновником по Провиантской части Второй армии.
145.	Минчаки Карл	Коллеж. ассес.	Служил по Дипломатической части.
146.	Поповский Болеслав	Поручик	На военной службе по артиллерии.
147.	Диков Павел	Поручик	В поселенной кавалерии.
148.	Скачков Константин	Коллеж. секретарь	Служил в Архангельской палате государственных имуществ, ныне при Русской миссии в Китае.
149.	Иванов Владимир	Коллеж. ассессор	Старший столоначальник Канцелярии кавказского наместника.
150.	Прушинский Антон	Коллеж. секретарь	Служит по выборам дворянства в Вольницкой губернии.
17-й ВЫПУСК 1844 г.			
151.	Вейнберг Яков	Коллеж. секретарь	Служил в Одесской портовой таможне, теперь занимается коммерческими делами.
152.	Минчаки Александр	Коллеж. ассессор	Секретарь Бразильской миссии.
153.	Караулов Григорий	Титуляр. советник	Секретарь Таврического приказа общественного призрения.
154.	Домбровский Франц	Губерн. секретарь	Переводчик восточных языков при таврическом губернаторе.
155.	Житухин Василий	Поручик	Поступил в Военную академию.

№	Фамилия и имя	Чин на службе	Род службы
156.	Августовский Антон	Титулярн. советник	Служил делопроизводителем Бессарабской палаты госимуществ.
157.	Спировский Николай	Тит.советн.	При Комиссиоратском департам.
158.	Пинскер Лев	—	Продолжал обучение на медицинском факультете Киевского университета, ныне врач в Одессе.
159.	Стояновский Люциян	—	
160.	Эрдели Александр	—	На военной службе, по кавалерии.
161.	Янишевский Болеслав	—	В Канцелярии киевского генерал-губернатора.
162.	Издебский Викентий	—	
163.	Баржанский Авраам	—	Биржевой маклер в Одессе.
164.	Житухин Григорий	Поручик	На военной службе.
165.	Баженов Петр	Шт. ротм.	В Поселенной кавалерии.
166.	Михаловский Александр	Коллеж. секретарь	Служил помощником столоначальника при севастопольском военном губернаторе.
167.	Пищолко Поликарп	—	Преподавал в Могилевском девичьем пансионе.
168.	Михневич Александр	Коллеж. секретарь	Служил в Одесской сухопутной таможне.
169.	Занчевский Михаил	Титулярн. советник	Секретарь правления Одесского приказа общественного призрения.
170.	Осинский Андрей	Колл.секр.	Домашний наставник.
171.	Тернавцев Александр	Коллеж. ассессор	Служил чиновником особых поручений при Попечит. комитете об иностр. поселенцах Южной России.
172.	Патерновский Лаврентий	Коллеж. ассессор	Секретарь Попечительного комитета об иностранных поселенцах Южной России.
173.	Навроцкий Яков	Коллеж. ассессор	Был старшим учителем Екатеринославской гимназии.
174.	Маркевич Михаил	Титулярн. советник	Служил секретарем в Департаменте Военного министерства.
175.	Казанский Александр	Титулярн. советник	Служил в Канцелярии кавказского наместника.
176.	Бонин Павел	Коллеж. секретарь	Помощник столоначальника в Министерстве финансов.
18-й ВЫПУСК 1845 г.			
177.	Тернавцев Аполлон	—	Умер.
178.	Осинский Василий	Коллеж. ассессор	Старший учитель Одесской второй гимназии.
179.	Семенов Яков	Титулярн. советник	Помощник столоначальника Канцелярии новороссийского и бессарабского генерал-губернатора.
180.	Полетаев Александр	Подпоруч.	Чиновник особых поручений по военной части при одесском градоначальнике.

№	Фамилия и имя	Чин на службе	Род службы
181.	Таранов Михаил	Титулярн. советник	Секретарь по секретной части при таврическом губернаторе.
182.	Курковский Андрей	Титулярн. советник	Переводчик восточных языков при таврическом губернаторе.
183.	Гргегоржевский Венед	—	Умер.
184.	Онищенко Федор	Поручик	На военной службе по кавалерии.
185.	Котруца Карп	Титул. советник	Судья Кишиневско-Оргеевского уездного суда.
186.	Куровицкий Михаил	—	
187.	Дзюбинский Кирилл	Титулярн. советник	Служил учителем в Тифлисской гимназии.
188.	Жаданов Константин	Титулярн. советник	Окружной начальник Бендерского округа Бессарабской палаты государственных имуществ.
189.	Суручан Дмитрий	Коллеж. секретарь	Служил заседателем от дворянства в Бессарабском областном суде.
190.	Дынга Александр	Коллеж. секретарь	Служил бухгалтером в Бессарабской палате государственных имуществ.
191.	Бескровный Илья	Титулярн. советник	Заседатель Феодосийского уездного суда.
192.	Богатноу Самуил	Титулярн. советник	Секретарь Бессарабского областного уголовного суда.
193.	Дмитриев Александр	Штабс-ротмистр	На военной службе по кавалерии.
194.	Хржонстовский Игнатий	Титулярн. советник	Служил в Восточной Сибири, на Камчатке.
195.	Княжевич Антонин	Коллеж. советник	Служил правителем в Канцелярии таврич. губернатора, теперь состоит на службе в Санкт-Петербурге по Почтовому ведомству.
196.	Геров Найден	—	Отправился на родину, в Болгарию, где состоит учителем.
197.	Остолопов Константин	Титулярн. советник	Ст. чиновник особых поручений при ставропольском губернаторе.
198.	Пенчинский Иосиф	Титулярн. советник	Инспектор Тифлисской гимназии.
199.	Бутович Афанасий	—	Служит в Вольнской губернии.
200.	Баранецкий Иероним	—	
201.	Михаловский Генрих	—	Продолжал обучение в Харьковском университете, выпущен кандидатом.
202.	Михаловский Адольф	—	
203.	Крупеников Порфирий	—	Умер.
204.	Оболонский Александр	Поручик	Служил на военной службе.
205.	Романенко Александр	—	По дипломат. части в Букаресте.
206.	Скаржинский Григорий	Титулярн. советник	Служил в Канцелярии новорос. и бессараб. генерал-губ-ра. В отставке.

№	Фамилия и имя	Чин на службе	Род службы
207.	Комаровский Леон	Коллеж. секретарь	Служил в Одесской портовой таможне. Умер.
208.	Янович Герасим	Коллеж. секретарь	В ведомстве каменец-подольского губернатора.
209.	Аржио Александр	Коллеж. секретарь	Служил секретарем Одесского института.
19-й ВЫПУСК 1846 г.			
210.	Шмаков Платон	Титулярн. советник	Старший учитель Симферопольской гимназии.
211.	Охременко Павел	Титулярн. советник	Секретарь Таганрогского приказа общественного призрения.
212.	Ратко Александр	Коллеж. ассессор	Был старшим учителем Кишиневской гимназии. Служил в Главной квартире Второй действующей армии по провиантской части.
213.	Родидял Александр	Титулярн. советник	Служил дворянским заседателем Яесского земского суда.
214.	Шишманов Николай	Коллеж. секретарь	Был старшим учителем Таганрогской гимназии.
215.	Шишкан Георгий	Штабс-ротмистр	На военной службе.
216.	Шутинский Иван	Коллеж. секретарь	Служил в Херсонском губернском правлении.
217.	Ильашев Иван	Коллеж. секретарь	Служил в Канцелярии таганрогского градоначальника.
218.	Сученко Алексей	Титул.советн.	По дипломатической части.
219.	Карпинский Иван	Коллеж. секретарь	Секретарь Градской Думы в Таганроге.
220.	Савицкий Петр	—	
221.	Залеский Иван	Поручик	На военной службе, по артиллерии.
222.	Вульфферт Николай	Титулярн. советник	Продолжал обучение в Московском университете и выпущен кандидатом, ныне чиновник Канцелярии одесского градоначальника.
223.	Спасский Владимир	—	
224.	Завадский Иосиф	Губерн. секретарь	Служил в Частной коммерческой конторе.
225.	Пулакас Константин	Коллеж. ассессор	Старший чиновник особых поручений при таврическом губернаторе.
226.	Милковский Сигизмунд	—	
227.	Чапский Иван	—	
228.	Браамс Сергей	—	Умер.
229.	Кузнецов Федор	Шт. ротмистр	Служил в Ахтырском гусарском полку.
230.	Янула Георгий	Коллеж. секретарь	Служил в Одесской портовой таможне.
231.	Залого Роман	Титулярн. советник	Служил старшим учителем Таврической гимназии. Умер.

№	Фамилия и имя	Чин на службе	Род службы
232.	Малаховский Сигизмунд	—	
233.	Гродский Федор	—	Был домашним наставником.
234.	Петсион Генрих	—	
235.	Ижицкий Людвиг	—	В Канцелярии подольского гражданского губернатора.
236.	Фиренкранц Генрих	Коллеж. секретарь	Служил комн. надзирателем лицейского пансиона; ныне служит по тамож. части в Польском царстве.
237.	Андре Александр	Тит.советник	Смотритель Молочаевских колоний.
238.	Попов Иван	Губерн. секретарь	Служил в Канцелярии новорос. и бессарабского генерал-губернатора.
239.	Яковенко Константин	Поручик	В Ахтырском гусарском полку.
240.	Миклашевский Владимир	Титулярн. советник	Чинovníк особых поручений при одесском градоначальнике.
241.	Клодницкий Эдуард	—	
242.	Артынов Иван	Титуляр. советник	Помощник столоначальника Канцелярии одесск. градоначальника.
243.	Думович Михаил	Губерн. секретарь	Служил в Одесской сухопутной таможне.
244.	Угримов Георгий	Губерн. секретарь	Служил в Бессарабской палате государственных имуществ.
245.	Юстиниани Николай	Прапорщик	Убит в Венгерскую кампанию.
246.	Федоров Николай	Губерн. секретарь	Служил вагстемпельмейстером в Одесской портовой таможне.
247.	Куропуло Евстафий	—	Служил заседателем Земского суда в Евпатории.
248.	Арванити Константин	Коллеж. асессор	Служил секретарем Одесской портовой таможни.
249.	Маркевич Ярослав	Коллеж. секретарь	Служил на Кавказе при попечителе тамошнего учебного округа.
250.	Карейша Николай	Губерн. секретарь	Служил по Министерству императорского двора.
251.	Бригер Герман	Титуляр. советник	Был библиотекарем Гидрографического черноморского депо. Умер.
252.	Домбровский Витольд	—	
253.	Леонтович Александр	Корнет	Служил в Поселенной кавалерии.
254.	Новицкий Альберт	—	
255.	Чижевич Иосиф	Титулярн. советник	Служил в Канцелярии одесского градоначальника.
256.	Шишкин Александр	Поручик	В Поселенной кавалерии.
20-й ВЫПУСК 1847 г.			
257.	Осинский Александр	Титулярн. советник	Секретарь Одесского строительного комитета.
258.	Акимов Авраам	Коллеж. секретарь	Переводчик Канцелярии таганрогского градоначальника.
259.	Ярошев Андрей	Коллеж. секретарь	Был столоначальником Канцелярии одесского градоначальника. Умер.
260.	Ратко Иван	Колл.секр.	Служил по Провиантской части.

№	Фамилия и имя	Чин на службе	Род службы
261.	Мацевич Юлий	Губерн. секретарь	Письмоводитель Таганрогской городской полиции.
262.	Иванов Константин	Коллеж. ассессор	Показан в V статье среди помощников инспектора лица.
263.	Де-Брюкс Александр	—	Показан в V статье среди адъюнктов лица.
264.	Карастелев Корнилий	—	В Бессарабской казенной палате.
265.	Токаржевский Гавриил Каретников Виктор	Губерн. секретарь	Учитель Одесского уездного училища.
266.	Яновский Виктор	—	
267.	Попов Николай	Губерн. секр.	Служил в Одесском карантине.
268.	Шишковский Виталий	Титулярн. советник	Библиотекарь Риппельевского лица.
269.	Сухомлинов Михаил	Титулярн. советник	В Одесской сухопутной таможне.
270.	Шершеневич Михаил	Прапорщ.	Умер.
271.	Иванов		
272.	Милковский Сигизмунд	—	На военной службе.
273.	Эргардт Федор	—	Доктор медицины; состоит на службе при Киевском университете.
274.	Покотило Владимир	Коллеж. секретарь	Был учителем Бобринецкого уездного училища.
275.	Богенский Витольд	Поручик	На военной службе.
276.	Руккер Эдмунд	Коллеж. секретарь	Продолжал обучение в Киевском университете; состоит в Канцелярии киевского губернатора.
277.	Беленко Сергей	—	Умер.
278.	Андре Федор	Коллеж. секретарь	Переводчик при Скулянском карантине.
279.	Залесский Фаддей	—	На военной службе.
280.	Картамышев Николай	Коллеж. секретарь	В Канцелярии одесского градоначальника.
281.	Рафанович Самсон	Коллеж. секретарь	Служил в Одесской портовой таможне.
282.	Малуя Юлиан	—	
283.	Гумницкий Людвиг	—	
284.	Канелли Степан	Коллеж. секретарь	Служил по Провиантской части Второй действующей армии.
285.	Милковский Яков	—	На военной службе.
286.	Филипшов Александр	Губерн. секретарь	Помощник столоначальника Канцелярии одесского градоначальника.
287.	Беликович Лев	Поручик	В Стрелковом батальоне.
288.	Нарышкин Анатолий	Коллеж. секретарь	Чиновник Министерства внутренних дел.
289.	Чариков Григорий	—	На военной службе.
290.	Патерновский Фабиан	Титулярн. советник	Смотритель колоний Херсонской губернии.

№	Фамилия и имя	Чин на службе	Род службы
291.	Кузин Владимир	Корнет	Служил в Поселенной кавалерии. Умер.
292.	Альянаки Петр	Коллеж. секретарь	Переводчик Феодосийского центрального карантин.
21-й ВЫПУСК 1848 г.			
293.	Комарницкий Зиновий	Коллеж. секретарь	Помощник инспектора Ришельевского лицея.
294.	Будянский Михаил	Коллеж. ассессор	Был старшим учителем Херсонской гимназии.
295.	Корвин-Павловский В.	Поручик	На военной службе.
296.	Катакази Константин	Коллеж. секретарь	Секретарь Русской миссии в Вашингтоне.
297.	Голишевский Клементий	Коллеж. секретарь	Пристав Тулакского посада в Аккермане.
298.	Антонов Иван	Колл.секр.	В Канцелярии моск. губернатора.
299.	Ган Алексей	Коллеж. секретарь	Служил в Восточной Сибири. Ныне служит по выборам вНовомосковском уезде.
300.	Манто Афанасий	Поручик	На военной службе.
301.	Пасхалов Петр	Коллеж. секретарь	Был учителем Новомосковского уездного училища.
302.	Прушинский Дионисий	—	
303.	Гуренко Константин	Коллеж. секретарь	Был чиновником Канцелярии кавказского наместника. Умер.
304.	Булатов Фокион	Надворн. советник	Старший чиновник по секретной части при директоре Канцелярии кавказского наместника.
305.	Пугачев Иван	Титулярн. советник	Столоначальник Канцелярии новороссийского и бессарабского генерал-губернатора.
306.	Финкель Марк	—	Продолжал обучение в Харьковском университете на медицинском факультете; ныне врач в Одессе при городской больнице.
307.	Жаданов Венедикт	Штабс-капитан	На военной службе по артиллерии.
308.	Михневич Владимир	Титулярн. советник	Секретарь Одесского цензурного комитета.
309.	Чарновский Владимир	Коллеж.секр.	Служил по выборам дворянства.
310.	Головченко Макар	Титулярн. советник	Служил старшим учителем Херсонской гимназии.
311.	Шведов Александр	Коллеж. секретарь	Служил учителем Одесского уездного училища.
312.	Янович Иван	Коллеж. секретарь	Правитель временной Канцелярии таврического губернатора.
313.	Янович Александр	Коллеж. секретарь	Служил в Канцелярии таганрогского градоначальника.
314.	Крупенский Эммануил	Коллеж.секр.	В Одесском карантине.

№	Фамилия и имя	Чин на службе	Род службы
315.	Картамышев Иван	Коллеж. секретарь	В Канцелярии новороссийского и бессарабского генерал-губернатора.
316.	Симонович Анибал	Коллеж. секретарь	Чиновник особых поручений при таврическом губернаторе.
317.	Черневич Леон	—	
318.	Жульцинский Станислав	Титулярн. советник	Чиновник особых поручений в Закавказ. карантинно-таможен. округе.
319.	Павлов Иван	Губерн. секретарь	Служит по выборам дворянства в Екатеринославской губернии.
320.	Самойлов Никифор	Губерн. секретарь	Служил по выборам дворянства, смотрителем запасных магазинов.
321.	Маркарев Григорий	Губерн. секретарь	Служил в Измаильском коммерческом суде.
322.	Попов Павел	Губерн. секретарь	Служил в Измаильском коммерческом суде.
22-й ВЫПУСК 1849 г.			
323.	Палеолог Константин	Коллеж. секретарь	Был чиновником консульства в Бейруте. Умер.
324.	Мельников Константин	Колл.секр.	Служил в Хотинском уездном суде.
325.	Фонтани Степан	—	
326.	Жуковский Леонард	—	
327.	Мазараки Алексей	Колл.секр.	При моск. генерал-губернаторе.
328.	Синеоков Михаил	Колл.секр.	В Бессарабской палате госимущества.
329.	Васильев Николай	Поручик	В Одесском пехотном полку.
330.	Попов Иван	—	В Канц. одесского градоначальника.
331.	Санцуни Константин	Коллеж. секретарь	Служил помощником контролера в Бессарабской казенной палате.
332.	Собанский Станислав		
333.	Живкович Василий	Юнкер	Служил на военной службе. Умер.
334.	Лосиевский Андриан	Губерн.секр.	В Одесской портовой таможне.
335.	Фумели Николай		
336.	Швамберг Вильгельм	Коллеж. секретарь	Смотритель колоний Херсонской губернии.
337.	Гарньер Николай	—	На военной службе.
338.	Сикорский Владимир	—	Умер.
339.	Геевский Лев	—	
340.	Корвин-Павловский М.	Губерн. секретарь	Служил комнатным надзирателем лицейского пансиона.
341.	Павловский Аркадий		
342.	Свобода Иосиф	—	Умер.
343.	Дидковский Бенон	—	Домашний наставник.
344.	Титаренко Константин	Коллеж. секретарь	Старший учитель Кишиневской гимназии.
345.	Сизарев Дмитрий	Губерн. секретарь	Служил в Канцелярии херсонского губернатора.
346.	Поливанов Василий	Титуляр. советник	Состоит чиновником при Японской морской экспедиции.
347.	Дульский Ишполит	—	Домашний наставник.

№	Фамилия и имя	Чин на службе	Род службы
348.	Дынга Дмитрий	—	Умер.
349.	Опацкий Иосиф	Губерн. секретарь	В Канцелярии каменец-подольского губернатора.
350.	Любовицкий Павел	Поручик	На военной службе.
351.	Прушинский Игнатий	—	
352.	Черец Николай	—	
353.	Бартенев Иван	Коллеж. секретарь	Учитель Аккерманского уездного училища.
354.	Еловицкий Федор	Губерн. секретарь	При вольнском гражданском губернаторе.
355.	Баевский Константин	Губерн. секретарь	В Вольнской губернии по гражданской части.
356.	Сарнецкий Наполеон	—	
357.	Мелешев Иван	Губерн. секретарь	Столоначальник Одесского магистрата.
358.	Барон Корф Николай	Колл.секр.	При Харьк. губернском правлении.
359.	Миланович Степан	Коллеж. секретарь	Столоначальник Канцелярии одесского градоначальника.
360.	Милевский Константин	—	
361.	Товбич Андрей	Прапорщ.	На военной службе.
362.	Свищевский Исидор	—	На военной службе.
363.	Качинский Октавий	—	
364.	Юзефович Алексей	—	
365.	Длугоборский Николай	—	
366.	Скибневский Бронислав	Губерн. секретарь	В Канцелярии каменец-подольского губернатора.
367.	Бржозовский Юлий	—	
368.	Ланг Егор	Корнет	На военной службе, по кавалерии.
369.	Новохатский Владимир	—	Умер.
370.	Фатопуло Константин	Губерн. секретарь	В Канцелярии новороссийского и бессарабского генерал-губернатора.
371.	Скибневский Людомир	Губерн. секретарь	В Канцелярии каменец-подольского губернатора.
372.	Маклаков Константин	—	
373.	Ижицкий Юлий	—	Служил по выборам дворянства Подольской губернии.
374.	Шуазель Эрард	—	На военной службе.
375.	Арион Георгий	—	На военной службе, по кавалерии.
376.	Воронич Николай	Коллеж. секретарь	Учитель Одесского городского девичьего училища.
23-й ВЫПУСК 1850 г.			
377.	Щерецкий Василий	Титулярн. советник	Старший учитель Лицейской гимназии.
378.	Котруца Александр	Губерн. секретарь	Секретарь Бессарабского депутатского дворянского собрания.
379.	Семенов Владимир	Губерн. секретарь	Служил при Бейрутском консульстве, а потом по Провиантской части Второй действующей армии.

№	Фамилия и имя	Чин на службе	Род службы
380.	Квятковский Евгений	Губерн.секр.	Домашний наставник.
381.	Юрчевский Иван	Коллеж. секретарь	Столоначальник Бессарабской уголовной палаты.
382.	Борзенко Михаил	Титулярн. советник	Секретарь Ставропольского губернского правления.
383.	Барчевский Пробус	—	
384.	Рудковский Василий	Коллеж. ассессор	В Канцелярии кавказского наместника.
385.	Мира Петр	Губерн. секретарь	Служил Почетным смотрителем Симферопольск. уездного училища.
386.	Троцинский Дмитрий	Губерн. секретарь	Служил в Канцелярии новорос. и бессарабск. генерал-губернатора.
387.	Николич Николай	Губерн. секретарь	Был секретарем Керченского коммерческого суда.
388.	Фильбрант Федор	Поручик	На военной службе по пехоте.
389.	Густи Георгий	—	
390.	Андриопуло Константин	Губерн. секретарь	Служил в Бессарабской уголовной палате.
391.	Поэль Людвиг	Губерн. секр.	Служил в Одесс. коммерч. суде.
392.	Попов Иван	—	В Канцелярии новороссийского и бессарабского генерал-губернатора.
393.	Рещиков Николай	—	На Кавказе, по гражданской части.
394.	Маразли Григорий	Коллеж. ассессор	При 11-м отделении канцелярии Е. И. В.
395.	Агамалов Валтазар	Губерн. секретарь	Служил в Керченском коммерческом суде.
396.	Резников Павел	Губерн. секр.	В Одесской портовой таможне.
397.	Лоидис Ксенофонт	—	В Бессарабской области по гражданской части.
398.	Белый Николай	Губерн. секретарь	Был учителем Одесского института благородных девиц.
399.	Соколовский Николай	Губерн. секретарь	Младший учитель Лицейской гимназии.
400.	Волошин Василий	Губерн. секретарь	Помощник секретаря Бессарабского областного правления.
401.	Станкевич Леонард	—	
402.	Смолин Александр	Корн.	В Кирасирском принца Альберта полку.
403.	Крамарев Михаил	Прапорщ.	В Гренадерском корпусе.
404.	Сикард Михаил	—	В Канцелярии новороссийского генерал-губернатора.
405.	Лосицкий Иероним	—	
406.	Деллавос Людвиг	—	В Частной коммерческой конторе.
407.	Гуйский Конрад	—	
408.	Линковский Петр	—	
409.	Максимович Михаил	—	
410.	Домбровский Николай	Коллеж. секретарь	Был Почетным смотрителем Одесского уездного училища.

№	Фамилия и имя	Чин на службе	Род службы
411.	Кириаков Григорий	Прапорщ.	На военной службе.
412.	Косар Михаил	Губерн. секр.	В Канцелярии херсон. губернатора.
413.	Касперский Степан	—	Умер.
414.	Караводин Владимир	—	В Херсон.губернском правлении.
415.	Малиновский Александр	—	
416.	Загоровский Адам	Прапорщ.	На военной службе.
417.	Сизеневский Николай	Коллеж. секретарь	Помощник столоначальника Канцелярии новороссийского и бессарабского генерал-губернатора.
418.	Залеский Болеслав	—	
419.	Жуков Яков	—	
420.	Багинский Северин	—	На военной службе.
421.	Моргулец Станислав	—	
422.	Чарновский Иосиф	—	
423.	Пелино Дмитрий	Коллеж. секретарь	Столоначальник Канцелярии таврического губернатора.
424.	Гофман Виктор	Коллеж. секретарь	Чиновник особых поручений при одесском градоначальнике.
425.	Краевский Иосиф	—	
426.	Шнейдер Яков	Коллеж. секретарь	Делопроизводитель Херсонской палаты государственных имуществ.
427.	Князь Кудашев Александр	Губерн. секретарь	В Канцелярии новороссийского и бессарабского генерал-губернатора.
428.	Кригер Карл	—	
429.	Навроцкий Василий	Коллеж. ассессор	Был учителем Одесской второй гимназии; теперь чиновник особых поручений при херсон. губернаторе.
430.	Савич Николай	—	
431.	Ремгильд Петр	—	
432.	Микушевский Венедикт	—	
433.	Вареников Георгий	Губерн. секр.	В Одесской портовой таможне.
434.	Гундарев Матвей	—	На военной службе.
435.	Петрушевский Людвиг	—	
436.	Островский Михаил	Губерн. секр.	В Одесской портовой таможне.
437.	Ягницкий Михаил	Титулярн. советник	Служил в Канцелярии новорос. и бессараб. генерал-губернатора.
24-й ВЫПУСК 1851 г.			
438.	Барон Остен-Сакен В.	Тит.советник	В Министерстве иностранных дел.
439.	Галаганов Иона	Коллеж. секретарь	Секретарь правления и совета Рихельевского лица.
440.	Барон Остен-Сакен Н.	Тит.советник	В Министерстве иностранных дел.
441.	Вашура Алексей	Поручик	В Стрелковом батальоне.
442.	Стецкий Карл	—	
443.	Дудзинский Иосиф	—	
444.	Кропивянский Дионисий	Коллеж. секретарь	Учитель Сорокского уездного училища.
445.	Могильницкий Витольд	—	

№	Фамилия и имя	Чин на службе	Род службы
446.	Скривано Филипп	Губерн. секретарь	Младший помощник правителя Канцелярии бессар. губернатора.
447.	Кривоносов Василий	—	
448.	Гончаров Федор	Поручик	На военной службе.
449.	Ритман Александр	Поручик	На военной службе.
450.	Фудаковский Сигизмунд	—	
451.	Шлецер Богдан	—	
452.	Лучич Матвей	Поручик	Убит под Севастополем.
453.	Собанский Мечислав	—	
454.	Марцинковский Леонтий	—	
455.	Гончаров Степан	Поручик	На военной службе.
456.	Козинцев Павел	—	Продолжал обучение в Московском университете.
457.	Паздерский Филипп	—	
458.	Гаскет Петр	—	Умер.
459.	Гертнер Павел	—	Домашний наставник.
460.	Козлов Иван	Коллеж. секретарь	Столоначальник Канцелярии одесского градоначальника.
461.	Биличенко Георгий	—	Умер.
462.	Саражин Михаил	Губерн. секретарь	Столоначальник Одесского городского магистрата.
463.	Шимановский Никита	—	В Одесской портовой таможне.
464.	Роман Арвуд	Поручик	На военной службе.
465.	Гижицкий Лев	—	
466.	Янишовский Юлиан	—	
467.	Янишовский Владимир	—	
468.	Скибневский Промысл	—	Продолжал обучение в Киевском университете.
469.	Залеский Ансельм	—	На военной службе.
470.	Скаржинский Виктор	Корнет	В Ахтырском гусарском полку.
471.	Ижицкий Виктор	—	Служит по выборам дворянства в Каменец-Подольской губернии.
472.	Совинский Викентий	—	
473.	Котович Иван	—	
474.	Николаев Захарий	—	
475.	Малеваный Андрей	—	
476.	Граф Подгоричани-Петрович Александр	Коллеж. секретарь	Служит в Правительствующем синоде.
477.	Родеус Иван	Коллеж. секретарь	Экспедитор Канцелярии новорос. и бессараб. генерал-губернатора.
478.	Стаховский Франц	—	
479.	Фурсенко Михаил	Губерн. секр.	В Херсон.губернском правлении.
480.	Подлевский Леопольд	—	
481.	Яблонский Антон	—	
482.	Боген Георгий	Поручик	На военной службе.
483.	Караводин Виктор	—	

№	Фамилия и имя	Чин на службе	Род службы
484.	Делянов Христофор	Корнет	В Ахтырском гусарском полку.
485.	Шмидт Дмитрий	Губерн. секретарь	Чиновник особых поручений Канцелярии херсонского губернатора.
486.	Рещиков Василий	—	На военной службе, на Кавказе.
487.	Князь Гагарин Иван	Губерн. секретарь	Служил в Канцелярии керченского градоначальника.
488.	Собанский Феликс	Губерн. секретарь	В Канцелярии наместника Царства Польского.
489.	Кропивницкий Ипполит	—	
490.	Агте Андрей	Губерн. секретарь	Служил по выборам дворянства Бобринского уезда.
491.	Стецкий Никодим	—	
25-й ВЫПУСК 1852 г.			
492.	Рабинович Григорий	—	Служил на военной службе. Умер.
493.	Вобст Эммануил	Губерн. секр.	Учитель Одесск. уездного училища.
494.	Борзенцов Василий	Коллеж. секретарь	Столоначальник Канцелярии таганрогского градоначальника.
495.	Шуманский Клементий	Губерн. секр.	Секретарь Бессар. уголовн. палаты.
496.	Думшин Георгий	Коллеж. секретарь	Помощник столоначальника Канцелярии попечителя Одесск. учеб. округа; ныне состоит на службе при Министерстве внутренних дел.
497.	Сочеванов Николай	—	
498.	Янишевский Станислав	—	На военной службе.
499.	Гроссу Константин	Губерн. секретарь	Служил переводчиком бессарабского областного правления.
500.	Суйковский Феликс	—	На военной службе.
501.	Лесли Егор	—	На военной службе, по кавалерии.
502.	Масленников Иван	—	На военной службе.
503.	Унгебауер Констант	—	
504.	Валухович Николай	—	
505.	Милеант Виктор	Губерн. секретарь	Служил комнатным надзирателем Лицейского пансиона.
506.	Марков Платон	Губерн. секретарь	Служил учителем Одесского еврейского девичьего училища.
507.	Граф Подгоричани-Петрович Егор	Губерн. секретарь	Служит в Правительствующем синоде.
508.	Новохацкий Николай	Губерн. секр.	По гражданской части.
509.	Попандопуло Фемисток	Губерн. секретарь	Служит аккерманским уездным прокурором.
510.	Кондури Иван	Губерн. секретарь	Служил учителем Симферопольского уездного училища.
511.	Эккерт Фридрих	—	
512.	Салацкий Николай	—	На военной службе.
513.	Паулинский Петр	—	Продолжал обучение в Московском университете.
514.	Бибиков Петр	Поручик	Поступил в Военную академию.

№	Фамилия и имя	Чин на службе	Род службы
515.	Бочарский Петр	Прапорщ.	В пехоте.
516.	Потемкин Александр	—	В Канцелярии новороссийского и бессарабского генерал-губернатора.
517.	Мехеда Иван	—	На военной службе.
518.	Федорченко Михаил	Губерн. секретарь	Был учителем Елисаветградского уездного училища.
519.	Гусаренко Федосий	Губерн. секретарь	Служил в Одесской городской полиции. Умер.
520.	Столяров Николай	—	На военной службе.
521.	Бочарский Иосиф	—	На военной службе.
522.	Ваховский Виктор	—	
523.	Масленников Николай	Прапорщ.	На военной службе.
524.	Рожен Витольд	—	На военной службе.
525.	Руккер Эдуард	—	Продолжал обучение в Киевском университете.
526.	Таргони Александр	—	
527.	Абрамов Константин	Губерн. секр.	Младш. учитель Херсон.гимназии.
528.	Волков Владимир	—	
529.	Горский Антон	—	Продолжал обучение в Киевском университете.
530.	Пфейфер Николай	Коллеж. секретарь	Столоначальник Попечит. комитета об иностр. поселенцах Юж. России.
531.	Березовский Яков	—	На военной службе.
532.	Збышевский Леон	—	
533.	Липковский Иосиф	—	
534.	Малеев Феоктист	Коллеж. секретарь	Бухгалтер Попечит. комитета об иностр. поселенцах Южной России.
535.	Добрынин Максим	—	
536.	Инглези Дмитрий	Прапорщ.	По пехоте.
537.	Эрдели Владимир	—	На военной службе.
538.	Николаев Василий	—	На военной службе.
539.	Ивашкевич Ансельм	—	
540.	Яржимовский Иосиф	—	
541.	Ходин Иван	Корнет	В Поселенной кавалерии.
542.	Евстафьев Петр	—	Домашний наставник.
543.	Парицкий Иван	—	
26-й ВЫПУСК 1853 г.			
544.	Ленц Николай	Губерн. секретарь	Столоначальник Канцелярии попечителя Одесского учебного округа.
545.	Седов Аполлон	—	В Военном министерстве аудитором.
546.	Крупенский Николай	Прапорщ.	В Люблинском пехотном полку.
547.	Даневский Иван	Губерн. секретарь	Учитель Одесского института благородных девиц.
548.	Абазали Леонид	—	Продолжал обучение в Московском университете, вышел кандидатом.
549.	Родзянко Михаил	—	В Министерстве иностранных дел.
550.	Фонтон Николай	—	В Министерстве иностранных дел.

№	Фамилия и имя	Чин на службе	Род службы
551.	Собанский Казимир	—	
552.	Собанский Марцелий		
553.	Каптельцев Семен	Губерн. секретарь	В Канцелярии таганрогского градоначальника.
554.	Кириак Константин	—	На военной службе.
555.	Иванский Август	—	
556.	Володкович Владислав	—	На военной службе.
557.	Барвинский Николай	—	Помощник столоначальника Канцелярии новоросс. генер.-губерн.
558.	Думшин Михаил	Прапорщ.	В пехоте.
559.	Палеолог Григорий	—	Умер.
560.	Страшинский Антон	—	
561.	Каратаев Егор	Губерн. секр.	По ведомству Донского войска.
562.	Сырб Михаил	Губерн. секретарь	Учитель Второго кишиневского уездного училища.
563.	Пащенко Константин	Губерн. секретарь	Столонач. попечит. Комитета об иностр. поселенцах Южной России.
564.	Нежинец Александр	Губерн. секретарь	Столоначальник попечителя Комитета об иностранных поселенцах Южной России.
565.	Родкевич Андрей	—	
566.	Толченев Петр	—	По Таможенному ведомству.
567.	Эрдели Сергей	—	По Провиантскому ведомству.
568.	Лазарев Петр	—	
569.	Поливанов Николай	Губерн. секретарь	В Канцелярии московского губернатора.
570.	Жилин Василий	—	В Канцелярии новороссийского генерал-губернатора.
571.	Колковский Станислав	—	
572.	Кобецкий Ромуальд	—	
573.	Де-Мезер Владислав	—	
574.	Слюсарев Иван	—	На военной службе.
575.	Чарномский Михаил	—	В Канцелярии новороссийского и бессарабского генерал-губернатора.
576.	Булгаков Александр	Губерн. секретарь	Служил комнатным надзирателем пансиона Екатер. гимназии. Умер.
577.	Аморетти Генрих	Губерн.секр.	По провиантскому ведомству.
578.	Красильников Алексей	Губерн. секретарь	По ведомству Черноморского флота, в Николаеве.
579.	Романенко Павел	—	
580.	Завальницкий Федор	Губерн. секр.	По Провиантскому ведомству.
581.	Лещинский Иван	Губерн. секр.	По гражданской части, в Кишиневе.
582.	Павловский Иосиф	Губерн. секретарь	Был учителем Евпаторийского уездного училища.
583.	Князь Кудашев Влад	—	На военной службе, по кавалерии.
584.	Олив Константин	—	На военной службе, по кавалерии.
585.	Баранович Иван	Прапорщ.	На военной службе, на Кавказе.

№	Фамилия и имя	Чин на службе	Род службы
586.	Козика Адольф	—	
587.	Рыжков Георгий	Губерн. секр.	Состоял в Рязанском ополчении.
588.	Деминитру Антон	Корнет	В Кирасирском полку.
589.	Поплавский Густав	—	
590.	Билан Александр	—	Умер.
591.	Андросов Константин	Подпоруч.	В Стрелковом батальоне.
592.	Сиротин Степан	—	
593.	Маркушевский Франц	—	
27-й ВЫПУСК 1854 г.			
594.	Луценко Николай	—	В Канцелярии новороссийского генерал-губернатора.
595.	Касаткин Виктор	—	Продолжал обучение в Московском университете.
596.	Кириченко Лукиан	Губерн. секретарь	В Канцелярии новороссийского и бессарабского генерал-губернатора.
597.	Кудрин Гавриил	Губерн. секретарь	В Канцелярии таганрогского градоначальника.
598.	Семенов Василий	—	Столоначальник Крымского соляного правления.
599.	Кохманский Роман	Губерн. секретарь	Столоначальник Кишиневской гражданской палаты.
600.	Кожухарев Семен	—	Умер.
601.	Бразоль Павел	—	
602.	Талевич Иосиф	—	В Канцелярии новороссийского генерал-губернатора.
603.	Дукантоний Антон	Губерн. секр.	По Гражданской части, в Кишиневе.
604.	Роман Альфонс	—	На военной службе.
605.	Геденштром Александр	Губерн. секретарь	Чиновник особых поручений Крымского соляного правления.
606.	Камболи Дмитрий	—	
607.	Крушеван Степан	Губерн. секретарь	Помощник столоначальника Канцелярии новороссийского и бессарабского генерал-губернатора.
608.	Стародубцев Петр	—	Помощник бухгалтера Канцелярии новороссийск. генерал-губернатора.
609.	Михновский Павел	Губерн. секретарь	Помощник столоначальника Канцелярии новорос. и бессараб. генерал-губернатора.
610.	Граф Стадницкий Викентий	—	Продолжил обучение в Московском университете.
611.	Милеант Георгий	Губерн. секретарь	Служил комнатным надзирателем Лицейского пансиона.
612.	Сырочинский Антон	—	Продолжал обучение в Киевском университете.
613.	Маркович Иван	—	
614.	Якубинский Павел	Губерн. секретарь	Учитель Елисаветградского уездного училища.
615.	Фома Владимир	—	По Провиантскому ведомству.

№	Фамилия и имя	Чин на службе	Род службы
616.	Ратко Василий	—	По Провиантскому ведомству.
617.	Бартасевич Константин	—	
618.	Любинский Иван	—	На военной службе.
619.	Педашенко Дмитрий	Губерн. секретарь	Столоначальник Херсонской палаты государственных имуществ.
620.	Богданович Иван	Подпоруч.	На военной службе.
621.	Швецов Александр	Корнет	На военной службе, по кавалерии.
622.	Стецкевич Казимир	—	
623.	Кристи Константин	Губерн. секретарь	В Бессарабской об.палате государственных имуществ.
624.	Длугоборский Фелиц.	—	
625.	Кизелло Август	—	
626.	Вольский Михаил	Губерн. секретарь	Чиновник Канцелярии московского губернатора.
627.	Долинский Орест	—	
628.	Лотошников Порфирий	—	Учителем в Новочерк. гимназии.
629.	Гофман Николай	Прапорщ.	На военной службе, по артиллерии.
630.	Паращук Михаил	Губерн. секр.	Служил по Провиантской части.
631.	Шаула Константин	—	В Херсонской казенной палате бухгалтером.
632.	Топольский Иосиф	Коллеж. секретарь	Чиновник особых поручений при воронежском губернаторе.
633.	Менх Федор	—	
634.	Барон Меллер-Закомельский Леонид	—	В Канцелярии новороссийского генерал-губернатора.
635.	Изнар Адольф	Корнет	В Гусарском полку.
636.	Золоторевский Петр	—	
637.	Воцинин Николай	Прапорщ.	На военной службе.
638.	Величковский Алексей	—	На военной службе.
28-й ВЫПУСК 1855 г.			
639.	Лентовский Николай	—	Секретарем при начальнике V округа Корпуса жандармов.
640.	Мессарош Иван	Губерн. секретарь	В Канцелярии таганрогского градоначальника.
641.	Лентовский Александр	—	На военной службе, по кавалерии.
642.	Лонгинов Афанасий	Губерн. секретарь	В Екатеринославской уголовной палате, столоначальником.
643.	Маляров Дмитрий	Губерн. секретарь	Письмов. и учитель в Главном училище садоводства, в Одессе.
644.	Деллавос Александр	Губерн. секретарь	Комнатный надзиратель лицейского пансиона.
645.	Бойчевский Илья	—	На военной службе.
646.	Герашеневский Иван	Губерн. секретарь	Учитель Аккерманского уездного училища.
647.	Иваногло Дмитрий	Губерн. секретарь	Переводчик. Попечитель Комитета об иностр. поселенцах Юж. России.
648.	Юнаков Иван	—	В Новороссийском военном поселении, по аудиторской части.

№	Фамилия и имя	Чин на службе	Род службы
649.	Якульский Иосиф	—	Умер.
650.	Павловский Илья	—	На военной службе.
651.	Ленкевич Болеслав	—	
652.	Крушеван Эпаминонд	—	Домашний наставник.
653.	Рожнятовский Рудольф	—	Продолжает обучение в Киевском университете.
654.	Абертасов Павел	—	
655.	Гартман Густав	—	Продолжал обучение в Киевском университете.
656.	Бар. Меллер-Закомельский Петр	—	
657.	Козлов Михаил	Коллеж. секретарь	Чиновник Министерства иностранных дел.
658.	Бескровный Федор	Губерн. секретарь	Был ком. надзирателем пансиона Кишиневской гимназии. Ныне в Канцелярии Санкт-Петербургского генерал-губернатора.
659.	Барон Розен Александр	—	
660.	Стратан Александр	—	
661.	Беренс Михаил	Губерн. секретарь	Переводчик Одесской портовой таможни.
662.	Вишневский Иван	—	
663.	Абертасов Константин	—	
664.	Роман Федор	—	На военной службе.
665.	Васильковский Степан	Корнет	Служил по кавалерии. В отставке.
666.	Качулков Михаил	Корнет	В Поселенной кавалерии.
667.	Букин Иван	Губерн. секретарь	По Провиантскому ведомству, контролером.
668.	Родкевич Валерий	—	По Коммерческой части.
669.	Розенберг Иосиф	—	
670.	Соколовский Петр	—	Домашний наставник.
671.	Пестржецкий Илларию	—	На военной службе.
672.	Мигурский Иосиф	—	Был письм. и учителем Главного училища садоводства, в Одессе.
673.	Барон Розен Фридрих	—	
674.	Граф Толстой Михаил	Губерн. секретарь	В Канцелярии новороссийского и бессарабского генерал-губернатора.
675.	Клименко Лев	Прапорщ.	В Замосцком полку.
676.	Черкавский Валентин		
677.	Завальницкий Франц	—	Домашний наставник.
678.	Норверт Иван	—	На военной службе.
679.	Лесовой Иван	—	
680.	Виноградский Александр	—	
681.	Ясенский Бронислав	—	
682.	Животовский Евгений	—	
683.	Форгунато Михаил	Корнет	На военной службе, по кавалерии.
684.	Андрузский Николай	Губерн.	В Канцелярии новороссийского и

№	Фамилия и имя	Чин на службе	Род службы
		секретарь	бессарабского генерал-губернатора.
685.	Бунчук Федор	Губерн. секретарь	В Херсонской палате государственных имуществ.
686.	Казимир Петр	Губерн. секретарь	В Канцелярии новороссийского и бессарабского генерал-губернатора.
687.	Киреевский Лев	—	
688.	Сержпутовский Михаил	—	
689.	Мавро Афанасий	Губерн. секретарь	Был комнатным надзирателем лицейского пансиона. Умер.
690.	Новицкий Иосиф	—	Домашний наставник.
29-й ВЫПУСК 1856 г.			
691.	Мамчилов Матвей	Губерн. секр.	Ст. учитель Херсонской гимназии.
692.	Лушинский Дмитрий	Губерн. секр.	По Гражданской части, в Кишиневе.
693.	Ващенко Константин	—	
694.	Ратко Дмитрий	—	
695.	Лахтионов Николай	—	Помощник столоначальника Канцелярии попечителя Одесского учебного округа.
696.	Гросман Александр	—	
697.	Чеховский Николай	—	Поступил в Санкт-Петерб. ун-т.
698.	Салацкий Викентий	—	В Военной академии.
699.	Морокин Александр	—	Помощник бухгалтера в Одесском приказе общественного призрения.
700.	Еранцев Иван	Губерн. секретарь	В Канцелярии новороссийского генерал-губернатора.
701.	Зотов Лев	—	
702.	Тимошенко Иван	Губерн. секретарь	Комнатный надзиратель лицейского пансиона.
703.	Кочу Федор	Губерн. секретарь	Столоначальник Кишиневской гражданской палаты.
704.	Крупенский Федор	—	По выборам дворянства в Бессарабии
705.	Беленко Иван	—	
706.	Писаревский Дмитрий	—	
707.	Бржостовский Иван	Губерн. секретарь	Младший учитель Второй одесской гимназии.
708.	Альбрант Владимир	Губерн. секретарь	В Канцелярии новороссийского и бессарабского генерал-губернатора.
709.	Цвет Иван	—	Младш. учитель Втор. Одесс. Гимн.
710.	Гудим-Левкович Федор	Губерн. секретарь	В Херсонской палате государственных имуществ.
711.	Чернявский Иосиф	—	Поступил в Моск. университет.
712.	Хрипунов Михаил	Губерн. секретарь	Был комнатным надзирателем лицейского пансиона.
713.	Славинский Митрофан	Губерн. секретарь	Чиновник особых поручений при таврическом губернаторе.
714.	Криштофович Констан.	Губерн. секретарь	В Канцелярии одесского градоначальника.
715.	Черняев Георгий	Губерн.	Протоколист Керченского коммер-

№	Фамилия и имя	Чин на службе	Род службы
		секретарь	ческого суда.
716.	Петров Пантелеймон	—	Учитель Феодос. уездного училища.
717.	Жирардот Лев	Губерн. секретарь	Комнатный надзиратель Лицейско-го пансиона.
718.	Шипов Николай	—	Домашний наставник.
719.	Лукин Егор	—	
720.	Князь Волконский Александр	Губерн. секретарь	В Канцелярии новороссийского генерал-губернатора.
721.	Бокариус Венедикт	—	
722.	Новотный Павел	—	Домашний наставник.
723.	Кумани Спиридон	Губерн. секретарь	В Канцелярии начальника Черноморского флота.
724.	Федоров Василий	Губерн. секретарь	В Одесском приказе общественного призрения.
725.	Кн. Гагарин Александр	—	

СТУДЕНТЫ РИШЕЛЬЕВСКОГО ЛИЦЕЯ, ЗАНИМАВШИЕСЯ ЛИТЕРАТУРНЫМИ ТРУДАМИ

Арабоглу Лука (1834 г.¹). Перевел с французского языка статью Сен-Бева «О Буало». Печатал свои труды в «Одесском вестнике» и литературных добавлениях к нему.

Бален-де-Баллю Иосиф (1828), напечатал составленную им «Граматику французского языка».

Богоев Иван, посещал классы Лицейской гимназии и лекции профессоров в качестве вольнослушателя, перевел на болгарский язык две географии, написал грамматику болгарского языка и был издателем болгарской газеты «Цареградский вестник» на протяжении двух лет.

Браславский Павел (1842), издал собрание своих стихотворений.

Бригер Герман (1846), издал собрание своих стихотворений и помещал статьи в «Одесском вестнике».

Бельй Николай (1850), издал две брошюры — «Сад в местечке Ковалевке» и «Sur un nouveau ver à soie et sur son importance future pour la Nouvelle Russie».

Ваникин Александр (1821), писал и печатал разные стихотворения.

Великанов Александр (1842), издал сочинение «О реформе философии, произведенной Сократом», печатал разные прозаические статьи в повременных изданиях, перевел с французского книгу под заглавием «Нравственные беседы».

Великанов Николай (1843), написал несколько статей для журнала Министерства народного просвещения и «Одесского вестника».

Вольский Михаил (1854), издал сочинение «О значении Новороссийского края в истории хлебной торговли».

Герев Найдан (1845), первый из болгар, закончивших курс наук в России, возвратился в Болгарию и вступил в должность учителя. Был виновником основания в Филиппополе болгарского училища Св. Кирилла и Мефодия, для обучения в нем, по возможности, учителей и священников для страны. Три года заведовал этим заведением, которое должен был потом оставить из-за войны. Его труды:

- 1) перевод на болгарский язык книжки «Начатки христианского учения» (издана в Одессе);
- 2) «Стоян и Рада», стихотворение, Одесса, 1845 г.;
- 3) «Извод от физики», часть первая, Белград, 1849 г.;
- 4) Болгарский словарь, издаваемый при известиях второго отделения Санкт-Петербургской императорской академии наук;
- 5) Русско-болгарский словарь, издаваемый ныне в Москве.

Де-Брюкс Александр (1847), показан в V статье среди помощников инспектора лицея.

Домбровский Франц (1844), писал и помещал разные статьи историко-статистического содержания о Крыме и татарах в «Новороссийском кален-

¹ Год окончания курса наук в лицее.

даре», «Одесском вестнике», «Записках Одесского общества сельского хозяйства Южной России», в журнале «Современник» и других периодических изданиях.

Думшин Георгий (1852), напечатал сочинение «О реках Скифии по Геродоту»; поместил в журнале «Библиотека для чтения» перевод статьи «О Гете». Переводил статьи с французского языка для фельетона «Одесского вестника».

Егунов Александр, написал статью «О древней русской торговле»; издал сочинение «О ценах на хлеб в России», помещал в разных повременных изданиях статьи политико-экономического содержания.

Залого Роман (1846), сообщал в «Москвитянин» сведения по естественным наукам.

Залеский Иван (1846), написал сочинение «Исследование всех свойств циклоиды и эпициклоиды в геометрическом и механическом отношении».

Зеленецкий Константин (1833), показан в V статье среди профессоров лицея.

Зибирев Александр, напечатал драму «Сцены из осады Севастополя».

Золотов Василий (1824), показан в V статье среди адъюнктов лицея.

Исаев Николай (1842), занимался изданием «Херсонских губернских ведомостей».

Карейша Демьян (1830), состоя на службе по Министерству императорского двора, занимался поиском древностей в Керчи, сообщал сведения о своих археологических открытиях в «Одесский вестник».

Каспский Николай, вышел из второго курса лицея и с 1848 года постоянно занимает учительскую должность в Калофере — месте своего рождения. Он перевел на болгарский язык русский пространный «Катехизис» и некоторые другие небольшие книжки.

Картамышев Александр, написал брошюру «О влиянии монгольского ига», участвовал в литературных добавлениях к «Одесскому вестнику».

Картамышев Константин, напечатал сочинения «Первоначальный учитель русского языка» и «Проба пера», писал статьи для фельетона «Одесского вестника».

Козлов Иван (1851), напечатал собрание своих стихотворений и издал сочинение по предмету математики.

Колбасин, поместил в «Современнике» статью «О Мартынове», печатал свои статьи в сборнике «Литературные вечера».

Корф Николай (1849), занимался редакцией «Харьковских губернских ведомостей».

Левтеропуло Василий (1832), показан в V статье среди профессоров лицея.

Лоран Николай (в 1836), печатал переводы в литературных добавлениях к «Одесскому вестнику» и был издателем «Кавказского календаря».

Лорович Венедикт, напечатал начальный курс итальянского языка.

Магденко Алексей (1830), писал и печатал разные стихотворения.

Маркевич Болеслав (1841), написал произведение драматического содержания, печатал в «Одесском вестнике» литературные статьи и переводил с французского.

- Минаков Иван* (1839), напечатал «Статистику европейских государств», написал сочинение по предмету географии для Русского императорского географического общества. Печатал свои труды в некоторых повременных изданиях.
- Мутьев Дмитрий* (1840), продолжая курс наук за границей, напечатал там диссертацию на степень доктора на латинском языке.
- Палаузов Николай* (1842), издал на болгарском языке «Жизнь Венелина», занимался переводом с русского на болгарский язык некоторых учебных руководств, помещал статьи в «Одесском вестнике».
- Палаузов Спиридон*, напечатал рассуждение на степень магистра «Век болгарского царя Сумеона»; поместил в журнале Министерства народного просвещения статью «Юго-восток Европы в XIV столетии», доставлял в повременные издания другие статьи исторического содержания.
- Пахман Семен* (1843), показан в V статье среди адъюнктов лица.
- Петровский Владимир* (1834), показан в V статье среди профессоров лица.
- Протопопов Николай* (1836), помещал статьи своего сочинения в «Одесском альманахе» (1839-1840) и «Одесском вестнике».
- Рафалович Артемий*, показан в V статье среди профессоров лица.
- Скаржинский Петр*, перевел с французского языка сочинение Вильмена «Ласкарис, или Греки XV столетия».
- Соколов Григорий*, показан в V статье среди инспекторов лица.
- Степанов Константин* (1824), показан в V статье среди адъюнктов лица.
- Танский Иван* (1841), сообщал в «Одесский вестник» сведения об обычаях и местностях Бессарабии, печатал статьи своего сочинения в «Северной пчеле» и «Одесском вестнике».
- Тритен Франц* (1837), состоял при Британском музее в Лондоне, где печатал свои статьи по предмету санскритского языка.
- Тройницкий Александр* (1826), показан в V статье среди адъюнктов лица.
- Тройницкий Николай* (1832), помещал свои прозаические и стихотворные сочинения в «Одесском вестнике» и литературных добавлениях к нему, а также в «Одесском альманахе».
- Фиренкранц Генрих* (1846), переводил с немецкого языка статьи для «Записок Императорского общества сельского хозяйства Южной России» и «Новороссийского календаря».
- Фумели Николай* (1849), издал два сборника под заглавием «Литературные вечера».
- Хрусталев Николай* (1828), перевел с итальянского книгу «О должностях человека» Сильвио Пелико, помещал в разное время свои оригинальные и переводные статьи в «Одесском вестнике» и других повременных изданиях.
- Хрусталев Петр* (1828), писал разные статьи по предмету сельского хозяйства и ботаники, печатал их в «Записках Императорского общества сельского хозяйства Южной России» и «Одесском вестнике».
- Шершеневич Иосиф* (1836), показан в V статье среди помощников инспектора лица.

НЕКОТОРЫЕ ИЗ ВОСПИТАННИКОВ ЛИЦЕЯ, ПОЛУЧИВШИЕ В НЕМ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Генерал-майоры

- Н. Рудзевич, * назначен атаманом Кавказского казачьего войска.
Н. Герсеванов, * помощник командира 14-й пехотной дивизии.
Гр. И. Ламберт, * свиты Его Императорского Величества.

Действительные статские советники

- Князь Г. Волконский, * занимал должность попечителя Одесского учебного округа.
Князь Д. Волконский, * в должности гофмейстера двора Его Императорского Величества.
Ф. Корнилов, правитель Канцелярией московского генерал-губернатора.

Полковники

- П. Констанда, * командир Конногвардейской батареи.
П. Скаржинский, гв. гусарского полка.
А. Казаринов, * корпуса путей сообщения.
И. Порохня, член Департамента военных поселений.

Статские советники

- Н. Штиглиц, чиновник при государственном канцлере.
Ф. Волянский, управляющий канцелярией Сов. имп. человек. общества.
Г. Соколов, * цензор Одесского цензурного комитета.

Подполковники

- А. Форрегер-фон-Грейфентурн, * V окр. корп. жандар.
Ф. Штиглиц, чиновник особых поручений новороссийского генерал-губернатора.
Н. Шиповский, чиновник особых поручений киевского генерал-губернатора.
И. Клиндер, чиновник особых поручений командира Кавказской линии.
Е. Герсеванов, служил в кавалерии.
Ф. Шершеневич, гус. Фридр. прусского полка.
М. Домбровский, гусарского полка.
Ан. Орлай, дежурный штатский офицер по упр. подв. магазин.

Коллежские советники

- Ф. Кирико, секретарь Константинопольской миссии.
Г. Лейбин, правитель Канцелярии таврического губернатора.
А. Картамышев, * комиссар Одесского карантина.

Надворные советники

- А. Майборода, смотритель Одесской городской больницы.
- Е. Бернард-де-Граве, комиссар Керченского карантина.
- Л. Арнольди, * в должности калужского вице-губернатора.
- Н. Градовский, * секретарь Канцелярии новороссийского генерал-губернатора.

Майоры и капитан-лейтенанты

- М. Лессар, адъютант командира 2 рез. Кавалерийского корпуса.
- Е. Михаловский, бывший одесский полицмейстер.
- К. Герандли, батальонный командир Якут. полка.
- Л. Добровольский, Черноморского флота.
- Е. Вассаль, * инженер путей сообщения.
- Н. Терпелевский, Уланского полка.
- И. Милашевич, по кавалерии.
- Л. Гринченко, чиновник поручений тифлисского губернатора.
- М. Петкович, депутат дворян. Александрийского уезда.
- В. Зеленецкий, батальонный командир.

Коллежские асессоры

- К. Скаржинский, чиновник Министерства иностранных дел.
- Н. Добровольский, * секретарь Министерства народного просвещения.
- И. Мойсеев, чиновник Канцелярии новороссийского генерал-губернатора.
- А. Муликовский, * чиновник особых поручений таврического губернатора.
- А. Егунов, * столоначальник Министерства внутренних дел.
- П. Голиков, * чиновник Государственного коммерческого банка.
- И. Ланг, столоначальник Канцелярии новороссийского генерал-губернатора.
- А. Келеповский, * интендант Канцелярии новороссийского генерал-губернатора.
- П. Черепанов, чиновник особых поручений шемахин. губернатора.
- М. Иваненко, * чиновник Канцелярии новороссийского генерал-губернатора.
- П. Папудоглу, смотритель Одесской городской больницы.
- Маркиз Ф. де Траверсе, надзиратель таможни.
- А. Шершеневич, * попечитель пограничных киргизов.
- Н. Голиков, бессарабский областной архитектор.
- Н. Петровский, батальонный лекарь.

Капитаны и ротмистры

- А. Казначеев, * инженер путей сообщения Кавказского округа.
- С. Добровольский, чиновник Новороссийского военного поселкового округа.
- Граф М. Дивьер.
- Э. Форрегер-фон-Грейфентурн, Конногвардейского полка.

- Д. Лещенко, гусар. полка.
 В. Мазараки, * гвар. Конной артиллерии.
 В. Винтер, * ник. Инженерного корпуса.
 Д. Гавриленко, Почетный попечитель Екатерининской гимназии.
 П. Живкович, гв. Егерского полка.
 М. Живкович, гусар. полка.
 Ф. Наркович, гусар. Ахтырского полка.
 Ю. Третеский, * полевой инженер Черноморской линии.
 Ф. Буцкий, полевой артиллерии.
 П. Казначеев, * полевой инженер в Севастополе.
 Е. Терпелевский, бригадный адъютант.
 И. Гжицкий, адъютант командира военного поселения.
 Кн. А. Кантакузин, уланского полка.
 Кн. А-й Кантакузин, гусарского полка.
 Красиков, улан. принца А. Гессенского полка.
 С. Добровольский, окружной командир военного поселения.
 Г. Нечай, адъютант командира легк. кав. дивизии.
 Поповский, уланского полка.
 А. Кобле, Конногвардейского полка.
 М. Анастопуло, бригадир адъютанта командира 5 легк. дивизии.
 Кн. П. Гагарин, адъютант командира резервного Гвардейского корпуса.
 Н. Леонтьев, окружной начальник поселений Новом. уланского полка.
 Ф. Нарышкин, гв. Кирасирского полка.
 А. фон-Гойер, чиновник поручений новороссийского генерал-губернатора.

Титулярные советники

- М. Иванов, столоначальник Канцелярии одесского градоначальника.
 П. Издебский, архивариус Канцелярии новороссийского генерал-губернатора.
 Р. Случановский, пакгауз. Таганрогской таможни.
 Н. Печенев, чиновник Комиссариата департамента.
 С. Леондари, комиссар Одесского карантина.
 И. Касилов, одесский уездный стряпчий.
 Я. Мурза, акциз. надзиратель Кишиневского уезда.
 С. Склифасовский, помощник капитана Одесского порта.
 И. Перекрестов, правитель Канцелярии одесского градоначальника.
 П. Дураццо, смотр. материал. Одесской портовой таможни.
 Г. Сатов, пакгаузный надзиратель Одесской сухопутной таможни.
 И. Сатов, * правитель Канцелярии одесского градоначальника.
 А. Взметнев, * переводчик Министерства иностранных дел.
 П. Рафаил, учитель Севастопольского уездного училища.
 Ф. Червинов, штатский смотритель Нахичев. уездного училища.

Поручики

Р. Малаховский, гв. Кирасирского полка.
 А. Ольховский, гв. Кирасирского полка.
 Кн. И. Кантакузин, конной артиллерии.
 Я. Рудзевич, гв. Егерского полка.
 Д. Кузнецов, Гусарского полка.
 В. Лутковский, Уланского полка.
 В. Деденев, Уланского полка.
 А. Леонтьев, Посел. кавалерии.
 П. Зорин, судья Одесского уезда.
 И. Кешко, предводитель дворян Кишиневского уезда.
 Ф. Кузнецов, Ахтырского гусарского полка.
 М. Крамарев, гвард. Гренадерского полка.
 Козинцев, адъютант начальника 18-й пехотной дивизии.
 Альбрант, Уланского полка.

Коллежские секретари

П. Апостолов, учитель 1-й Одесской гимназии.
 В. Лорович, учитель 2-й Одесской гимназии.

Прапорщики

С. Леонтьев, Конноегерского гвардейского полка.
 Я. Накрап, Отдельного кавказского корпуса.
 А. Деминитру, Кирасирского полка.
 П. Скоробогатый, по пехоте.
 К. Семякин, по пехоте.
 Р. Семякин, по пехоте.
 Кн. Н. Репнин, Кавалергардского полка.
 М. Кирьяков, лейб-гвардии Конного полка.
 Лачинов, по кавалерии.
 Булацель, Уланского полка.

Иностранцы

Гр. Э. Сен-При, пэр Франции.
 Гр. А. Сен-При.
 Гр. Я. Рошфор.
 Гр. Ф. Латур.
 Гр. А. Латур.
 Кн. И. Суццо.
 Кн. Д. Суццо.
 К. Папаригопуло, профессор в Афинах.

Граждане Одессы и других мест

- Я. Гари, датский консул.
Л. Рафалович, бельгийский вице-консул.
К. Гари, одесск. негоциант.
Н. Пеццер, одесск. негоциант.
С. Гульельмучи, одесск. нотариус.
С. Баржанский, одесск. маклер.
К. Мальман, живописец в Одессе.
И. Пашков, одесск. 2 гильдии купец.
П. Бирюков, одесск. 2 гильдии купец.
Л. Портнов, одесск. потомственный Почетный гражданин.
Е. Митяев, одесск. 2 гильдии купец.
И. Бондарев, одесск. 2 гильдии купец.
П. Симиренко, киевский потомственный Почетный гражданин.
И. Андросов, одесск. потомственный Почетный гражданин.
И. Кехрибарджи, одесск. маклер.
Левиди, одесск. 2 гильдии купец.
Н. Перозио, Санкт-Петербургск. 1 гильдии купец.
И. Андрич, одесск. 2 гильдии купец.
К. Склири, одесск. 2 гильдии купец.
Л. Склири, одесск. 2 гильдии купец.
К. Соколов, заседатель Херсонского словесного суда.
Н. Новиков, одесск. 2 гильдии купец.
П. Ростовцев, одесск. 2 гильдии купец.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ¹

- Августин Бл. – 96
 Адам – 36
 Александр I – 165, 186
 Анаксагор – 64, 66
 Аристотель – 45, 55, 63, 67-69, 76, 86, 95
 Баадер Ф. К. фон – 101
 Бакон (Бекон) Ф. – 88, 95
 Беме Я. – 99, 102
 Беркелей (Беркли) Д. – 86-88
 Бонапарт Н. – 164
 Вольф Х. – 88, 101
 Гегель Г.В.Ф. – 7-8, 79, 83, 85, 88, 93, 101-104, 244
 Гейне Г. – 85
 Гераклит – 63-66, 68
 Гердер – 81
 Гесиод – 73, 97
 Гете Й. Ф. – 80-81, 85
 Голицын А.Н. – 183
 Гомер – 62, 73, 97
 Гумбольдт В. Фон – 85
 Де Ришелье, герцог – 160-184
 Декарт – 75, 86, 88
 Демокрит – 62, 64, 66, 68
 Екатерина II – 163
 Зенон Цитгийский/Стоический (Китийский) – 68, 71
 Зенон Элейский – 65
 Иисус Христос – 46, 96
 Кант И. – 47, 52, 62, 80-82, 84, 86-89, 93, 100-102, 238
 Климент Александрийский – 95
 Кондильяк Э. Б. де – 88
 Ксенофан – 65, 88, 95, 99-100
 Ксенофонт – 73
 Левкипп – 64, 66
 Лейбниц Г.В.Ф. – 86, 88, 95
 Локк Д. – 88
 Мальбранш Н. – 95-96
 Михневич И. Г. – 5-30, 193, 199, 214, 230, 235
 Николай I – 105, 182, 190
 Ориген – 95
 Орфей – 73
 Павел I – 164
 Парменид – 73, 89, 95
 Паскаль Б. – 95
 Пирогов Н. И. – 5, 18, 21-26, 28-30, 200, 250
 Пифагор – 56, 68, 71
 Платон – 9, 31, 63-65, 72-73, 76, 86, 100, 171, 190
 Плотин – 101
 Порфирий – 73
 Прокл – 73
 Протагор – 62
 Рейнгольд К.Л. – 84
 Сократ – 9, 40, 51, 56, 62, 67, 69, 70-74
 Спиноза Б. – 86, 88-89, 95, 97, 99
 Суворов А. В. – 163, 171
 Фалес – 51, 64-65, 74
 Фенелон Ф. – 96
 Филон – 66, 95, 98
 Фихте И. Г. – 7-8, 17, 46-47, 49, 52, 80, 82-86, 93, 100-104, 244
 Цицерон М. Т. – 51, 65, 218
 Шеллинг Ф. – 7, 16-19, 41, 46-47, 78-104, 244
 Шиллер Ф. – 80, 85
 Шлегель Ф. – 85
 Эмпедокл – 64
 Эпикур – 66, 68, 70
 Эшенмайер Х. А. – 41-44, 102
 Юм Д. – 86-88
 Якоби Ф. Г. – 82-84, 88, 101
 Ямвлих – 73

¹ Транскрипции имен в трудах И. Г. Михневича иногда существенно отличаются от принятой в наши дни. В именном указателе современные варианты написания имен приводятся рядом в скобках.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Анорганология – 39
 Антропология – 11, 39, 153
 - у Канта – 93
 Благо – 78, 163
 Бог (идея) – 9, 18, 20, 31, 39, 48-49, 73
 - источник мудрости – 10, 32, 37, 40
 - у Канта – 46, 62, 87
 - у Ксенофана – 65
 - у Платона – 63, 73
 - у Фихте – 46-47
 - у Шеллинга – 82, 87, 97
 - у Эпикура – 62, 66
 Богатство – 41, 127
 Бытие – 17, 37, 74, 159
 - метафизическое – 54-55
 - предлежащее – 53
 - у Спинозы – 100
 - философии – 32
 Вера (в т.ч. религиозная) – 9, 46, 48-49, 75, 177
 - у Канта – 47
 - у Фихте – 46
 Вещи – 38, 52, 65, 89, 113, 124
 - у Берклея – 86
 - у Шеллинга – 82, 90, 93
 - у Юма – 86
 Воля – 44, 56, 74, 131
 Время – 88, 91
 Гений – 57, 73, 82, 101, 166
 Грех (грехопадение) – 70
 Движение – 44, 111, 132
 Деизм – 101
 Деятельность – 108, 114, 117, 120, 161
 Добро (добродетель) – 31, 41-43
 Долг – 31, 35, 40, 43, 78, 136
 Достоверность – 13, 46, 48, 86, 125
 Дуализм – 17, 47, 87
 Дух – 8, 17, 32, 34, 40, 48
 - у ионийцев – 63
 - у Канта – 89
 - у Шеллинга – 16, 80, 88
 Душа – 8, 18, 47, 67, 78, 99, 107-109
 - у Шеллинга – 88
 Живопись – 43
 Жизнь (человеческая) – 10, 33, 46, 69, 71, 78, 89, 91, 121, 128, 133, 148
 Закон(ы) – 93, 106, 115, 120, 123
 - мышления – 124
 Зло (злоба) – 67, 166, 176, 256
 Знание – 10, 29, 32, 37, 42, 45, 73, 77, 81, 88, 92
 - и вера – 74
 Идеал (идеальное) – 38, 42, 46, 48, 53, 55, 70, 75, 84, 86, 88
 Идеальность – 38, 43
 Идеология – 11, 14, 21, 39, 54, 57
 Истина – 9, 14, 26, 31, 35, 41-43
 История философии – 6
 Ифика – 39
 Космология – 11, 14, 39, 55, 58, 219
 Красота – 42-43
 Личность – 102, 123
 Логика – 6, 14, 22, 38-39, 43, 55, 107
 - ее законы – 11
 Ложь (обман) – 146
 Любовь – 43, 46, 61, 71, 162, 180, 242, 255
 Материя (материализм) – 66, 87, 91, 110, 146
 Метафизика – 10, 14, 38, 54, 57, 80, 89
 Мимика – 43
 Мистицизм – 45, 46, 75, 99
 Мудрость – 10, 31, 40, 50, 53, 56, 59, 61, 71, 77, 105
 Музыка – 43, 183
 Мысль – 91, 100, 107, 109, 113, 134
 - Божья – 37, 66
 - доказываемая – 157

- Мышление – 11, 13, 38, 46, 149, 151
 Наука – 39, 42, 50-59
 - о сознании – 61
 Необходимость – 62, 66, 74, 79, 87, 91
 Нравственность – 43, 61, 71-73, 101, 105, 161, 183
 - у Канта – 87
 - у Эшенмайера – 102
 Опыт – 6, 67, 78, 84, 105
 Ощущение – 109, 112-115
 Пантеизм – 41, 88, 90
 Пластика – 43
 Пневматология – 14, 39, 55, 58, 93
 Познание – 33, 39, 52, 55, 64, 73, 82, 103
 Поэзия – 36, 43, 95
 Право – 50, 145, 208
 Психология – 6, 22, 38, 55
 - ее предмет – 57
 Разум – 42, 72, 75, 90, 89, 103, 108, 116, 131, 135
 - Божий – 73, 77
 - у Фихте – 46
 - у Эшенмайера – 44, 47, 49
 Рассудок – 42, 48, 62, 72, 75, 109
 Рационализм – 46
 Религия – 45, 48, 73
 - у Канта – 47
 - у Фихте – 46
 - у Шеллинга – 46
 - у Эшенмайера – 47, 49
 Рефлекс – 116
 Рефлексия – 94
 Риторика – 43, 201
 Самосознание – 10, 20, 36
 Свобода – 8, 58, 68, 90
 Сила – 58, 60, 64, 68, 89
 Совесть – 48, 57, 78
 Созерцание – 45, 70, 73, 94
 Соматология – 14, 55, 58
 Сознание – 7, 10, 17, 35, 37, 42, 59
 Спиритуализм – 75
 Супранатурализм – 45
 Творчество – 63, 94
 Трансцендентное – 49
 Ум (см. Разум, Знание)
 Феология (теология) – 39
 Физика – 51, 100, 201, 205
 Философия – 9-10, 31-38, 207, 209
 - ее задачи – 7
 - ее значение – 51
 - ее содержание – 58, 76
 - истории – 39
 - как наука – 59
 - наука о сознании – 61
 Чувства – 10, 39, 40, 54, 111, 114, 119
 Эгоизм – 17, 20, 88
 Эманатизм – 75
 Энергия – 89
 Эстетика – 6, 39-40, 55-57
 - законы – 39
 - чувство – 56
 Этика – 11, 14, 43, 54, 56
 - ее составные – 57

ОГЛАВЛЕНИЕ

Философия И. Михневича как философия божественного откровения	5
Идея философии	16
О достоинстве философии, ее действительном бытии, содержании и частях	34
<i>I. Достоинство и важность философии</i>	34
II. Действительное бытие философии, как науки, доказываемое:	
а) Со стороны ее предмета.....	35
б) Со стороны способа познания	35
в) Со стороны способности познавать	36
г) Со стороны возможности философии иметь свою систему.....	38
<i>III. Содержание философии</i>	39
<i>IV. Определение и части философии</i>	42
Задача философии	45
Об успехах греческих философов в теоретическом и практическом отношениях	56
<i>I. Как далеко простирались познания греческих философов</i>	69
<i>II. Какое влияние имели эти познания на нравственность, религию и философию?</i>	80
«Опыт простого изложения системы Шеллинга, рассматриваемой в связи с системами других германских философов» (речь, прочитанная профессором Иосифом Михневичем на торжественном собрании Ришельевского лицея, по случаю окончания 1849/50 академического года)	77
Опыт постепенного развития главных действий мышления, как руководство для первоначального преподавания логики	110
<i>Предисловие</i>	110
<i>Введение</i>	111
<i>Часть первая. Состав и образование мыслей</i>	112
<i>Отделение первое. Приемы мыслительной деятельности</i>	121
<i>Отделение второе. Основные законы мышления</i>	127
<i>Отделение третье. Разнообразные видоизменения мыслей</i>	133
а) Понятия	133
б) Суждения	141
в) Выводы.....	150
<i>Часть вторая. Образ соединения мыслей</i>	160
<i>Отделение первое. Способы соединения мыслей</i>	161

<i>Отделение второе. Формы мыслей, приведенные в одно целое..</i>	175
<i>Отделение третье. Условия форм, соединяющих мысли в одно целое</i>	166
Биография герцога де-Ришелье.....	173
Сорокалетие Ришельевского лицея с 1817 по 1857 год	199
<i>I. Способы содержания лицея.....</i>	201
<i>II. Помещение лицея</i>	203
<i>III. Управление лицея</i>	212
<i>IV. Учебная часть лицея</i>	220
<i>V. Начальники и учащие в лицее</i>	233
<i>VI. Учащиеся в лицее.....</i>	255
<i>VII. Учебные пособия лицея</i>	270
<i>VIII. Посещения и ревизии лицея.....</i>	278
Приложение.....	283
<i>Речь, произнесенная преосвященным Иннокентием, архиепископом Херсонским и Таврическим, при заложении новых зданий для Ришельевского лицея, 17 апреля 1852 года</i>	283
<i>Список студентов Ришельевского лицея, окончивших курс, с показанием избранного ими рода службы</i>	286
<i>Студенты Ришельевского лицея, занимавшиеся литературными трудами</i>	312
<i>Некоторые из воспитанников лицея, получившие в нем первоначальное образование.....</i>	315
Именной указатель	300
Предметный указатель	321
Оглавление	323

Научное издание

Серия «Антология украинской мысли»
Основана в 2007 г.

Михневич Иосиф Григорьевич

Сочинения

Технический редактор Е. В. Буданова
Художественный редактор Т.В. Однорог
Компьютерная верстка Т.В. Однорог
Корректор Ю. Н. Пушина

Подписано в печать 01.02.2014. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Печать ризографическая.
Усл. печ. лист. 17,32. Тираж 50 экз. Заказ № 939.

Издательство Национального педагогического университета им. М. Драгоманова
Издательство Мелитопольского государственного педагогического университета
имени Богдана Хмельницкого

Адрес: 72312, г. Мелитополь, ул. Ленина, 20

Тел.: (0619) 44-04-64

Свидетельство о внесении субъекта издательского дела в Государственный реестр
издателей, производителей и распространителей издательской продукции
от 16.05.2012 г. Серия ДК №4324

Напечатано ФЛП Однорог Т.В.
72313, г. Мелитополь, ул. Героев Сталинграда, 3а

Тел.: (067) 61-20-700

Свидетельство о внесении субъекта издательского дела в Государственный реестр
издателей, производителей и распространителей издательской продукции
от 29.01.2013 г. Серия ДК №4477

Антология украинской мысли

Серия, предложенная читателю, включает в себя философские сочинения украинских мыслителей. За время существования самостоятельного украинского государства в обществе еще только пробуждается интерес к отечественной философии, и серия «Антология украинской мысли» будет способствовать его укреплению.

В рамках серии планируется издать наиболее интересные и оригинальные сочинения выдающихся представителей украинской философской мысли, начиная со времени ее становления и завершая современностью. Особое внимание будет, несомненно, уделяться последним трем столетиям.

Планируется издать труды представителей романтизма и Просвещения, а именно— Я. Козельского, П. Лодия, Й. Шада и др.

Несомненно, будут издаваться наиболее значимые сочинения профессоров Киевской религиозной школы, таких как П. Авсенов, С. Гогоцкий, И. Михневич, В. Карпов, П. Кудрявцев, Ор. Новицкий, И. Скворцов и др.

Кроме того, в рамках серии выйдут сочинения представителей университетской философии конца XIX — начала XX вв., соответственно, В. Зеньковского, А. Козлова, Г. Челпанова и др.

**Серия «Антология украинской мысли»
предлагает:**

В серии вышли:

П.П. Кудрявцев. Абсолютизм или релятивизм?

П.И. Линицкий. Основные вопросы философии.

Об умозрении и отношении умозрительного
познания к опыту.

Н.Я. Грот. Сочинения.

Готовятся к изданию:

И.М. Скворцов. Сочинения.

С.С. Гогоцкий. Философский лексикон.

О.М. Новицкий. Сочинения.